

АВТОМ СНІКЕР

ДЕАЛЬЦЫ

АВТОМОБИЛЬНИЙ КОРОЛЬ

ЭПТОН СИНКЛЕР

ДЕЛЬЦЫ
АВТОМОБИЛЬНЫЙ
КОРОЛЬ

ДЕЛЬЦЫ

1

— Мне не терпится познакомиться с этой Люси Дюпрэ, — сказал Реджи Манн.

— Кто вам о ней говорил? — спросил Аллан Монтегю.

— Олли рассказывает о ней всем и каждому. Звучит нечто поистине удивительное, но боюсь — он преувеличивает.

— Похоже, все склонны преувеличивать, когда речь заходит о Люси, заметил Монтегю.

— Не скрою, она меня интересует, — ответил Реджи.

Аллан Монтегю посмотрел на него и улыбнулся.

Реджи не проявил заметного интереса к этому разговору. Он зашел, чтобы сопровождать Алису в церковь, был одет с иголочки и надушен; в петлице у него красовалась великолепная красная орхидея. Монтегю, откинувшись в кожаном кресле, наблюдал за ним и улыбался при мысли, что Реджи смотрит на Люси, как на редкий цветок, которым он мог бы привлечь к себе внимание на Авеню.

— Она высокая или небольшого роста? — спросил Реджи.

— Примерно вашего, — ответил Монтегю (Реджи был невысок).

В этот момент вошла Алиса в новом весеннем костюме. Реджи вскочил и поклонился со свойственной ему экспансивностью.

— Вы ее тоже знаете? — спросил он Алису.

— Кого? Люси? Еще бы, мы учились в одной школе.

— Плантация судьи Дюпрэ находилась рядом с нашей. Мы вместе выросли, добавил Монтегю.

— Не было дня, чтобы мы с ней не виделись. Но, знаете, в семнадцать лет она вышла замуж за человека намного старше.

— С тех пор мы больше ее не встречали, — добавил Монтегю. — Она жила в Новом Орлеане.

— Так ей сейчас всего двадцать два года! — воскликнул Реджи. Опытность вдовы и прелесть инженерю! — И всплеснул руками, выражая полный восторг. — Она богата?

— В достаточной мере для Нового Орлеана, а вот для Нью-Йорка, — не знаю.

— Деньги всегда найдутся, — задумчиво проговорил Реджи.

Он увел Алису в церковь, оставив Монтегю во власти воспоминаний о Люси Дюпрэ.

Монтегю влюблялся в Люси раз шесть; началось это, когда она была еще сущим младенцем, и продолжалось с перерывами вплоть до ее свадьбы. У Люси была красота креолки, черные, как смоль, волосы и прекрасный цвет лица. Аллана всюду преследовал ее облик: чистые и подвижные черты лица, на котором

печаль и улыбка исчезали и появлялись, как легкие облака на апрельском небе.

Люси была миниатюрным созданием, но энергия так и била в ней ключом. Она сразу же наполнила жизнью осиротевший дом, и все вокруг поддались ее очарованию. Аллан вспомнил, как однажды, войдя в этот дом, он застал угрюмого, почтенного главного судью штата, ползающим на четвереньках с Люси на спине.

Все говорили, что рождена она стать актрисой. Когда Люси было не более четырех лет, она, лежа в постели, вместо того, чтобы спать, сочиняла страшные истории; доводя себя до слез. Как-то она добралась до сундуков, в которых хранились старые наряды ее матери, оставшиеся с тех времен, когда та еще блистала в обществе. С тех пор Люси увлеклась живыми картинами, спектаклями и поражала всех, выступая то в роли восточной принцессы, то царицы ночи.

Мать Люси умерла, когда она была еще совсем маленькой, и росла девочка лишь в обществе своего отца. Судья Дюпрэ был одним из самых богатых людей в округе и ничего не жалел для дочери. Но люди предсказывали, что Люси будет страдать без женской ласки, и пророчество это трагически сбылось. Она встретила человека, который был значительно старше ее, но окружен романтическим ореолом. Чудо любви открылось ей и захватило, как никакое из чувств, испытанных раньше.

Однажды Люси исчезла, и с тех пор Монтегю ее не видел. Он знал, что она переехала в Новый Орлеан, и до него дошли слухи, что ее муж оказался мотом и негодяем. Не прошло и года после замужества Люси, как

Монтегю узнал, что ее супруг погиб в автомобильной катастрофе.

Он больше ничего не слышал о семье Дюпрэ до того момента, когда ему стало известно о смерти судьи. А примерно с неделю назад брат Аллана, Оливер Монтегю, получил от Люси письмо, в котором она сообщала, что едет в Нью-Йорк, и может быть, останется в нем навсегда, просила встретиться ее на вокзале и снять номер в каком-нибудь отеле.

Монтегю задавал себе вопрос, как выглядит она теперь. Изменили ли Люси пять лет страданий и жизненного опыта, сохранила ли она свою восторженность, не иссякла ли ее жизнерадостность. Ему трудно было представить себе Люси серьезной. Аллан опасался, что она теперь уже совсем не та, какой ему сохранила память. Сможет ли она восстановить над ним свою прежнюю власть очарования, если учесть его теперешний опыт?

Его размышления прервал Оливер: он пришел спросить Монтегю, не хочет ли брат встретиться Люси.

— Эти поезда с юга всегда запаздывают, — сказал он. — Я велел слуге отправиться на вокзал и позвонить мне.

— Ты взял на себя заботу о ней, ты ее и встречай! — ответил Монтегю. Скажи ей, что я приду вечером.

И вот вечером, когда он явился в роскошный отель, в котором когда-то жил сам по рекомендации Оливера, перед ним предстала Люси.

Она нисколечко не изменилась. Он сразу заметил это: та же жизнерадостность, та же живость и та же

красота, сводившая мужчин с ума. На лице ни тени озабоченности — она была подобна чудесному распутившемуся цветку. Люси встала и протянула к нему руки.

— Аллан! — воскликнула она. — Аллан! Как я рада вас видеть! — И, взяв его руки в свои, стояла и не сводила с него взгляда. — Боже, какой вы стали большой и какой серьезный! Разве он не великолепен, Олли?

Оливер молча наблюдал эту сцену. Он сухо улыбнулся.

— На мой взгляд, степенности в нем больше, чем следует, этого у него хоть отбавляй, — проговорил он.

— Боже! Как прекрасно, что я вижу вас опять. Сядем и поговорим обо всем не спеша. Сразу столько всего вспоминается, и о многом хочется спросить. Сколько воспоминаний нахлынуло на меня! Целой ночи не хватит расспросить вас.

Люси носила траур по отцу, но она ухитрилась сделать так, что костюм служил рамкой, подчеркивающей ее красоту. Она казалась рубином, пламенеющим на фоне черного бархата.

— Ну, рассказывайте, как вы тут жили? Какие произошли события? Как поживает ваша мама?

— По-прежнему. Она ждет вас к себе завтра утром, — ответил Аллан.

— Приду. Это будет моим первым выходом. А няня Люси! Как она?

— Хорошо, — ответил он. — Она тоже с нетерпением ждет вас.

— Скажите ей, что я приду. Мне хочется увидеть няню Люси больше, чем Бруклинский мост!

Она подвела Аллана к креслу, села напротив и не сводила с него глаз.

— Когда я смотрю на вас, снова чувствую себя маленькой девочкой.

— А вы считаете, что уже вошли в года? — рассмеявшись, спросил Аллан.

— О, я чувствую себя старухой, — с внезапным страхом проговорила Люси. — Вы себе просто не представляете, Аллан... но я не хочу, чтобы кто-либо узнал об этом! — И вдруг она весело воскликнула. — А помните качели в саду? Помните маленький пруд, в котором жил крокодил? А хурму? А старого Джо?

Аллан Монтегю всего этого не забыл. В течение получаса он вспоминал увлекательные прогулки, которые он, Оливер и Люси совершали с тех пор, как Люси научилась ходить. Потом Аллан сообщил ей последние новости обо всех соседях и обо всех слугах, которых она помнила. Он рассказал ей также о смерти своего отца, о том, как сгорел их дом и они, продав плантацию, переселились на север.

— Ну, а сейчас, как вы поживаете, Аллан?

— Я стал адвокатом. Состояния не нашёл, но на оплату счетов мне хватает. В этом городе иные и этого не могут.

— Еще бы, — заметила Люси, — при таком количестве магазинов на Пятой авеню! Не сомневаюсь, что в первую же неделю растрачу все свои деньги. А еще этот отель — просто страшно подумать!

— Оливер назвал вам стоимость номера? — смеясь, спросил Аллан.

— У меня просто дух захватило. Не знаю, как мне удастся выйти из такого положения.

— Эти дела улаживайте с ним, — сказал Монтегю. — Он взялся вас опекать и не хочет, чтобы я вмешивался.

— Но мне нужен ваш совет. Вы деловой человек, а Олли как был, так и остался мальчишкой.

— Олли многому научился в Нью-Йорке, — заметил Аллан и, помолчав, продолжал: — Впрочем, я могу вкратце высказать вам свой взгляд на эти вещи. Когда я приехал в Нью-Йорк, Оливер привел меня в этот отель и убедил, что мне надлежит жить здесь, если я желаю попасть в высшее общество. Какое-то время я следовал его указаниям, но потом решил, что все это мне не по душе. Так что сейчас мы живем чуть подалее от Пятой авеню, но зато это обходится нам раз в десять дешевле. Ну, а теперь слушайте меня или Оливера, в зависимости от того, хотите вы попасть в высшее общество или нет.

Люси нахмурила брови и задумалась.

— Я приехала в Нью-Йорк не для того, чтобы похоронить себя в пансионе. Я хочу вернуться в свет, общаться с людьми.

— Ну, что ж. У Олли много знакомых, он введет вас в их круг. Понравятся ли они вам — я не знаю. Но то, что вы понравитесь — в этом сомнения нет.

— Благодарствую, сэр, — засмеялась Люси, — вы искренни, как всегда!

— Я не хочу заранее отравлять вам удовольствие. Вы и сами во всем разберетесь. Но мне хотелось бы предупредить вас об одном — не будьте слишком простодушны. Здесь нельзя так доверяться людям, как вы делали это дома.

— Благодарствую. Олли уже прочел мне лекцию на эту тему. Вот уж не думала, что здесь, в Нью-Йорке, все так непросто. Я сказала ему только, что вдовы обычно умеют за себя постоять.

— Мне самому пришлось здесь нелегко, пока я не приспособился, улыбнулся Монтегю. — Так что вы должны извинить меня за дурные предзнаменования.

— Я говорил уже Люси об этом, — сухо вставил Оливер.

— Он поведал мне об очаровательном романе, — сказала Люси, лукаво подмигнув Оливеру. — Теперь я буду стараться обязательно увидеть ослепительную миссис Уинни.

— Вы можете встретить ее завтра вечером, — заметил Оливер, — ведь вы приглашены на ужин к миссис Билли Олден.

— Я читала о ней в газетах, но никак не предполагала познакомиться с ней. Как удалось Оливеру попасть в самые высокие светские круги?

Оливер попытался это объяснить. Монтегю сидел и с улыбкой слушал, как брат подробно рассказывал о своих светских успехах. Он не скрывал планов взять на себя попечение о Люси и ввести ее в круг своих знакомых из высшего общества.

— Но ведь для всего этого потребуется уйма денег! — возражала Люси. — А я вовсе не желаю идти замуж за одного из этих ужасных миллионеров.

Она резко повернулась к Аллану.

— У вас есть контора в городе? Разрешите мне зайти к вам завтра? Повидаться и попросить вас стать моим советником в делах. Старый мистер Холмс умер. Он долгое время вел папины финансовые дела и знал все, что касается моих. Но он никогда не считал, что стоит объяснять их мне. Так что теперь я не очень-то знаю, что у меня есть и что я должна или чего мне не следует предпринимать.

— Сделаю все возможное, чтобы вам помочь, — ответил Аллан.

— Но вы должны быть со мной очень суровы, — продолжала Люси, — и не позволять мне транжирить деньги или совершать много ошибок. Так обычно поступал со мной покойный Холмс, а после его смерти я положительно не доверяю сама себе.

— Если я возьму на себя роль вашего советника, — смеясь, ответил Аллан, — боюсь, как бы это вскоре не привело меня к стычке с братом.

Монтегю не слишком доверял своей способности играть такую роль. Наблюдая за Люси, он почувствовал, что над ее головой собираются тучи. Он прекрасно понимал, что по нью-йоркским масштабам благосостояния Люси далеко не богата, и предчувствовал, какие соблазны сулит ей город. Ее уже начали манить витрины магазинов, автомобили, театры и отели — все те чудеса, которые станут для нее

ловушками. Она явилась сюда полная благородных порывов и ужасно изголодалась по жизни.

Монтегю и сам уже прошел через все это и теперь совершенно ясно видел, что ему следует попытаться руководить Люси, чтобы спасти ее от неизбежных ошибок. Так между ними завязались странные отношения. С самого начала Люси сделала его своим поверенным и рассказала о своих опасениях. На всякий случай она никогда не следовала его советам: мило улыбаясь, говорила, что вовсе не желает видеть в нем спасителя от всяких бед: ей нужно только его сочувствие. И Монтегю подчинялся. Он снова и снова повторял себе, что Люси ведет себя непростительно легкомысленно, а сам только и делал, что все прощал ей.

На следующее утро Люси навестила мать Оливера и свою няню, которую тоже звали Люси (она получила это имя в память о своей бабушке). После обеда она отправилась с Алисой за покупками, заявив, что не может нигде появиться, прежде чем не обретет "респектабельный" вид. А вечером Монтегю зашел за ней, чтобы проводить в особняк миссис Билли Олден на Пятую авеню.

Дорогой он занимал ее рассказами об ужасной миссис Олден и ее злом языке, о вечных раздорах этой леди с ее родственниками Уоллингсами.

— Не удивляйтесь, если она отведет вас в уголок и начнет обо всем расспрашивать. Миссис Олден — особа привилегированная, и для нее условностей не существует.

Монтегю уже привык к великолепию дома Олденов, но на Люси особняк, напоминавший чуть ли не дворец Дожей из черного мрамора, и слуги в ливреях, расшитых

пурпуром и золотом, произвели сногшибательное впечатление. Затем появилась сама миссис Олден в пышном туалете с темно-красной вышивкой и несколькими нитками жемчужного ожерелья. Она была почти на голову выше Люси и остановилась на некотором расстоянии от нее, чтобы лучше рассмотреть гостью.

— Я пыталась пригласить для вас сегодня миссис Уинни, — обратилась она к Монтегю, указывая ему место за столом по правую руку от себя, — но она не сможет прийти, так что вам придется удовлетвориться моим обществом.

— И много еще там, на Миссисипи, таких красавиц? — спросила она, когда они расселись. — Если много, не понимаю, зачем вы приехали сюда?

— Она вам нравится? — спросил Монтегю.

— Она хорошо смотрится, — заметила миссис Билли. — А как насчет ума? Просто не верится, что она вдова. Как бы то ни было, она нуждается в том, чтобы кто-нибудь о ней заботился.

— Я бы доверил это вам, — ответил Монтегю. — Я рассказывал ей о вас.

— Что именно? — спросила она тихо. — Что я много выигрываю в карты, или пью виски за ужином? — Заметив, что Монтегю вспыхнул, она рассмеялась. — Я знаю, что это правда. Я не раз замечала, что вы так думаете. — Она протянула руку к графину, который слуга только что поставил перед ней, и налила вино в свой бокал.

Монтегю стал рассказывать о Люси, и в то же время он наблюдал за ней; она сидела в центре стола и беседовала со Стенли Райдером. Монтегю случалось раза

два играть с ним в бридж у миссис Уинни, и он подумал, что Люси вряд ли могла встретить другого человека, кто бы лучше воплощал в себе соблазны большого города. Райдер был президентом Готтамского треста, который помещался в великолепном доме с мраморным фасадом на Пятой авеню. Ему было лет под пятьдесят. Высокого роста, приятной внешности, с седоватыми усами и манерами дипломата, он был не просто банкир, но человек большой культуры. В юности он много путешествовал и побывал во всех странах мира. Увлекался Райдер и литературой, как любитель, конечно; и если и существовали книги, в которые он не заглядывал, то, наверное, лишь те, о которых не упоминают в обществе. Он мог беседовать на любую тему, и хозяйка, заполучившая его на званый обед, как правило, рассчитывала на успех.

— Стенли" сейчас очень занят и мало бывает в обществе, — сказала миссис Олден, — но я успела-рассказать ему о вашей приятельнице.

Временами разговор за столом становился общим, но Монтегю замечал, что руководил им всегда Райдер. Стрелы его остроумия так и летали от него через стол и обратно, и те, кто пытался отвечать, часто попадали впросак. Райдер умел ошеломить своих собеседников. Он принадлежал к тому типу людей, встречающихся в обществе, кто воспринимает радикальные идеи ради того, чтобы привлечь к себе общее внимание. Ему, человеку, пользующемуся блистательным успехом в определенной общественной среде, доставляло особое удовольствие развенчивать ее идеалы и условности, показывая тем самым, как мало ценит он этот успех. Это развлекало всех, кто сидел за столом, но Монтегю думал, улыбаясь, как мало Райдер похож на директора крупного,

процветающего банка, каким обычно его себе рисуют. Когда гости перешли в гостиную, в довершение к такому несоответствию Райдер сел за рояль и исполнил фрагмент из какой-то русской сюиты.

Потом Монтегю видел, как Райдер и Люси Дюпрэ вышли в зимний сад. Оба они оказались лишними за карточными столами, и это их извиняло. Тем не менее все время, пока Монтегю сидел против миссис Олден и давал ей себя обыгрывать, он испытывал некоторое беспокойство.

Когда партия в бридж закончилась и можно было выйти из-за игорного стола, он застал Люси, сидящей у фонтана. Стоя подле нее, Райдер что-то рассказывал. Ее глаза устремлены были куда-то вдаль.

— Сегодня вы познакомились с интересным человеком, — сказал Монтегю, когда они сели в коляску.

— Это самый необыкновенный человек из всех, кого я когда-либо встречала, — с живостью ответила Люси. — Пожалуйста, расскажите мне о нем. Вы хорошо знакомы?

— Слышал кое-что, но сталкивался только на деловой почве.

— Правда, что он так богат?

— У него несколько миллионов, и я полагаю, что он пустил их в дело. Говорят, Райдер очень смелый биржевой делец.

— Делец! — воскликнула Люси. — А я думала, директор банка!

— Если вы поживете в Нью-Йорке подольше, то поймете, что в этом сочетании нет ничего несовместимого.

Люси замолчала, несколько пораженная этим замечанием.

— Мне говорили, — улыбаясь, добавил Монтегю, — что даже жена Райдера не держит свои деньги в Готтамском тресте.

Монтегю не предполагал, что его замечание произведет такой эффект. Люси вздрогнула.

— Его жена! — воскликнула она.

— Ну, да, — сказал Монтегю, — вы не знали, что он женат?

— Нет, не знала, — упавшим голосом проговорила Люси.

Наступило долгое молчание. Наконец, она спросила:

— Почему же его жену не пригласили на обед?

— Они редко показываются вместе.

— Разъехались?

— Существует новая и модная форма развода: супруги живут на разных половинах большого дома и встречаются только в особых случаях.

— Какая она, его жена? — спросила Люси.

— Я ничего о ней не знаю.

Они снова умолкли. Наконец, Монтегю сказал:

— Это не причина жалеть его, понимаете?

Люси дотронулась до его руки.

— Вы правы, Аллан, — сказала она, — не беспокойтесь. Я не склонна повторять свои ошибки.

И Монтегю понял, что разговор исчерпан.

2

Люси пожелала заехать к Аллану в контору и поговорить с ним о делах. Но он не хотел ее затруднять и на следующее утро явился к ней сам. Она показала ему все свои бумаги: завещание отца, опись имущества, счета мистера Холмса, купчую на ее собственность в Новом Орлеане. Как Монтегю и предполагал, дела Люси оказались в запущенном состоянии, и ему многое пришлось выяснять и задавать много вопросов. Были тут закладные на дома и именья; некоторые владения Люси, в свою очередь, оказались заложены, чего она не способна была объяснить. Он нашел здесь акции разных компаний, о которых имел слабое представление. Наконец, что всего важнее, был пакет на пять тысяч акций Северной миссисипской железной дороги.

— Об этих акциях, я полагаю, вы знаете? — спросила Люси. — Вы еще не продали свой пакет?

— Нет. Отец хотел, чтобы я не отказывался от них раньше, чем это сделают другие.

— Но я могу продать мои акции, верно?

— Я посоветовал бы вам сделать это, но боюсь, найти покупателя будет нелегко.

Монтегю, можно сказать, с детства сроднился с этой железной дорогой. Насколько он помнил, такого времени, чтобы о ней говорили в обоих семействах, просто не было. Эта дорога проходила по их штату от Аткина до Опала, и ее протяженность равнялась примерно пятидесяти милям. Она соединяла Опал с одной из важных железнодорожных магистралей штата. Судья Дюпрэ приобрел акции дороги в расчете на

дальнейшее развитие этой части страны. Он твердо верил в ее будущее.

Строительство Северной миссисипской железной дороги осуществлялось в ту пору, когда по всей округе господствовало сильное недоверие к Уолл-стриту, и Дюпрэ собрал около двух миллионов долларов среди друзей и соседей, добавил свои полмиллиона, и они заключили джентльменский договор, по которому новая дорога не будет зависеть от богачей с Севера и ее акции никогда не станут котироваться на бирже. Первым президентом общества Северной миссисипской дороги стал дядя Люси, а нынешним — старый друг обоих семейств.

Но если местный патриотизм помог еще собрать капиталы, то обеспечить грузооборот дороге он был не в состоянии. Города, о которых мечтал судья Дюпрэ, не возникали, и маленькая дорога не шла в ногу с прогрессом. За последнее десятилетие доход от ее эксплуатации снижался так, что Монтегю уже несколько лет не получал проценты на те пятьдесят тысяч, долларов, на которые он приобрел акции дороги, оплатив их по нарицательной стоимости.

Говоря обо всем этом с Люси, Монтегю вспомнил проект относительно продолжения линии от Аткина до заводов Миссисипской стальной компании, чтобы дать им выход прямо на запад. Об этом проекте речь шла лет десять двенадцать назад. Миссисипская стальная компания владела одним из крупнейших в штате рельсопрокатных заводов, и мысль получить хотя бы малую часть ее огромных грузов непрестанно терзала умы директоров Северной миссисипской дороги.

Они зашли с этой идеей так далеко, что произвели геологические изыскания и рассчитали стоимость новой ветки дороги. Монтегю знал об этом, потому что ему довелось вместе с братом Люси, находившимся теперь в Калифорнии, во время каникул охотиться неподалеку от лагеря геологической партии. Проект предусматривал, что дорога пройдет по Талулским болотам, и тут вскрылись его просчеты. Предлагалось с десятков разных трасс, и Монтегю припомнил, как однажды вечером, сидя у лагерного костра, он разговорился с одним из геологов, который пожаловался на ошибку в изысканиях. По его мнению, партию возглавлял некомпетентный человек, упорно отклонявший все лучшие трассы в пользу худших.

Монтегю передал весь разговор отцу, но теперь уже не помнил, придал ли тот этому должное внимание. Он знал только, что, когда проект развития дороги был представлен на собрании акционеров, стоимость работ показалась им такой большой, что было невозможно собрать требуемых денег. Предложение обратиться к Миссисипской стальной компании собрание отклонило, поскольку она находилась в руках людей с Уолл-стрита, и ни судья Дюпрэ, ни генерал Монтегю в то время еще не понимали, в каком безнадежном положении находится их маленькая железная дорога.

Поведав Люси о всех перипетиях этого предприятия, Монтегю объяснил ей, почему они все же не должны расставаться с этими акциями: если бы дорогу продлили или же общество добилось успеха как-то иначе, можно было бы вступить с компанией в соглашение, или, что еще лучше, продать все акции сразу. Монтегю пообещал взять это дело в свои руки и посмотреть, что тут можно предпринять.

Когда Аллан приехал в деловую часть города, его первая мысль была о Джиме Хигане. "Загляните ко мне", — пригласил его Хиган, но Монтегю так ни разу и не воспользовался этим приглашением. Для человека, подобного Хигану, Северная миссисипская дорога была, конечно, сущей безделицей, но кто знает, что нового он мог подсказать? Монтегю слышал, что этот крупный финансист продал все свои паи, вложенные в два-три предприятия, где сосредоточивались его основные вклады.

Монтегю сразу пошел в контору Хигана, помещавшуюся в здании одной из самых крупных страховых компаний в Нью-Йорке! Он прошел коридорами, отделанными мрамором, к бронзовой решетке с массивными украшениями, за которой находился рослый страж в парадной ливрее. Монтегю не считался низкорослым, но перед этой мощной фигурой почувствовал себя мелковатым.

— Мистер Хиган у себя? — спросил он.

— Вам назначено?

— Не совсем так, — сказал Монтегю, вынимая визитную карточку, — будьте столь любезны, передайте мистеру Хигану.

— Вы с ним лично знакомы? — спросил привратник.

— Да, — ответил Монтегю.

Он не заметил, чтобы великан подал какой-либо знак, но в ту же минуту из-за дверей за решеткой появился расторопный молодой секретарь.

— Не будете ли вы столь любезны изложить мне, по какому делу вы желаете видеть мистера Хигана? — спросил он.

— Я желаю видеть мистера Хигана по личному делу, — резковато сказал Монтегю. — Если вы вручите ему мою карточку, этого будет достаточно.

Он передал свою визитную карточку в руки секретарю, который долго ее изучал. Тем временем Монтегю размышлял, достаточно ли моден его новый весенний плащ, чтобы, в глазах секретаря, он мог сойти за друга великого человека. Наконец, секретарь исчез вместе с карточкой и через полминуты вернулся, приветливо улыбаясь. Он провел Монтегю в огромный кабинет с креслами, обитыми кожей, и такими широкими, что в каждом могли усесться несколько человек, но слишком просторными и неудобными для одного. Тут висела на стене карта Америки, на которой железные дороги, принадлежащие Джиму Хигану, протянулись красными лентами. На стенах висели также головы бизонов и северных оленей, убитых собственноручно Хиганом.

Монтегю пришлось подождать одну-две минуты, затем его провели через ряд комнат, и, наконец, он вступил в святая святых миллионера. Эта комната отличалась подобранной с особой тщательностью мебелью. Джим Хиган сидел за письменным столом из красного дерева, на котором не лежал даже листок бумаги.

Он поднялся навстречу Монтегю во весь свой могучий рост.

— Как поживаете, мистер Монтегю? — спросил Хиган, пожимая ему руку. Затем уселся в кресло,

откинулся на спинку и, подняв брови, уставился на посетителя.

В последний раз, когда Монтегю виделся с Хиганом, они толковали о лошадях, о днях, некогда проведенных в Техасе, но Аллан был достаточно проницателен, чтобы понять — здесь посторонние темы неуместны.

— Я пришел по делу, мистер Хиган, — сказал он, — и буду краток, насколько возможно.

— Предпочитаю краткость, — улыбнулся в ответ Хиган.

— Я хотел спросить, не интересуетесь ли вы делами Северной миссисипской железной дороги?

— Северная миссисипская дорога? — спросил Хиган, подумав. — Никогда о такой не слышал.

— Вы не единственный, я полагаю, — ответил Монтегю и принялся рассказывать историю этой дороги. — У меня самого есть ее пятьсот акций, но они в нашей семье уже давно и пусть остаются у нас и дальше. Здесь речь идет не обо мне, а об одной клиентке, которая имеет пакет из пяти тысяч. Я прихватил с собой отчеты дороги за несколько лет и другие сведения относительно ее положения. Я подумал, может быть, вам стоит приобрести эту дорогу и продолжить ее до заводов Миссисипской стальной компании.

— Миссисипская стальная компания! — воскликнул Хиган.

Он явно слышал об этом проекте.

— Когда, по вашим словам, изучался этот план? — спросил Хиган, и Монтегю рассказал ему историю о

геологических изысканиях, а также о том, что сам слышал.

— Звучит интересно, — сказал Хиган, приподняв брови и явно погружившись в глубокое раздумье. — Я подумаю над этим делом. Мои личные планы едва ли приведут меня когда-либо к этой дороге, но вполне возможно, что я сумею кого-нибудь ею заинтересовать. Как вы думаете, сколько ваша клиентка захочет получить за свои пять тысяч акций?

— Она всецело полагается в данном вопросе на меня. Впрочем, я узнал это от нее только сегодня утром, и мне предстоит вникнуть в дела общества. Я посоветовал бы ей принять предложение продать акции, скажем, за семьдесят пять процентов их номинальной стоимости.

— Мы еще поговорим об этом, если я найду подходящего человека, — сказал Хиган, и Монтегю, обменявшись с ним рукопожатием, вышел.

Вечером, по дороге домой, он зашел к Люси рассказать ей о результате своего делового свидания.

— Он скоро даст нам знать о себе, — заверил ее Аллан, — мне кажется, Хиган не из тех, кто долго раздумывает.

— Я помолюсь за него, — сказала Люси, смеясь. Затем она добавила: — Я полагаю, мы увидимся в пятницу вечером у мистера Харви?

— До субботы я не смогу вырваться. Я страшно занят все эти дни, у меня слушание дела, но постараюсь найти время, чтобы заглянуть к Харви. Похоже, у меня с ним полное взаимопонимание.

— Говорят, он увлекается лошадьми, — заметила Люси.

— У него собственная великолепная конюшня.

— Как мило со стороны Олли, что он познакомил меня с ним! Я приобщаюсь, что называется, к самым сливкам общества. Как, по-вашему, что я завтра собираюсь делать?

— Не имею понятия.

— Меня пригласили посмотреть картинную галерею мистера Уотермана.

— Дана Уотермана! — воскликнул Аллан. — Как же это вы сподобились?

— Меня пригласил брат миссис Олден. Он с ним знаком и устроил мне приглашение. Не хотите пойти со мной?

— Весь завтрашний день я занят в суде, но мне хотелось бы увидеть эту коллекцию. Насколько я понимаю, это прекрасно. Старик собирал ее всю жизнь, и она обошлась ему в целое состояние — не менее пяти или шести миллионов долларов.

— Но чего ради он прячет ее в студии где-то за Гудзоном? — воскликнула Люси.

Монтегю пожал плечами.

— Это его прихоть. Ведь он собирал коллекцию для собственного удовольствия.

— Поскольку он позволил мне посмотреть картины, я не жалуясь. В этом городе можно увидеть так много, что мне, наверное, не хватит и года.

— Вы устанете раньше, чем увидите половину того, что заслуживает внимания. Так происходит со всеми.

— А вы знакомы с мистером Уотерманом?

— Я никогда у него не был, но раза два видел.

И Монтегю рассказал, как он встретил в фешенебельном клубе этого креса с Уолл-стрита, окруженного свитой из "маленьких миллионеров".

— Надеюсь, я его не увижу, — сказала Люси, — а то еще перепугаюсь до смерти.

— Говорят, он может быть обаятельным, если хочет, — возразил Монтегю. Дамы от него без ума.

В субботу после обеда Монтегю отправился к Харви, жившему на Лонг-Айленде. Он встретился с братом на пароме.

— Аллан, — сразу сказал тот, — ты знаешь, что Люси поехала к Харви со Стенли Райдером?

— Нет, конечно, — удивился Монтегю. — Разве Райдер здесь?

— Он добился от Харви приглашения. И я уверен, что только ради возможности встретиться с Люси. Они поехали на его машине.

Монтегю был поражен.

— Она мне ни словом не обмолвилась об этом, — сказал он.

— Чего доброго, этот молодец уже увивается за Люси!

Монтегю умолк, погруженный в мрачные мысли.

— Не думаю, что от этого будет толк. Люси слишком много знает о нем.

— Она никогда не встречала людей, подобных Стенли Райдеру! — заметил Оливер. — Он всю жизнь охотился за женщинами; ей не легко будет устоять.

— Что ты знаешь о нем? — спросил Аллан.

— Спроси, чего я о нем не знаю! — воскликнул Оливер. — Ну, например, что у него была связь с Бетти Уайман.

— О, господи!

— Да, — сказал Оливер, — и она все об этом рассказала. Он умеет ловко очаровывать женщин: понабрался из книг новых идей, разглагольствует о своей тоске, и каждая женщина, с которой он встречается, оказывается "родственной душой". К тому же он человек свободомыслящий, рассуждает о свободе и правах женщин. Он так подтасовывает все понятия о морали, что, его послушать, так благороднейшее назначение женщины — быть любовницей женатого мужчины.

Монтегю не мог сдержать улыбки.

— Олли, насколько я знаю, ты и сам не прочь время от времени подтасовывать понятия о морали.

— Да, это правда, но ведь тут речь идет не обо мне, а о Люси! И кто-нибудь должен поговорить с ней о Стенли Райдере.

— Что ж, я поговорю, — ответил Монтегю.

Когда Аллан явился к обеду, он застал Люси в уютной библиотеке хозяина. Она была полна

впечатлений от прекрасных картин галереи Дана Уотермана.

— Аллан! — воскликнула она. — Представьте себе, я его видела.

— Неужели?

— Он был там все утро и оставался неизменно мил со мной!

— И не показался таким ужасным, как вы ожидали?

— Он был просто очарователен, — сказала Люси. — Показал мне всю свою коллекцию, объяснил сюжет некоторых картин, а также рассказал, как они ему достались. Я никогда не слышала столько интересного и поучительного.

— Он может быть интересным человеком, если захочет, — заметил Монтегю.

— Он восхитителен! — сказала Люси. — Когда видишь эту тощую фигуру и высохшее ястребиное лицо, обрамленное седыми волосами, думаешь, что он уже впал в детство. Но стоит ему заговорить — и я не удивляюсь, что все ему повинуются.

— Ему повинуются! Это точно! — сказал Монтегю. — На всем Уолл-стрите нет человека, который продержится сутки, если Дан Уотерман начнет его преследовать.

— Как это ему удастся? — спросила Люси. — Разве он так невероятно богат?

— Дело не в его богатстве, а в том, насколько велико его влияние. Он хозяин банков, и на Уолл-стрите никто и шага не может ступить без его ведома. Он может подорвать кредит любого человека, сделать его банкротом, если захочет. И способен так резко изменить

биржевую конъюнктуру, что сломит кого угодно. А какую власть он имеет в Вашингтоне! Этот человек пользуется казначейством так, как будто это один из его банков!

— Как страшно! И этому старику уже за восемьдесят! Как бы то ни было, я рада, что познакомилась с ним.

Она умолкла, увидев в дверях Стенли Райдера. Он явно искал ее, чтобы повести к столу, и всякий раз, когда Монтегю украдкой смотрел на Люси, он видел, что Райдер завладел ее вниманием.

После обеда все перешли в музыкальный салон. Райдер сыграл два ноктюрна Шопена. Сидя за роялем, он не сводил глаз с Люси.

Аллан расслышал, как Бетти Уайман шепнула своему соседу:

— Манера Райдера любезничать, сидя за роялем, просто неприлична.

Монтегю уклонился от нескольких приглашений составить партию в бридж и весь вечер намеренно просидел с Люси. Когда раздосадованный Райдер ушел курить, он сказал:

— Люси, вы должны меня выслушать.

— Я буду рада выслушать вас, Аллан, — попыталась она улыбнуться.

— Вы должны прислушаться к моим словам, — возразил Монтегю. — Вы совершенно не представляете себе, с каким человеком имеете дело и что о нем думают.

Она молча сидела и нервно покусывала губы, пока Монтегю не рассказал ей все, что мог, о той репутации, какой пользовался Райдер.

— Но он такой интересный человек! — Это было все, что она смогла ответить.

— Здесь много интересных людей, — отпарировал Аллан, — но вы никогда не встретите их, если станете предметом сплетен.

Люси всплеснула руками.

— Аллан! — воскликнула она. — Я так старалась убедить его не появляться тут. Вы правы. Я последую вашему совету и порву с ним. Вот увидите! Он сам виноват, что приехал, и пусть ищет себе другую собеседницу.

— Хорошо бы вы ему так и сказали, Люси, — заметил Монтегю. — Даже если он рассердится. Тогда Стенли поймет вас раз и навсегда.

— И скажу! — заявила она.

Монтегю полагал, что Люси тут же выполнит свое обещание, поскольку весь остаток вечера Райдер развлекал всех присутствующих. Когда в полночь Аллан случайно заглянул в библиотеку, он увидел президента Готтамского треста среди возбужденно спорящих гостей. Речь шла о разводах. До его слуха долетели слова Стенли Райдера:

— Супружество — грех, который церковь не отпускает!

3

Несколько дней спустя Монтегю поджидал приятеля, которого пригласил отобедать в своем отеле. Аллан сидел в холле с газетой, когда заметил пожилого господина с отличным цветом лица и седой козлиной бородкой, который шел по коридору. Минуту-другую спустя, подняв голову, он перехватил взгляд этого господина. Внезапно на лице у того отразилось удивление. Он подошел к Аллану и спросил:

— Простите, вы случайно не Аллан Монтегю?

— Он самый, — ответил Аллан, глядя на незнакомца с недоумением.

— Вы меня не узнаете?

— Должен признаться, нет.

— Я полковник Коул.

Монтегю еще в большем недоумении нахмурил брови.

— Полковник Коул? — переспросил он.

— Вы были слишком молоды, чтобы запомнить меня. Я не раз бывал в вашем доме. Я служил в бригаде вашего отца.

— В самом деле! — воскликнул Монтегю. — Извините меня, пожалуйста!

— Ничего, ничего! — сказал полковник, садясь рядом с Алланом. — Право, это удивительно, что я вас узнал. А как поживает ваш брат? Он в Нью-Йорке?

— Да; — ответил Монтегю.

— А ваша мать? Надеюсь, она жива?

— О, да! И живет в этом отеле.

— Как я рад! Мне уже казалось, что я не знаю никого в Нью-Йорке.

— Вы проездом?

— С Запада, — ответил полковник. — Удивительное стечение обстоятельств, — продолжил он, помолчав. — Именно сегодня я думал о вашем отце. Мне предложили продать акции Северной миссисипской железной дороги, имеющиеся у меня.

Монтегю вздрогнул.

— Неужели?

— Да. Ваш отец убедил меня приобрести небольшой пакет еще в те давние времена. С тех пор они у меня, и я даже забыл о них.

Монтегю улыбнулся.

— Когда вы избавитесь от них, дайте мне знать, пожалуйста, кто их купил. Насколько мне известно, кое-кто тоже хотел бы их продать.

— Не сомневаюсь, — сказал полковник, — но вряд ли они сейчас в цене. Не помню, чтобы эти акции когда-либо приносили мне доход.

Последовала пауза.

— Любопытное совпадение, — сказал Монтегю, — я тоже думал об этой железной дороге. Моя приятельница, миссис Тэйлор, недавно приехала из Нового Орлеана. Она урожденная Люси Дюпрэ.

Полковник мучительно старался вспомнить:

— Дюпрэ? — переспросил он.

— Дочь судьи Дюпрэ. Его брат, Джон Дюпрэ, был первым президентом этой дороги.

— О, да! — воскликнул полковник. — Конечно, конечно! Теперь я припоминаю судью. Ваш отец говорил мне, что он приобрел большой пакет этих акций.

— Да, он был большим энтузиастом этой затеи.

— А кто же тот другой джентльмен? — напрягал свою память полковник. Он еще так часто бывал у судьи...

— Вы имеете в виду мистера Ли Гордона? — спросил Монтегю.

— Да, кажется, его так звали.

— Это был кузен моего отца. Он вложил столько денег в эту дорогу, что его семья и поныне нуждается.

— Какая неудачная затея! Хорошо бы за это дело взялся кто-нибудь из крупных воротил и постарался его спасти.

— И я так считаю. И уже предложил это такому человеку.

— В самом деле? Уж не от него ли исходит предложение, полученное мной? Кто это?

— Джим Хиган.

— Ого! — воскликнул полковник. — Скорее всего Хиган действует через посредника. Можно, я дам вам свою визитную карточку? — продолжал он. — Не исключено, что я тоже сумею заинтересовать кого-нибудь этим делом. У меня есть друзья, которые

верят в будущность Юга. Как, по-вашему, сколько акций могли бы вы мне передать и сколько они стоят?

Монтегю достал карандаш и бумагу и стал припоминать местожительство известных ему держателей акций Северной миссисипской дороги. Он и его новый знакомый увлеклись этой темой и обсуждали ее с разных точек зрения. К моменту, когда друг Монтегю явился, полковник Коул получил все нужные сведения и пообещал написать Аллану в ближайшие дни.

После обеда Монтегю спустился к матери.

— Сегодня вечером я встретил старого друга отца, — сказал он.

— Кого именно?

— Полковника Коула.

Миссис Монтегю посмотрела на него удивленно.

— Полковник Коул, — повторила она.

— Да, так он назвался. Вот его визитная карточка. — Он вынул ее и прочел: — "Генри У.Коул. Сиэтл — Вашингтон".

— Но я никогда о нем не слыхала, — сказала миссис Монтегю.

— Никогда не слыхала? — воскликнул Аллан. — Но он не раз бывал у нас в доме, знал отца, дядю Ли, судью Дюпрэ — всех.

Но миссис Монтегю только покачала головой.

— Возможно, он и бывал у нас, — сказала она, — но я уверена, что с ним не знакома.

Монтегю подумал, что все это странно, но не придавал бы этому значения, если бы не происшествие, случившееся на следующее утро.

Он приехал в свою контору довольно рано из-за необходимости закончить важное дело. В конторе еще не было никого, но он застал там уборщицу, которая уже собиралась уходить.

Монтегю и не подозревал о существовании уборщицы и был удивлен, когда она с ним заговорила.

— Извините, сэр, мне нужно вам кое-что сказать.

— Что именно?

— Кто-то собирает о вас сведения.

— Что вы хотите этим сказать? — спросил он в недоумении.

— Прошу прощения, сэр, но здесь рано утром был какой-то господин, который предложил мне деньги за то, чтобы я передала ему содержимое вашей корзины для бумаг.

У Монтегю перехватило дыхание.

— Содержимое моей корзины, — пробормотал он.

— Да, сэр. Это нынче часто делается, нам такие дела известны. А мы бедные женщины, и нам мало платят. Но вы, сэр, хороший джентльмен, и я ему сказала, что не желаю иметь с ним никаких дел.

— Как выглядел этот человек? — спросил Монтегю.

— Черноволосый, похож на еврея. Может, он еще придет.

Монтегю вынул кошелек и дал женщине ассигнацию; рассыпаясь в благодарностях, она ушла со своим ведром и веником.

Монтегю закрыл дверь, сел за письменный стол и задумался. Неожиданно он стукнул себя кулаком по колену и воскликнул: "Ведь я рассказал ему все, что знаю! Все! Ему даже почти не пришлось спрашивать!" Затем чувство гнева у него уступило удивлению. Что собственно хотел он узнать? И кто его подослал? Что все это могло означать?

Он восстановил в памяти свой разговор со старым джентльменом из Сиэтла, стараясь точно вспомнить все, что говорил ему, и взвесить, как тот мог использовать полученные сведения. Но он не мог сосредоточиться — его мысли все время возвращались к Джиму Хигану.

Это можно было объяснить только так: Джим Хиган подослал к нему сыщиков! Кроме него, никто ничего не знал о Северной миссисипской железной дороге и не интересовался ею.

Джим Хиган! А ведь Монтегю познакомился с ним на вечере у миссис де Графенрид! Он посетил его как джентльмен джентльмена, жал его руку и говорил с ним свободно и откровенно! И после этого Хиган подослал сыщика, чтобы узнать его тайны, и даже пытался завладеть содержимым его корзины!

Единственное, что Аллан смог придумать в такой затруднительной ситуации, это сесть и написать записку майору Винеблу, своему приятелю по фешенебельному клубу, извещая его, что приедет обедать и приглашает разделить с ним компанию. Два-три часа спустя, дав майору время побриться, выпить свой кофе и прочесть

утреннюю газету, он вызвал посыльного и отправил его с запиской.

Майор ответил незамедлительно. Он не занят и весь к услугам Монтегю. Но у него отвратительное настроение, разыгралась подагра, и он предупреждает Монтегю, что врачи запретили ему есть грибы и мясо.

Монтегю всегда полагал, что не может быть другого такого лица со столь ярким румянцем, как у майора Винейбла, и с каждым разом, когда они встречались, Аллану казалось, что этот румянец становится еще ярче и заливает лицо майора все шире. Майор ворчал, брюзжал и чертыхался, с трудом переводя дыхание, а метрдотель и все официанты сновали по ресторану клуба так, что приятно было смотреть.

Монтегю подождал, пока старому джентльмену подали его обычный сухой "Мартини" и он разрешил проблему, как удовлетворить и свой аппетит и предписания врача. Только после этого Аллан рассказал ему о своем необычайном открытии.

— Я уверен, что вы единственный, кто сможет все это объяснить, — сказал Монтегю.

— Что же тут объяснять? — спросил майор. — Просто Джим Хиган заинтересовался вашей железной дорогой.

— Но ведь он подослал ко мне сыщика!

— Подумаешь, — сказал майор. — Это делается сплошь и рядом. Есть с полдюжины крупных сыскных агентств, которые только этим и занимаются. Вам еще повезло, если он не подслушивает ваш телефон и не читает ваши телеграммы и письма раньше вас.

Монтегю с ужасом взглянул на него.

— Такой человек, как Хиган, — воскликнул он, — и так поступать с другом!

— Друг? — сказал майор. — Пф! В бизнесе друзей не существует! И к тому же Джим Хиган, возможно, всего этого и не знает. Он дал поручение своему служащему, приказав навести о вас справки, и думать забыл про это дело, пока не увидит отчета на своем письменном столе. Но кто-то из его людей ведет себя опрометчиво — вот и все.

— Но зачем ему знать о моих семейных делах?

— Затем, что ему важно, каково положение ваших дел и на какую сумму вам необходимо продать акций. Когда он начнет вести с вами дело, возможно, он предложит вам пятьдесят процентов их стоимости. Вам еще повезет, если он не учтет несколько ваших векселей в банке.

Майор наблюдал за Монтегю, посмеиваясь над его наивностью.

— Где, сказали вы, находится эта железная дорога? В штате Миссисипи?

— Да.

— И все же я удивляюсь: это совсем не похоже на Джима Хигана. Не верится, что кто-либо сумел заинтересовать его южными железными дорогами. Вероятно, он упомянул об этом кому-нибудь еще. Что, собственно, представляет собой эта ваша дорога?

— Есть проект продлить ее до больших заводов Миссисипской стальной компании, что обойдется в один или два миллиона.

Тут майор встрепенулся.

— Миссисипская стальная компания! — воскликнул он.

— Да, — подтвердил Монтегю.

— Боже мой!

— В чем дело?

— Какого черта вы обратились с таким делом к Джиму Хигану?

— Потому что я знаком с ним.

— Но это еще не резон. В делах надо обращаться по адресу, а не к кому придется, даже если это ваши знакомые. Если бы Джим Хиган мог, он стер бы Миссисипскую стальную компанию с карты Соединенных Штатов.

— Что вы хотите этим сказать?

— Разве вы не знаете, что эта компания — главный конкурент Стального треста. А старый Дан Уотерман — его организатор и заправила.

— Но при чем здесь Хиган?

— При том, что он всегда действует заодно с Уотерманом!

Монтегю был ошарашен.

— Понимаю.

— Ясно-понятно, — сказал майор. — Милый вы мой, почему вы не пришли ко мне раньше, чем приниматься за подобные дела? Вам следовало обратиться в Миссисипскую стальную компанию, к ее заправилам. Можно предположить, что вы уяснили суть дела, но не

заострили на этом внимания. Что вы там рассказывали о геологических изысканиях?

Монтегю подробно изложил историю провалившегося плана продолжения дороги и обо всем, что узнал во время разговора на охоте.

— Ясно-понятно. Теперь мы добрались до самой сути. Это Стальной трест сорвал ваши планы.

— Что? Что?

— Они подкупили геологов, производивших изыскания, и, возможно, с тех пор контролируют работу вашей дороги и стараются подорвать ее реконструкцию.

— Но это невозможно! Они не имеют к ней никакого отношения.

— Да, — сказал майор, — почему признаете?

— Я знаком с ее президентом. Это старый друг нашей семьи.

— Хорошо, — последовал ответ. — Ну, а если предположить, что у них была его закладная?

— Но тогда почему бы им не купить всю дорогу, и дело с концом? спросил с недоумением Монтегю.

Его собеседник рассмеялся.

— Мне вспомнилось знаменитое изречение Уаймана: "Зачем мне покупать акции, когда я могу купить директоров". Именно эти люди и шпионят теперь за вами. Возможно, они заметили, что вы проявили желание сдвинуть дело с мертвой точки, и пытаются этому помешать.

— Кто управляет Миссисипской стальной компанией? — спросил Монтегю.

— Не знаю, — ответил майор, — но подозреваю, что ко всему этому как-то причастен Уайман. Вы не обратили внимания на сообщение во вчерашних газетах, что контракты по поставке рельсов для своих трех трансконтинентальных железных дорог он заключил с Миссисипской стальной компанией?

— Конечно, обратил! — воскликнул Монтегю.

— Вот видите! — сказал майор, и его смех прозвучал как кудахтанье. — Вы попали в самую лужу, и одному богу известно, какие от этого пошли круги. Представьте себе создавшуюся ситуацию. Стальной трест дает доход на все двести процентов. При существующем тарифе он может продавать свою продукцию в стране в полтора раза дороже, чем за границей, и при всем этом ему приходится сокращать процент, выплачиваемый акционерам. Стоимость его упала на десять процентов ниже номинальной. Он во всем экономит и в результате выпускает негодную продукцию. И тут является Уайман единственный человек на Уолл-стрите, кто осмелился угрожать старому Дану Уотерману и сообщать газетам все факты о недоброкачественных рельсах, послуживших причиной крушения на дорогах, и заключает контракты уже не с трестом, а с Миссисипской стальной компанией, которая продает товар дешевле. Компания перегружена заказами, ее заводы работают днем и ночью. И вот приходит простодушный молодой безумец, пожелавший дотянуть свою жалкую железнодорожную ветку прямо-таки до заднего двора компании, и приносит такое предложение Джиму Хигану.

Майор закудахтал еще больше. Его багровое лицо тряслось, а ноги судорожно дергались. Что касается Монтегю, то он испытывал глубокую подавленность.

— Что бы вы предприняли на моем месте? — спросил Аллан некоторое время спустя.

— Я не вижу, что тут можно поделаться, — ответил майор, — разве что крепко держаться за свои акции. Возможно, если вы заявите о своем плане продления дороги во всеуслышание, кто-нибудь из Стального треста выкупит их по себестоимости.

— Я постараюсь запугать их, — рассмеявшись, сказал Монтегю.

— Готов побиться об заклад, — продолжал майор, — что вчера поднялось немалое волнение в одной из контор делового центра! Тут есть человек, который приходит сюда каждый вечер. Возможно, он слышал об этом. Это Уилл Робертс.

И майор окинул взглядом ресторан.

— А вот и он, легок на помине. Идет сюда.

В зал быстрым шагом входил высокий черноволосый человек с решительным выражением лица.

— Робертс-молчаливый, — сказал майор, — давайте-ка попытаемся узнать у него.

Когда Робертс подошел ближе, майор окликнул его:

— Хэлло! Робертс! Вы куда? Позвольте представить вам моего друга, мистера Аллана Монтегю.

Робертс взглянул на Монтегю и поздоровался:

— Добрый вечер, сэр! Как поживаете, Винеибл?

— Хуже некуда, благодарю, — ответил майор. — А как ваши дела на Уолл-стрите?

— Плоховато, — сказал Робертс, проходя мимо. — Боюсь, что дела мои совсем плохи. Слишком много жаждущих быстрой наживы.

Майор закудахтал.

— Прекрасное заявление в устах человека, который за десять лет нажил сам шестьдесят миллионов! — сказал он, когда Робертс уже не мог его услышать.

— Не похоже, чтобы он обо мне слышал.

— Так мы ему и поверили, — возразил майор. — Даже если бы он каждую ночь собирался перерезать вам глотку, то вы и тогда ничего не заметили бы по его лицу. Таков Робертс, должно быть, он выкован из стали.

Майор умолк. Но вскоре продолжил, предаваясь воспоминаниям:

— Наверное, вы читали о большой стачке? Так вот Робертс к этому причастен. Он стал самым ненавистным человеком в стране. Боже мой! Как злопыхали газеты и политики по его адресу! Но он твердо стоял на своем: или провалить стачку, или погибнуть в борьбе. И, знаете, он был близок и к тому и к другому. К нему в контору дважды являлся террорист и стрелял в него. Он чуть было не отправил его на тот свет. Но Робертс боролся со стачечниками лежа в постели, а через две недели снова вернулся к себе в контору.

У майора был неисчерпаемый запас воспоминаний и сплетен. Он рассказывал Монтегю о стальных королях, о людях, которые их ненавидели, и о женщинах, которых они любили, об их сокровенных делах и тайнах.

Уильям Х.Робертс начал свою карьеру служащим в крупной сталелитейной мастерской и стал впоследствии

самым беспощадным конкурентом ее хозяина. И теперь живет только тем, что побеждает соперников. Если его соперник построит библиотеку, Робертс выложит деньги сразу на две. Если тот выстроит себе громадный офис, Робертс скупит землю вокруг, настроит с полдюжины домов и совершенно затмит своего соперника. Робертс-молчаливый неустанно плетет свои интриги и в один прекрасный день станет хозяином Стального треста, а его конкурент будет окончательно раздавлен.

— Ловкие ребята эти господа из Стального треста, — закончил майор, закудахтав, — вам придется глядеть в оба, если доведется иметь с ними дело.

— Так что ж вы посоветуете мне? — спросил Монтегю, усмехаясь. — Может, подослать к ним сыщиков?

— Почему бы и нет? — серьезно сказал майор. — Почему бы не выяснить, кто подослал вам полковника Коула? А попутно узнать, насколько нужна Хигану ваша маленькая железная дорога, и заставить его платить за нее.

— Ну, этому я еще не научился.

— Пора и научиться, — возразил майор. — Могу вам преподать урок. Я знаю сыщика, которому можно доверять. Во всяком случае, осторожно, — добавил он, — я не помню случая, чтобы он меня обманул.

Монтегю глубоко задумался.

— Вы что-то говорили насчет подслушивания телефонных разговоров, заметил он. — Неужели это серьезно?

— Вполне.

— Тем самым вы хотите сказать, что они могут знать содержание моих телефонных переговоров?

— Я берусь доставить вам стенограмму каждого слова, произнесенного вами по телефону в продолжение двадцати четырех часов, а также каждого слова, сказанного вашим собеседником. Это обойдется вам в двести пятьдесят долларов.

— Невероятно, — воскликнул Монтегю. — Кто же этим занимается?

— Лица, устанавливающие подслушивающие устройства, занимаются опасной работой, но хорошо оплачиваемой. Как-то один из моих друзей участвовал в деле, в котором была заинтересована телефонная компания. Они подключили его телефон к другому, и все это было сделано раньше, чем противная сторона успела обнаружить подвох. И по сей день его телефон относится к району "Весна", тогда как все другие по соседству — к району "Джон".

— А почту тоже перехватывают? — спросил Монтегю.

— Почту? — повторил майор. — Это проще простого. Вы можете задержать любую входящую корреспонденцию на сутки и сфотографировать каждое письмо. То же самое вы можете сделать и с любым исходящим письмом, если только его посылает не слишком осмотрительный человек. Понимаете, за ним можно установить слежку, и каждый раз, когда он бросает письмо в ящик, опустить вслед желтый или голубой конверт — знак для почтовых служащих.

— Но в таком случае в это дело невольно будут замешаны многие лица!

— Ничего подобного. У почты имеется секретная служба, и ее сотрудники постоянно выслеживают преступников. И нет ничего легче, чем подкупить одного из служащих и добиться того, чтобы вашего врага занесли в список подозрительных лиц.

Майор рассмеялся от удовольствия. Ему всегда доставляло наслаждение видеть лицо Монтегю после его рассказов о коррупции, столь распространенной в Нью-Йорке.

— Случаются вещи еще удивительнее. Могу познакомить вас с человеком, который находится сейчас в этом ресторане. Он как-то вел судебное дело против мошеннических операций судостроительной компании. В его руках оказались важные документы. Он принес их к себе в контору, где его служащие при нем сняли с них тридцать две копии. Он поместил оригиналы и тридцать одну копию в тридцать два городских сейфа, а тридцать вторую копию отнес домой в папке. В ту же ночь к нему в квартиру забрались воры и украли ее. На следующий день он написал тем, с кем боролся: "Я собирался послать вам копию бумаг, попавших ко мне в руки, но поскольку у вас уже есть копия, мне остается только продолжать осуществление своего плана". И этого было достаточно. Они сошлись на миллионе или двух.

Майор умолк и посмотрел в другой угол ресторана.

— Вон идет Дик Сандерсон, — сказал он, указывая на бойкого молодого человека с красивым, гладко выбритым лицом. — Он представитель Южной железной дороги штата Нью-Джерси. Однажды один юрист, встретившись с ним за обедом, объявил: "Я собираюсь завтра собрать пайщиков вашей дороги и выслушать их претензии". И начал обосновывать причины, а они были

вескими. Ничего не ответив, Сандерсон вышел и позвонил по телефону своему агенту в Трентон, а на другое утро вышел законопроект, проведенный через обе палаты, устанавливающий ограничительный закон, по которому все основания для претензий к дороге теряли силу. Пострадавший на этом деле в настоящее время губернатор штата Нью-Йорк, и, если вы с ним когда-либо встретитесь, можете расспросить его об этом.

Последовала пауза. Вдруг майор спросил:

— Между прочим, эта красивая вдова, выписанная вами из штата Миссисипи, миссис Тэйлор, так кажется ее зовут?

— Да, так, — ответил Аллан.

— Я слышал, Стенли Райдер от нее без ума.

Монтегю помрачнел.

— Сожалею, что до вас дошли такие слухи.

— Отчего же? — возразил майор. — Это хорошо, он ее развлечет.

— Люси новичок в Нью-Йорке, — сказал Монтегю, — и я не думаю, что она осознает, что за человек этот Райдер.

Майор задумался.

— Конечно, ей не мешало бы вести себя поосторожней, — сказал он. — Я что-то слышал о решении миссис Стенли освободиться от супружеских уз, и если ваша обворожительная вдовушка не желает попасть в газеты, пусть лучше не афиширует свою благосклонность.

4

Два или три дня спустя Монтегю встретился с Джимом Хиганом на собрании директоров. Он пристально наблюдал за ним, но Хиган не обнаруживал ни малейшего смущения. Он был учтив и приветлив, как всегда.

— Кстати, мистер Монтегю, — сказал он, — я упомянул об этом деле с дорогой одному приятелю, который заинтересовался им. Возможно, на днях вы услышите о нем.

— Весьма признателен, — ответил Монтегю.

И это было все.

На следующий день, в воскресенье, Монтегю заехал за Люси, чтобы сопровождать ее в церковь. Аллан рассказал ей об этом разговоре. Но он умолчал об эпизоде с полковником Коулом, не желая расстраивать ее без особой нужды.

Люси тоже было о чем поговорить с ним.

— Кстати, Аллан, я полагаю, вы знаете, что завтра состоится парад карет.

— Знаю, — ответил Монтегю.

— Мистер Райдер предложил мне место в своей карете, — сказала Люси. — Я так и знала, что вы рассердитесь на меня, — поспешила добавить она, видя, что Монтегю нахмурился.

— Вы уже приняли это предложение?

— Да, — ответила Люси. — Я не думаю, что в нем есть что-то предосудительное. Ведь это на глазах у широкой публики...

— Да, широкой! — воскликнул Монтегю. — Еще бы! Сидеть в экипаже перед толпой зевак и тридцатый или сорока газетными репортерами, которые вас фотографируют! Выставлять напоказ себя — обворожительную молодую вдову с берегов Миссисипи, украшавшую парадный выезд Стенли Райдера! А потом в высшем свете будут смотреть на снимки, качать головой и все это комментировать!

— Какой у вас на все циничный взгляд, — возразила Люси. — Кто виноват, если толпа таращит на вас глаза, а газеты помещают снимки? Не отказаться же мне из-за этого от удовольствия прокатиться в коляске.

— О, Люси, — произнес Монтегю, — вы слишком умны для таких речей. Если вам хочется — катайтесь на здоровье. Но когда некоторые люди тратят десять и двадцать тысяч долларов за шикарный выезд, назначают день парада и оповещают о нем весь город и, разнаряженные, выставляют себя напоказ перед публикой, они не имеют права говорить, что катаются ради одного удовольствия.

— Конечно же, — нерешительно сказала она, — приятно, когда на тебя обращают внимание.

— Да, тем, кому это нравится, — возразил он. — Если женщина решает участвовать в каком-нибудь публичном сборище, гоняется за газетной рекламой и ищет популярности — это ее право! Но, ради всего святого, пусть тогда она не притворяется, что ей просто нравится править красивыми лошадьми, слушать музыку или беседовать с друзьями. Я допускаю, что светская

женщина имеет такое же право рекламировать себя, как и любой политический деятель или изобретатель пилюль. Но зачем же тогда она стыдится этого, зачем постоянно болтает о своей любви к уединению? Возьмите миссис Уинни Дюваль. Послушать ее, так можно подумать, что она мечтает стать пастушкой и разводить цветы, а на практике Уинни завела альбом для газетных вырезок, и, если газеты неделю о ней не упоминают, она теряет спокойствие духа.

Люси рассмеялась.

— Вчера вечером я была у миссис Робби Уолинг, — сказала она. — Она говорила, что ее раздражает скопление людей в опере, и она собирается уехать куда-нибудь, лишь бы не видеть этой отвратительной толпы.

— Да, — сказал Монтегю. — Можете мне не рассказывать о Робби Уолинг. Все это мне известно. Что бы ни делала эта леди с того момента, как она открывает глаза поутру и до того момента, когда ложится спать на следующее утро — все это как раз и предназначается для взоров этой "отвратительной толпы".

Немного помолчав, он спросил:

— Похоже, вы уже повсюду бываете?

— О, кажется, я пользуюсь успехом, — сказала Люси. — Это верно прекрасно провожу время. Никогда в жизни не видывала столько роскошных домов и сногшибательных туалетов.

— Прекрасно, но не спешите жить и растяните время. Когда человек привыкает, такая жизнь начинает казаться довольно скучной и серой.

— Сегодня вечером я приглашена к Уайманам, — сказала Люси, — играть в бридж. Что за фантазия устраивать в воскресенье вечером игру в бридж!

Монтегю пожал плечами.

— *Così fan tutti* [так поступают все (ит.)], - сказал он.

— Что вы думаете о Бетти Уайман? — спросила Люси.

Она живет в свое удовольствие, но не думаю, чтобы отдавала себе в этом отчет.

— Она очень влюблена в Олли?

— Не знаю, — сказал он. — Кто их разберет. Похоже, их это не слишком волнует.

Этот разговор происходил, когда они, выйдя из церкви, спускались по Пятой авеню, разглядывая одетую уже по-весеннему публику.

— Кто эта статная особа, которой вы сейчас поклонились? — спросила Люси.

— Мисс Хиган, дочь Джима Хигана.

— О-о! — сказала Люси, — я припоминаю — Бетти Уайман говорила мне о ней.

— Полагаю, ничего хорошего? — улыбаясь, сказал Монтегю.

— Зато интересно. Разве это не каприз, когда у дочери отец владеет сотней миллионов, а та собирается поступить на работу?

— Видите ли, — заметил Аллан, — ведь я говорил вам, как утомляет такая жизнь, когда все делается напоказ.

Люси посмотрела на него насмешливо.

— Наверное, вам импонирует девушка такого типа?

— Я очень хотел бы поближе познакомиться с ней, но, похоже, я ей не нравлюсь.

— Вы не нравитесь! — вскричала Люси. — Почему? Это же просто возмутительно!

— Она тут ни при чем, — улыбнулся Монтегю. — Боюсь, что у меня плохая репутация.

— Вы имеете в виду миссис Уинни!

— Да, — сказал Аллан, — вот именно.

— Расскажите мне эту историю.

— Она очень банальна. Миссис Уинни пристрастилась выводить меня в свет, а я был настолько глуп, что являлся на каждое ее приглашение. Ну и, как я узнал, сплетницы заработали языками.

— Но это не нанесло вам большого ущерба? — спросила Люси.

— Большого? Нет, — сказал он, пожимая плечами. — Разве что вот теперь, когда появилась женщина, с которой мне хотелось бы познакомиться поближе, я этого не могу сделать. Вот и все.

Люси бросила на него лукавый взгляд.

— Вам нужна сестра, — улыбаясь, сказала она ему. — Кто-нибудь, кто мог бы бороться за вас.

Как Джим Хиган и предсказал, вскоре Монтегю получил предложение. Оно исходило от адвокатской конторы, о которой он никогда не слышал. "Мы узнали, — гласило письмо, — что у Вас есть пакет из пяти тысяч акций Северной миссисипской железной дороги. Наш клиент уполномочил нас предложить Вам за них пять тысяч долларов наличными. Будьте любезны связаться с Вашим клиентом и незамедлительно уведомить нас о Вашем решении".

Монтегю позвонил Люси и сказал ей, что получил предложение купить ее акции.

— По какой цене? — спросила она нетерпеливо.

— Не очень подходящей. Но я бы не стал обсуждать этот вопрос по телефону. Когда я увижу вас?

— Не смогли бы вы переслать мне это письмо с нарочным? — спросила она.

— Конечно, но я предпочитаю переговорить с вами лично. К тому же у меня та закладная и другие бумаги, которые вы должны подписать. Это тоже требует моих пояснений. Не могли бы вы сегодня утром приехать ко мне в контору?

— Я бы приехала, если бы не обещала уже быть в другом месте по очень важному делу, и теперь не знаю как мне быть.

— Нельзя ли отложить этот визит?

— Нет, это приглашение принять участие в прогулке на новой яхте мистера Уотермана.

— На "Брунгильде"! — воскликнул Монтегю. — Так бы и сказали!

— Да, и мне не хотелось бы от этого отказываться.

— Сколько времени это у вас займет?

— Я вернусь к вечеру. Мы поплывем к Зунду. Знаете, яхта уже готова к плаванию.

— На каком причале она стоит?

— Возле Баттери. Я должна быть на борту через час, и уже собралась выезжать. Не могли бы вы встретиться со мной там?

— Хорошо, — сказал Монтегю, — я приеду. В крайнем случае они подождут меня несколько минут.

— Мне не терпится узнать подробности предложения, — сказала Люси.

Монтегю еще два вызывали к телефону, и это его немного задержало. Наконец, он вскочил в кэб и помчался к Баттери.

Здесь, по соседству с Кастрл-Гарден, находилась пристань, которую окрестили "Базой миллионеров". Это — излюбленное место для стоянки частных яхт так называемой уолл-стритской флотилии. В это время года большинство "великих" людей уже переехали на свои загородные виллы и те, кто жил вблизи Гудзона или Зунда, добирались к себе в конторы водным путем, кто на чем, начиная от моторных лодок до огромных частных пароходов, где подавали завтрак; тут же находились штат секретарей и экспедиция.

Многие из этих яхт представляли собой настоящие плавучие дворцы во всем их великолепии. На одну из них, принадлежавшую Лестеру Тодсу, был однажды приглашен Монтегю. Здесь на верхней палубе под стеклянной крышей располагалась библиотека. Яхта

служила главным образом для доставки ее владельцев к местам охоты. Она была оборудована прачечной и различными автоматами. Там находились также холодильник и тир.

А вот и "Брунгильда", чудесная новая игрушка старого Уотермана. Монтегю знал о ней все, так как ее достроили только этой весной и не было ни одной столичной газеты, не опубликовавшей ее фотографии и подробнейших сведений о ее стоимости. Уотерман купил эту яхту у бельгийского короля, полагавшего, что в ней есть все, что угодно душе монарха. Велико же было его изумление, когда он узнал, что новый владелец приказал оголить ее до стального корпуса, заново отделать и обставить. По сообщениям газет, салон ее теперь меблирован в стиле Людовика XV. Стены обшиты панелями полированного дерева и инкрустированы орехом, а пол застлан мягким ковром шириной в двенадцать футов. В туалетах электрический свет зажигался автоматически. Письменные столы в каютах-кабинетах имели выдвижные доски на легких шаровых опорах. Спальня владельца протянулась от носа до кормы на двадцать восемь футов, а к ней примыкала римская купальня из белого мрамора. Такой была эта "Брунгильда".

Монтегю поискал глазами шлюпку и, не находя ни одной, окликнул лодочника и сам сел за весла. У трапа его встретил офицер.

— Миссис Тэйлор на борту? — спросил Монтегю.

— Да, — ответил тот. — Вы мистер Монтегю? Она оставила вам записку.

Монтегю уже поднимался по трапу, как вдруг что-то заставило его остановиться. Из какого-то иллюминатора до него донесся сдавленный крик:

— Помогите! Помогите!

Он узнал голос. Это была Люси.

5

Монтегю колебался лишь мгновение. Он прыгнул на палубу.

— Где миссис Тэйлор? — закричал он.

— Она сошла вниз, сэр, — ответил, замявшись, офицер. Но Монтегю, обогнав его, уже устремился вниз в кают-компанию. С последней ступеньки лестницы он попал в просторный вестибюль, куда свет проникал через стеклянный колпак. Он бросился к двери, которая вела в каюту, откуда, как ему показалось, слышался крик Люси, и гром ко позвал:

— Люси! Люси!

Услышав ее ответ за дверью, Аллан схватил ручку и попытался ее повернуть, но дверь была заперта изнутри.

— Откройте! — закричал он.

Ни звука.

— Откройте, — снова крикнул Монтегю, — не то я выломаю дверь.

Переходя от слов к действию, он всей своей тяжестью навалился на дверь. Она затрещала. И тут неожиданно послышался мужской голос.

— Сейчас. Подождите.

Кто-то возился с ручкой. Монтегю стоял с сильно бьющимся сердцем, готовый на все. Дверь открылась, и он оказался лицом к лицу с... Даном Уотерманом.

Монтегю в ужасе отступил на шаг. А тот вышел и, ни слова ни говоря, прошел мимо него в вестибюль. Монтегю успел только перехватить его взгляд, полный такого бешенства, какого он никогда не видал на лице человека.

Монтегю бросился в каюту. Люси стояла у дальней стены, опираясь на стол, чтобы не упасть. Ее платье было порвано, прическа растрепана, лицо пылало; она была сильно возбуждена.

— Люси! — произнес, задыхаясь, Аллан, подбегая к ней.

Люси ухватилась за его руку, чтобы устоять на ногах.

— Что случилось?

Она отвернулась, не произнеся ни слова.

С минуту он стоял и пристально смотрел на нее. Затем Люси прошептала:

— Быстро! Скорее бежим отсюда!

Она откинула руками волосы со лба,правила платье и пошла к двери, опираясь на руку друга.

Они поднялись на палубу, где все еще стоял офицер.

— Миссис Тэйлор желает сойти на берег, — сказал Монтегю. — Не угодно ли подать нам катер?

— Катер вернется через несколько минут, сэ, — начал было тот.

— Мы хотим сойти немедленно. Дайте нам, пожалуйста, одну из весельных лодок. Иначе я подзову вон тот буксир.

Офицер колебался с минуту, но повелительный тон Монтегю заставил его отдать приказание и спустить небольшую лодку.

Между тем Люси стояла, тяжело дыша и нервно озираясь по сторонам. Когда они наконец покинули яхту, он услышал, как она облегченно вздохнула.

Люси молчала до тех пор, пока они не сошли на берег.

— Кликните мне кэб, Аллан, — сказала она.

Монтегю вывел ее на улицу и подозвал карету.

Когда они уселись, Люси откинулась на спинку, медленно переводя дыхание.

— Пожалуйста, не спрашивайте меня ни о чем, Аллан, — попросила она.

И всю дорогу до самого отеля не произнесла ни единого слова.

— Могу ли я что-нибудь сделать для вас? — спросил Монтегю, проводив Люси в ее номер.

— Нет, благодарю. Со мной все в порядке. Подождите, я сейчас.

Она ушла в гардеробную, а когда вернулась, на лице ее уже не было и следа пережитого волнения. Она села в кресло против Аллана и, подняв на него глаза, сказала:

— Аллан! Я думаю, как мне отплатить этому человеку.

— Право не знаю, — ответил он.

— Мне просто не верится, что мы в Нью-Йорке! У меня такое чувство, что мы вернулись в средние века!

— Вы забываете, Люси, — возразил он, — что я не знаю, что произошло.

Люси снова умолкла. Так они и сидели, глядя друг на друга. Тут она вдруг расхохоталась и долго не могла сдержать смеха.

— Я стараюсь злиться, Аллан, — выговорила она с трудом. — И, кажется, я должна это делать, но, право же, все получилось чересчур глупо!

— Я знаю, вы предпочитаете смех слезам, — сказал он.

— Я расскажу вам все, Аллан. Я знаю, что должна это кому-нибудь рассказать или же я просто взорвусь — ведь мне ни разу в жизни не пришлось переживать ничего подобного.

— Расскажите мне все с самого начала.

— Вы уже знаете про мою встречу с Уотерманом в его картинной галерее, сказала Люси. — Мистер Дэвид Олден привез меня туда, и старый человек был так вежлив, вел себя с таким достоинством, право, мне бы и в голову не пришло ничего такого! Затем он написал мне записочку — представьте, собственноручно, — приглашая принять участие в первом плавании на "Брунгильде". Разумеется, я не усмотрела в этом ничего предосудительного. Я сказала вам, что поеду, и вы не высказали никаких возражений.

Я приехала, меня встретили, перевезли на яхту, и стюард провел вниз, в каюту, оставив там, а минуту

спустя пришел и сам старик. Он притворил за собой дверь и запер ее на ключ.

"Как поживаете, миссис Тэйлор?" — спросил он, и раньше, чем я успела открыть рот, подошел ко мне и спокойно обнял. Можете себе представить, что я почувствовала. Да я просто остолбенела!

"Мистер Уотерман?" — едва смогла выговорить я и уже не слышала, что он ответил. Я была вне себя от гнева и ужаса. Помню, что крикнула несколько раз: "Отпустите меня!" — но он не обращал ни малейшего внимания на мои крики и крепко сжимал в объятиях. Наконец, я чуточку собралась с силами. Я не хотела кусаться и царапаться, как судомойка, и попыталась говорить спокойно.

"Мистер Уотерман, — сказала я, — я требую, чтобы вы меня отпустили". "Но я люблю вас". "А я вис не люблю", — запротестовала я и, помнится, подумала, что мои слова звучат довольно бессмысленно. Но в такой ситуации вряд ли можно было сказать что-либо умнее. "Вы полюбите меня, — сказал он. — Как и многие женщины". "Я не из их числа, я уже сказала вам, что вы ошиблись. Отпустите меня". "Я хочу вас, — ответил он. — А все, чего я хочу, я добиваюсь. Мне никогда никто не отказывал, поймите. Вы не представляете себе положения, в каком оказались. Для вас это не будет позором. Женщины почитают за честь, если я их люблю. Подумайте, что я могу для вас сделать. Вы сможете иметь все, что пожелаете. Уехать, куда вздумаете. Я вас никогда не брошу".

Помнится, он говорил что-то еще в таком же роде. Каково было мое положение! Все равно, как если бы я попала в лапы медведя! Вы не поверите, я знаю, но он

обладает огромной силой. Я была не в состоянии пошевелиться. С трудом соображала и все время чувствовала его дыхание на своем лице. А он заглядывал в мои глаза, как страшный, дикий зверь.

"Мистер Уотерман, — протестовала я. — Я не привыкла, чтобы со мной так обращались". "Знаю, знаю. Если бы это было не так, я бы вас не желал. Но я не такой, как другие мужчины. Подумайте об этом, подумайте и о том, как велика моя власть. Мне некогда ухаживать за женщинами. Но вас я люблю. Я полюбил вас в ту минуту, как увидел. Разве этого недостаточно? Чего вы еще можете желать?" "Вы завлекли меня сюда обманом, — кричала я, — вы поступили низко. Если в вас есть хоть капля порядочности, вам должно быть стыдно". "Полно, полно, — твердил он, — не говорите глупостей. Вы знаете свет. Вы не цыпленок, только что вылупившийся из яйца..."

Да, он сказал это, Аллан! Я точно припоминаю эту фразу, именно она так взбесила меня. Вы не представляете себе! Я опять пыталась вырваться, но чем больше боролась, тем в большее бешенство он приходил. Мне было ужасно страшно. Ведь на яхте, наверное, не оставалось никого, кроме его слуг. "Мистер Уотерман, уберите руки, иначе я подниму скандал... Буду кричать", — возмущалась я. "Это вам не поможет", — свирепо сказал он. "Но чего вы от меня хотите?" "Я хочу, чтобы вы меня любили". Тут я снова начала вырываться. Я закричала раз или два, не помню, но он зажал мне рот рукой. Тогда я стала бороться за себя. Я уверена, что выцарапала бы гадкому старикашке глаза, если бы он не услышал вашего голоса. Когда вы стали звать меня, он отпустил руки и отпрянул. Никогда в жизни я не видела выражения такой лютой ненависти на чьем-либо лице.

Когда я ответила вам и бросилась к двери, он преградил мне путь. "Я буду преследовать вас! прошептал он. — Вы поняли меня? Я никогда не откажусь от вас!" И тут вы налегли на дверь; он повернулся, отпер ее и вышел.

Пока Люси вспоминала эту сцену, ее лицо покрылось багровыми пятнами от волнения. Она дышала часто, взволнованно. Монтегю сидел, глядя перед собой, и не издал ни звука.

— Слышали ли вы в своей жизни что-либо подобное? — спросила она.

— Да, — серьезно сказал он. — К сожалению, должен признаться, что слышал о подобных сценах не раз. И даже нечто похуже.

— Но что же мне теперь делать? — воскликнула она. — Такое поведение нельзя оставить безнаказанным.

Монтегю ничего не ответил.

— Он чудовище! — все больше расходилась Люси. — Я должна засадить его в тюрьму.

Монтегю покачал головой.

— Вы не в силах этого сделать.

— Не в силах! — воскликнула она. — Почему?

— Вы ничего не сможете доказать, — сказал Аллан. — Все ваши обвинения он будет опровергать, а его словам всегда будет больше веры. Вы не можете добиться ареста Дана Уотермана, как если бы это был обычный человек. И подумайте об огласке!

— Я хотела бы опозорить его! Ему это послужило бы уроком!

— Да нет, это не причинило бы ему ни малейшего вреда, — сказал Монтегю. — Я в этом твердо уверен, так как был свидетелем подобной попытки — из нее ничего не вышло. Вы не найдете ни одной газеты в Нью-Йорке, которая решилась бы предать огласке вашу историю. Единственное, чего вы добьетесь, — это обретете дурную славу искательницы приключений.

Люси уставилась на него с изумлением, судорожно сжимая кулаки.

— Похоже, что я живу где-нибудь в Турции, — воскликнула она.

— Вы недалеки от истины. Здесь в городе живет старик, который всю свою жизнь ссужал деньги под проценты и скопил целое состояние. У него теперь что-то около восьмидесяти или ста миллионов, кажется. И каждые полгода вы можете прочесть в газетах, что какая-нибудь особа женского пола пыталась его шантажировать. А все дело в том, что с каждой хорошенькой девушкой, которая поступает в его контору, он проделывает то же самое, что Уотерман пытался сделать с вами. В результате те из них, кто по глупости затевал скандал, попадали в тюрьму за шантаж.

Видите ли, Люси, — продолжил Аллан после паузы, — вы должны уяснить положение. Этот человек в Нью-Йорке — бог. Все пути к обогащению — под его контролем; он может вознести или сломить всякого, кого ему заблагорассудится. Правда, правда — он может разорить любого. Он может заставить полицию поступать так, как угодно ему. Это всего лишь вопрос денег. И он привык во всем диктаторствовать. Малейший его каприз — закон. Он покупает все, что захочет. Это относится и к женщинам. Он привык к тому, что его считают

господином положения; женщины ищут его благосклонности. Если бы вы были согласны пойти на это, то могли бы рассчитывать на дворец стоимостью в миллион долларов на берегу реки Драйв или же коттедж с пристанью, тоже не менее, чем за миллион в Ньюпорте. Вы получили бы неограниченный кредит во всех магазинах, любые поездки на паромовых и всех железных дорогах в отдельном вагоне. Многие женщины только за это и бьются, и он просто не понимает, чего вам еще нужно.

— И на это он тратит свои деньги?

— Он покупает все, что ему взбредет в голову. Говорят, Уотерман ежедневно расходует пять тысяч долларов. В клубах рассказывают, что однажды он влюбился в жену врача и дал миллион долларов на строительство больницы при условии, что этот врач уедет на три года ознакомиться с больницами в Европе.

Люси задумалась.

— Аллан! — вдруг сказала она, — как вы думаете, что он имел в виду, сказав, что будет меня преследовать? Что он может мне сделать?

— Не знаю, — ответил Аллан, — надо об этом хорошенько подумать.

— Однажды он выразил мысль, которая сразу показалась мне очень странной. Припоминаю, как он сказал: "У вас нет денег. Вы не сможете жить в Нью-Йорке. То, что у вас есть — здесь просто ничто". Не думаете ли вы, Аллан, что ему известно положение моих дел?

Монтегю пристально посмотрел на нее, пораженный странной мыслью.

— Люси! — воскликнул он.

— Что?

— Да нет, ничего! — спохватился Аллан и подумал про себя: "Глупости. Этого не может быть!" Мысль, что сыщика мог подослать к нему Дан Уотерман, показалась ему слишком нелепой. — Он, вероятно, сказал это сгоряча. Но вы должны быть осторожны. Уотерман — опасный человек.

— И я бессильна его покарать, — помолчав, прошептала Люси.

— Мне кажется, — сказал Монтегю, — что вы еще дешево отделались. Впредь будьте осмотрительнее, что же касается кары, то, полагаю, об этом позаботится природа, ведь он стареет и, говорят, ведет замкнутый и отвратительный образ жизни!

— Однако, Аллан, я невольно все время думаю о том, что было бы со мной, если бы вы не оказались на яхте! Я не могу не думать и о других женщинах, попадавших в такую же западню. Тогда я была бы такой же беззащитной, как они, независимо от того, что бы он ни сделал!

— Боюсь, что это так, — серьезно сказал Аллан. — Наверное, многие женщины это узнали на собственном опыте. Я понимаю ваши чувства, но что вы можете тут сделать? Не в ваших силах карать людей, подобных Уотерману. Например, узурпируя власть в какой-нибудь отрасли — а это неизбежность жизни, — они обрекли тысячи людей на голодную смерть или учиняли насилие над беззащитными женщинами. В этом городе есть

богачи, которые забавляются тем, что публикуют объявления о найме и завлекают девушек. Одна стенографистка из моей конторы рассказывала, что за год она двадцать раз меняла место работы, потому что ее работодатели добивались, чтобы она стала их любовницей.

— Видите ли, — сказал он после паузы, — мне кое-что известно о подобных вещах. Вы думали, я говорил просто так, а я знал, что вам угрожает. Вы здесь чужая: у вас нет ни друзей, ни влияния, и вы всегда будете страдающей стороной. И далеко не только в случае, подобном этому, когда в дело могла вмешаться полиция и газеты, но и в случае широкой огласки в обществе. Это вопрос вашей репутации, оценки ваших поступков теми, у кого богатство, все привилегии. И они умеют их защищать! Они охотно пригласят приезжую провести время, если она хороша собой, остроумна и может их развлечь. Но стоит вам покуситься на их права или угрожать их власти, и вы убедитесь, как они вас возненавидят, как безжалостно очернят и погубят.

6

Злоключения Люси настолько поглотили все их внимание, что они позабыли о других делах. Наконец, Монтегю упомянул об акциях и Люси выразила свое возмущение тем, что ей предложили низкую цену.

— Я выиграю всего десять центов за доллар! Вряд ли вы посоветуете мне уступить акции по такой цене!

— Конечно, нет, — ответил Аллан. — Я бы отверг это предложение. Но, пожалуй, следовало назначить свою цену.

Они снова обсудили этот вопрос и сошлись на ста восьмидесяти тысячах долларов.

— По-моему, лучше всего дать им понять, что эта цифра окончательная, сказал Монтегю. — Наверное, они захотят поторговаться, но я на это не большой мастер. Я предпочитаю, назвав цену, придерживаться ее.

— Прекрасно! — сказала Люси. — Делайте так, как считаете нужным.

Оба замолчали. Посмотрев на взволнованное лицо Люси, Монтегю поднялся.

— Лучше, если вы не будете придавать такого значения сегодняшнему неприятному происшествию, — сказал он. — Начнем все сначала и больше не будем совершать ошибок. Сегодня я еду к друзьям, которые давно уже просили меня привести вас к ним. Поедем вместе.

— Кто они такие? — спросила Люси.

— Генерал Прентис и его жена. Вы слышали о них?

— Мистер Райдер упоминал о банкире Прентисе. Это он?

— Да, — сказал Монтегю, — президент Федерального банка. Он был давним другом моего отца, и Прентисы — первые, с кем я познакомился в Нью-Йорке. С тех пор мы подружились. Я пообещал им привезти вас как-нибудь на обед и позвоню им, если вы согласны. Не думаю, что вам следует оставаться в одиночестве и думать о Дане Уотермане.

— Я не прочь сейчас побыть одна, — сказала Люси. — Но если вам хочется, я поеду.

Они отправились к Прентисам. Тут были генерал собственной персоной, его жена и две дочери — одна из них училась в колледже, а вторая оказалась одаренной скрипачкой. Генералу Прентису уже перевалило за семьдесят, и его борода была бела, как снег, но он сохранил осанку и представительность военного. С миссис Прентис Монтегю впервые встретился в опере, получив приглашение в их ложу. Генеральша, сверкающая бриллиантами, произвела на него неприятное впечатление: она все время рассказывала разные сплетни, в то время как ему хотелось слушать музыку. Но, как потом сформулировала Люси, она была "матерью всем, кто оказывался у нее под каблуком". Она любила приглашать Монтегю к себе, знакомить его с людьми, которые, по ее мнению, могли быть ему полезны.

В тот вечер в гостях у Прентисов был также молодой Гарри Куртис, племянник генерала. Монтегю еще не был с ним знаком, но знал, что он младший партнер юридической конторы Уильяма Е. Давенанта — адвоката, выступавшего против него по тяжбе со Страховой компанией. Гарри Куртис оказался красивым парнем с открытым лицом и обворожительными манерами. Неделю назад он встречался с Алисой Монтегю по поводу какого-то дела и просил передать, что придет ее навестить.

После обеда они сидели, курили и беседовали о положении на рынке. В это время на Уолл-стрите царил большое волнение. Все цены на акции катастрофически падали, и, казалось, дела шли все хуже и хуже.

— Говорят, Уайман попался, — сказал Куртис. — Я вчера беседовал с одним из его маклеров.

— Уаймана не так легко поймать, — возразил генерал. — Маклерам зачастую меньше всего известно подлинное положение его дел. Есть основание полагать, что кто-то из крупных вкладчиков вышел из дела, так как, знаете ли, акционеры сейчас очень обеспокоены. Но при той обстановке, которая создалась на Уолл-стрите, это лишь предположение. Крупные заправила так все прибрали к своим рукам, что стали практически всемогущими.

— Вы хотите сказать, что начавшийся деловой спад, возможно, результат чьих-то махинаций? — удивился Монтегю.

— А почему бы и нет? — в свою очередь, спросил генерал.

— Похоже, тут замешана целая группа лиц. Один человек не в состоянии произвести такой переворот.

— Нет, конечно, — ответил генерал. — Заметьте, я не утверждаю этого, я бы не взял на себя смелость утверждать это даже, если знал бы точно; но кое-что я видел, а кое-что подозреваю. И вы должны согласиться, что какие-то шесть человек в настоящее время заправляют в банках Нью-Йорка девяноста процентами всех дел.

— Но, пожалуй, раньше, чем дела улучшатся, станет еще хуже, — заметил Куртис.

— Надо что-то предпринимать, — продолжал генерал. — В данный момент положение с банками в нашей стране просто невыносимо. Биржевой делец практически вытеснил банкира. Ему приходится либо плясать под его дудку, либо вытеснят его самого. Чтобы основать сейчас банк, надо иметь средства и воздвигнуть

здание с мраморными колоннами и бронзовыми воротами. Могу вам назвать имя джентльмена, владеющего сейчас восемью банками, а три года назад, когда он начинал, не думаю, чтобы у него был и миллион долларов.

— Но как он это сумел? — спросил Монтегю.

— Очень просто, — ответил генерал. — Вы покупаете участок с самой большой закладной, вкладываете в строительство здания миллион долларов и закладываете его. Затем создаете новый банк и выпускаете многообещающие проспекты, сулите большие проценты на капитал, и вкладчики потекли к вам. Тогда вы закладываете ваш капитал в банке под номером один, а директора вашего банка ссужают вас деньгами, и вы приобретаете второй банк. Они называют это "возводить пирамиду". Наверняка вы слышали такое выражение. Игра в банки — очень увлекательна, так как, чем больше вы их приобретете, тем больше вас расписывают газеты и тем больше доверия вам окажут вкладчики.

И генерал рассказал несколько известных ему подобных случаев. Например, некий Стюарт, молодой человек с Запада, пытался купить Федеральный банк. Дело было давнее, поэтому генерал знал Стюарта и его методы. Поначалу он надавил на один трест в Монтане и вынудил его к прекращению всех операций. Трест подкупил законодательную палату и все городское управление, но Стюарт воздействовал на широкую публику. Предприняв сенсационные разоблачения, он привлек ее на свою сторону, и в конце концов тресту пришлось от него откупиться. А теперь он явился в Нью-Йорк сыграть в эту новую, азартную игру в банки, которая дает прибыль скорее, нежели постройка домов.

Или, некий Холт, пустой и пошлый человек, с его именем связывали все низкое и подлое в городе. Он тоже вложил свои миллионы в банки. Или же Каммингс, король холодильников, многие годы финансировавший городское управление и захвативший в свои руки все судоверфи, прижав к стене своих конкурентов. Он сумел сосредоточить в руках каботажное судоходство страны и стал скупать одно пароходство за другим по "пирамидальной" системе. А теперь он решил, что должен нажать еще больше денег и выкупить дела у своих конкурентов. Он уже приобрел и основал с дюжину трестов и банков.

— Каждый должен понимать, что так не может продолжаться до бесконечности, — сказал генерал. — Я знаю, крупные дельцы это понимают. Вчера я присутствовал на собрании директоров и слышал, как Уотерман сказал, что этому надо положить конец. Всякий, кто знает Уотермана, не станет ждать второго предупреждения.

— А что он может сделать? — спросил Монтегю.

— Уотерман! — воскликнул молодой Куртис.

— Уж он-то найдет способ, — просто сказал генерал. — Лично я вижу единственный выход из положения — власть такого консервативного человека, как он.

— Значит, вы ему доверяете? — спросил Монтегю.

— Да, — ответил генерал. — Я ему доверяю. Ведь надо же кому-нибудь доверять.

— Я слышал любопытную историю, — вставил свое слово Гарри Куртис. — Мой дядя вчера обедал, в доме старика и спросил его, что он думает о положении на

рынке. "Впервые в жизни я ни в чем не уверен", — последовал, ответ.

Генерал удивленно воскликнул:

— Он так и сказал? Ну, теперь жди перемен!

— Тогда можно понять, почему положение на рынке оставляет желать лучшего, — добавил, смеясь, Куртис.

В этот момент в дверях появилась миссис Прентис.

— Неужели же вы, мужчины, собираетесь весь вечер говорить о делах? спросила она. — Если так, то переходите в гостиную и говорите о них с дамами.

Мужчины поднялись и последовали за хозяйкой дома. Монтегю сел на диван рядом с миссис Прентис и молодым Куртисом.

— Что это вы говорили о Дане Уотермане? — спросила Куртиса миссис Прентис.

— О, это длинная история, — ответил тот, — ведь всех вас мало интересует Уотерман.

Монтегю искоса наблюдал за Люси и не смог скрыть улыбки.

— Что это за удивительный человек! — сказала миссис Прентис. — Я восхищаюсь им больше, чем кем-либо из многих знакомых на Уолл-стрите.

Тут она повернулась к Монтегю:

— Вы с ним знакомы?

— Да, — ответил он и прибавил с озорной усмешкой, — я видел его сегодня.

— А я — на прошлой неделе, в воскресенье вечером, — продолжала простодушная миссис

Прентис. — В церкви Святой Богородицы, когда он обносил всех тарелкой, собирая пожертвования. Разве не восхитительно, что такой занятой человек, как мистер Уотерман, все же находит время для церковных дел?

Тут Монтегю снова взглянул на Люси и увидел, что она кусает губы.

7

Прошла неделя, прежде чем Монтегю снова увидел Люси. Она пришла на обед к Алисе в тот день, когда он случайно вернулся домой раньше обычного.

— Вчера я ужинала у миссис Фрэнк Лэндис, — сказала она ему. — И представьте, с кем там встретилась: с вашим другом, миссис Уинни Дюваль.

— Неужели?

— Мы с ней долго болтали. Она мне очень нравится.

— Она всем нравится... О чем же вы говорили?

— Обо всем на свете, но, в сущности, об одном, — игриво ответила Люси.

— А именно?

— Какой же вы недогадливый. Миссис Уинни знает, что я ваш друг, и я почувствовала, что все ее слова, в сущности, адресованы вам.

— Ну, и что же она говорила мне? — улыбаясь, спросил он.

— Она хотела дать вам понять, что живет превесело и нисколько по вас не тоскует, — последовал ответ. — Она рассказала мне обо всем, чем сейчас интересуется.

— Не рассказывала ли она вам о бабубанане?

— О чем? — изумилась Люси.

— Видите ли, в последнее время, когда я ее видел, она все больше увлекалась индуизмом и только говорила, что о каких-то там свамис, гнанис и тому подобном.

— Нет, ни о чем таком она не упоминала.

— Значит, это увлечение у нее прошло, — сказал он. — Какое же следующее?

— Антививисекция.

— Антививисекция?

— Разве вы не читали в газетах, что ее избрали почетным вице-президентом какого-то общества, которому она пожертвовала несколько тысяч долларов?

— По газетам не так легко уследить за миссис Уинни! — ответил Монтегю.

— Она слышала ужасные истории о том, как хирурги мучают бедных кошек и собак, и непременно хотела обо всем мне рассказать. Более неподобающей темы для разговора за столом трудно себе вообразить. Она бесспорно великолепно выглядит. Я не удивляюсь, что мужчины без ума от нее. А волосы она поднимает со лба. По-моему, это делает ее похожей на египетскую принцессу.

— Она выступает во многих ролях, — заметил Монтегю.

— А правда, что она уплатила пятьдесят тысяч долларов за ванну?

— Так утверждает она и газеты тоже. Так что, наверное, правда. Дюваль сам говорил мне, что она обходится ему в миллион долларов в год, но, возможно, он сказал это в раздражении.

— Неужели он такой богатый? — спросила Люси.

— Не знаю точно; но он один из самых могущественных людей в Нью-Йорке. Его называют "банкир по системе".

— Я слышала, как мистер Райдер отзывался о нем.

— Полагаю, что не особенно благожелательно, — улыбаясь, сказал Аллан.

— Да, не особенно. Кажется, они поссорились. Не знаете из-за чего?

— Я об этом ничего не знаю, но Райдер — свободомыслящий человек, а Дюваль ведет дела с крупными дельцами, которые не любят подобных людей.

Люси замолчала, о чем-то задумавшись.

— А правда, что положение мистера Райдера так непрочное? Я думала, что Готтамский трест — один из крупнейших в стране. В его проспектах мелькают крупные цифры — семьдесят — восемьдесят миллионов.

— Что-то вроде этого.

— И эти цифры дутые?

— Я полагаю, что нет. Я не в курсе его дел, знаете ли. До меня только доходили слухи, например, о том, что он ведет слишком смелую игру. Примите совет и держите свои деньги в другом месте. Вам следует быть вдвойне осторожной, поскольку у вас есть враги.

— Враги? — в замешательстве переспросила Люси.

— Разве вы забыли, что говорил вам Уотерман?

— Вы хотите сказать, что Уотерман вступит в борьбу с Райдером из-за меня?

— Это звучит невероятно, но подобные вещи уже случались. Если бы кто-нибудь знал подоплеку битв, сотрясавших Уолл-стрит, он бы обнаружил, что многие из них имели аналогичное начало.

Монтегю сказал это между прочим, не имея в виду ничего конкретного. Он не следил за выражением лица Люси и не заметил, какое впечатление произвели на нее эти слова. Аллан перевел разговор на другую тему и на следующий день совершенно забыл о нем, как вдруг Люси позвонила ему по телефону.

Прошла неделя, как он написал адвокатам Смиту и Хансону по поводу продажи ее акций.

— Аллан! — спросила она. — Вы не получили еще ответа от этих людей?

— Нет.

— Я сегодня утром говорила с одним своим другом, и он подсказал мне шаг, который кажется важным. Не думаете ли вы, что было бы неплохо узнать, кого представляют эти адвокаты?

— Что это даст? — спросил Монтегю.

— Это помогло бы нам сориентироваться. Полагаю, им известно, кто хочет продать акции, а для нас важно знать, кто собирается их купить. А что если им написать, что вы не желаете вести переговоры через посредников?

— Но так же дела не делаются: я назначил цену, а они не ответили. Написав вторично, мы Только испортим

дело. Лучше уж постараться заинтересовать кого-нибудь другого.

— Но мне очень хотелось бы узнать, от кого исходит предложение. До меня дошли слухи по поводу этих акций. Право, я хотела бы узнать.

Люси повторила последнюю фразу несколько раз и, казалось, по-настоящему заинтересовалась всем этим. Монтегю недоумевал, кто мог с ней говорить и что она слышала по поводу акций. Но после предупреждений майора не стал расспрашивать ее по телефону.

— Я полагаю, что вы совершаете ошибку, но будь по-вашему.

Он сел и написал господам Смиту и Хансону, что желал бы поговорить с одним из владельцев их конторы, и отослал письмо с нарочным. Примерно через час явился к нему жилистый человек с морщинистым лицом и острым взглядом и представился:

— Хансон.

— Я говорил с моей клиенткой относительно акций Северной миссисипской компании, — сказал Аллан. — Возможно, вам известно, что эта дорога строилась при довольно необычных обстоятельствах: большая часть акционеров были личными друзьями нашей семьи. Вот почему моя клиентка предпочла бы не иметь дела с посредниками, если только это возможно. Я хотел выяснить, не согласится ли ваш клиент договориться непосредственно с владелицей акций.

Монтегю заметил, что, пока он говорил, Хансон смотрел на него с явным удивлением. Не успел он

закончить фразу, как это удивление сменилось презрительной усмешкой.

— Какую шутку вы собираетесь сыграть со мной? — спросил Хансон.

Монтегю был слишком поражен, чтобы рассердиться, и только пристально посмотрел на Хансона.

— Не понимаю вас, — сказал он.

— Не понимаете? — ответил его собеседник, смеясь ему прямо в лицо. Похоже, я знаю больше, чем вы думаете.

— Что вы хотите этим сказать?

— А то, что у вашей клиентки уже нет акций, о которых вы говорите.

У Монтегю перехватило дыхание.

— Нет акций?

— Конечно, нет, — сказал Хансон. — Она продала их три дня назад.

И, будучи не в силах отказать себе в удовольствии, добавил:

— Она продала их Стенли Райдеру. И, если хотите знать об этом больше, продала за сто шестьдесят тысяч долларов. А он выдал ей вексель на сто сорок тысяч сроком на полгода.

Монтегю был крайне поражен и никак не мог прийти в себя.

Мистер Хансон понял, что волнение Аллана неподдельно, и саркастически улыбался.

— По-видимому, мистер Монтегю, — сказал он, — вы позволили своей клиентке вас обойти.

Овладев собой, Монтегю вежливо поклонился.

— Я должен перед вами извиниться, мистер Хансон, — сказал он тихо. Могу вас только заверить, что я тут совершенно ни при чем.

Он встал, дав понять, что визит окончен.

Когда дверь его конторы закрылась за Хансоном, Аллан ухватился за спинку кресла, чтобы не упасть, и стоял, устремив взгляд прямо перед собой.

— Стенли Райдеру, — прошептал он.

Монтегю повернулся к телефону и набрал номер Люси.

— Люси, это правда, что вы продали свои акции?

Она не могла выговорить и слова от изумления.

— Отвечайте! — закричал он.

— Аллан, — начала она, — вы на меня рассердитесь...

— Пожалуйста, отвечайте, — снова закричал он. — Вы их продали?

— Да, Аллан, продала, но я не думала...

— Я не желаю обсуждать это по телефону, — сказал он. — Я заеду к вам сегодня по дороге домой. Пожалуйста, не уходите — это очень важно. — И он повесил трубку.

Монтегю явился в назначенное время. Люси ждала его. Она выглядела бледной и сильно расстроенной,

даже не встала к нему навстречу и не сказала ни слова, только пристально смотрела Аллану в лицо.

Оно было мрачным.

— Эта история причинила мне много огорчений, — начал Монтегю, — и я не хочу затягивать ее без необходимости. Я все обдумал и пришел к решению, так что это обсуждению не подлежит. Я отказываюсь вести ваши дела в дальнейшем.

— О, Аллан! — едва смогла произнести Люси.

Монтегю в руках держал портфель со всеми ее бумагами.

— Я привел все в полный порядок, — сказал он. — Здесь счета и письма. Теперь разобраться в них сумеет кто угодно.

— Аллан, — сказала она, — право, это жестоко!

— Мне очень жаль, — возразил он, — но я больше ничего не могу для вас сделать.

— Но разве я не имела права продать эти акции Стенли Райдеру?

— Вы имели полное право продавать их кому пожелаете, — ответил Монтегю, — но вы не имели права поручать мне вести свои дела и при этом скрывать от меня свои действия.

— Но, Аллан, — запротестовала она, — я продала их всего три дня назад.

— Я это прекрасно знаю, — сказал он, — но в тот момент, когда вы решили их продать, вы должны были сообщить об этом мне. И дело даже не в том. Вы

пытались моими руками таскать каштаны из огня для Стенли Райдера.

Он заметил, как при этих словах она вздрогнула.

— Разве это неправда? — спросил он. — Разве не он просил вас получить через меня эту информацию?

— Да, Аллан, это действительно он, — сказала Люси, — но войдите в мое положение: я не деловая женщина и не понимала...

— Вы прекрасно понимали, что подло поступаете со мной, нечестно. В этом вся беда, вот почему я и не желаю впредь заниматься вашими делами. Стенли Райдер купил ваши акции, пусть Стенли Райдер отныне будет и вашим советчиком.

Он не намерен был пререкаться с ней дальше, но увидел, что эти слова сильно ее задели; узы старой дружбы все еще удерживали его.

— Понимаете ли вы, Люси, какой удар мне нанесен? — воскликнул он. Представьте себе мое положение, когда я разговаривал с мистером Хансоном, ничего не зная, тогда как он знал все. Он знал, сколько вы заплатили, и даже то, что вы приняли вексель.

Люси смотрела на Монтегю широко раскрытыми глазами:

— Аллан! — воскликнула она.

— Теперь вы поняли, что это значит. Я говорил вам, что вы не сможете сохранять свои действия в тайне. Вопрос лишь о том, как скоро все, кому это станет известно, начнут шептаться, что вы убедили Стенли Райдера сделать это для вас.

Последовала долгая пауза. Люси сидела, устремив глаза в одну точку. Вдруг она повернулась к Монтегю:

— Аллан! Но вы же должны понять! Я имела право продать эти акции! Райдер нуждался в них. Он намерен организовать синдикат. Это была чисто деловая сделка.

— Я в этом и не сомневаюсь, Люси, — тихим голосом ответил Монтегю, — но как вы сумеете убедить в этом всех? Я уже говорил вам, что произойдет, если вы сблизитесь с таким человеком, как Стенли Райдер. Вы узнаете это, когда будет слишком поздно. Случай с Уотерманом должен был открыть вам глаза на то, что говорят люди.

Люси вскочила и посмотрела на него с ужасом.

— Аллан! — вскричала она.

— Что? — спросил он.

— Вы хотите сказать, что Уотерман позволил себе так поступить со мной, потому что Стенли Райдер мой друг?

— Именно это я и хочу сказать. Уотерман услышал сплетни на ваш счет и подумал, что если Райдер богат, то он в десять раз богаче.

Краска залила ее шею и лицо. Она стояла, нервно ломая руки:

— О, Аллан! Это чудовищно!

— Я тут ни при чем. Так устроен мир. Я это понял и старался, чтобы это поняли и вы.

— Но это ужасно! — сказала она. — Я не хочу этому верить, не хочу и допускать подобной мысли! Но я не могу из-за этого подло предать друга!

— Мне знакомо это чувство, — сказал Монтегю. — И я бы не оставил вас, если бы это был другой человек, а не Стенли Райдер. Но я его знаю лучше вас, поверьте.

— Вы не знаете его, Аллан, вы не можете его знать! — возразила она. Поверьте мне, он хороший человек! Это человек, которого никто не понимает...

Монтегю пожал плечами.

— Возможно, — сказал он. — Я и раньше слышал нечто подобное. Многие люди не так плохи, как их дела, по крайней мере они очень стараются себя уверить в этом. Но вы не имеете права портить себе жизнь из жалости к Райдеру. Он сам создал себе репутацию и если бы действительно относился к вам хорошо, то не потребовал бы, чтобы вы жертвовали собой ради него.

— Он и не требовал, — ответила Люси. — То, что я сделала, я сделала по доброй воле. Я верю ему и не хочу верить рассказам о нем.

— Хорошо, — сказал Монтегю. — Тогда вам остается одно — идти своей дорогой.

Аллан говорил спокойно, хотя на сердце у него было тяжело. Он точно знал, какого рода речи Стенли Райдера склонили Люси к ее решению. Он смог бы развеять то ложное представление, которое Райдер сумел внушить Люси о себе, но что-то удерживало его. Возможно, инстинкт подсказывал Аллану, что Люси любит этого человека и никакие факты ее не образумят.

— Вы убедитесь во всем сами, — вот единственное, что он мог ей сказать.

И, не глядя на расстроенное лицо Люси, повернулся и вышел, даже не прикоснувшись к ее руке.

8

Наступил май, и большая часть знакомых Монтегю разъехалась по виллам, а те, кто с утра был прикован к своим письменным столам, имели автомобили, яхты или экипажи и ежедневно после обеда уезжали в город. Монтегю был приглашен провести пару недель у Эдриджа Девона, где Алиса гостила уже целую неделю, но он никак не мог выбрать время. Наконец, в субботу после обеда Монтегю отправился по заливу Гудзона на "Тритоне" — новой яхте Девона.

Один недоброжелательный человек сказал как-то про Девона, что он олицетворение человеческой скуки. Но сегодня Аллан убедился, что Эдридж живо интересуется жизнью. Девон вдруг вообразил, что только что созданная новая модель еще не разрекламированного автомобиля намного лучше любой из семнадцати машин, имеющих у него, и купил три таких автомобиля. Поэтому Монтегю, сидя на верхней палубе "Тритона" и любуясь живописными берегами реки, вынужден был слушать монотонный голос Девона, рассуждавшего на тему о клапанах и цилиндрах.

Один из новых автомобилей ожидал их у собственной пристани Девона и быстро помчал по холмам к особняку. Ни разу еще место, где находился особняк Девона, не казалось Аллану таким чудесным, как теперь, когда фруктовые деревья стояли в цвету и весна придавала очарование всему вокруг. На много миль склоны холмов представляли собой одну сплошную великолепную лужайку. Но — увы! — для Эдриджа Девона эти холмы были интересны только с точки зрения игры в гольф. Никогда в жизни Монтегю так остро не

ощущал убогость людей, среди которых вращался. Стоя под портиком, таким огромным, что он мог составлять принадлежность какого-нибудь сказочного замка, и любясь видом, открывавшимся на Гудзон, от которого у него замирало сердце, он даже не обратил внимания на миссис Билли Олден и еще нескольких ее друзей, играющих в бридж внизу на лужайке.

После завтрака Монтегю отправился на прогулку с Алисой, и она рассказала ему, как проводила время.

— Сюда приезжал на несколько дней молодой Куртис, — сообщила она.

— Племянник генерала Прентиса?

— Да. Он говорил, что познакомился с тобой. Что ты о нем думаешь?

— Он показался мне смышленным малым.

— Куртис мне очень нравится, — сказала Алиса. — Мне кажется, мы подружимся. Он интересный собеседник; знаешь, Гарри участвовал в войне, был ковбоем и вообще пережил много волнующих приключений. Мы с ним гуляли утром, и он мне рассказывал о них. Говорят, он преуспевающий юрист.

— По крайней мере входит в коллегия юристов, пользующихся успехом, сказал Монтегю, — и ему едва ли удалось туда попасть, если бы он не был таким способным.

— Куртис приятель Лауры Хиган, — сказала Алиса. — Она приезжала сюда на один день. Лаура очень придирчива, и дружба с ней говорит в его пользу.

Монтегю рассказал о том, как он посетил Лауру в одной из соседних вилл.

— Я разговаривала с ней тоже, — сказала Алиса. — Она пригласила меня на завтрак и уговорила покататься. Лаура понравилась мне больше, чем я ожидала. А тебе она нравится, Аллан?

— Я мало с ней знаком. Наверное, она понравилась бы мне. Но, увы, я-то ей не нравлюсь.

— Как это может быть? — спросила девушка.

Монтегю улыбнулся.

— Вкусы бывают разные, — сказал он.

— Нет, верно, есть какая-нибудь причина, — возразила Алиса.

— Она на многое смотрит так же, как ты. Мне кажется, ей было бы интересно с тобой поговорить, и я сказала ей об этом.

— И что она ответила?

— Ничего, — произнесла Алиса и, неожиданно повернувшись к нему, добавила: — Я уверена, ты знаешь причину. Мне бы хотелось услышать от тебя, в чем здесь дело.

— Не знаю ничего определенного, — сказал Монтегю, — но мне кажется, это имеет какое-то отношение к миссис Уинни.

— К миссис Уинни! — удивленно воскликнула Алиса.

— Вероятно, она слышала какие-нибудь сплетни и поверила им, — прибавил он.

— Но это бессмысленно! Почему ты не сказал ей правду?

— Что бы я сказал ей? — засмеялся Монтегю. — Не вижу причины говорить ей об этом. Ее нисколько не интересует моя персона.

Он помолчал.

— Раз или два я подумывал, не открыть ли ей глаза, уж очень мне было сначала досадно. И я представлял себе, как подойду к ней и скажу: "То, что вы обо мне думаете, — ложь!" Затем мне приходило в голову написать ей. Но, конечно, это было бы просто глупо: она никогда не призналась бы, что поверила сплетням, и составила бы обо мне самое превратное мнение.

— А я думаю, ничего подобного не случилось бы, — возразила Алиса, особенно, если она действительно думала то, что мне говорила. Она рассказывала о людях, которых встречает в обществе, о том, какие они скучные и кичливые. "Никто не говорит вам правду и не относится к вам искренне, — сказала она, — мужчины занимаются тем, что отпускают комплименты, воображая, что это нужно каждой женщине. Чем больше я их узнаю, тем менее они меня интересуют".

— Это верно, — сказал Монтегю. — Чувствуешь себя неловко с девушкой в ее положении. Отец Лауры — могущественный человек, и когда-нибудь она сама станет очень богата. Конечно, люди, окружающие Лауру, стараются ее использовать. Я серьезно заинтересовался ею, когда впервые встретил, но, узнав поближе среду, в которой она вращается, стал стесняться даже говорить с ней.

— Но это не очень справедливо по отношению к Лауре, — сказала Алиса. Представь себе только, что будет, если так поступят все порядочные люди? А между тем душа у нее открытая. Она рассказала мне о

некоторых благотворительных делах, которыми увлекается. Лаура ходит по трущобам Ист-Сайда и, обучает детей бедноты. Мне представляется это настоящим подвигом. Но она рассмеялась, когда я так сказала. Лаура говорит, что это такие же люди, как и все мы, и, когда ближе их узнаешь и привыкнешь к ним, они уже не кажутся такими ужасными и далекими.

— Наверное, так оно и есть, — улыбнувшись, сказал Монтегю.

— Отец Лауры приезжал сюда за ней, — добавила Алиса. — Она мне сказала, что в первый раз за полгода он уехал из города. Не странно ли, что он так много работает при его деньгах! Что еще ему надо в жизни, как по-твоему?

— Во всяком случае, не денег, — ответил он. — Скорее власти. Когда имеешь такие огромные деньги, приходится много работать, чтобы другие их не отняли у тебя.

— Глядя на него, понимаешь, что он должен уметь постоять за себя, сказала девушка. — У него такое мрачное и отталкивающее лицо. Трудно поверить, что он умеет улыбаться.

— Хиган очень приятный человек в обществе, разумеется, с близкими знакомыми.

— Кстати, он помнит тебя и расспрашивал о тебе. Не Хиган ли собирался купить акции Люси Дюпрэ?

— Я говорил с ним об этом деле, но ничего не вышло.

Они помолчали с минуту, а затем Алиса вдруг спросила:

— Аллан, что значат эти слухи о Люси?

— Какие слухи?

— О ней и о мистере Райдере. Я слышала, что вчера говорила миссис Лендис. Это возмутительно!

Монтегю не знал, что и сказать.

— Я ничем не могу здесь помочь? — спросил он.

— Не знаю, но мне кажется, что Виктория Лендис — ужасная женщина. Сама она позволяет себе все, что ей нравится, но о других рассказывает отвратительные вещи.

Монтегю промолчал.

— Скажи, — спросила Алиса, — поскольку ты отказался вести дела Люси, не следует ли нам прекратить с ней всякое общение?

— Не знаю, — ответил он. — Не думаю, чтобы она теперь захотела меня видеть. Я сказал ей об ошибке, которую она совершает, но Люси предпочла действовать по-своему. Что же я могу сделать еще?

Вечером того же дня Монтегю оказался рядом с миссис Билли Олден, и та спросила его:

— Что за слухи ходят о вашем друге — миссис Тэйлор?

— Не знаю, — сухо ответил он.

— Похоже, эта очаровательная вдова губит сама себя.

— Почему вы так думаете?

— Мне сказала это Вивьен Паттон, а она, знаете ли, старая симпатия Стенли Райдера. Так что, я полагаю, это исходит от него самого.

Монтегю лишился дара речи, он даже не нашел, что сказать.

— Все это весьма прискорбно, — продолжала миссис Билли. — Она и в самом деле прелестное создание. Эти слухи плохо скажутся на ней. Ведь миссис Тэйлор приезжая, и к тому же все это произошло слишком быстро. Неужели так поступают на Миссисипи?

Аллан заставил себя ответить:

— Миссис Тэйлор сама себе хозяйка.

Однако его нежелание вести этот разговор ничего не дало, так как миссис Билли отпарировала:

— Но Вивьен сказала, что Люси любовница Стенли Райдера.

Монтегю отвернулся от миссис Олден. Он больше не хотел ее слушать.

— Я понимаю ваши чувства, — упорно продолжала великосветская леди после паузы. — Теперь все будут об этом говорить. Ваш друг Реджи Манн слышал разговоры Вивьен, а уж он постарается, чтобы эти слухи пошли дальше.

— Реджи Манн не принадлежит к числу моих друзей, — сухо заметил Монтегю.

Они замолчали.

— И как только вы переносите этого человека? — спросил Аллан, чтобы переменить тему разговора.

— О, Реджи вполне на своем месте, — ответила миссис Билли и окинула взором зал. — Вы видите всех этих женщин? — продолжала она. — Возьмите-ка с полдюжины их утром и поместите в одной комнате; все они смертельно ненавидят друг друга, и, если вблизи нет мужчин и им абсолютно нечего делать, они переругаются между собой. Сумели бы вы удержать их от этого?

— Значит, в этом и заключается роль Реджи? — спросил Монтегю.

— Вот именно. Когда он заметит, что ссора назрела, он бросается вперед, чтобы выкинуть какой-нибудь номер. Неважно, какой именно (я слышала, как он кричал петухом и спотыкался о собственные ноги), лишь бы вызвать смех.

— А вы не боитесь, что наш разговор дойдет до вашей жертвы? — улыбаясь, спросил Монтегю.

— Для этого он и предназначен, — последовал ответ. — У вас, наверное, мало врагов, — продолжала миссис Билли.

— Не думаю, чтобы кто-либо меня всерьез ненавидел.

— Вот вам и следует их завести. Враги придают жизни остроту. Я это вполне серьезно, — добавила она, видя, как он улыбается.

— Мне никогда не приходила в голову такая мысль.

— Разве вы никогда не испытывали, какие ощущения приносит горячая схватка с врагом? Видите ли, вы человек приличий и не любите признаваться в этом, но что нас больше всего возбуждает, как не добрая сильная ненависть? Когда-нибудь вы в этом убедитесь.

Лучшее наслаждение в жизни это выследить того, кто ненавидит тебя, опрокинуть его и смотреть, как он будет барахтаться.

— А если он сам опрокинет вас?

— Ах! — сказала она. — Этого-то вы и не должны допускать! В этом и состоит борьба. Подстерегите врага и бросьтесь на него первым.

— Ну, это же просто варварство!

— Наоборот, — ответила великосветская дама, — это высшее достижение цивилизации. В настоящее время общество овладевает искусством ненависти. Это как бы отголосок борьбы за существование. Вы изучаете свою жертву, ее слабости и больные места и с точностью определяете, куда воткнуть свое жало. Вы узнаете ее желания и стремитесь воспрепятствовать их удовлетворению. Вы старательно подыскиваете себе союзников, окружаете свою жертву и поражаете ее насмерть, а покончив с одной, устремляетесь за другой.

И миссис Билли сверкнула глазами, оглядывая избранное общество в гостиной миссис Девон, обставленной в стиле Людовика XVI.

— Как вы полагаете, эти люди решили тут заночевать? — спросила она.

9

Прошла неделя или две, и Оливер позвонил брату по телефону:

— Свободны ли вы с Алисой сегодня вечером? Я хочу привести к обеду знакомого.

— Кого именно? — спросил Монтегю.

— Вы о нем никогда не слыхали, но мне хотелось бы вас с ним познакомить. Правда, он покажется вам странным. Потом я все объясню. Передай Алисе мою просьбу.

Монтегю выполнил поручение, и в семь часов они сошли вниз. В холле их ждал Оливер со своим знакомым, и Монтегю едва удержался, чтобы не выдать своего удивления.

Оливер представил мистера Гембла. Это был человек едва ли выше пяти футов ростом и такой полный, что было удивительно, как он может передвигаться без посторонней помощи; его подбородок и шея образовывали целый ряд жирных складок. Лицо круглое, как луна в полнолуние, и на нем едва различались маленькие свиные глазки. Только внимательно присмотревшись, можно было обнаружить, что эти глазки хитро щурились.

Мистер Гембл был человеком самой вульгарной внешности, какого когда-либо встречала Алиса Монтегю. Он протянул ей жирную маленькую руку, она осторожно к ней притронулась и беспомощно посмотрела на Оливера и Аллана.

— Добрый вечер, добрый вечер! — скороговоркой начал он. — Я в восторге от знакомства с вами, мистер Монтегю. Я много слышал о вас от вашего брата, и мне кажется, что мы уже старые друзья.

Последовала небольшая пауза.

— Не пройти ли нам в ресторан? — спросил Монтегю.

Ему была не очень приятна перспектива выдерживать изумленные взгляды, которые со всех

сторон устремятся на них, стоит им появиться, но другого выхода он не видел. Они вошли в зал и уселись за столиком. Монтегю исподтишка наблюдал, достают ли до стола коротенькие руки мистера Гембла, сидевшего против него.

— Какой теплый вечер! — сказал тот, слегка отдуваясь. — Я весь день провел в поезде.

— Мистер Гембл приехал из Питтсбурга, — пояснил Оливер.

— В самом деле? — вставил Монтегю, стараясь поддержать разговор. — У вас там свое дело?

— Нет, я разделался с делами, — ответил мистер Гембл с усмешкой, — так сказать, сложил оружие и ушел. Хочу посмотреть свет до наступления старости.

Официант подошел принять заказ. В это время Монтегю сердито посмотрел на брата, на лице которого расплывалась широкая улыбка. Затем Аллан перехватил взгляд Алисы и уловил ее шепот:

— Ради бога, ну о чем мне с ним говорить?

Но оказалось, что беседовать с джентльменом из Питтсбурга совсем не трудно. Он, по-видимому, был в курсе всех сплетен Нью-Йорка и охотно поставлял темы для разговора. Гембл побывал за зиму и в Пальм-Биче, и в Хот-Спрингсе и рассказал, что он там видел. Он собирался нынешним летом в Ньюпорт и распространялся о своих планах на будущее. Если Гембл и мог догадаться, что все это не особенно интересует Монтегю и его кузину, то он никак этого не обнаруживал.

Покончив с изысканным обедом, заказанным Оливером, мистер Гембл предложил отправиться в театр.

У него была на этот вечер ложа, и Оливер принял предложение прежде, чем Монтегю успел вставить слово. Извинившись, он отказался, сославшись на важную работу.

Он поднялся наверх и, стряхнув с себя ощущение скуки, погрузился в работу. Закончив ее уже после полуночи, Аллан вышел подышать свежим воздухом и, по возвращении, застал Оливера с его знакомым в вестибюле отеля.

— Как поживаете, мистер Монтегю? Очень рад видеть вас снова, — сказал мистер Гембл.

— Алиса только что ушла наверх, — заметил Оливер. — А мы решили посидеть в кафе. Не пойдешь ли с нами?

— Очень прошу вас, — радушно пригласил его мистер Гембл.

Монтегю пошел с ними, потому что хотел поговорить с Оливером до того, как он ляжет спать.

— Знаете ли вы Дика Ингама? — спросил мистер Гембл, когда они уселись за столик.

— Из Стального треста? — спросил Монтегю. — Я слышал о нем, но никогда не встречал.

— Мы о нем только что говорили, — продолжал мистер Гембл. — Бедный малый! Ему не повезло, знаете. И это была не его вина. Слышали ли вы, что произошло с ним в действительности?

— Нет, — ответил Монтегю.

Он знал, на что намекает Гембл. Ингам состоял в "стальной шайке", как прозвали трест, и даже был его

президентом прежде, чем был вынужден покинуть этот пост из-за разразившегося скандала.

— Он мой старый друг, — сказал Гембл, — и все мне рассказал. Это началось в Париже. Некая сотрудница газеты попыталась его шантажировать, и он засадил ее в тюрьму на три месяца. Но когда она вышла оттуда, американские газеты стали публиковать скандальные истории о бедном Ингаме. Публика возмутилась, и ему пришлось подать в отставку — представьте!

При этом он так сильно раскудахтался, что у него от хохота начался приступ кашля, и пришлось попросить официанта принести стакан воды.

— Теперь у них разразился новый скандал, — сказал Оливер.

— Они веселые ребята, эта "стальная шайка", — засмеялся Гембл, — они добиваются, чтобы Давидсон тоже ушел в отставку, но он с ними еще поборется. Он слишком много знает. Наверное, вы слышали и его историю?

— Кажется, это не очень симпатичная история, — ответил Монтегю, чтобы хоть что-нибудь сказать.

— Плохая история, очень плохая, — серьезно сказал Гембл. — Я его предостерегал, но это не помогло, Помню, как однажды ночью Давидсон сказал мне: "Джим, когда добудешь кучу денег и начнешь покупать все, что тебе захочется, в конце концов покупаешь женщину, и отсюда начало всех бед. Когда приобретаешь картины, то этой забаве когда-нибудь наступает конец: раньше или позже все твои стены будут увешаны ими. Но женщину никогда не удовлетворишь". — И мистер Гембл покачал головой:

— Плохая история, очень плохая, — повторил он.

— Вы тоже занимались сталью? — вежливо спросил Монтегю.

— Нет, нет, мой товар нефть. Я боролся с Трестом, но не выдержал конкуренции, в прошлом году они купили мое дело. И вот теперь я разъезжаю по белу свету.

Мистер Гембл вновь погрузился в размышления.

— Но я не Давидсон, и со мной никогда ничего подобного не приключалось, — сказал он задумчиво, — я женатый человек, и с меня довольно одной женщины.

— Ваша семья в Нью-Йорке? — спросил Монтегю, стремясь переменить тему разговора.

— Нет, нет, она живет в Питтсбурге, — последовал ответ. — У меня четыре дочери — все учатся в колледже. Удивительные девицы, скажу я вам, мне хотелось бы, чтобы вы их увидели, мистер Монтегю.

— Был бы очень рад! — сказал Аллан, злясь на себя.

К его великому облегчению спустя несколько минут мистер Гембл встал и пожелал ему доброй ночи.

Монтегю посмотрел, как он с трудом влезает в свой автомобиль, и повернулся к брату.

— Оливер, — сказал он, — что это, черт возьми, значит?

— То есть? — невинным тоном спросил Оливер.

— Что это за тип? — воскликнул Аллан.

— Я думал, тебе приятно будет с ним познакомиться, — сказал Оливер. Он интересный малый.

— Я не расположен к шуткам, — сердито ответил Аллан. — Ты просто скомпрометировал Алису, познакомив ее с таким господином!

— Не говори глупостей! — воскликнул Оливер. — Он принят в лучшем обществе.

— Где ты его нашел? — спросил Монтегю.

— Нас познакомила миссис Лэндис. А она, в свою очередь, познакомилась с ним через своего кузена, морского офицера. Мистер Гембл этой зимой жил в Бруклине и знает всех моряков.

— Но с какой же целью ты меня с ним познакомил? — нетерпеливо спросил Монтегю. — Тут кроется какое-нибудь дело, в котором ты заинтересован?

— Нет, нет, — ответил Оливер, весело улыбаясь, — знаешь, он хочет, чтобы его знакомили со всеми.

— Уж не собираешься ли ты ввести его в высшее общество? — саркастически улыбнулся Монтегю.

— Что ты кипяتيشся, как ребенок? — рассмеялся Оливер.

Аллан глядел на него во все глаза.

— Этого человека в высшее общество? Оливер, ты это серьезно?

— Конечно, раз он этого хочет. Почему бы и нет?

— Только не его жену и дочерей! — воскликнул Аллан.

— О, этого не будет. Его семья живет в Питтсбурге. Пока что только его самого. Тем не менее, — добавил Оливер, — готов биться об заклад, что если бы ты встретился с четырьмя прелестными дочерьми Джима

Гембла, ты не был бы столь категоричен. Они учились в лучшем пансионе и получили такое образование, какое только можно было купить им за деньги. Но, боже, я устал слушать об их совершенствах!

— Ты хочешь мне внушить, — возразил Монтегю, — что твои друзья станут терпеть такого человека?

— Некоторые из них да. У него куча денег, знаешь, он прекрасно разбирается в ситуации и не станет совершать ошибки.

— Но какого черта ему это нужно?

— Вот уж это предоставь знать самому Гемблу.

— А ты, — спросил Монтегю, — ты на этом зарабатываешь что-либо?

Оливер как-то загадочно улыбнулся.

— Уж не воображаешь ли ты, что я в него влюблен? Я думал, знакомство с ним тебя позабавит.

— Даже если это так, — сказал Монтегю, — ты не имел права навязывать такого типа Алисе.

— Вот ты о чем! Но ведь она будет повсюду встречать его в Ньюпорте этим летом. Поэтому я прежде всего должен был познакомить его с вами тут. Гембл ничего плохого не сделал Алисе. Он ей доставил удовольствие сегодня вечером, и держу пари, что успеет понравиться до своего отъезда. Он по-настоящему очень славный малый. Беда только в том, что пускается в откровения.

Монтегю молчал, и Оливер переменял тему разговора.

— Похоже, у Люси дела обстоят неважно. Можем ли мы тут что-либо поделаться?

— Ничего, — ответил Аллан.

— Она просто губит себя, — сказал Оливер, — я попробовал было склонить Реджи Манна, чтобы он ввел ее в круг знакомых миссис Девон, но тот ответил, что не решится пойти на такой риск.

— Да, конечно, — сказал Монтегю.

— Какой позор! Миссис Билли Олден собиралась пригласить ее в Ньюпорт этим летом, но теперь, мне кажется, она не захочет иметь с ней дела. Люси окажется в обществе одного Стенли Райдера и его приятелей. Она оттолкнула всех от себя.

Монтегю пожал плечами.

— Она сама себе хозяйка, — сказал он.

— Я полагаю, Люси будет хорошо проводить время, — прибавил Оливер, ведь Райдер щедрый человек.

— Надеюсь, — сухо произнес Монтегю.

— Говорят, что он гребет деньги лопатой, — сказал Оливер и прибавил нетерпеливо. — Хотел бы и я возглавить трест.

— Почему именно трест?

— Это самая спокойная работа, — ответил Оливер. — Тресты умудряются обходить банковские законы, и деньги так и плывут к ним. Я полагаю, ты следишь за их объявлениями?

— Более или менее.

— Я слышал, будто трест Райдера получает иногда доход более миллиона в месяц.

— Это звучит привлекательно, — заметил Монтегю и сухо добавил: Наверное, Райдер считает трест своей полной собственностью.

— Похоже на то, что так оно и есть. Если бы я решил делать деньги на Уолл-стрите, то предпочел бы контролировать пятьдесят миллионов, нежели иметь десять своих собственных. — Помолчав, Оливер добавил: — Кстати, Прентисы пригласили Алису к ним в Ньюпорт. Алиса, кажется, увлечена этим молодым Куртисом.

— Он работяга, — сказал Монтегю, — и, по-видимому, приличный малый.

— Без сомнения, — ответил Оливер, — но у него недостаточно денег, чтобы позаботиться о такой девушке, как Алиса.

— Не знаю, этот вопрос должна решать сама Алиса.

10

Однажды, примерно месяц спустя, Монтегю к своему великому удивлению, получил письмо от Стенли Райдера. "Не будете ли вы столь любезны заглянуть ко мне в контору сегодня после обеда, — прочитал он, — мне надо обсудить с вами деловое предложение, которое, я уверен, вы сочтете очень выгодным для себя".

"Вероятно, он хочет купить мои акции Северной миссисипской железной дороги", — сказал сам себе Монтегю, позвонил Райдеру и условился с ним насчет встречи.

Аллан впервые посетил Готтамский трест и был потрясен его великолепием: массивные бронзовые ворота и стены из отличного белого мрамора. Личный кабинет Райдера был изысканно и роскошно отделан, а сам он являл собой образец аристократического изящества.

Он сердечно приветствовал Монтегю. Несколько минут речь шла о состоянии рынка и положении дел. Райдер вертел в руке карандаш и в то же время внимательно наблюдал за гостем. Наконец, он приступил к делу.

— Мистер Монтегю, в течение некоторого времени я работаю над проектом, который, мне кажется, представляет для вас интерес.

— Буду очень рад послушать о нем.

— Вам, конечно, известно, — сказал Райдер, — что я купил у миссис Тэйлор ее акции Северной миссисипской железной дороги. Я купил их, считая, что это дело стоящее, и надеялся убедить кого-нибудь взяться за него. Я нашел, кажется, подходящих людей, и теперь план продолжения этой дороги можно будет провести в жизнь.

— В самом деле? — заметил Монтегю с интересом.

— Его суть состоит в том, мистер Монтегю, чтобы удлинить дорогу в соответствии с планом, который вам хорошо известен. Прежде чем приступить к его осуществлению, мы снесли со всеми акционерами. С большинством из них, я полагаю, вы знакомы. Через наших агентов мы предложили им продать свои акции по цене, по нашему мнению, приемлемой, и уже приобрели дополнительно пять тысяч акций по цене, гораздо выше

той, которую мы рассчитываем платить впредь, если учесть предполагаемые затраты на переоборудование. Теперь мы хотим сделать новое предложение этим пайщикам. В будущем месяце состоится ежегодное собрание акционеров. На нем будет представлен проект дополнительного выпуска двадцати тысяч акций с тем, чтобы те его акции, которые не возьмут нынешние пайщики, остались за нами. Не исключено, что лишь немногие из акционеров захотят сохранить свою часть акций. Это позволит нам взять контроль над дорогой в свои руки. Но вы понимаете, конечно, что наш синдикат не возьмется за это дело, пока не получит контрольного пакета акций.

Монтегю утвердительно кивнул.

— На этом собрании, — продолжал Райдер, — мы предложим свой список членов нового правления. Поскольку наше предложение в интересах каждого пайщика, мы надеемся, что оно пройдет. По нашему мнению, Северная миссисипская дорога нуждается в новых методах работы и обновлении административного аппарата. Если большинство акционеров примет нашу точку зрения, мы возьмем на себя контроль над дорогой и проведем нового президента.

Райдер умолк, как бы желая дать Аллану возможность осмыслить его сообщение, и, пристально глядя на него, продолжал:

— Я встретился с вами, мистер Монтегю, чтобы предложить оказать нам помощь в осуществлении этого проекта. Прежде всего предлагаем вам стать нашим представителем по связям с постоянными поверенными синдиката. Мы хотели бы также, чтобы вы неофициально встречались с акционерами дороги, разъясняли бы им

наши намерения и поручились за нас. Если вы согласитесь осуществить нашу задачу, мы будем рады ввести вас в состав директоров правления, а когда дело будет полностью в наших руках, попросим вас занять пост президента.

Монтегю с трудом удержался от изумленного восклицания. Жизненный опыт научил его сдерживать бурное проявление чувств.

— Мистер Райдер, — подумав, сказал он, — признаться, меня удивляет ваше предложение, поскольку вы меня недостаточно знаете.

— Я знаю вас лучше, чем вы думаете, мистер Монтегю, — улыбаясь, сказал Райдер. — Можете быть уверены, я не стал бы вам предлагать такое дело, не наведя о вас справок и не убедившись, что вы тот человек, который нам подходит.

— Мне очень приятно это слышать, — сказал Монтегю, — но я должен вам напомнить, что я не специалист по железным дорогам и не имею за плечами подобного опыта.

— Здесь этого и не требуется. Специалиста мы можем нанять по дешевке. Нам же нужен человек старательный и уравновешенный, а главное, безукоризненно честный, способный завоевать доверие акционеров и укрепиться в нем. И нам кажется, что вы обладаете этими качествами. К тому же за вами еще одно преимущество — вы отлично знаете местные условия и здешних людей.

Монтегю снова задумался.

— Предложение очень лестное, — заметил он, — и скажу, не кривя душой, оно меня интересует. Но раньше,

чем принять решение, я должен знать, кто входит в ваш синдикат.

— А зачем вам это?

— Если моя репутация служит порукой его добрых намерений, то мне нужно знать, с какими людьми я буду иметь дело.

Монтегю смотрел собеседнику прямо в глаза.

— Вы, конечно, понимаете, что в подобном деле необходимо действовать осторожно, — возразил Райдер. — Мы не можем позволить себе заранее рассказывать о своих намерениях. У нас есть враги, которые готовы ставить нам палки в колеса на каждом шагу.

— То, что вы мне сообщите, разумеется, останется между нами, — сказал Монтегю.

— Я это прекрасно понимаю. Но сначала мне хотелось бы узнать, как вы относитесь к проекту, согласитесь ли взяться за эту работу и посвятить ей себя?

— Почему бы и нет.

— Мне кажется, — сказал Райдер, — предложение может быть рассмотрено только по существу. Оно имеет в виду осуществить важное общественное мероприятие: дорога, пришедшая в упадок и, более того, практически обанкротившаяся, будет поставлена на ноги и полностью реорганизована. Она нуждается в энергичном и честном административном аппарате, новом современном оборудовании и новых грузах. Миссисипская стальная компания, как вы, несомненно, знаете, расширяется. Все

это, на мой взгляд, говорит за целесообразность нашего предприятия.

— Согласен, — сказал Монтегю. — Я встречу с заинтересованными лицами, изложу дело и, если их намерения совпадут с моими, буду очень рад сделать все, что смогу для успеха предприятия. Как вам несомненно известно, у меня самого есть пятьсот акций, и я буду рад стать членом синдиката.

— Я и сам собирался это вам предложить, — сказал Райдер. — Я не вижу ничего, что не устраивало бы вас в нашем проекте — во многом он принадлежит мне, и моя репутация его подкрепляет, а Готтамский трест предоставит на его осуществление неограниченный кредит.

Райдер сказал это несколько высокомерно. Монтегю сначала чувствовал себя не очень уверенно. Но никто не мог бы в кабинете Райдера не оказаться во власти всей этой роскоши. В конце концов то, что он сидит здесь, в помещении Готтамского треста, чьи вклады насчитывают семьдесят или восемьдесят миллионов, — реальность. И этот джентльмен с невозмутимым аристократическим лицом по существу их хозяин. Какое же основание имел Монтегю для колебаний, кроме сплетен, распространяемых в кругах циничного светского общества?

Каковы бы ни были его личные сомнения, но минуты размышления хватило, чтобы осознать — его миссисипским друзьям не понять его, если бы он отказался. С именем Стенли Райдера, которого поддерживал Готтамский трест, успех в родных местах ему обеспечен, и все старые друзья их семьи поспешат следовать его рекомендациям.

Райдер переждал немного, возможно, чтобы дать Аллану время привести в порядок мысли, а затем продолжил:

— Я полагаю, мистер Монтегю, что вы кое-что знаете о Миссисипской стальной компании. Сталь занимает на рынке исключительное положение. Цены, искусственно вздутые, держатся на постоянном уровне, и конкуренты также имеют возможность получать большие прибыли. Однако те, кто подключается к делу, как правило, сталкиваются с неожиданными препятствиями. Они не могут получить желаемого кредита, тонут в заказах, а Уолл-стрит и не думает им помогать. В результате о них начинают ходить таинственные слухи. Иногда пропадают важные бумаги, задерживается необходимая информация из Европы и тому подобное. Случается, что переманивают лучших бухгалтеров, подкупают конторских мальчиков, и все деловые тайны становятся достоянием конкурентов. Железнодорожные компании поступают с ними нечестно: доставка запаздывает, происходят всякого рода мелкие неприятности, подрывающие доверие к ним. Вы знаете, как сказываются на предпринимателях такие дела. Подобными и тысячью другими способами осложняется жизнь независимого производителя стали. И вот, мистер Монтегю, существует проект продлить железную дорогу, которая могла бы успешно обслуживать главного конкурента Стального треста. Я полагаю, вы достаточно твердо стоите на земле, чтобы понять, что данный проект был бы осуществлен давным-давно, если бы Стальной трест не мешал этому. Теперь настало время провести его в жизнь, несмотря на возможное противодействие Треста, и я обратился к вам, так как

считаю вас человеком, на которого можно рассчитывать в такого рода борьбе.

— Я понимаю вас, — спокойно ответил Монтегю, — вы правы в своем предположении.

— Очень хорошо, — сказал Райдер. — Теперь я скажу вам, что синдикат, о котором идет речь, состоит из меня и Джона С.Прайса, который с недавнего времени осуществляет контроль над Миссисипской стальной компанией. Вы без труда узнаете, какова репутация Прайса. Он единственный человек в стране, кто выступил против Стального треста. Капитал Миссисипской стальной компании удвоился за последний год, и его рост ничем не ограничен, не считая объемов производства и пропускной способности железных дорог, транспортирующих его продукцию. Новый проект должна была бы осуществить сама компания, если бы ее капитал и кредит не были вовлечены в расширение производства. Прайс вложил в это часть своих собственных денег, а я пополнил эту сумму. Теперь мы ищем честного человека, которому могли бы доверить этот важнейший проект, человека, который взял бы дело в свои руки, поставил его на реальную почву, чтобы эта железная дорога послужила людям. Вы — тот человек, которого мы избрали, и если наше предложение вам подходит, мы готовы безотлагательно передать его в ваши руки.

Минуту-две Монтегю молчал, потом сказал:

— Я ценю ваше доверие, мистер Райдер, и то, что вы предложили, привлекает меня. Но мне далеко не просто принять решение, как вы, конечно, понимаете, и я прошу вас предоставить мне отсрочку для ответа до завтрашнего дня.

— Хорошо, — сказал Райдер.

Первая мысль Монтегю была о генерале Прентисе. "Приходите ко мне всегда, когда вам понадобится совет", — сказал ему генерал. И Монтегю отправился к нему в контору.

— Знаете ли вы что-нибудь о Джоне С.Прайсе? — спросил он.

— Только понаслышке. С ним лично не знаком. Он уолл-стритовский воротила и, как я слышал, удачливый. Начал ковбоем, затем занялся рудниками. Десять-пятнадцать лет назад стало известно, что его заинтересовало серебро, а несколько лет назад он вошел в Миссисипскую стальную компанию. Это была сенсационная новость. Все считали, что Прайс взялся за бесперспективное дело, так как Стальной трест вел борьбу с Миссисипской стальной компанией. Похоже он одержал в ней верх.

— Это интересно, — сказал Монтегю.

— Но Прайс прошел суровую школу. Он остер на язык. Помнится, однажды я присутствовал на собрании кредиторов "Американской компании по производству отопительных приборов", оказавшейся в затруднительном положении. Прайс начал так: "Господин председатель, когда я прихожу в контору промышленной корпорации и вижу аппарат, отстукивающий на ленте последние курсы акций на бирже, за креслом у его президента, которое стоит на истертом коврикe, мне уже не надо спрашивать, как у него идут дела". Но для чего вам знать о Прайсе? — спросил генерал, посмеявшись над этим воспоминанием.

— Ради дела, которое касается меня, — отвечал Аллан.

— Я скажу вам, кто хорошо его знает. Гарри Куртис. Юридические дела Прайса ведет Уильям Е. Давенант.

— В самом деле? Тогда, пожалуй, я повидаюсь с Гарри.

— Я могу назвать вам человека и посолиднее Гарри, — подумав, сказал Прентис. — Спросите вашу приятельницу миссис Олден; по-моему, она близкая знакомая Прайса.

Монтегю послал записку миссис Билли и получил ответ: "Приходите обедать, я сегодня дома". И вот в тот же вечер Аллан утопал в большом кожаном кресле гостиной миссис Билли и слушал ее рассказы о владельце Миссисипской стальной компании.

— Джон Прайс? — спросила великосветская леди. — Да, я знаю его. Все зависит от того, кем он для вас будет: другом или врагом. Его мать была ирландка, и он весь в нее. Если вы понравитесь ему, то он готов будет за вас умереть, а если возненавидит, то вы услышите от него такие эпитеты, о существовании которых и не подозревали. Впервые я встретила его в Вашингтоне, лет пятнадцать назад, когда мой брат был членом конгресса. Кажется, я вам уже рассказывала, как Дэви заплатил сорок тысяч за место в конгрессе. Это был год, когда демократы одержали верх, и они выбрали бы и Реджи Манна, если бы это им было надо. Я приехала в Вашингтон провести зиму. Прайс в то время был там с целой армией завсегдаев лобби Законодательного собрания. Он боролся за свободное обращение серебра. Все это происходило до кризиса, когда, как вам известно, серебро еще было в цене и Прайса считали Серебряным

королем. Той зимой я видела своими глазами все, что творилось за кулисами американского правительства, могу вас заверить.

— Расскажите, пожалуйста, — попросил Монтегю.

— Демократическая партия одержала победу на выборах, пообещав снизить тарифы, и действительно предоставила монополиям всякие льготы. Деньги лились рекой, и мой брат смог утроить свои сорок тысяч. Компанию возглавляли боссы Стального треста. Уильям Робертс приезжал из Питсбурга каждые два или три дня, а в остальные дни связывался с Нью-Йорком по личному телефону. Я всегда утверждала, что Стальной трест инициатор всех мошенничеств с тарифами. И это продолжается до сих пор.

— А что сделал Прайс со своими серебряными копиями? — спросил Монтегю.

— Он их продал, — сказала она, — и как раз вовремя. Он участвовал в предвыборной кампании девяносто шестого года, и я помню, как однажды вечером у меня на обеде рассказал, что республиканская партия ассигновала десять или пятнадцать миллионов долларов на предвыборную кампанию. "Серебру пришел конец", — сказал он и продал свое дело в том же месяце. С тех пор он свободен. А вы с ним знакомы?

— Пока еще нет, — ответил Монтегю.

— Это интересный человек. Я слышала от Дэви, как он, будучи еще владельцем копеек, поражал Нью-Йорк своими карманами, раздувшимися от зеленых бумажек. За все он расплачивался стодолларовыми купюрами, как "угольно-нефтяной" Джо, даже за чистку обуви. И

предавался дикому разгулу — вы даже не можете себе вообразить, что он выделял!

— Так вот он какой! — воскликнул Монтегю.

— Был таким, но однажды с ним что-то произошло. Прайс обратился к врачу; тот ему что-то сказал, не знаю, что именно, и он перестроился. Не пьет, ест раз в день и ограничивается одной чашкой кофе. Но он все еще общается со своей прежней компанией: едва ли в городе есть политик или спортсмен, которого не знал бы Джон Прайс. Он сидит с ними чуть ли не до утра и беседует, но я никак не могу заполучить его к себе на обед. "Мое общество — люди, — говорит он, — а ваши гости — мелюзга". Если вы когда-нибудь захотите по-настоящему узнать Нью-Йорк, попросите Джона Прайса быть вашим гидом и познакомить вас с маклерами и грабителями!

Монтегю поразмыслил над портретом, который нарисовала его приятельница, и сказал:

— Так или иначе, но он не очень похож на главу корпорации с капиталом сто миллионов.

— Одно другому не мешает, — сказала миссис Билли. — При этом Прайс с раннего утра в своей конторе, как и все его служащие. И если вы думаете, что это не светлая голова, то попробуйте его на чем-нибудь провести, и вы увидите, что из этого получится. Позвольте мне рассказать вам кое-что о его борьбе со Стальным трестом.

И она начала рассказывать.

Выслушав миссис Билли, Монтегю воспользовался ее письменным столом и написал записку Стенли Райдеру: "Из сведений, собранных мной о Джоне С.Прайсе, я понял, что его дело — изготавливать сталь.

Если наша железная дорога будет перевозить его сталь, я согласен на ваше предложение".

11

На следующее утро Монтегю встретился с Джоном С.Прайсом в его конторе на Уолл-стрите и был приглашен на совещание по поводу реорганизации Северной миссисипской железной дороги. Он принял приглашение и после обеда явился в юридическую контору "Уильяма Е.Давенанта.

Первый, кого он там встретил, был Гарри Куртис.

— Я ужасно обрадовался, узнав, что вы участвуете в этом деле и нам предстоит работать вместе, — сказал Гарри.

За столом комнаты для совещаний в конторе Давенанта расположились Райдер, Прайс, Монтегю, Куртис и Уильям Е.Давенант. Давенант был одним из самых известных юристов Нью-Йорка. На этом высоком, тощем господине костюм висел как на вешалке. Одно его плечо было чуть выше другого, а длинная шея вытянута вперед, вследствие чего казалось, будто его нервное лицо все время напряжено. Проницательные глаза Давенанта свидетельствовали о постоянной работе мысли. Его годовой доход некоторые оценивали в четверть миллиона долларов, и он гордился тем, что никто из поместивших деньги в опекаемое им дело никогда не пожалел об этом.

Забавный контраст с ним представлял собой Прайс, который выглядел как хорошо одетый боксер. Круглое лицо, несколько полноватая фигура, но за всем этим чувствовалось, что это человек железной воли. Можно

было легко поверить, что Прайс сам пробивал себе дорогу в жизни. Он говорил резко, конкретно, излагая суть дела несколькими скупыми фразами, подобно хирургу, орудующему скальпелем.

Первым решался вопрос о том, чтобы направить Монтегю на юг. Необходимость в покупке новых акций уже отпала, ибо, обеспечив поддержку акционеров, можно было захватить управление дорогой в свои руки, а это было все, что требовалось. Монтегю должен был повидаться с теми владельцами акций, с которыми был знаком лично, и объяснить им, что ему удалось привлечь к этой железной дороге кое-кого из сильных мира сего на севере, которые готовы участвовать в строительстве новой ветки при условии, что на выборах пройдет их список директоров. Прайс составил такой список. В него вошли Монтегю, Куртис, Райдер, он сам, его кузен и еще какие-то двое, которых Прайс охарактеризовал как людей, привыкших помогать ему в таких делах. Оставалось два вакантных места, которые Монтегю предстояло заполнить кандидатурами из числа наиболее влиятельных владельцев акций.

— Это им понравится, — кратко заявил Прайс, — а у нас будет абсолютное большинство.

Предстояло условиться насчет выпуска акций номиналом в миллион долларов, которые оставил бы за собой Готтамский трест, а также о новом выпуске двадцати тысяч акций, распределяемых пропорционально между старыми акционерами по пятьдесят центов за доллар. Монтегю был уполномочен заявить, что его клиенты оставят за собой все акции, которые не пожелают взять эти акционеры. Он должен был всячески стараться сохранить в тайне весь план, и,

главное, чтобы акционеры дороги не навязали ему своего списка. В дальнейшем, когда речь зашла о старых наметках маршрута новой ветки, эти меры оказались весьма оправданными.

— Вам надо строго придерживаться этих планов и исходить из предположения, что нынешнее правление дороги никуда не годится, — заметил Прайс.

Вторым вопросом, подлежавшим обсуждению, было разрешение на постройку новой ветки.

— Имея такое разрешение, я получаю право делать все, начиная от строительства фабрики зубочисток и кончая состязаниями летательных аппаратов. Но дураки, добивавшиеся права продлить Северную миссисипскую железную дорогу, получили разрешение только на строительство ветки от Аткина до Опалы. Так что мы должны получить согласие на новую ветку. По приезде на место, мистер Монтегю, вам придется провести соответствующее решение через Законодательное собрание страны.

Монтегю задумался.

— Вряд ли я сумею оказать влияние на Законодательное собрание... начал он.

— Ладно, — сердито сказал Прайс, — мы возьмем это на себя.

Тут заговорил Давенант.

— Мне кажется, — сказал он, — что мы сможем уладить это дело, даже не упоминая о Северной миссисипской дороге. Если "стальная шайка" прослышит о наших планах, мы навлечем на себя неприятности: губернатор, как вы знаете, их человек. Нужно принять

общий законопроект, по которому всякое общественно полезное предприятие, получившее разрешение на строительство железной дороги, имеет право протянуть ее до определенных границ при определенных условиях и тому подобное. Мне кажется, я смогу так сформулировать законопроект, что он пройдет и никто не догадается, что за ним кроется.

— Прекрасно, — сказал Прайс, — действуйте.

И так они обсуждали пункт за пунктом. Прайс кратко изложил задачи Монтегю. До собрания акционеров оставалось всего две недели, и было решено, что он выедет завтра же.

Когда совещание окончилось, Монтегю поехал в город с Гарри Куртисом.

— Что это там Давенант сказал о губернаторе? — спросил он, когда они уже сидели в поезде.

— Вы имеете в виду губернатора Ханниса? — спросил Гарри. — Я не очень-то в курсе, но знаю, что на юге прошли бурные выступления против железных дорог, и тогда Уотерман с его "стальной шайкой" посадил там губернатора Ханниса, чтобы с этим покончить.

— Честно говоря, это ошеломило меня, — сказал Монтегю, немного подумав, — я ничего не сказал на совещании, но, знаете ли, губернатор Ханнис старый друг моего отца и один из порядочнейших людей, каких я когда-либо знал.

— О, я в этом не сомневаюсь, — откликнулся Куртис. — Для них сей почтенный старый джентльмен — пешка. Вероятно, он даже не подозревает, под чью дудку

пляшет. Вы, конечно, понимаете, что подлинный хозяин вашего штата — сенатор Хармон.

— Я слышал про это, — сказал Монтегю, — но никогда не придавал большого значения подобным слухам.

— Вот как! Вы придали бы им значение, оказавшись на моем месте. Я вел дела уотермановских южных железных дорог, и мне случалось передавать послания Хармону. Нью-Йорк — город, где вы познакомитесь с подобной игрой.

— Игра не из приятных, — холодно заметил Монтегю.

— Не я устанавливал ее правила, — сказал Куртис. — Вы сами оказываетесь перед необходимостью либо вступить в эту игру, либо отказаться от нее.

Молодой человек задумался, а потом рассмеялся в ответ на собственные мысли.

— Я понимаю ваши чувства. Помнится, какие у меня самого были угрызения совести, после того как я закончил колледж. Голова моя была полна красивыми афоризмами старого профессора этики. И вот меня взяли в юридический отдел Нью-йоркской гудзоновской железной дороги. Мы разбирали тяжбу о возмещении убытков, и старый Генри Корбин, главный юрисконсульт этой дороги, передал дело мне, а потом вынул из своего стола отпечатанный на машинке список членов Верховного суда штата. "Некоторые имена, — сказал он, — помечены красным карандашом — можете направить дело к любому из них: это наши люди". Подумайте только! А я был еще невинен как свежесмысленный цыпленок!

— Наверное, такие дела плохо кончаются, — сказал Монтегю.

Куртис пожал плечами.

— Пойди докажи...

— Но, ведь если какой-нибудь судья постоянно решает дела в пользу дороги... — начал было Монтегю.

— Я вас умоляю! Предоставьте это самому судье! Иногда он выносит решение против дороги, но при этом применяет такую статью, что высшая инстанция непременно отменяет решение, а к тому времени противной стороне все надоест, и она готова порешить дело миром. Есть и другой путь. Помню один случай, когда я сделал так, как велел старый Корбин, и был уверен, что выиграю дело. Я предъявил одиннадцать разных возражений, но в каждом случае судья толковал их против меня. Я долго не мог понять, в чем здесь хитрость. Видите ли, это дело направляют в высшую инстанцию и там понимают, что судья выгородил противную сторону явно с формальных позиций. Но поскольку Верховный суд не располагает свидетельскими показаниями и не может опираться на них, он оставляет в силе решение первой инстанции. Как видите, тут имеется не одна лазейка!

— Похоже, для правосудия тут остается мало места, — заметил Монтегю.

— Если бы вы занимались такими делами столько же, сколько я, и встречались с такими подозрительными личностями, которые пытаются нажиться на железных дорогах, вы бы уже не пеклись о правосудии. Мошенничество пустило сейчас такие корни, что, подав в суд, вы можете выиграть почти любое дело. Есть люди,

которые посвятили все свое время тому, чтобы выискивать дела и фабриковать свидетельские показания.

Монтегю задумался. Время от времени он бормотал про себя: "Губернатор Ханнис! Не могу себе даже представить!"

— Пусть вам расскажет о нем Давенант, — рассмеявшись, сказал Куртис. Возможно, все не так плохо, как я вообразил. Знаете, Давенант цинично относится к губернаторам. Несколько лет назад у него был такой случай. Он отправился в Олбани, чтобы убедить губернатора подписать какой-то законопроект. Губернатор вышел из своего кабинета, оставив его одного. Давенант заметил, что ящик его письменного стола открыт. Он заглянул туда и увидел конверт с новенькими тысячными банкнотами. Он не знал, зачем они тут лежали, но это был очень важный законопроект, и Давенант решил воспользоваться удачей. Он положил конверт к себе в карман. Губернатор вернулся и, ссылаясь на общественные интересы, заявил, что решил наложить вето на этот законопроект. "Что ж, господин губернатор, — сказал старик. Мне остается только одно". И он вынул из кармана конверт. "Тут пятьдесят новых банкнот по тысяче долларов, они ваши, если вы одобрите законопроект. Если же вы откажетесь, я отнесу их в газету и расскажу там, за что вы их получили". Губернатор побледнел как полотно и, видит бог, подписал законопроект да еще в присутствии Давенанта отослал его в Законодательное собрание. Теперь вы понимаете, почему он относится к губернаторам скептически.

— Не это ли имел в виду Прайс, сказав, что употребит свое влияние в Законодательном собрании?

Его молодой собеседник пожал плечами.

— Что вы сможете сделать? Ваши политические организации и ваши учреждения находятся в руках мелких политических интриганов и мошенников, которые только и ждут, чем бы поживиться. Если вам что-то нужно, платите им, как в любом другом деле. Вы постоянно сталкиваетесь с такой дилеммой: либо плати, либо уходи. Возьмите, — продолжал Куртис после паузы, — наше собственное дело. Вот мы, например, желаем построить железнодорожную ветку. Это — важное мероприятие, и его надо осуществить. Но мы могли бы пятьдесят лет подряд ходить и кланяться Законодательному собранию штата, и если бы не уладили дела, то не получили бы разрешения. А как вы полагаете, что сделал бы за это время Стальной трест?

— Задумывались ли вы, к чему приведут подобные дела?

— Не знаю. Мне кажется, что когда-нибудь нашим дельцам придется заняться политикой и поставить ее на деловую основу.

Монтегю обдумал ответ.

— Все это не так просто, как кажется, — сказал он. — И не будет ли это подрывом республиканских принципов?

— Боюсь, что да. Но что поделаешь.

Монтегю промолчал.

— И вы знаете, что можно было бы тут предпринять? — настаивал на ответе Куртис.

— Нет, пока не знаю. Для начала могу вам сказать одно: интересы этой страны для меня превыше любого дела, в каком я принимаю участие. И если перед такой дилеммой окажусь я сам, то дело отступит на второй план.

Куртис внимательно следил за собеседником и, положив ему руку на плечо, сказал:

— Правильно, старина! Но примите совет — пусть Давенант никогда не услышит от вас этих слов.

— Почему?

Молодой человек поднялся.

— Моя остановка, — сказал он. — Потому, что это не совпадает с его представлениями. Давенант демократ консервативного толка, знаете, и предпочитает произносить речи на банкетах!

12

Несмотря на все сомнения, Монтегю все же отправился к себе на родину и полностью выполнил то поручение, на которое дал согласие. Все было, как он и предполагал: акционеры Северной миссисипской железной дороги приняли его как героя-победителя. Он поговорил со своим кузеном мистером Ли и двумя-тремя другими старыми друзьями и получил их согласие на новый состав правления без особого труда. Все они были заинтересованы в будущем этой дороги.

Ему даже не пришлось заниматься вопросом о разрешении. Давенант составил законопроект и сообщил, что племянник сенатора Хармона сумеет провести его, не привлекая чьего бы то ни было внимания. Монтегю

узнал, что законопроект прошел, был подписан губернатором — и все.

Но вот настал день собрания акционеров. Монтегю присутствовал на нем, как уполномоченный Райдера и Прайса, и предъявил свой список правления, к великому разочарованию мистера Картера, нынешнего президента дороги и старого друга семьи Монтегю. За новое правление директоров проголосовали почти три четверти держателей акций, и выпуск новых акций был принят тем же большинством. Поскольку ни один из прежних пайщиков не пожелал дополнительно приобрести акции, Монтегю подписался на весь выпуск от имени Райдера и Прайса и представил чек в качестве гарантии.

Это, разумеется, получило широкую огласку во всей округе. Не прошло незамеченным это событие также в Нью-Йорке. Впервые акции Северной миссисипской дороги стали котироваться, резко пошли на повышение и начали подниматься в цене на десять процентов в день.

Монтегю известил об этом Гарри Куртис.

"Готовьтесь к ответным действиям "стальной шайки", — писал он. — Скоро вы их почувствуете".

Монтегю подумал, что не побоится "стальной шайки", но ему стало не по себе от того свидания, которое состоялось на следующий день после собрания. К нему явился старый мистер Картер, слабо пожал руку, сел и посмотрел на него потерянно.

— Аллан, — сказал он, — пятнадцать лет я был президентом Северной миссисипской дороги и служил ей верой и правдой. А теперь я хотел бы услышать от вас, — что это значит? Неужели я...

Монтегю не помнил такого времени, чтобы мистер Картер не бывал бы у его родителей, ему было очень тяжело видеть старика в таком состоянии. Но тут нельзя было ничего поделать, и он сказал скрепя сердце:

— Мне очень жаль, мистер Картер, но я не имею права сообщать вам о намерениях моих клиентов.

— Значит ли это, что меня просто выгоняют? Что никто не оценит проделанной мной работы?

— Право, мне очень жаль, — снова твердо сказал Монтегю, — но по сложившимся обстоятельствам я должен просить вас избавить меня от необходимости даже обсуждать этот вопрос.

День или два спустя Монтегю получил телеграмму от Прайса с поручением поехать в Ривертон, где находились заводы Миссисипской стальной компании, и встретиться с мистером Эндрюсом, ее президентом. Монтегю в юности не раз бывал в Ривертоне и помнил огромные заводы — одну из достопримечательностей штата. Но его поразили большие перемены. Миссисипская стальная компания разрослась и владела теперь двумя бессемеровскими конвертерами, которые пылали днем и ночью, как вулкан. Она скупилась всю западную часть города и снесла около полусотни ветхих жилых домов; здесь тянулись целые ряды коксовальных печей, два огромных рельсопрокатных и один листопрокатный стан. Повсюду стоял шум, как в день страшного суда. Из многочисленных труб к небу тянулись столбы густого черного дыма. Рельсы узкоколейки пересекали дворы, и паровозы с пытением и грохотом тащили вагонетки с раскаленными добела стальными болванками, при взгляде на которые в глазах появлялась резь.

Напротив ворот, за окружавшим все заводы забором, компания выстроила новое здание конторы; на верхнем этаже расположился кабинет президента.

— Мистер Эндрюс прибудет с двухчасовым поездом, — сказал его секретарь, явно ожидавший посетителя, — не желаете ли подождать у него в кабинете?

— Я предпочел бы осмотреть заводы, если вы сможете устроить это для меня, — сказал Монтегю.

Его снабдили пропуском и провожатым, и он обошел всю территорию.

Монтегю было интересно увидеть заводы Миссисипской стальной компании в их нынешнем состоянии. Сидя в удобных конторах Уолл-стрита и обмениваясь бумагами, люди обычно забывают, что каждое их распоряжение касается деятельности предприятий и жизни тысяч людей. Но теперь Монтегю предстояло строить и эксплуатировать железную дорогу, покупать реальные вагоны и перевозить железо и сталь, и он подумал, что отныне должен соизмерять любой свой шаг, не упуская практической стороны дела.

Был июльский безоблачный день, и почти тропическое солнце обжигало лучами заводы. Мастерские и рельсовые пути обволакивал раскаленный воздух; казалось, что шлак, по которому приходилось идти, только что выброшен из печи. В помещении, где пылали топки, Монтегю просто не смог войти: он только стоял в дверях, прикрыв глаза от слепящего света. В этом аду работали сотни черных от копоти людей, до пояса обнаженных и обливающихся потом.

Монтегю рассматривал длинный ряд топок доменных печей, огромных пещер, сквозь щели в которых сверкала тысячами молний жидкая сталь. Людям, работавшим здесь, приходилось время от времени обливать себя водой, они выпивали ежедневно по несколько галлонов пива. Аллан шел по рельсопрокатному цеху, где огромные валки подхватывали раскаленные стальные болванки и швыряли их, как блины на сковороды, мяли и расплющивали, выбрасывая на другом конце в виде нескончаемых извивающихся красных змей. Было видно, как в дальнем крыле цеха их складывали длинными рядами для охлаждения. Пока Монтегю стоял и наблюдал, ему пришла в голову мысль, что это могли быть именно те рельсы, которые заказал Уайман и которые послужили поводом к такому замешательству в лагере Стального треста.

Затем он пошел в листопркатный цех, где стучали гигантские молоты и стальные полосы в несколько дюймов толщиной разрезались на куски подобно сыру. Он с изумлением рассматривал все это, стараясь не отстать от провожатого, чтобы не рисковать жизнью. Стрелы гигантских кранов со скрипом двигались над его головой, и со всех сторон слышался оглушительный грохот адских машин. Просто невероятно, как люди могли работать среди подобного хаоса, не страшась за жизнь, не ощущая опасности и не обращая ни на что внимания.

Глаза Монтегю перебегали с одного объекта на другой, как вдруг невиданное зрелище предстало его взору. В другом конце цеха вращался стальной вал, который приводил в движение один из самых больших валков. Он с огромной скоростью крутился где-то высоко,

под самой крышей. Монтегю увидел рабочего с масленкой в руке, который остановился на верхней ступеньке лестницы у вала, а потом полез еще выше.

Аллан притронулся к руке своего провожатого и показал ему на рабочего.

— Разве это не опасно? — выкрикнул он.

— Конечно, это нарушение техники безопасности, — ответил тот. — Но рабочие так делают.

Не успел Монтегю вымолвить и слова в ответ, как случилось нечто такое, что заставило его содрогнуться от ужаса. Он все еще стоял, окаменев и указывая пальцем вверх, когда человек на лестнице исчез из виду как по мановению волшебной палочки. Над валом поднялось какое-то туманное облако, а лестница упала на пол.

Похоже, больше никто этого не заметил. Провожатый ринулся вперед, увертываясь от раскаленной добела стальной полосы, катившейся по валкам, и вбежал в будку, откуда инженер наблюдал за работой машин. За какую-то минуту, пока Монтегю продолжал с ужасом смотреть в том же направлении, он увидел, что туманное облако стало принимать очертания человеческого тела, вращающегося вокруг вала. Затем, когда механизмы замедлили ход и заводской шум стих, он увидел, как несколько человек снова приставили лестницу и полезли наверх. А когда вал перестал вращаться, сняли тело, но Монтегю был уже не в состоянии смотреть на это. Бледный, испытывая дурноту, он повернулся и вышел из этого ада.

Он пересек двор и сел в тени какого-то здания, размышляя о превратностях судьбы. В этот момент машины заработали вновь, и шум от них теперь уже не

утихал. Четыре человека пронесли мимо него носилки, покрытые простыней. С них капала кровь, но Монтегю заметил, что проходившие не обращали на это особенного внимания. Когда он вновь проходил мимо сталепрокатного цеха, там шла обычная работа. А выходя за ворота, Монтегю видел, как человек, которого ему представили как мастера, уже отбирал в группе ожидавших людей рабочего, на место погибшего.

Монтегю вернулся в контору президента. Оказалось, что мистер Эндрюс только что приехал. В конторе был сквозняк, но Эндрюс, очень полный человек, сидел в кресле, сняв пиджак и жилет, и усиленно обмахивался веером из пальмового листа.

— Добрый день, мистер Монтегю. Как вам наша жара? Садитесь, у вас утомленный вид.

— Я сейчас был свидетелем несчастного случая на заводе.

— О, как печально. Но есть мнение, что сталь без несчастных случаев не выплавить. На днях от взрыва газов в доменной печи погибло восемь рабочих. Большею частью иностранцы.

Эндрюс позвонил секретарю.

— Принесите, пожалуйста, планы, — сказал он ему и, к удивлению Монтегю, разложил перед ним копии отчетов о геологических изысканиях, а также чертежи, сделанные давным-давно самим руководителем экспедиции.

— Разве мистер Картер передал их вам? — спросил Монтегю.

Президент разразился сухим смешком.

— Так или иначе, у нас они есть, — сказал он. — Теперь нам остается послать собственных геологов на места. Вероятно, когда вы получите отчет комиссии. Наши предложения далеко не совпадут с прежними.

Инструкции от Прайса пришли на следующий день; с их помощью и при содействии Эндрюса Монтегю отдал соответствующие распоряжения и вечером следующего дня отбыл в Нью-Йорк.

Он приехал в пятницу. Оказалось, что Алиса уехала к Прентисам, а Оливер тоже находился в Ньюпорте. Аллан, в свою очередь, получил приглашение от миссис Прентис присоединиться к ним. Поскольку Прайс был в отъезде, Монтегю позволил себе отдохнуть и в субботу утренним поездом отправился в Ньюпорт.

Монтегю приобщился к высшему обществу зимой, а теперь ему предстояло познакомиться с ним в летний период. Завершив сезон зимних развлечений, званых обедов и танцевальных вечеров, светские дамы доходят в большей или меньшей степени до нервного истощения, и Ньюпорт стал для них местом отдыха и восстановления сил. Когда-то он был старомодным городом Новой Англии неподалеку от входа в Лонг-Айлендский пролив. Но из поселка с несколькими бакалейными лавками и трактиром он, благодаря высшему свету, превратился в известнейший и самый дорогой курорт в мире. Здесь земля стоит не менее доллара за квадратный фут и заплатить десять тысяч в месяц за "коттедж" считается обычным делом.

О летнем отдыхе и поселке напоминают здесь еще только такие слова, как "коттедж". Вас приглашают на вечеринку в саду при свете иллюминации. Растения стоят в кадках в таком множестве, что составляют целые

оранжереи, а наряды дам и великолепие их драгоценностей создают такое впечатление, будто вы находитесь в сказочной стране.

Если вас пригласят на пикник в Гузберри-пойн, вы обнаружите повсюду изящные беседки и мягкие ковры под ногами; свиты лакеев в ливреях и всякого рода роскошь, какую встречаешь в особняках на Пятой авеню. Вы нанимаете кэб, чтобы ехать на этот пикник, что обойдется вам в пять долларов, но вы непременно должны отправиться туда в кэбе! Даже если вам надо всего лишь завернуть за угол, вы нарушите все правила приличия, явившись к месту назначения пешком.

После миссисипских стальных заводов Ньюпорт произвел на Монтегю предельно странное впечатление. Он видел столичную жизнь и слышал, какие баснословные цены платили за роскошь, которой окружали себя сливки общества. Но эти тысячи и миллионы были для него скорее абстракцией. Теперь они вдруг обрели реальность — он увидел своими глазами, каковы их источники, какой ценой достается вся эта роскошь! Вид Ньюпорта наводил его на мысли о тех людях, которые трудились в поте лица при слепящем глаза пламени и жаре от раскаленных доменных печей.

Здесь, в Ньюпорте, находился дворец Уайманов, на один фундамент которого затрачено более полумиллиона долларов; опоясывающая его каменная стена была знаменита тем, что обошлась в сто тысяч долларов. А ведь рабочие на заводах занимались каторжным трудом, изготавливая рельсы для Уайманов!

Здесь же красовался дворец Элдриджа Девона с оранжереей — одна она обошлась в сто пятьдесят тысяч долларов и предназначалась лишь для удовлетворения

ежедневных потребностей ее немногочисленных владельцев. Тут росло знаменитое тюльпановое дерево, выкопанное в пятидесяти милях отсюда, одна перевозка которого стоила тысячу долларов. А Монтегю видел, как доставалась рабочим сталь, которая использовалась на строительстве одного из огромных отелей Элдриджа Девона!

В Ньюпорте находилось и здание, принадлежавшее Уолдингу. "Трехмиллионный дворец в пустыне" — метко описала его миссис Билли Олден. Монтегю читал о знаменитой каминной доске из мрамора Помпеи, стоившей семьдесят пять тысяч долларов. А Уолдинги были железнодорожными королями, транспортирующими миссисипскую сталь!

Мысли Аллана перенеслись к рабочим других заводов, которые трудились в невыносимых условиях, к их женам и малым детям, работающим в мастерских и рудниках, чтобы все эти люди могли выставить свою роскошь напоказ. Они приехали сюда со всех концов страны со своими миллионами, заработанными каторжным трудом рабочих.

Чего стоил один белый мраморный дворец Джонсонов! Потолки, полы, стены его парадных покоев доставлены из Франции, ограда и ворота, даже замки и дверные петли выполнены по эскизам знаменитых художников. Джонсоны были железнодорожными и угольными королями и твердой рукой заправляли штатом Западная Виргиния. Суды и законодательные органы штата, по сути дела, являлись отделениями конторы Джонсона.

Монтегю знал, что существуют целые шахтерские поселки, принадлежащие компании, построенные по типу

укрепленных фортов. Несчастные труженики, проживавшие там, не могли купить и бутылки молока нигде, кроме лавки компании, и даже местный врач не мог без пропуска входить за их ограду.

А дальше стоял дом Уорфилдов, наживших состояние на доходах от универсальных магазинов, которые им принадлежали, где молодые девушки-продавщицы работали за два с половиной доллара в неделю. Они были вынуждены подрабатывать проституцией, лишь бы не умереть с голоду.

В то лето младшая дочь Уорфилдов вступала в свет, и для ее первого бала построили зал, который обошелся в тридцать тысяч долларов и был разрушен на следующий день после праздника.

Еще дальше, на скале, находился замок угольного короля Мейера. Монтегю вспомнил молодого человека, который изобрел контрольное приспособление для автоматических весов. На них взвешивали уголь перед погрузкой на пароходы. Майор Винебл намекнул Монтегю, что Угольный трест не принял это изобретение по той причине, что все их весы недовешивали. Впоследствии, рассматривая это дело, Винебл убедился, что так оно и есть и что сам старый Мейер разработал систему, позволявшую обманывать судовладельцев. А теперь здесь среди самых светских домов красуется и его дворец, где живут сыновья и дочери угольного короля!

Проезжая по улицам Ньюпорта, можно было видеть роскошные виллы и перечислять имена их владельцев — железнодорожных, угольных, нефтяных и стальных королей.

Фешенебельные дома, подстриженные лужайки, сады, благоухающие редкими цветами, среди которых

устраируются танцы, пиры и разные увеселения, — все здесь говорило о роскоши и богатстве. Как далека, казалось, отсюда грязная коммерческая борьба, как далеки бедность, тяжелый труд и смерть! Но Монтегю не мог забыть картину, увиденную им в листопрокатном цеху: облачко вокруг вращающегося вала, носилки с искалеченным телом, накрытым простыней, и кровь, которая капала с них.

Ему посчастливилось встретить на улице Алису и ее друзей, и он поехал вместе с ними на взморье, которым целиком и полностью завладело высшее общество.

Первый, кого он увидел тут, был Реджи Манн, который подошел к ним и занял внимание Алисы. Реджи не хотел купаться, чтобы не выставлять напоказ худые ноги; он неодобрительно относился к шуткам, которые отпускал Гарри Перси, самый серьезный его соперник. Перси — мужчина лет сорока — был профессиональным дирижером; он забавлял зрителей на взморье тем, что купался с моноклем в глазу.

Позавтракав в казино, они отправились на морскую прогулку на новой спортивной яхте Прентисов. Было подсчитано, что в тот момент в гавани Ньюпорта находились паровые и гребные суда, стоившие все вместе примерно тридцать миллионов долларов. Они служили исключительно для того, чтобы ублажать сильных мира сего. Бухта выглядела красиво в эти полуденные часы.

Они вернулись довольно рано, так как Алиса была приглашена на прогулку к шести часам и ей нужно было еще переменить платье. А к обеду — к восьми часам — ей опять надо было переодеваться. Монтегю знал, что, согласно этикету, великосветские дамы меняли наряды

пять или шесть раз в день. Они были мастерицами по этой части и перевозили такую прекрасную систему, которая давала им возможность демонстрировать свои туалеты.

Нью-йоркские знакомые Монтегю предстали здесь во всем своем великолепии: мисс Иветта Симпкинс с сорока сундуками новых парижских платьев; миссис Билли Олден, которая основала женский клуб исключительно для аристократической игры в бридж; миссис Уинни Дювал, произведшая сенсацию слухами о намерении ввести в Ньюпорте моду на "простой" образ жизни, а также миссис Виви Пэттон, супруг которой пытался покончить с собой, считая это единственным средством избавиться от одного графа поклонника своей жены.

Наступил как раз тот вечер, когда миссис Лендис давала свой давно ожидаемый обед с танцами. Подъехав к дворцу Лендисов, вы сразу попадали на его нижний этаж, где было достаточно просторно, чтобы карета, запряженная четверкой, могла развернуться. Весь этот этаж был занят конюшнями, самыми и усовершенствованными в мире. Лошади исчезали тут как по волшебству через не приметные ворота, расположенные по одну сторону, экипаж увозили в другую сторону, а прямо перед вами находился вход в господские апартаменты и выстроились лакеи в ливреях.

К ужину было накрыто пять столов, каждый на десять персон. В центре благоухал огромный букет цветов в виде зонта в очень искусно подобранных тонах. Во время танцев эту часть бальной залы закрывали ширмы, и когда далеко за полночь их раздвинули, то

столы для ужина оказались уже сервированными, что произвело поистине сценический эффект.

Танцы продолжались до рассвета. Монтегю был приглашен на следующее утро играть в теннис. Все гости этого вечера будут на ногах уже в девять-десять часов утра следующего дня, и их можно увидеть в магазинах и на взморье до полудня. Таково было представление высшего света об "отдыхе", завершающем праведный труд в зимний сезон!

После ужина Монтегю завладела миссис Кэролин Смит, леди, которая однажды показала ему своих кошек и собак. Миссис Смит очень интересовал крестовый поход миссис Уинни против вивисекции, и она рассказывала Монтегю про это, пока они гуляли по лоджии дворца Лендисов и любовались восходом солнца над заливом.

— Видите вон ту дорогу, — спросила миссис Смит. — Это та самая дорога, которую Лендисам удалось закрыть. Я полагаю, вы слышали эту историю?

— Нет, — сказал Монтегю.

— Это притча во языцех всего Ньюпорта. Им пришлось подкупить городской совет. По этой дороге ежедневно проезжал фургон с туристами. Возница останавливал лошадей и, указывая кнутом, говорил: "Леди и джентльмены! Это дом Лендисов, а там — дом Джонсов. Когда-то у мистера Лендиса была жена, но она надоела мистеру Лендису, а мистеру Джонсу надоела его жена, и вот оба они-развелись и обменялись женами, и теперь миссис Лендис живет в доме мистера Джонса, а миссис Джонс — в доме мистера Лендиса. Ну! Трогай!"

Алиса была уже рано утром на ногах, чтобы идти в церковь вместе с Гарри Куртисом, но Монтегю, и в самом деле приехавший сюда отдохнуть, встал несколько позже и пошел побродить по улицам, посмотреть на людей. Он повстречался с миссис де Граффенрайд, которая, в своей обычной манере, пригласила его к себе на завтрак. Аллан принял приглашение и застал у нее около сорока человек, тоже приглашенных случайно, включая своего брата Оливера и, к великому ужасу Монтегю, мистера Гембла.

Гембл был одет в безукоризненный костюм яхтсмена, который на его полной фигуре производил комичное впечатление. Он приветствовал Монтегю со своей обычной восторженностью.

— Как поживаете, мистер Монтегю, как поживаете? Я много слышал о вас после нашей встречи.

— Что именно? — спросил Монтегю.

— Я слышал, что вы сотрудничаете с Миссисипской стальной компанией.

— Некоторым образом.

— Будьте осторожны: вы имеете дело с очень хитрыми людьми! Они еще хитрее, чем люди из Стального треста, мне сдается. — И маленький человечек прибавил, подмигнув. — Я всегда говорил, что в нефтяном деле есть два сорта плутов: на одних можно положиться (как, например, в тресте), а вторым сам черт не станет доверять (так называемые независимые). Я знаю, о чем говорю, потому что сам был независимым.

Мистер Гембл весело захихикал, сочтя свою шутку остроумной и явно приберегая ее для поддержания разговора.

— Как поживаете, капитан? — окликнул он мужчину, который проходил мимо. — Мистер Монтегю, разрешите представить вам моего друга, капитана Гилла.

Монтегю повернулся и оказался лицом к лицу с высоким морским офицером приятной наружности.

— Капитан Генри Гилл с "Аллегени", — представил его Гембл.

— Здравствуйте, мистер Монтегю, — сказал капитан.

— Это брат Оливера, — пояснил Гембл. Затем, высматривая знакомых, вразвалку вышел из комнаты, оставив Монтегю беседовать с офицером.

Капитан Гилл оказался командиром одного из шести судов, которые правительство услужливо посылает на время сезона для увеселения светского общества. Любимец женщин, он был превосходным танцором и старым другом миссис де Граффенрайд.

— Давно ли вы знакомы с мистером Гемблом? — спросил он, чтобы как-то завязать беседу.

— Я с ним встречался всего однажды. Он знакомый моего брата.

— Похоже, он очень любит Олли, — сказал капитан. — Оригинальный субъект.

Монтегю охотно согласился.

— Я познакомился с ним в Бруклине, — продолжал капитан, чувствуя, что знакомство с Гемблом требует пояснения. — Он был на короткой ноге с офицерами

военной верфи. Отставные миллионеры не так часто попадают на их пути.

— Конечно, нет, — улыбаясь, сказал Монтегю. — Но я был удивлен, встретив его здесь.

— Вы встретите его и на небесах, — рассмеялся капитан, — если он решит туда отправиться. Он добродушный человек, но могу вас заверить, что тот, кто думает, будто Гембл не знает, чего хочет, сильно ошибается.

Монтегю вспомнил эти слова во время завтрака, сидя напротив Гембла. Рядом с ним оказалась Виви Паттон, сделавшая маленького человека предметом своих насмешек. Шутки эти особой деликатностью не отличались, но Гембл не обижался и воспринимал их с веселой улыбкой.

Монтегю не мог его понять. Без сомнения, Гембл был богат и сорил деньгами, но в этом обществе деньги мало что определяли. Монтегю подозревал, что его принимают здесь потому, что миссис де Граффенрайд и ее друзья нуждались в таком человеке, которого могли бы унижать и вытирать об него ноги. Он оглядел сидевших за столом. Контраст между ними и Гемблом был разительным. Миссис де Граффенрайд любила общество молодых людей, и большинство ее гостей принадлежали ко второму и даже третьему поколению сильных мира сего. Человек из Питсбурга, по-видимому, был здесь единственный, кто сам приобрел свое состояние, и на нем буквально стояла печать постоянной борьбы за деньги. Монтегю улыбнулся этой мысли. Гембл казался воплощением самого духа нефти: толстый и неприятный, тогда как представители следующего поколения нефти казались уже владельцами

производства тончайших духов. И тем не менее он был тут самым человечным из всех. Несомненно, это был жестокий эгоист, и все же его интересовал не только он сам, но и другие, тогда как среди близких друзей миссис де Граффенрайд интересоваться чем бы то ни было считалось признаком вульгарности.

Гембл, видимо, испытывал расположение к Монтегю по причине, известной ему одному. После завтрака он снова подошел к нему.

— Оливер сказал мне, что вы здесь впервые.

Монтегю утвердительно кивнул головой.

— Пойдемте, я покажу вам город, — сказал Гембл. — Моя машина здесь.

Монтегю был свободен и не нашел удобного предлога отказаться.

— Вы очень любезны... — начал он.

— Хорошо, — сказал Гембл. — Пойдемте.

Он усадил его в свой большой красный спортивный автомобиль, в котором одно из сидений было оборудовано специально для хозяина — не слишком высокое, чтобы толстые, короткие ножки Гембла доставали до пола.

Гембл со вздохом откинулся на спинку.

— Забавное место, не правда ли? — спросил он.

— Здесь интересно пробыть недолго.

— Лично я не любитель таких мест. Мне нравится проводить лето там, где я могу снять пиджак, и в жаркую погоду я предпочитаю пиво шампанскому.

Монтегю промолчал.

— Тут встречаешь столько снобов! — с живостью заметил хозяин автомобиля. — Пусть развлекаются, подсмеиваясь надо мной, им от этого весело, а я не возражаю. И все же иногда это бесит, так и хочется заставить их принять меня в свое общество. А потом думаешь: зачем добиваться того, что тебе не по нраву. Только потому, что другие тебе в этом отказывают?

У Монтегю едва не сорвался вопрос: "Так зачем вы к ним ходите?", но он промолчал. Машина помчалась по шоссе, и спутник Монтегю, указывая на виллы, называл их владельцев и рассказывал о них в присутствии ему стиле.

— Видите вон тот желтый кирпичный дом, — сказал Гембл. — Он принадлежит Эллису, железнодорожному магнату. Он раньше жил в Питсбурге, и я помню, как тридцать лет назад у него была только одна колясочка на трех малышей и он сам ее возил, черт возьми. Тогда он был рад одолжить у меня деньги, а теперь, когда я прохожу, отворачивается. Шесть или восемь лет назад Эллис занимался сталью, — продолжал вспоминать Гембл, — а затем продал свое дело. Это было как раз тогда, когда создавался Стальной трест. Слышали эту историю?

— Что-то не помню, — ответил Монтегю.

— Что ж, если вы намерены тягаться со Стальным трестом, вам не мешает ее знать. Встречались ли вы с Джимом Стэггом?

— Азартный игрок с Уолл-стрита? — спросил Монтегю. — Я знаю его только по имени.

— Последний подвиг Стэгга заключался в организации боксерского матча на приз в одном из шикарных отелей Нью-Йорка, когда черномазый швырнул противника в зеркальную стену. Стэгг родом с Дальнего Запада и, знаете ли, остался по-прежнему диким. Боже мой, я мог бы порассказать вам о нем такое, что у вас волосы встанут дыбом? Может быть, вы помните, как некоторое время назад он искал на рынке акции Южной тенессийской дороги и завладел ими. Старый Уотерман утверждал, что забрал их у него потому, что не считал Стэгга человеком, подходящим для такого дела. А на поверку он врал, ведь Уотерман и до сих пор не брезгует использовать его для разных делишек. Ну и вот. Шесть или восемь лет спустя Стэгг приобрел на Западе большой сталепрокатный завод. А в Индиане был другой завод, принадлежавший Эллису, и он представлял собой конкурента заводу Стэгга. Как-то Стэгг с друзьями кутил несколько дней подряд, и поздно ночью у них зашел разговор об Эллисе. "Давайте купим его завод", — предложил Стэгг. И вот они заказали специальный поезд, погрузили шампанское и отправились в Индиану в тот город, где находился этот завод. Часа в четыре ночи они подошли к дому Эллиса, стали звонить в колокольчик и колотить в дверь. Некоторое время спустя вышел полусонный дворецкий. "Эллис дома?" — спросил Стэгг, и раньше, чем тот успел ответить, вся шайка протиснулась в прихожую. Стоя на первой ступеньке лестницы, Стэгг заорал (а голос у него как у быка): "Эллис, Эллис, а ну-ка спускайся!" Эллис появился на лестнице в пижаме, перепуганный чуть ли не насмерть. "Мы хотим купить ваш завод", — объявил Стэгг. "Купить завод?" — открыл от изумления рот Эллис. "Да, немедленно! Плачу наличными! Мы дадим вам за него пятьсот тысяч". "Но он

стоит миллион двести тысяч", — закричал Эллис. "Ладно, мы заплатим вам миллион двести тысяч, — сказал Стэгг, — черт с вами, мы дадим вам полтора миллиона". "Мой завод не продается". "Мы дадим вам два миллиона!" "Я сказал вам — не продается!" "Два с половиной миллиона! Сойдите к нам!" "Вы что, серьезно?" — пробормотал Эллис, он просто не поверил своим ушам. "Сойдите к нам, и я выпишу вам чек!" — сказал Стэгг.

Они заставили его спуститься и купили завод. Затем раскупорили шампанское, и Эллис стал добродушнее. "У моего завода один недостаток, сказал он, — близость к предприятию Джонса, в Гарристоуне. Он пользуется скидкой на железных дорогах и продает свой товар дешевле". "Черт с ним, мы купим и его завод", — сказал Стэгг.

И они снова погрузились в свой специальный поезд. Примерно в шесть утра они были в Гарристоуне и купили завод Джонса. И это разожгло их, знаете, ни разу в жизни они так славно не веселились. Похоже, Стэгг незадолго перед этим заработал миллионов десять или двенадцать на какой-то рискованной афере на Уолл-стрите, и они сорили долларами, скупая стальные заводы за двойную или тройную цену.

Гембл помолчал. Затем Аллан опять услышал его странный смех.

— Я рассказал вам эту историю со слов самого Стэгга, — сказал он, — что вы, конечно, должны принять во внимание. Он говорил, что понятия не имел о планах Дана Уотермана, но я полагаю, это неправда. Гаррисон угрожал построить сам железную дорогу в Питсбурге для своих грузов и больше не иметь дел с дорогой Уотермана. Последнему не оставалось ничего другого,

как скупить у него заводы за тройную цену. И он сразу перекупил эти заводы у Стэгга. Тот платил за них двойные и тройные деньги, а Уотерман их удвоил, а затем передал эти предприятия — и снова за двойную цену правительству.

Гембл умолк.

— Вот как они наживают свои состояния, — добавил он, размахивая толстой рукой. — Иной раз не удержишься от смеха, когда думаешь об этом. Каждое свое предприятие они приобретали по цене, значительно превосходящей первоначальную. Я сомневаюсь, имеются ли у Стального треста те двести миллионов долларов наличными, которые были вложены в него акционерами, а между тем сами они оценивали свой капитал в миллиард, а теперь говорят о полутора миллиардах! Пока заправилы наживают сотни миллионов, мелкие акционеры должны разоряться, так как акции постоянно падают в цене. Старый Гаррисон получает четыреста миллионов долларов в качестве арендной платы за свою собственность, сидит себе, посмеивается да дивится, что человек никак не сможет умереть бедняком!

Автомобиль Гембла ехал мимо одного из клубов. Вдруг Гембл приказал шоферу остановиться.

— Хэлло, Билли! — позвал он, и молодой морской офицер, который спускался по лестнице, обернулся и подошел к нему.

— Где вы пропадали? — спросил Гембл. — Мистер Монтегю, это мой друг, лейтенант Лонг, инженер. Куда вы направляетесь, Билли?

— Собственно, никуда, — сказал офицер.

— Садитесь в машину, — пригласил Гембл, указывая на свободное место между ним и Монтегю. — Я показываю мистеру Монтегю город.

Лонг сел в машину, и они поехали дальше.

— Лейтенант только что из Бруклина, — продолжал Гембл. — Мы приятно провели время в Бруклине, не правда ли. Билли? Расскажите, как вы там жили потом?

— Я много работаю, — сказал лейтенант, — учусь.

— Учитесь здесь, в Ньюпорте? — рассмеялся Гембл.

— Да. Инженеру здесь жить несложно. Мы трудовой народ, и на балах в нас не нуждаются. Кстати, Гембл, — добавил он, — я вас искал. Мне нужна ваша помощь.

— Моя? — спросил Гембл.

— Да. Я только что получил извещение от своего ведомства о том, что включен в комиссию из пяти лиц, которая создана для экспертизы мазута, предназначенного для морского флота.

— Чем же я могу помочь?

— Хотелось бы, чтобы вы оказали мне содействие в этом деле.

— Но ведь я ничего не смыслю в мазуте.

— Ну, вы не можете знать меньше меня, — сказал лейтенант. — Поскольку вы занимались нефтью, вы наверняка имеете представление и о мазуте.

Гембл подумал с минуту.

— Я попытаюсь, — сказал он. — Но не уверен, что должен за это браться. Сам я нефтью уже не занимаюсь,

но у меня есть друзья, которые, возможно, заинтересованы в такого рода подряде.

— Ну, что же, ваши друзья могут использовать предоставившуюся возможность. Я тоже ваш друг, между прочим, и, кроме вас, где же мне удастся разузнать что-либо об этом мазуте?

Гембл снова промолчал.

— Ладно, я сделаю все, что смогу, — наконец сказал он. — Я напишу, что знаю о качестве хорошей нефти, а вы используйте это по своему усмотрению.

— Чудненько, — облегченно вздохнул лейтенант.

— Но, пожалуйста, никому не рассказывайте об этом, — сказал Гембл, дело щекотливое, понимаете.

— На меня можете положиться, — рассмеялся лейтенант.

На этом тема была исчерпана.

Полчаса спустя Гембл высадил Монтегю у подъезда виллы генерала Прентиса. Аллан попрощался и прошел в холл.

Генерал спускался по лестнице.

— Хэлло, Аллан! Где вы пропадали?

— Я знакомился с городом.

— Проходите в гостиную. Там сидит человек, с которым вам следует познакомиться. Один из самых способных журналистов Уолл-стрита, — добавил он, пройдя через холл, — он ведет финансовую рубрику в "Экспрессе".

Монтегю вошел в комнату и был представлен молодому человеку могучего телосложения и приятной

наружности, который не так давно был центральным нападающим известной футбольной команды.

— Ну, Бейтс, — сказал генерал, — чем вы сейчас заняты?

— Стараюсь разобраться в истории банкротства Гранта и Уорда, — сказал Бейтс, — полагаю, что если хоть кому-нибудь известно про это, так только вам.

— Верно, — ответил генерал, — но ее обстоятельства таковы, что я ничего не вправе рассказывать, в особенности для печати. Но вы узнаете ее как частное лицо, если желаете.

— Нет, в таком случае лучше не надо. Я разузнаю об этом через другие каналы.

— Вы проделали весь путь до Ньюпорта, чтобы повидать меня? — спросил генерал.

— Не совсем, — сказал Бейтс. — Я должен взять интервью у Уаймана по поводу нового выпуска акций его железной дороги. Каково ваше мнение о положении на рынке, генерал?

— На мой взгляд, дела плохи, — сказал Прентис. — Самое время принять меры предосторожности.

Бейтс повернулся к Монтегю.

— Кажется, я видел вас только что на улице, — приветливо сказал он, вы были с Джемсом Гемблом, не так ли?

— Да, — сказал Монтегю, — вы с ним знакомы?

— Бейтс знает всех, — вставил генерал, — это его профессия.

— Гембла я знаю особенно хорошо. Мой брат служит в его конторе в Питсбурге. Как вы думаете, какого черта он делает в Ньюпорте?

— Просто путешествует, как он мне сказал. Ему стало нечего делать с тех пор, как он продал дело.

— Продал дело! — повторил Бейтс. — Что вы хотите этим сказать?

— Да то, что Трест выкупил у него дело.

Бейтс удивленно посмотрел на него.

— Почему вы так думаете?

— Он сказал мне это сам.

— О, — засмеялся Бейтс, — в таком случае это просто уловка!

— Вы полагаете, что он его не продал?

— Я не полагаю, я знаю. Во всяком случае, так было три дня назад. Я получил письмо от брата, в котором написано, что Гембл собирается взять у правительства большой подряд на поставку мазута. Он мастер проворачивать дела!

Монтегю больше ничего не сказал, но задумался. Опыт отточил его смекалку, и теперь он мог разобраться в происходящем. Немного позже, когда Бейтс ушел и появились Оливер с Алисой, он отвел брата в сторону и спросил:

— Сколько тебе перепадет при заключении контракта на нефть?

Брат уставился на него в изумлении.

— Господи! — воскликнул он. — Неужели же Гембл сказал тебе об этом?

— Кое-что сказал, а об остальном я догадался сам.

Оливер внимательно наблюдал за ним.

— Послушай, Аллан, — сказал он, — помалкивай насчет всего этого!

— Еще бы. Я вижу, что это меня не касается.

И тут Оливер вдруг весело рассмеялся.

— Скажи, Аллан, а ведь этот Гембл — умница, правда?

— Очень умен, — подтвердил тот.

— Знаешь, он уже полгода гоняется за этим подрядом, — продолжал Оливер, — и при этом так спокоен! Я никогда не видел более ловкой игры!

— Но как он узнал, кому из офицеров поручено проверить качество мазута и составить спецификацию?

— О, нет ничего проще. С этого все и началось. Сложнее было найти подряд, а уж разузнать имена офицеров — дело немудреное. В Вашингтоне с этим встречаешься на каждом шагу. Там все чиновники — взяточники.

— Понятно, — сказал Монтегю.

— Дела Гембла приняли плохой оборот, — продолжал Оливер. — Трест загнал его в угол. Но Гембл увидел свой шанс и все поставил на карту, чтобы добиться подряда.

— В чем тут все-таки дело? Какой ему прок от этой спецификации?

— В комиссии пять офицеров, и он так хитро подошел к ним, что теперь все они его близкие друзья и обращаются к нему за помощью. Вашингтон отправит пять совершенно разных спецификаций нефти, но все пять будут содержать один существенный пункт. Видишь ли, компания Гембла prepares особого рода мазут, содержащий какой-то компонент, — он мне сказал, какой именно, но я забыл. При этом мазут не становится ни хуже, ни лучше, но зато отличается от всякого другого. И вот во всех пяти спецификациях будет указано на необходимость содержания именно этого компонента, а во всем мире есть только одна компания, которая в состоянии предложить мазут такого качества. В результате Гембл — единственный его собственник получает контракт на пять лет.

— Славное дельце, — сухо сказал Монтегю. — И сколько же тебе перепадет?

— Он уплатил мне авансом десять тысяч, — ответил Оливер, — и я получу еще пять процентов прибыли за первый год, какой бы она ни была. Гембл говорит, что она составит не менее полумиллиона. Так что, ты видишь, овчинка стоила выделки!

И Оливер рассмеялся над собственными словами.

— Гембл завтра уезжает домой, — прибавил он. — Так что моя работа окончена. Я, может, больше его никогда не увижу до того момента, когда его четыре удивительные дочери не созреют для ярмарки невест!

14

Монтегю вернулся в Нью-Йорк и окунулся в работу. Выборы, на которых должна была баллотироваться его

кандидатура на пост президента Северной миссисипской железной дороги, собирались провести не раньше чем через месяц, но дел у него было предостаточно. Ему, конечно, придется вернуться на Миссисипи и жить там, так что следовало завершить свои дела в Нью-Йорке. К тому же Аллану хотелось подготовиться к своим новым обязанностям по управлению железной дорогой. Благодаря любезности генерала Прентиса, Монтегю познакомили с президентом одной из крупных трансконтинентальных железнодорожных магистралей, и Аллан начал изучать систему служб. Он снова отправился на юг, чтобы проконтролировать работу геологов и проконсультироваться с инженерами.

Прайс проводил свои мероприятия по осуществлению контроля над дорогой, не обращая внимания на старую администрацию. Однажды он послал за Монтегю и познакомил его с неким мистером Хаскинсом, которого предполагалось избрать вице-президентом дороги. По его словам, Хаскинс, в прошлом президент Южной теннессийской дороги, хорошо знаком с практикой железнодорожного дела, так что Монтегю мог на него положиться.

Хаскинс был жилистый, нервный человек с плохим характером и злым языком; Он поклонялся сильному миру сего, и, общаясь с ним, Монтегю получил много любопытных сведений относительно управления дорогами. Так, он узнал, что заметную статью в бюджете дороги составляли средства, получаемые от местных правительственных органов за право вести дорогу по территории городов и поселков.

Никому, похоже, и в голову не приходило, что можно добиваться разрешения иными путями. Монтегю

не понравилась такая перспектива, но он промолчал. Далее, дорога должна была закупать рельсы и все необходимое у Миссисипской стальной компании и платить бешеные деньги, причем никто не интересовался предъявляемыми к оплате счетами.

Монтегю смутил и тот факт, что секретарь и казначей дороги получали беспрецедентно щедрое вознаграждение. Но это не подлежало обсуждению, поскольку они были родственниками Прайса.

Все это Монтегю пришлось проглотить, но однажды, дней за десять до выборов, когда Хаскинс пришел в его контору с тарифами оплаты инженеров и со своими собственными выкладками о предполагаемой стоимости новой ветки дороги, дело дошло до споров. В большинстве случаев цифры значительно превышали те, которые Монтегю наметил сам.

— Нам следует найти более выгодных подрядчиков, — сказал он, указывая на некоторые цены.

— Можно, конечно, и найти, но эти подряды предназначены специально для Компании железнодорожных насыпей.

— Я вас не понимаю, — сказал Монтегю, — я полагал, что мы для выявления претендентов на подряд помещаем объявление.

— Да, но в данном случае подряд останется за этой компанией.

— Вы хотите сказать, что мы не можем отдать предпочтение тому, кто предложит самую выгодную цену?

— Боюсь, что так.

— Прайс давал вам какие-нибудь инструкции по этому поводу?

— Да.

— Но я не понимаю, — сказал Монтегю, — что представляет собой эта Компания железнодорожных насыпей?

Хаскинс усмехнулся.

— Это предприятие самого Прайса.

Монтегю изумленно посмотрел на него.

— Самого Прайса? — повторил он.

— Его племянник — президент компании.

— Это новая компания?

— Да. Она организована специально для этой цели, — усмехнулся Хаскинс.

— И что она производит?

— Она ничего не производит, она только продает.

— Иными словами, — сказал Монтегю, — это прием, с помощью которого мистер Прайс намерен обирать акционеров Северной миссисипской железной дороги?

— Называйте это как хотите, — спокойно сказал Хаскинс, — но я советовал бы вам говорить об этом так, чтобы Прайс не услышал.

— Благодарю вас, — ответил Монтегю и прекратил разговор.

Монтегю потратил день на обдумывание. Он не привык совершать скоропалительных поступков. Он видел, что пришло время сказать свое слово, но прежде хотел определить для себя, как ему действовать дальше.

В тот вечер Монтегю обедал в клубе и, увидев своего друга майора Винеблэ, утонувшего в глубоком кожаном кресле библиотеки, подошел к нему и сел рядом.

— Как поживаете, майор? — спросил он. — У меня появился другой повод задавать вам вопросы.

— Всегда к вашим услугам, — ответил майор.

— Речь идет о железной дороге. Слышали ли вы когда-либо, чтобы президент организовывал компанию для продажи оборудования собственной дороге?

Майор угрюмо усмехнулся.

— Да, слышал, — сказал он.

— Это общепринято?

— Не так уж принято, как может показаться. Президент железной дороги обычно не имеет возможности позволить себе подобное. Но если дорога большая и ее возглавляет человек, располагающий большой властью, то почему бы ему этого не сделать.

— Понимаю.

— Так поступил, например, Хиггинс, — сказал майор. — Он любил ходить в воскресные школы и произносить там речи. Хиггинс принадлежал к людям того сорта, которых газеты охотно выставляют образцовыми гражданами и предпринимателями. Его братья и все другие родственники включились в дело, чтобы продавать оборудование железной дороге Хиггинса. Я слышал одну историю — о ней мало говорили, но она очень забавна. Ежегодно дорога давала объявление о подряде на почтовую бумагу. Его сумма равнялась примерно миллиону долларов, и в длинных

столбцах объявления уточнялся список необходимых товаров, но в середине одного из параграфов неизменно указывалось, что бумага должна непременно иметь определенный водяной знак. А патентом на этот знак владела только одна из компаний Хиггинса! У него даже и фабрики не было — все подряды он передавал во вторые руки. Хиггинс умер, оставив после себя примерно восемьдесят миллионов долларов, но факты подтасовали, и все газеты сообщили, что у него было "всего несколько миллионов". Это произошло в Филадельфии, где такие вещи возможны.

Монтегю погрузился в раздумье.

— И все же я не понимаю, почему они так поступают в данном случае. Ведь у Прайса самый большой пакет акций дороги.

— Ну и что? — спросил майор.

— Как? Ведь они просто грабят свою дорогу!

— Подумаешь, какое им дело до дороги? Они сбудут ее раньше, чем рядовые акционеры разберутся что к чему, а пока влияют на положение на бирже. То же самое, например, они проделывают с городскими трамваями в Бруклине. Чем больше колеблются цены на акции, тем для крупных предпринимателей лучше.

— Но здесь речь идет о железной дороге, которая еще не построена, и они сами вкладывают деньги в ее строительство.

— Да, конечно, — сказал майор, — но они вернут их себе с помощью подобных махинаций, и на руках у них останутся и акции и вся прибыль от игры на бирже. А если из Законодательного собрания штата придет запрос, они раскроют свои книги и объяснят, что произвели

большие расходы на реконструкцию; такова стоимость дороги, скажут они, а урезав нам ассигнования на транспортные расходы, вы сократите наши доходы и лишите нас собственности.

Майор взглянул на Монтегю, и в его глазах сверкнул злой огонек.

— И вот еще что, — сказал он. — Вы говорите, что владельцы дороги швыряют деньгами. А вы уверены, что это их собственные деньги? Обычно большая часть средств на строительство дороги поступает за счет заложных, которые переуступаются банкам, страховым компаниям и кредитным обществам. Вам это приходило в голову?

— Нет, — ответил Монтегю.

— Я знаю кое-кого на Уолл-стрите, кто спекулирует доходами, полученными с их же предприятий. Возьмите Уаймана. Его дороги приносят двадцать или тридцать миллионов прибыли, и он использует это на Уолл-стрите, помещая свои капиталы под заложные листы предприятий, занимающихся благоустройством поселков в сельской местности. Ясно?

— Ясно одно, — сказал Монтегю, — страдающая сторона — мелкие акционеры.

— Да и мелкие предприниматели тоже. Я помню, еще во времена моей юности люди, накопив немного денег, помещали их в какое-нибудь предприятие и получали свою долю, какова бы ни была его прибыль. А теперь крупные дельцы взяли все под свой контроль и стали еще более алчными, чем раньше. Ничто их не задевает больше, чем сознание, что мелкий акционер получит свою долю прибыли. Они пускаются на разные

махинации, лишь бы лишить их такой возможности. Я смог бы рассказывать вам об этом целую неделю. Скажем, вы производите мыло. Но выясняется, что таких фабрикантов, как вы, очень много, да и вообще слишком много мыла. И вы начинаете ловчить, чтобы вытеснить своих конкурентов и монополизировать в этой отрасли рынок. Свои доходы вы оцениваете вдвойне против реальных, так как рассчитываете в дальнейшем удвоить капитал. Но теперь для реализации своих хитрых планов вы выпускаете новый пакет акций на сумму, в три раза превышающую эти воображаемые доходы. Затем вы пускаете слух о чудесных свойствах вашего мыла и о всех привилегиях и правах, какие дает монополия его производства, которой вы владеете. Так вы сбываете свои акции, скажем, по восьмидесяти процентов. Даже продав все акции, управление предприятием вы оставите в своих руках. Пайщики беспомощны и неорганизованны, а у вас всюду свои люди. И тут начинают ходить тревожные слухи о тресте по производству мыла. Его совет директоров собирается на совещание и заявляет, что трест не в состоянии выплачивать проценты с дохода. Акционеры в панике, некоторые протестуют. Но часы пущены, и вы вытаскиваете свой выигрышный билет раньше, чем кто-либо сообразит, в чем дело. Паника вызывает падение цен на ваши акции, и вы сами скупаете большую их часть. Затем пайщики узнают, что трест по производству мыла перешел в другие руки и решено избрать новую, честную администрацию, а производство мыла возрастает. Вы покупаете еще несколько фабрик и снова выпускаете акции и закладные, цена на акции снова повышается, и вы опять продаете свои. Подобные махинации проделываются систематически каждые два или три года. И каждый раз

вы собираете новую жатву с лиц, которые желали бы вложить свои деньги в какое-нибудь дело, и, кроме немногих лиц с Уолл-стрита, никто не способен уследить за вашими действиями.

Майор умолк со счастливым выражением лица.

— Новые и новые доходы, — продолжал он, — стекаются со всех концов страны к Уолл-стриту. Я себе прекрасно представляю, как они поступают с рудников, заводов и фабрик. В наше время люди не любят прятать деньги в сундуки — у кого они сейчас есть. Они хотят вложить их в дело, и вы придумываете такое дело. Возьмите, к примеру, городские железные дороги здесь, в Нью-Йорке. Казалось бы, какой верный доход ожидает тут вкладчиков! Уличное движение растёт, строительство новых линий не поспевает за ним. Барыш верный. И вот люди покупают акции и закладные городских дорог. В данном случае организаторами строительных компаний являются политические деятели: это их доля, взамен тех удобств, какие они предоставляют городу. Они вводят новую систему, которая действует, как автомат против лука и стрел; организуют синдикат, а он без всяких затрат получает привилегии на строительство дорог, а затем продает их какой-либо компании за миллионы. Случалось, они продавали привилегии, которыми не обладали вовсе, и такие железные дороги, каких еще не существовало на свете. Вам будут говорить о неоднократных реконструкциях, каких не было и в помине. А в итоге они загребают примерно тридцать миллионов долларов. Тем временем мелкие акционеры удивляются, почему они не получают своего дивиденда!

— Так обстоит дело с помещением капиталов, — после паузы продолжал майор. — Но, конечно же, самые

большие источники обогащения — страховые компании и банки. Вот где сколачиваются целые состояния. Тут от вас ускользнет большая часть прибылей, если у вас нет собственных банков для приобретения закладных. На днях я слышал забавную историю об одном типе, занимавшемся производством электрических приборов. Послушать его, так он честный человек и не имеет никакого отношения к Уолл-стриту. Компания, во главе которой он стоит, пожелала расширить свое предприятие и выпустила закладных листов на сумму двести тысяч долларов, затем он обратился к страховому обществу и предложил ему купить их по девяносто. "В настоящее время мы не покупаем закладные, — ответили ему, — попробуйте обратиться в национальное кредитное общество". Он обратился, и ему предложили за них по восьмидесяти. Делать было нечего, пришлось согласиться. А кредитное общество передало эти закладные тому же страховому обществу по номинальной цене. Я мог бы назвать вам с десяток трестов в Нью-Йорке, которые являются просто передаточным звеном для страховых компаний и существуют специально для этих игр. Вы поняли?

— О, да, — ответил Монтегю.

— А не стоит ли случайно за спиной вашей железнодорожной компании какой-нибудь трест?

— Несомненно, — ответил Монтегю.

Майор пожал плечами.

— Тогда ждите, что ваши хозяева вскоре найдут, что первый выпуск закладных листов не покрывает стоимости предполагаемой реконструкции. Смету сочтут заниженной, выпустят новую партию закладных, и компания вашего президента получит новый подряд.

Затем вы узнаете, что ваш президент организует промышленное предприятие неподалеку от дороги, а дорога предоставит ему негласно скидку или практически будет перевозить его товары бесплатно. Он может также заставить дорогу заплатить ему за эксплуатацию вагонов, представляющих его личную собственность. Или, возможно, имеет какое-нибудь промышленное предприятие, и строительство дороги для него уже побочное дело.

Майор умолк. Он видел, что Монтегю смотрит на него растерянно.

— Что случилось? — спросил Винейбл.

— Боже правый! — воскликнул Аллан. — А разве вы знаете, о какой дороге я говорю?

Майор откинулся в кресло и расхохотался. И хохотал так, что лицо его покраснелось, он задохнулся и не мог произнести ни слова.

— Я уверен, что вы знаете, — настаивал Монтегю. — Вы обрисовали абсолютно точную картину.

— О, боже мой! — воскликнул майор, роясь в карманах в поисках носового платка, чтобы вытереть слезы. — Все это напоминает мне историю нашего районного адвоката о лимонах. Слышали вы ее?

— Нет, — ответил Монтегю.

— Это одна из ярких страниц в безотрадной кампании реформ, осуществленных у нас несколько лет назад. Один молодой адвокат, участник общественной кампании, выступил перед публикой и привел несколько примеров того, как бесчестные чиновники могут делать в нашем городе деньги. "Представьте, что вы — приемщик

фруктов, а в Нью-Йорке в данное время нехватка лимонов. В порт направляются два судна с лимонами, и одному удастся опередить другое на сутки. Согласно закону, фрукты подлежат тщательному досмотру. Если вы относитесь к делу добросовестно, осмотр занимает свыше суток, и владелец первого судна потеряет на этом некоторую сумму. Вот он и приходит к вам и предлагает заплатить одну-две тысячи долларов за отказ от осмотра каждой его корзины с лимонами".

Адвокат нарисовал эту картину перед публикой, и на следующее утро газеты напечатали его выступление. И в тот же день после обеда он встретил приемщика фруктов, своего старого приятеля. "Скажи-ка, старина, — сказал тот ему, — какой дьявол рассказал тебе об этих лимонах?"

На следующее утро Монтегю явился в контору Прайса.

— Мистер Прайс, — сказал он, — я узнал от мистера Хаскинса нечто такое, что вынуждает меня немедленно переговорить с вами.

— А именно? — спросил Прайс.

— Мистер Хаскинс сообщил мне, что Компании железнодорожных насыпей надо отдать предпочтение при заключении контрактов на подряды.

При этих словах Монтегю пристально наблюдал за Прайсом и увидел, как тот сжал челюсти и сердито скривил рот. На его лице появилось неприязненное выражение. Прайс сидел, откинувшись на спинку кресла, но теперь он медленно выпрямился, как бы готовясь к нападению.

— Ну и что? — спросил он.

— Мистер Хаскинс не ошибся?

— Нет, не ошибся.

— Он утверждает также, что вы заинтересованы в этой компании. Это правда?

— Правда.

— Хаскинс сказал также, что эта компания ничего не производила, а только продавала. И это правда?

— Да, это так.

— Тогда мистер Прайс, — сказал Монтегю, — мы должны немедленно с вами объясниться. Во время первоначальных переговоров мне было заявлено, что вы ищете человека, который добросовестно вел бы дело постройки дороги. Но положение вещей, какое мне только что обрисовали, кажется, не соответствует подобной программе.

Монтегю был готов к резкому отпору, но Прайс сделал над собой усилие и сдержался.

— Вы должны признать, мистер Монтегю, что еще недостаточно знакомы со сложившимися в железнодорожном деле порядками. Компания, о которой вы говорите, обладает преимуществами; она может гарантировать лучшие условия...

Прайс помолчал.

— Вы хотите сказать, что она в состоянии покупать товар дешевле, чем сама дорога? — спросил Монтегю.

— Иногда... — начал тот.

— Прекрасно, — перебил его Монтегю, — в тех случаях, когда она может предложить лучшие условия,

подряд, безусловно, должен быть ей предоставлен. Но это не соответствует тому, что передал мне мистер Хаскинс. Он дал понять, что мы должны быть готовы платить значительно дороже потому, что необходимо предоставить подряды именно Компании железнодорожных насыпей. Поэтому я и явился к вам, чтобы у нас было полное взаимопонимание. Раз уж я буду президентом Северной миссисипской дороги, то все поставки следует предоставить с законных торгов, и то предприятие, которое даст нам товар требуемого качества и по наиболее выгодным ценам, получит наши заказы. По этому поводу не должно быть никаких недоразумений. Мне кажется, я вполне ясно высказался?

— Да, вы ясно высказались, — сказал Прайс.

На этом беседа закончилась.

15

Монтегю вернулся к своим делам, но на душе его было беспокойно. Ему хотелось убедить себя, что на этом дело и закончится и Прайс с ним согласился, но, логически рассуждая, Аллан не мог этому поверить и предвидел, что президентом железной дороги он останется недолго.

Однако при всех своих предчувствиях Монтегю не был готов к тому, что последовало на другой день. Рано утром ему позвонил Куртис и попросил дождаться его в конторе. Куртис явился через несколько минут. Он был явно взволнован.

— Монтегю, — сказал он, — мне надо сообщить вам нечто важное. Я не хочу, чтобы вы оставались в неведении. Но раньше, чем я произнесу хоть-слово, я

должен вас предупредить, что ставлю сейчас на карту все свое будущее. И вы должны мне обещать, что никогда не сделаете никому ни малейшего намека на то, что от меня услышите.

— Обещаю, — сказал Монтегю. — Но в чем дело?

— Вы даже вида не должны показать, что знаете что-либо, — прибавил Куртис, — иначе Прайс тотчас же догадается, что вам все сказал я.

— О, так это Прайс! Обещаю не выдать вас. Рассказывайте.

— Вчера во второй половине дня он позвал Давенанта и сказал ему, что надо снять вашу кандидатуру и подобрать другого президента дороги.

Монтегю в смятении глядел на него.

— Он сказал, что вас следует полностью отстранить. Президентом, видимо, будет Хаскинс. Давенант вынужден был мне сообщить это, так как я один из директоров.

— Вот оно что! — прошептал Монтегю.

— Вы знаете, в чем дело? — спросил Куртис.

— Знаю.

— Так в чем же?

— Это длинная история. Возникла одна ситуация, которая меня не устраивает.

— О, — воскликнул Куртис, внезапно что-то поняв. — Не в Компании ли железнодорожных насыпей дело?

— В ней.

Тут пришла очередь Куртиса недоумевать.

— Боже мой! — воскликнул он. — Как это вы могли из-за такого пустяка отказаться от такого поста?

— Я и не думал отказываться. Это Прайс хочет от меня отделаться.

— Мой милый, ведь это же совершенный абсурд!

Куртис был вне себя. Монтегю внимательно посмотрел на него.

— Не станете ли и вы рекомендовать мне согласиться на подобное? спросил он.

— Конечно, стану, дорогой друг! У меня самого есть акции этой компании.

Монтегю замолчал. Он просто не знал, что на это ответить.

— Что вы воображаете себе, скажите, пожалуйста? Что вы вступили в благотворительное общество, что ли? — возразил Куртис. Но тут он увидел искаженное лицо друга и положил ему руку на плечо.

— Видите ли, старина, — сказал Куртис, — это, право, нехорошо! Я понимаю ваши чувства и питаю к вам большую симпатию и безграничное уважение. Но вы живете в этом мире и должны быть практичным. Нельзя взяться за управление дорогой и вести дело так, как если бы это был сиротский приют. Вы должны были отказаться от этого предложения, имея подобные убеждения. Но упустить такой пост из-за ерунды!

Монтегю был непоколебим.

— Уверяю вас, я вовсе ни от чего не отказывался, — отвечал он сердито.

— Но что же вы будете делать?

— Бороться, — отвечал Аллан.

— Бороться? — повторил Куртис. — Но, друг мой, ведь вы совершенно беспомощны! Дорога принадлежит Прайсу и Райдеру, и они с ней сделают все, что захотят.

— Вы один из директоров компании, — ответил Монтегю, — и вам известно положение вещей. Вы знаете, что благодаря моему ручательству состоялись выборы нового правления. Станете ли вы подавать голос за избрание Хаскинса президентом?

— Боже мой, Монтегю! Чего вы от меня хотите! Вы отлично знаете, что я не имею голоса, когда речь идет о делах дороги. Все акции, которыми я владею, дал мне Прайс. Что я могу сделать? Вся моя карьера рухнет, если я стану перечить.

— Другими словами, вы — кукла, вы согласны продать свое имя и достоинство за пакет акций. Значит, вы, занимая ответственное положение, не оправдываете оказываемого вам доверия.

Лицо Куртиса приняло жесткое выражение.

— Да, — сказал он, — если, конечно, толковать по-вашему.

— Тут дело не в моем толковании. Это так и есть.

— Но, — вспылил Куртис, — вы же должны понять, что и без меня у них будет большинство.

— Возможно, — ответил Монтегю, — но это еще не причина, чтобы поступать нечестно.

Куртис вскочил.

— Больше не о чем говорить, — заявил он. — Мне жаль, что вы так к этому относитесь. Я хотел оказать вам услугу.

— Я это ценю, — с живостью отвечал Монтегю. — И буду вам всегда обязан.

— И в борьбе, которую вы затеваете, вы не должны забывать, что я первый открыл вам глаза.

— Не беспокойтесь, — ответил Монтегю. — Я буду вас щадить. Никто никогда не узнает, что мне это известно.

С полчаса Монтегю задумчиво ходил по своему кабинету. Затем позвал машинистку и продиктовал ей письма к своему кузену, мистеру Ли, и к трем другим лицам, с которыми имел частную переписку по поводу их голосов на собрании акционеров.

"Ввиду некоторых обстоятельств, — писал Аллан, — раскрывшихся в связи с делами Северной миссисипской дороги, я не желаю принимать на себя обязанности президента. Я также намерен выйти из состава правления, так как чувствую себя не в силах изменить порядки, с которыми не согласен".

Затем он излагал план своих действий и разъяснял, что все, вовлеченные в дело через его посредство, имеют возможность последовать его примеру. Монтегю просил своих корреспондентов сообщить их решение по телеграфу, и через два дня получил от них ответ. Он был готов действовать.

Аллан начал с того, что позвонил Стенли Райдеру и условился с ним о времени встречи.

— Мистер Райдер, — сказал он, — несколько недель назад вы в этом самом кабинете просили моего содействия на выборах правления Северной миссисипской железной дороги. Вы заявили, что хотите предоставить мне пост президента, мотивируя это тем, что вам желательно иметь энергичного и честного человека, на которого вы могли бы положиться. Я поверил вам и принял ваше предложение. Я затратил много труда на изучение дела. И вот я слышу из уст мистера Прайса, что он организовал компанию с тем, чтобы получать доходы от эксплуатации дороги. И я заявил ему, что не дам согласия на подобные действия. По зрелому размышлению я пришел к заключению, что создавшееся положение делает невозможным для меня сотрудничество с мистером Прайсом. Я решил выйти из состава правления и не выставлять свою кандидатуру на пост президента.

Райдер все время избегал смотреть на Монтегю; он сидел, глядя прямо перед собой, и нервно постукивал рукой по столу. После долгого молчания Райдер ответил:

— Мистер Монтегю, я сожалею о вашем решении, но, принимая во внимание все обстоятельства, склонен признать, что это — мудрое решение.

Здесь последовала пауза.

— Позвольте мне поблагодарить вас за выполненную работу, — продолжал он, — а также надеяться, что этот злосчастный эпизод не повлияет на наши личные отношения.

— Благодарю вас, — холодно ответил Монтегю.

Он подождал, надеясь услышать еще что-либо от Райдера, но сам не нарушал молчания, чтобы не помочь

тем самым собеседнику выйти из затруднительного положения.

— Как я уже сказал, — повторил Райдер, — я вам премного обязан.

— Я в этом не сомневаюсь, — ответил Монтегю, — но я надеюсь, что вы не рассчитываете так просто закончить наши отношения.

Выражение лица Райдера изменилось.

— Что вы хотите этим сказать?

— Нам нужно решить один очень важный вопрос, прежде чем расстаться. Как вам известно, я лично владею пятьюстами акций Северной миссисипской железной дороги и, естественно, интересуюсь ее делами.

— О, конечно, — ответил Райдер спокойно. — Но это меня не касается. Как акционеру вам следует обращаться в правление дороги.

— Кроме того, что я сам акционер, — продолжал Монтегю, не обращая внимания на это замечание, — я должен защищать интересы и тех лиц, которых склонил на вашу сторону. Они голосовали за список членов правления, составленный вами. Я стал невольной причиной того, что они попали в зависимость от вас и мистера Прайса. Тут затронута моя честь, и я в ответе перед ними.

— Что же вы намерены предпринять?

— Я написал им, извещая о своем намерении выйти из дела. Я не рассказал им подробности, а только указал, что чувствую себя не в силах предотвратить некоторые события, которых не одобряю. Я сообщил им, что намерен предпринять, и предоставил возможность выйти

из этого дела на тех же условиях, что и я. Они приняли мое предложение, и завтра я получу от них полномочия распорядиться их акциями по своему усмотрению. Мои акции при мне, и я считаю, что вы обязаны купить их по той цене, какую платили за новый выпуск, а именно, по пятидесяти долларов за акцию.

Райдер уставился на него.

— Вы меня удивляете, мистер Монтегю!

— Весьма сожалею об этом, — возразил Монтегю. — Его голос был тверд. На лице его застыло суровое выражение. Он смотрел в упор на Райдера. — Тем не менее вы будете вынуждены приобрести эти акции.

— Извините, — ответил Райдер. — Но я считаю это дерзостью.

— Имеется, — продолжал Монтегю, — тридцать пять тысяч акций на общую сумму сто семьдесят пять тысяч долларов.

Они взглянули друг на друга. По глазам Монтегю Райдер понял, что ему не следует более говорить в таком тоне.

— Могу ли я узнать, — спросил он спокойно, — почему вы уверены, что я соглашусь выполнить столь неслыханное требование?

— Основания достаточно веские, и я надеюсь, вы это поймете, — ответил Монтегю. — Вы и мистер Прайс купили эту железную дорогу и хотите ее ограбить. Это ваше право, так как, по-видимому, таковы обычаи на Уолл-стрите — обманывать людей, помещающих у вас свои капиталы. Но вы не проведете меня, потому что мне слишком многое известно.

— Могу ли я узнать, каковы ваши намерения? — спросил Райдер.

— Да, конечно, — ответил Аллан. — Я буду бороться. Пока вы не выкупите паи — мой и моих друзей, — я останусь членом правления, а также кандидатом на пост президента. Я кое-что объясню на ближайшем заседании правления и, если не добьюсь успеха, то призову на помощь печать. Я льщу себя надеждой, что мое имя еще имеет значение на моей старой родине. Вы не сможете так свободно действовать в штате Миссисипи, как здесь в Нью-Йорке. Я перенесу борьбу в зал суда, хотя не уверен, как закон отнесется к ограблению общественно полезной организации ее собственным правлением. Меня очень удивило бы, если бы не нашлось законных способов воспрепятствовать этому. Как вам известно, у меня имеются факты. Я знаю, каким способом вы получили новое разрешение на продолжение дороги от Законодательного собрания штата.

Райдер был в бешенстве.

— Мистер Монтегю! — вскричал он. — Это шантаж!

— Можете называть это, как угодно. Я не испугаюсь вашего обвинения, если бы вы даже сочли необходимым выступить с ним перед судом.

Райдер открыл было рот. Но лишь с трудом перевел дыхание. Когда он снова заговорил, то уже овладел собой.

— Все это кажется мне весьма странным, — сказал он. — Вы, мистер Монтегю, решительно не имеете права вытаскивать на свет то, что узнали от меня и мистера Прайса. Ведь вы действовали в качестве нашего

доверенного лица! Вы, наверное, не забыли вашего обещания хранить тайну, которое дали в этом кабинете.

— Я этого не забыл. И отнесся к делу с большой добросовестностью. Напротив, я нахожу, что это вы нарушили обещание. И я уверен, что сделали это преднамеренно, решив все с самого начала. Вы уверяли меня, что добиваетесь честного управления дорогой. Теперь я в этом сомневаюсь. Я убежден, что у вас была единственная цель сделать меня своим орудием, чтобы захватить все управление дороги, не выплатив пая оставшимся акционерам. Добившись этого, вам очень хочется заставить меня уйти с поста... Вы никогда не желали, чтобы я стал президентом дороги; вообще-то я и раньше это подозревал. Но вы не на того напали: вы от меня так легко не отделаетесь. Я не помышляю подавать в отставку, позволив вам и мистеру Прайсу грабить дорогу и обесценить мои акции.

Тут Райдер прервал его.

— Я признаю справедливость ваших слов, мистер Монтегю, — сказал он, поскольку дело касается ваших личных акций. Они будут выкуплены у вас. Я уверен, что это будет для вас чрезвычайно выгодно.

— Напротив! Само ваше предложение я считаю для себя оскорбительным. Я стал виновником того, что другие лица оказались в зависимости от вас. Мое имя и мои обещания были использованы с этой целью. Поэтому на все, на что я имею право, имеют право и они. Никакого другого соглашения между нами быть не может.

Райдеру уже нечего было сказать, и он молча смотрел на собеседника.

Не желая долее затягивать свидания, Аллан внезапно поднялся.

— Я не жду, что вы немедленно решите этот вопрос, — сказал он. — Мне понятно, что вы захотите посоветоваться с мистером Прайсом. Я передал вам свои условия, и больше мне нечего добавить. Или вы их примете, или же я откажусь от всего и стану преследовать вас на каждом шагу. Я рассчитываю получить акции моих друзей с сегодняшней вечерней почтой и вынужден просить вас сообщить мне ваше решение завтра к двенадцати, так чтобы мы могли незамедлительно покончить с делом.

Сказав это, он поклонился и вышел.

На следующее утро Монтегю вручили письмо от Давенанта:

"Дорогой мистер Монтегю, — писал он, — мне передали, что у вас имеется тридцать пять тысяч акций Северной миссисипской железной дороги, которые вы желаете продать по пятьдесят долларов за акцию. Если вы будете столь любезны принести сегодня их в мою контору, то я с удовольствием приобрету акции у вас".

Получив это письмо, Монтегю немедленно отправился к Давенанту. Последний держал себя официально, но Монтегю не смог скрыть легкой насмешки в глазах, которая как бы говорила о том, что он прекрасно понимает весь комизм положения.

— Вот и конец делу, — сказал Давенант, забирая последнюю из подписанных Монтегю расписок. — Теперь позвольте мне сказать вам, мистер Монтегю, что я считаю вас исключительно способным деловым человеком.

Аллан сухо поклонился.

16

Монтегю был теперь сравнительно свободен. У него были еще дела, но они отнимали немного времени. Все обстояло бы совсем иначе, если бы он взялся за управление железной дорогой. На руках Аллана оставались два процесса, но так как оба были против крупных компаний, то Монтегю чувствовал, что ему предстоит тяжелый год. Он горько усмехнулся при мысли, что вряд ли у него хватило бы духа порвать с Прайсом и Райдером, если бы не деньги, нажитые им и его братом Оливером на небольшой спекуляции на Уолл-стрите.

Аллан получил письмо от Алисы. "Я останусь еще на две недели в Ньюпорте, — писала она. — Представь, кто меня пригласил к себе? Лаура Хиган. Она была очень мила со мной, и я на будущей неделе отправляюсь к ней на виллу. Если хочешь знать, мы долго говорили о тебе. Я воспользовалась случаем сказать ей кое-что: ей следовало это знать. Она отнеслась к моим словам с пониманием и сочувствием. Надеюсь, ты приедешь сюда на недельку-другую еще до моего отъезда. Гарри Куртис тоже собирается провести здесь свой отпуск, приезжай с ним".

Монтегю улыбался, читая это письмо. Он не поехал с Куртисом. Но жара в городе была невыносимая, а мысль о морском прибое и вилле казалась такой заманчивой, что он все же выехал в Ньюпорт в пятницу вечером.

Хиганы пригласили его к обеду. Джим Хиган был здесь впервые за три года. Миссис Хиган объявила, что

она буквально вытащила его из Нью-Йорка, съездив за ним сама.

В первый раз Монтегю провел с Хиганом так много времени. Он с интересом наблюдал за ним. Человек этот был для него загадкой: спокойный, вежливый, приветливый. Но Монтегю хотел знать, что скрывается за этой маской. В течение сорока лет этот человек работал и боролся на Уолл-стрите с единственной целью накопления денег. Джим Хиган не разделял ни одного из обычных развлечений, свойственных богатым людям. У него не было особых пристрастий, и он редко появлялся в обществе. Рассказывали, что, устраивая свои дела, он пользовался услугами дюжины секретарей и всех их доводил до изнеможения. Он работал без усталости день и ночь, как настоящая машина, машина для печатания денег.

Сам Монтегю не отличался стремлением к накопительству, и его удивляло, зачем этот человек так желал иметь деньги. Чего он хотел добиться с их помощью? Каков был моральный кодекс, взгляд на жизнь человека, отдававшего все свое время накоплению богатства? Как он сам себе объяснял цель жизни? Ведь какое-нибудь объяснение должно было существовать, иначе не мог он быть таким спокойным и веселым. Или, возможно, он совсем об этом не думал? Может быть, им руководил слепой инстинкт? Или же он жил в шкуре зверя, инстинкт которого состоял только в том, чтобы добывать деньги? И его при этом не мучили никакие угрызения совести? Последнее предположение казалось Монтегю наиболее близким к истине. Он наблюдал за Джимом Хиганом с каким-то странным чувством, думая о

нем как о страшной стихийной силе, слепой и бессознательной, как молния или смерч.

Джим Хиган был настоящим хищником. Его состояние было нажито именно теми многочисленными способами, о которых говорил майор Винебл: подкупами олдерменов, законодательной власти штатов и губернаторов; получением привилегий за гроши и продажей их за миллионы; созданием колоссальных предприятий, лопающихся как мыльные пузыри. И вот он сидит на веранде своей виллы в сумерках августовского вечера, покуривая сигару и рассказывая об основанном им сиротском приюте!

Он был весел и приветлив, даже добродушен. Неужели же он не знал об опустошениях и несчастиях, оставляемых позади себя? Монтегю овладело внезапное желание проникнуть за эту ширму сдержанности, огорошить этого человека каким-нибудь внезапным вопросом, добраться до его сути, узнать, кто он таков. На деле этот властный и в то же время благодушный вид скорее всего был лишь маской. А каков он, когда остается наедине с собой? Наверное, тогда возникают у него сомнения и неуверенность, отчаяние и чувство одиночества! Ведь образы загубленных им людей не могут не преследовать его! Воспоминания о предательстве и обмане должны же были терзать его!

От Хигана мысли Монтегю перенеслись к его дочери. Она тоже была спокойна и серьезна. Аллану хотелось бы знать, что творится в ее душе. Много ли она знает о деятельности своего отца? Она, конечно же, слышала о ней и маловероятно, что считала все это клеветой. Можно было спорить по поводу каких-то деталей, но общеизвестные факты были слишком

очевидны. Оправдывала ли она его действия и извиняла, или была в душе несчастна? Не это ли было причиной ее гордости и горьких речей? Вечной темой для пересудов в обществе служило то, что Лаура Хиган отдавала все свое время помощи бедным в трущобах. Не поразила ли Джима Хигана Немезида в лице его дочери? Не олицетворяла ли она собой терзания его совести?

Джим Хиган никогда не говорил о своих делах.

В течение двух дней, которые Монтегю провел в его обществе, Хиган только пару раз коснулся этого вопроса.

— Деньги? — заметил он. — Я ими не интересуюсь. Деньги для меня все равно, что мусор.

Жизнь игра, а доллары — мусор. Значит, он домогается власти! И перед глазами Монтегю как бы прошла вся карьера этого человека. Он начал службу конторским мальчиком, а над ним стояли многочисленные дельцы и финансисты. Чтобы преодолеть ступеньки лестницы и подняться к ним, нужны были деньги и деньги. Вставали на его пути соперники, с которыми он боролся. Победа над ними занимала все его время и мысли. Если он подкупал чиновников, то только потому, что его соперники старались делать то же самое. И, возможно, тогда он даже не подозревал, что превратился в хищника. И он даже не поверил бы, если бы кто-нибудь ему это сказал. Хиган прожил длинную жизнь, не щадя никого, кто попадался ему на пути, надеясь в душе, что будет делать добро с того дня, когда достигнет власти.

Именно с этой целью он и предпринял свое жалкое маленькое начинание сиротский приют, считая, что это позволит ему избавиться от ярлыка хищника. Наверное, боги разразились бы гомерическим смехом, увидев

спектакль о Джиме Хигане и его сиротском приюте. О Джиме Хигане, который мог бы заполнить два десятка сиротских приютов детьми людей, доведенных им до разорения и самоубийства!

Эти мысли не давали покоя Монтегю. Он недолго оставался в этот вечер у Хиганов. К чему ему все это? Джим Хиган стал тем, кем сделали его обстоятельства. Напрасны были его мечты о добродетели — перед ним вечно вставал новый соперник! И сейчас, если верить слухам, разворачивалась новая битва. Хиган и Уайман вцепились друг другу в горло. Они будут бороться до победного конца. И нет никакой возможности предотвратить эту борьбу хотя бы с риском разрушить устои, на которых зиждется благополучие самой нации!

Монтегю ежедневно узнавал о ходе этой борьбы. На следующее утро, сидя в открытом кафе одного из отелей и разглядывая публику, он услышал знакомый голос. Это был молодой инженер, лейтенант Лонг, который подошел к нему и сел рядом.

— Слышали ли вы что-нибудь о нашем друге Гембле? — спросил Монтегю.

— Он вернулся в лоно своей семьи. Надоела ему вся эта суматоха, ответил молодой офицер.

— Занятный парень этот Гембл.

— Я его люблю, — заметил лейтенант, — он не красив, но сердце у него там, где надо.

Монтегю подумал немного и спросил:

— А что, прислал он вам описание топлива, о котором вы просили?

— Представьте, прислал! И, право, с большим знанием дела! В департаменте решат, что я и в самом деле эксперт!

— Непременно, — заметил Монтегю.

— Он выручил меня из весьма затруднительного положения. Вы не можете представить себе, в какие сложные ситуации попадаем мы, морские офицеры. Но мне кажется, что одно слово следовало бы вычеркнуть из этого описания.

— Вот как! — заметил Монтегю.

— Право, я даже подумываю написать об этом в главный штаб. Я уже три раза собирался это сделать.

— В самом деле!

— Знаете ли, — продолжал офицер. — Какой-то молодой человек был представлен мне одним из моих друзей. Он вертелся вокруг меня целый вечер, и затем, когда мы возвращались домой, открыл причину своей привязанности. Кто-то из вашингтонских друзей сказал ему, что мне поручено составить условия поставки мазута для кораблей военно-морского флота. А у него, в свою очередь, имеются друзья, заинтересованные в этом деле и готовые дать мне ценный совет. Он намекал, что это для меня может быть очень выгодно.

— Воображаю, как вам это не понравилось!

— Право, это наводит на некоторые размышления, — сказал лейтенант. Люди моего служебного положения легко могут получить подобное предложение. Многие же из нас ведут образ жизни далеко не по средствам. Все мы должны быть начеку. Я еще допускаю ловкую игру в политике или в деловых

отношениях, но когда дело касается армии и флота, — тогда, уверяю вас, я готов лезть в драку!

Монтегю ничего не ответил. Он не знал, что сказать.

— Гембл что-то говорил о вашей борьбе со Стальным трестом, — заметил Лонг. — Так ли это?

— Да, — ответил Монтегю, — но теперь я отошел от этих дел.

— Кстати, о Стальном тресте, — заметил лейтенант, — знаете ли, мы получаем кое-какие сведения о нем.

— Любопытно, — сказал Монтегю.

— Спросите в армии, кого хотите! Это старая рана, которую мы носим в груди и которая не заживает. Я имею в виду мошенничество в области производства броневых листов для кораблей.

— Я кое-что слышал, — ответил Монтегю.

Монтегю мог произнести целую обвинительную речь против стальных королей.

— А я все это хорошо знаю, — продолжал лейтенант, — так как мой отец пятнадцать лет назад был членом комиссии по испытанию брони. Я слишком пристрастно отношусь к этому вопросу. Ведь отец вскрыл тогда большие злоупотребления, и это стало причиной его смерти.

Монтегю бросил пронизательный взгляд на молодого офицера, который погрузился в мрачные размышления.

— Удивительно, как тяжело иногда бывает на душе у моряка! — сказал он. — Нам объявляют, что наши суда

отправляются в Тихий океан и судьба всей нации зависит от них! А броня у них негодная, отлитая старым Гаррисоном и приобретенная правительством по цене, в четыре или пять раз превышающей ее истинную стоимость. Вот, например, известный мне случай с "Орегоном". Теперь мой брат служит на этом корабле. Во время испано-американской войны 1898 года вся страна следила за "Орегоном" и молилась за него. А я сейчас могу найти в броне этого боевого корабля ряд отверстий, просверленных старым Гаррисоном и обшитых полосовым железом. Если граната попадет в эту "броню", она разлетится как стекло.

Монтегю слушал пораженный.

— И каждый может это увидеть? — спросил он.

— Нет, — сказал офицер. — Все, конечно, прикрыто, обшито железом. Проделав недоброкачественную работу, тщательно маскируют дефекты. Кто же это заметит?

— Но в таком случае откуда это знаете вы?

— Я? Да мой отец собрал все материалы, касающиеся производства этого броневое щита, начиная с того момента, когда он был отлит, и до его клепки на корабле. Существуют точные копии протоколов мастерской, из которой выходили броневые листы, и показания людей, производивших работы. Отец мой собрал все данные относительно этого и сотни других случаев. Я знаю человека, у которого до сих пор хранятся эти документы. Видите ли, в чем дело, — продолжал лейтенант, — правительство со своей стороны требует, чтобы каждый лист подвергался тщательному испытанию, и протоколы этих испытаний должны сохраняться. Но в действительности такое

испытание и обработка материалов после него стоили бы огромных денег. А главное, если строго требовать соблюдения всех условий, то сотни листов оказались бы негодными. Но если протоколы все-таки попадают в канцелярию, Ингам и Давидсон переделывают их так, как "нужно". Таким способом эти ловкие молодые люди добывают бешеные деньги, которые затем бросают на хористок и актрис. Они изготавливают копии с протоколов мастерских, но не всегда при этом уничтожают подлинники. И вот кто-то в канцелярии спрятал их. Таким образом, правительство узнало про подлоги.

— Но это же просто невероятно! — воскликнул Монтегю.

— Да взять хотя бы историю с броневым листом Н-619 на "Орегоне", сказал лейтенант. — Это был один из листов, отобранных из целой партии для баллистических испытаний. И вот после того, как его отобрали, ночью лист тайно доставили в мастерскую и трижды заново обработали. Понятно, он выдержал испытание, а с ним прошла и вся партия!

— Что же было предпринято по этому поводу? — спросил Монтегю.

— Ничего, — ответил Лонг. — Правительство оказалось не в состоянии доказать подобные факты. Но, конечно, служащие морского ведомства знают о них и всегда будут помнить об этом. Как я уже сказал, это убило моего отца.

— Но неужели компания не понесла никакого наказания?

— Была назначена комиссия для рассмотрения дела, и она вынесла решение возместить правительству около

шестисот тысяч долларов убытка. Кстати, как раз здесь в отеле живет человек, который гораздо лучше знает всю эту историю.

Лейтенант умолк и осмотрелся. Вдруг он поднялся, подошел к ограде и окликнул господина, проходившего по другой стороне улицы.

— Хелло, Бейтс! — крикнул он.

— О, да это Бейтс из "Экспресса"! — воскликнул Монтегю.

— Так вы его знаете? — спросил лейтенант. — Хелло, Бейтс! Вас что, засадили за светскую хронику?

— Нет, и ищу интересное интервью, — возразил тот. — Как поживаете, мистер Монтегю, рад вас видеть.

— Присаживайтесь к нам, — сказал лейтенант. — Я рассказывал мистеру Монтегю о мошеннических проделках с броневым листом. Ведь вам известна история следствия по этому делу. Бейтс из Питтсбурга, — пояснил он.

— Расскажите, мистер Бейтс, — попросил Монтегю.

— О, этому делу была посвящена моя первая статья, — сказал Бейтс. Само собой разумеется, питтсбургские газеты отказались ее напечатать. Но факты я все же добыл. А затем близко познакомился с одним питтсбургским юристом, которому было поручено произвести негласное расследование этого дела. И всякий раз, когда приходится читать в газетах о том, как старый Гаррисон, благодетель города, подарил ему новую библиотеку, у меня кровь закипает в жилах.

— Иногда мне кажется, — вставил лейтенант, — что если бы нашелся кто-либо, кто рассказал эту историю

американскому народу, то старый негодяй был бы изгнан из страны.

— Вам никогда не удастся его изобличить, — сказал Бейтс. — Он слишком хитер. Гаррисон всегда умел возложить ответственность за грязную работу на других. Помните, как он во время большой стачки удрал, свалив все на Уильяма Робертса. Когда же страсти улеглись, он как ни в чем не бывало вернулся восвояси.

— А затем он откупился и фактически сумел избавиться от наказания! зло заметил лейтенант.

Монтегю взглянул на него.

— Но как?

— Подробности можно узнать у приятеля Бейтса, юриста. Комиссия из офицеров обязала правительство возместить шестьсот тысяч долларов, но когда дело дошло до президента Соединенных Штатов, он отнес все расходы на счет морского ведомства.

— Всю сумму! — воскликнул Монтегю.

Офицер пожал плечами.

— А в один прекрасный день старый Гаррисон взбудоражил страну речью в поддержку протекционистской реформы, выдвинутой президентом. На другой же день юристу было приказано снизить приблизительно на семьдесят пять процентов возмещение убытков, которое все же присудили Гаррисону.

— А затем, — прибавил Бейтс, — явился Робертс из Питтсбурга, подкупил руководство демократической партии в конгрессе, и страна так и не получила ни возмещения убытков, ни протекционистской реформы. А

через несколько лет старый Гаррисон продал свое дело Стальному тресту и ушел на покой с рентой в четыреста миллионов, которую выплачивает ему американский народ!

Бейтс откинулся на спинку стула.

— Как видите, тема не особенно приятная для послеобеденной беседы, сказал он, — но меня она не может не волновать. Вот как создается все то, что вы здесь видите. — И он указал на празднично разодетых прохожих. Женщины, швыряющие деньги на туалеты и бриллианты, и мужчины, разрывающие страну на части, чтобы добыть эти деньги. Вам скажут, что эти праздные богачи губят только самих себя, ведя нездоровый образ жизни. Но это не так: они везде распространяют заразу. Не правда ли, мистер Монтегю?

— Вполне с вами согласен, — ответил Аллан.

— Взгляните на города Новой Англии, — сказал Бейтс, — и на их население. Те, у кого было хоть сколько-нибудь энергии, давно уже переселились на запад. А оставшиеся все безвольны. Разве это не видно? Всюду, где появляются эти богачи, ищущие наслаждений, мужчины становятся содержателями домов терпимости и лакеями, женщины — горничными и проститутками.

— Их учат, учат брать взятки! — добавил лейтенант.

— Все, что еще оставалось у местного населения, продается с торгов, сказал Бейтс. — В политическом отношении нет более испорченного уголка во всех Соединенных Штатах, чем штат Род-Айленд. Это всем известно, и в этом нетрудно убедиться. В день выборов вы можете покупать здесь голоса с такой же легкостью, как селедку. Здесь вы не почувствуете ни малейшего

стремления к каким-либо демократическим реформам, ни малейших проблесков перемен.

— Вы нарисовали очень мрачную картину, — сказал Монтегю.

— Да, я стал желчным, — ответил Бейтс, — но я не всегда такой, стараюсь держать язык за зубами и беречь себя. Мы, газетчики, как вам известно, постоянно находимся за кулисами событий и наблюдаем, как кукол набивают опилками. Мы вынуждены жить в этом мире, и некоторым из нас это не по вкусу, могу вас уверить. Но мы бессильны что-нибудь сделать.

Он пожал плечами.

— Я теряю уйму времени на сбор фактов, а моя газета в девяти случаях из десяти отказывается их печатать.

— Думается, вы бросите это занятие, — сказал лейтенант.

— А что я могу еще делать? — возразил репортер. — Я собираю факты, и когда дело доходит до взрыва, то пытаюсь оповестить об этом публику. Мне нравится моя работа, ибо я не могу не верить, что, если народ узнает правду, он рано или поздно скажет свое слово. Когда-нибудь появится человек с чистой совестью, который не пойдет на сделки. Не так ли, мистер Монтегю?

— Да, — ответил Аллан, — я надеюсь.

17

Лето кончалось. В последних числах августа Алиса приехала на несколько дней в Нью-Йорк. Ей нужно было

сделать кое-какие покупки перед отъездом к Прентисам в горы Адирондак.

Это была новая причуда высшего общества. В дикой местности построили комфортабельные виллы, где светские дамы и господа наслаждались жизнью среди природы, пользуясь, однако, всеми благами цивилизации.

Для этого необходимы были охотничьи костюмы, альпинистское снаряжение, короче говоря, все очень экстравагантное и потому дорогое.

Монтегю это напомнило рассказ о миссис Виви Паттон. Ее муж жаловался на то, что она покупает слишком дорогое платье, и попросил одеваться попроще. "Хорошо, — сказала она, — я сейчас же накуплю себе уйму простых нарядов".

Один из вечеров Алиса провела дома и посвятила его кузену.

— Мне кажется, Аллан, — сказала она, — что Гарри Куртис собирается сделать мне предложение. Я думаю, тебе следует это знать.

— Я это предполагал, — заметил Монтегю с улыбкой.

— Гарри кажется, что ты его недолюбливаешь, так ли это?

— Нет, — ответил Монтегю, — не совсем так.

Он пытался найти подходящее выражение.

— Я не понимаю, в чем здесь дело, — продолжала Алиса, — ты считаешь, что мне не следует за него выходить?

Монтегю взглянул на нее.

— Скажи мне, ты твердо это решила?

— Нет, — ответила она, — я еще подумаю.

— Я просто хочу сказать, что если ты решила, то мое мнение, разумеется, ничего уже не значит.

— Я хочу, чтобы ты мне рассказал, что произошло между вами! воскликнула девушка.

— Дело только в том, — сказал Монтегю, — что Куртис не очень чистоплотен в делах. Но с какой стати его обвинять, если и другие поступают так же.

— Но ведь он должен зарабатывать себе на жизнь, — заметила Алиса.

— Конечно, — ответил Монтегю, — и если он женится, то ему придется зарабатывать еще больше. Но тогда его все глубже будет засасывать коррупция.

— Но что он все же такое сделал? — со страхом спросила Алиса.

Аллан рассказал ей о своем разговоре с Куртисом.

— Однако, Аллан, я не вижу в этом ничего ужасного, — сказала она. Ведь железная дорога — собственность Райдера и Прайса.

— Да, но только частично, другая часть принадлежит акционерам.

— Так пусть они и расплачиваются за то, что имеют дело с такими людьми, — возражала девушка.

— Ты ничего не смыслишь в бизнесе и не можешь понять положения вещей, ответил Аллан. — Куртис — член правления, ему доверено ответственное дело.

— Но он же действует только по указке Прайса, — сказала она. — Если бы он не согласился, то Прайс взял

бы на его место другого — вот и все. Я действительно мало в этом смыслю, но мне кажется, что не стоит осуждать молодого человека за то, что он прокладывает себе дорогу в жизни. Он делает только то, что и другие. Без сомнения, ты лучше разбираешься во всем этом и испытываешь угрызения совести, и все же мне кажется, что ты смотришь на вещи слишком сложно.

Монтегю грустно улыбнулся.

— Ты уже говоришь совсем как Куртис. Видно, окончательно решила выйти за него замуж.

Алиса уехала в сопровождении Оливера, который получил приглашение посетить замок Берти Стюайвесанта, построенный в средневековом стиле и расположенный с другой стороны гор. Там обещала погостить и Бетти Уайман, так что Ливер рассчитывал провести у Стюайвесантов целый месяц. Но через три дня Монтегю получил известие, что он прибудет в Нью-Йорк утром после восьми часов и просит Монтегю его дождаться. Аллан догадывался, в чем дело, и у него было достаточно времени, чтобы решить, как ему следует поступить.

— Ну что? — спросил он Оливера, когда тот вошел к нему, — опять подвернулось выгодное дельце.

— Да, кое-что есть.

— И дело верное?

— Вполне надежное. Войдешь со мной в долю? — спросил Оливер.

Монтегю покачал головой.

— Нет, — сказал он, — хватит с меня и одной попытки.

— Ты говоришь несерьезно, Аллан! — запротестовал Оливер.

— Я это твердо решил.

— Но, мой дорогой, это просто безумие! У меня сведения от самых информированных лиц. Дело верное.

— Я в этом не сомневаюсь, — ответил Монтегю. — Но с меня довольно игры на Уолл-стрите. Я слишком много узнал за это время и устал от всего. Я не люблю азартных игр и не люблю компромиссов, которые для них необходимы.

— Но лишние деньги тебе не помешали бы, не правда ли? — саркастически заметил Оливер.

— Мне хватает того, что я имею.

— А когда твой капитал иссякнет?

— Не знаю, что будет тогда. Найду что-нибудь себе по душе.

— Хорошо, — сказал Оливер. — Это твое дело. Тогда я попробую на свой собственный страх и риск.

Они вышли из дома, взяли кэб и поехали по городу.

— Откуда ты получил свои "верные" сведения? — спросил Монтегю.

— Из того же источника, что и раньше, — ответил брат.

— Опять эти же акции Трансконтинентальной компании?

— Нет. Другие.

— Какие же именно?

— Я имею в виду акции Миссисипской стальной компании.

Монтегю повернулся к нему.

— Миссисипской стальной компании! — воскликнул он.

— Что тут странного, — сказал Оливер, — и что тебе до этого?

— Миссисипская стальная компания! — опять воскликнул Монтегю. — Разве ты не знаешь о моем конфликте с Северной Миссисипской железной дорогой?

— Конечно, знаю, но какое отношение это имеет к Миссисипской стальной компании?

— Но ведь Прайс — ее владелец!

— О, об этом я и забыл, — сказал Оливер.

Светская жизнь не оставляла ему времени для того, чтобы вникать в дела брата.

— Аллан, — прибавил он живо, — не говори мне больше ничего.

— Теперь все это меня не касается, — ответил Монтегю, — я вышел из дела. Но меня интересует вопрос: разве акции компании поднимаются?

— Напротив, они понижаются в цене.

Монтегю поразился.

— Это не обошлось без Стального треста, — прошептал он.

— Должно быть. Мои сведения получены от кругов, близких к Стальному тресту.

— Как ты полагаешь, они пытаются сломить Прайса?

— Не знаю. Думаю, они сделают это, если захотят.

— Но большая часть акций принадлежит Прайсу, — сказал Монтегю. — Разве они в состоянии отобрать их у него?

— Не в состоянии, если они имеются в наличии, то есть не заложены и за них не выданы закладные. Но представь, что их уже нет у него, представь, что какой-нибудь банк выдал ему ссуду под эти акции — тогда что?

Монтегю был заинтригован. Он сопровождал брата, пока тот получал деньги в банке, обзванивал своих маклеров, приказывая продавать акции Миссисипской стальной компании. Наконец, он вынужден был покинуть брата, так как в этот день был занят в суде. Выйдя через несколько часов из здания суда, он купил биржевой бюллетень, и первое, что бросилось ему в глаза, был курс акций Миссисипской стальной компании: они котировались вечером почти на двадцать пунктов ниже, чем утром!

Даже голые цифры говорили ему о многих трагедиях: он представлял себе торжествующих и отчаявшихся пайщиков. Казалось, титаны развоевались. Оливер сумел вовремя сориентироваться. А Прайс и Райдер? Монтегю знал, что большая часть акций Прайса была заложена в Готтамском тресте. Что теперь будет с ним и с Северной Миссисипской железной дорогой?

Столбцы вечерних газет были полны сенсациями. Они сообщали о том, что почва ускользала из-под ног Миссисипской стальной компании. Распространялись самые невероятные слухи. Компания значительно превысила свои финансовые возможности; говорили, что ее служащие погрязли в спекуляциях, что компания не

будет в состоянии выплатить причитающиеся держателям акций за четверть года проценты и необходимо будет учредить опеку. Намекали, что компания перейдет в руки Стального треста. Однако такого рода слухи энергично опровергались служащими треста.

Все произошло так внезапно, словно разразилась гроза среди ясного неба. Монтегю был потрясен. Для него мало значило, что сам он был теперь вне поля боя и что лично ничего не теряет. Он походил на человека во время землетрясения, который внезапно увидел перед собой разверзнувшуюся землю. Хотя Аллан и чувствовал себя в безопасности, он не мог уйти от того факта, что трещину дала та самая земля, на которой ему придется провести остаток жизни, и что новая пропасть может разверзнуться как раз под его ногами.

Монтегю не видел ни малейшего шанса спасения для Прайса и Райдера; он считал их совершенно уничтоженными и не удивился, если бы прочел, что они обанкротились. Но эти люди, видимо, выдержали не одну бурю. Все ограничилось только слухами. Акции Миссисипской стальной компании тем не менее больше не поднимались. Аллан заметил, впрочем, что и акции Северной Миссисипской железной дороги понизились на восемь — десять пунктов.

Это было время великого волнения в финансовом мире. Все лето фондовую биржу трясло как в лихорадке. Казалось, что финансовые тузы и управляющие железными дорогами взяли за правило предсказывать общее разорение каждый раз, когда им приходилось произносить речи на банкетах.

Никто, однако, не мог понять причин кризиса. Одни утверждали, что виной всему речи президента страны, его атаки на крупных капиталистов. Другие считали, что мировой капитал был истощен непрерывными войнами, землетрясениями и пожарами. Третьи жаловались на недостаток средств у правительства. Неоднократно среди общего шума раздавался трезвый голос какого-нибудь радикала, заявлявшего, что падение курса вызывалось преднамеренно, но подобное мнение казалось до того нелепым, что его или встречали насмешками, или вовсе не обращали на него внимания. Что касается Монтегю, то мысль о том, что в стране имеются люди, способные изменить положение на рынке и беззастенчиво использующие колебания цен в своих целях, казалась ему совершенно абсурдной.

Как-то раз вечером он разговорился об этом с майором Винеблом. Тот просто посмеялся над ним. Майор назвал десять — двенадцать лиц — среди них Уотермана, Дюваля, Уаймана, — которые заправляли большей частью банков в столице. Им были также подвластны три крупнейших страховых общества с капиталом в четыреста или пятьсот миллионов долларов; один из них контролировал крупную трансконтинентальную железную дорогу, которая придерживала двадцать — тридцать миллионов для спекуляций с акциями.

— Если двое или трое из этих господ захотят, — заявил майор, — то они в один день затормозят всю финансовую деятельность страны. Если они поведут наступление на какие-либо фонды, то могут понизить стоимость акций до любых пределов.

— Но как же они могут это сделать? — поинтересовался Монтегю.

— Таких возможностей у них более чем достаточно. Вы заметили, что последний крупный кризис начался при крайней нехватке денег, какой уж много лет не видели на Уолл-стрите. Теперь представьте себе, что эти господа сосредоточили большие финансовые средства и договорились между собой изъять их из оборота в условленное время. Представьте себе, что и их собственные банки, и банки, директора которых подкуплены ими, и страховые общества, которыми они управляют, сделают то же самое! Можете себе вообразить, как все бросятся добывать деньги, искать займы. И при такой нервной обстановке, при почти полном отсутствии кредита. Причем это вспыхивает в массовом масштабе, — разве вам не ясно, к чему все это может привести?

— Это похоже на игру с огнем, — заметил Монтегю.

— Опасность, однако, не так велика, как можно предположить, — ответил майор. — Наше спасение в том, что крупные финансовые воротилы не могут поладить между собой. Уотерман, например, добился займа в десять миллионов от казначейства. Уайман, напротив, добивается повышенных цен и берет на Уолл-стрите ссуду в пятнадцать миллионов. Здесь в городе не менее двенадцати крупных банковских трестов.

— И они соперничают друг с другом? — спросил Монтегю.

— Конечно, — отвечал майор, — например, борются за контроль над иногородними банками. Все банки страны отправляют избыточную часть своих капиталов в

Нью-Йорк, что составляет около четырехсот — пятисот миллионов долларов, то есть огромную сумму. Многие крупные банки финансируют до двух тысяч различных учреждений, и на этой почве процветает самая отчаянная конкуренция. Короче, происходит ожесточенная схватка.

— Все ясно, — сказал Монтегю.

— Только на одном все банки сошлись, — продолжал Винебл, — на своей ненависти к независимым банкам. Дело в том, что крупные банки обязаны иметь в наличии двадцать пять процентов своего капитала, в то время как независимые — только пять, благодаря этому оборот средств у последних быстрее, они выплачивают четыре процента по вкладам, широко себя рекламируют и вытесняют монополистов. Их около пятидесяти в одном Нью-Йорке, и в их руках сосредоточивается около миллиарда долларов. И прошу вас запомнить мои слова: из-за этого вскоре прольется кровь.

Монтегю было суждено вспомнить это пророчество.

Через несколько дней произошел случай, который пролил новый свет на положение вещей. Однажды после обеда к Аллану пришел Оливер. Он принес с собой письмо.

— Аллан, — сказал он, — что ты об этом думаешь?

Монтегю взглянул на письмо. Оно было от Люси Дюпре.

"Мой дорогой Олли, — прочитал он, — я оказалась в весьма затруднительном положении, так как одна денежная операция, на которую я рассчитывала, не удалась. Все средства, с которыми я приехала в

Нью-Йорк, на исходе. Теперь мое положение довольно тяжелое. У меня имеется вексель на сто сорок тысяч долларов, выданный мне Стенли Райдером в уплату за акции. Он подлежит оплате через три месяца. Мне пришло в голову, что вы, быть может, знаете кого-нибудь, кто мог бы учесть или выкупить этот вексель. Я была бы очень рада отдать его за сто тридцать тысяч. Прошу вас, сохраните все это между нами".

— Как ты думаешь, что все это значит? — спросил Оливер.

Аллан пристально посмотрел на него.

— Право, мне нечего сказать.

— Много ли было у Люси денег, когда она приехала сюда?

— Три или четыре тысячи долларов. А затем она получила еще десять тысяч от Стенли Райдера при продаже своих акций.

— Не могла же она так много израсходовать! — воскликнул Оливер.

— Она могла куда-нибудь поместить свои деньги, — сказал Монтегю задумчиво.

— Да никуда она их не помещала! — воскликнул Оливер.

— Но не это меня смущает, — заметил Монтегю. — Я не пойму, почему Райдер сам не учтет этот вексель?

— Вот именно! Почему он разрешил Люси пустить его вексель в продажу?

— Возможно, он об этом даже не знает. По-видимому, она держит свои дела в тайне от него.

— Чепуха, — возразил Оливер. — Я ничему этому не верю. Я думаю, все это происки самого Райдера!

Монтегю в недоумении пожал плечами.

— Я полагаю, он пытается учесть свой собственный вексель, — продолжал Оливер, — я не верю, чтобы Люси решилась обратиться к нам ради себя самой. Скорее, она согласилась бы умереть с голода. Она слишком горда.

— Однако Стенли Райдер, — возразил Монтегю, — президент Готтамского треста...

— Это ничего не значит. Это его собственный вексель, а не треста, и, уверяю тебя, ему неоткуда взять денег. Несколько дней назад одна крупная компания приостановила платежи, а я знаю, что Райдер входил в число ее пайщиков. Он пострадал также при понижении курса акций Миссисипской стальной компании, и я готов побиться об заклад, что он рыщет теперь повсюду в поисках денег. Тут-то он и решил использовать Люси. Чтобы выйти из положения, он не остановится перед тем, чтобы забрать у нее последний доллар.

Монтегю некоторое время хранил молчание. Потом он крепко стиснул пальцы и проговорил:

— Я должен увидеть ее.

Люси выехала из дорогого отеля, в котором устроил ее Оливер, и сняла квартиру на Ривер-Сайд. На следующее утро Монтегю отправился туда.

Она встретила его в дверях гостиной. Аллан заметил, что Люси бледнее обычного. Ее лицо отражало следы пережитых волнений.

— Аллан! — воскликнула она. — Я знала, что вы придете. Как вы могли так долго не появляться?

— Я не думал, что вы хотите меня видеть, — сказал он.

Она ничего не ответила и села, не спуская с него глаз, в которых сквозил испуг.

Внезапно он почувствовал, что в душе его что-то оборвалось.

— Люси! — воскликнул он. — Не хотите ли вы уехать отсюда? Уехать, пока еще не поздно?

— Куда? — спросила она.

— Куда-нибудь! Поезжайте обратно домой.

— У меня нет дома, — ответила Люси.

— Уходите от Райдера, — сказал Монтегю. — Он же губит вас!

— Никто не руководит моими поступками, Аллан, — сказала Люси. — Вы не должны винить Стенли, мне неприятно это слышать.

Она замолчала.

— Люси! — сказал Монтегю. — Я читал письмо, которое вы написали Оливеру.

— Я так и подумала. Просила же его этого не делать.

— Послушайте, может быть, вы скажете, что все это значит? Только всю правду.

— Скажу, — проговорила она тихо.

— Я помогу вам, если вы оказались в затруднительных обстоятельствах, но не Райдеру. Если вы разрешаете ему эксплуатировать вас...

— Аллан! — воскликнула она, вспыхнув. — Неужели вы думаете, что он знал о моем письме?

— Да, я так думаю.

— Как вы можете!

— Я знаю, что ему угрожает банкротство.

— Да, и я хочу помочь Стенли, чем могу. Это безумная мысль, но это все, что я могла придумать.

— Ясно, — сказал Монтегю.

— Неужели вы не понимаете, что я не могу его оставить? — воскликнула Люси. — Теперь больше, чем когда-либо, он нуждается в помощи. Все друзья оставили его, и я единственный человек, который о нем заботится... который действительно его понимает...

Монтегю не знал, что сказать.

— Я, конечно, причиняю вам боль, — сказала Люси, — но думаю, вы меня когда-нибудь поймете, а что касается всех остальных — мне до них нет никакого дела.

— Хорошо, Люси, — произнес Аллан с грустью. — К сожалению, я ничем не могу вам помочь и не стану вас больше беспокоить.

18

Прошел месяц. Монтегю был погружен в работу, до него доходило лишь слабое эхо бури, бушевавшей в финансовом мире. Впоследствии он часто с удивлением вспоминал, какое слабое представление имел о

происходившем. Он сравнивал себя с крестьянином, который, не поднимая головы, копался на своем поле, в то время как целые армии готовились к бою, и неожиданно очнулся от шума завязавшегося сражения и рвущихся над его головой снарядов.

Новое потрясение охватило фондовую биржу. Стюарт, молодой лохинварец с запада, попытался нанести удар по торговле медью. Распространились фантастические слухи о новом кризисе. Одни утверждали, что какой-то спекулянт скупил всю медь, другие — что произошла ссора между конкурентами. Как бы то ни было, цена на медь упала. Финансовый мир вновь испытал сильнейшее потрясение.

Молниеносно разнеслась весть, что крупные банкиры решили вытеснить молодого лохинварца из нью-йоркских банков. Говорили также, что и другие банки замешаны в этом деле и ожидают совещания монополистов.

Прошло еще несколько дней, и новые события потрясли Нью-Йорк.

Все банки короля льда оказались близки к краху, а сам он — на грани банкротства.

Монтегю никогда не видел подобной паники на Уолл-стрите. Кого бы он ни встречал, все спешили сообщить какие-либо новости, одни невероятнее других. Казалось, что перед финансовыми тузами внезапно разверзлась пропасть. Однако в то время Монтегю был настолько поглощен тяжбой с табачным трестом, что его не особенно трогало все происходящее вокруг. Газеты отчаянно пытались прекратить панику, сообщая, что все затруднения улажены и Дан Уотерман пришел на помощь

терпящим крах компаниям. Монтегю верил этому и занимался своим делом.

На третий или четвертый день после того, как кризис достиг своего апогея, Аллан был приглашен на обед к своему другу Гарви. Монтегю устал после долгого дня, проведенного в суде. Ему не хотелось переодеваться, и он отправился из своей конторы прямо в фешенебельный отель к Гарви, где собирались представители светского общества. Гарви отделал по своему вкусу личные апартаменты, занимающие целый этаж.

— Добрый день, мистер Монтегю, — приветствовал его портье, когда Аллан вошел в вестибюль отеля. — Мистер Гарви оставил для вас записку.

Монтегю разорвал конверт и прочел поспешно набросанный текст. Гарви только что получил известие, что банк, в правлении которого он состоял, готовится прекратить платежи и ему необходимо в этот вечер присутствовать на экстренном совещании. Он дважды звонил Монтегю в контору и в отель, но его не заставал.

Монтегю вышел. Родных его не было в городе, и ему ничего не оставалось, как пообедать одному. После обеда Аллан купил в вестибюле отеля несколько газет и сел их просматривать.

Входная дверь отворилась. Взглянув поверх газеты, Монтегю узнал банкира Уинтона Дюваля. Он не видел его со времени встречи в гостиной миссис Уинни. Банкир не заметил Монтегю и, нахмутив брови, прошел мимо к одному из лифтов.

В этот момент Монтегю услышал голос за своей спиной.

— Добрый день, мистер Монтегю.

Аллан обернулся. Перед ним стоял мистер Лион, управляющий отелем, с которым как-то познакомил его Гарви.

— Вы пришли на конференцию? — спросил он.

— Какая конференция?

— Сегодня вечером здесь собираются банкиры, — заметил тот. Конференция закрытая, не говорите об этом никому. Добрый день, мистер Уорд, — обратился Лион к проходившему мимо господину. — Дэвид Уорд, объяснил он Монтегю.

— А, — сказал Аллан, — знаю.

На Уолл-стрите Уорду дали прозвище уотермановского "конторского мальчишки". Однако он получал огромное жалование, как управляющий крупным страховым обществом. Уотерман платил ему сто тысяч долларов в год.

— Так и сам здесь? — спросил Монтегю.

— Да, Уотерман здесь, — ответил Лион. — Он прошел через служебный вход. Я полагаю, конференция весьма секретная. Они сняли наверху подряд восемь номеров. Уотерман пройдет туда с одного конца коридора, а Дюваль — с другого. Репортеры не будут знать, что они встретятся.

— Ловко они все придумали! — засмеялся Монтегю.

— Я смотрю, не появились ли репортеры, — прибавил Лион, — но они, как видите, ничего не пронюхали.

Монтегю стал теперь внимательно наблюдать за входившими в вестибюль. Он увидел, как появился Джим Хиган вместе с пожилым господином, в котором Аллан узнал Бэскома, председателя Федерального банка, принадлежавшего Уотерману. Двух других господ Монтегю знал как крупных банкиров, и когда он взглянул в сторону, то увидел около стойки высокого, широкоплечего господина, беседующего с портье. Когда тот обернулся, Аллан узнал его. Это был Бейтс из "Экспресса".

"Ага, — подумал Монтегю, — репортеры все-таки кое-что пронюхали!"

Он заметил, что Бейтс задержал на нем свой взгляд. Монтегю поднял руку в знак приветствия, но Бейтс сделал вид, что не заметил его. Он, не глядя на Аллана, прошел мимо него и быстро прошептал:

— Пройдите в холл.

Монтегю на мгновение оторопел, а затем последовал за ним. Бейтс отошел в угол комнаты и сел в кресло. Монтегю подошел к нему.

Репортер быстро огляделся и затем торопливо заговорил:

— Простите меня, мистер Монтегю. Я не хочу, чтобы нас видели вместе. Я хотел попросить вас об одном одолжении.

— В чем дело?

— Я собираю материал для статьи. Нечто крайне важное. Я не могу сейчас вам всего объяснить, но мне необходимо получить номер в этом отеле. Вам представляется случай оказать мне услугу, которой я

никогда не забуду. Поясню все позднее, как только мы останемся наедине.

— Что вы хотите от меня? — спросил Монтегю.

— Мне надо снять номер четыреста седьмой, — ответил Бейтс. — Если не четыреста седьмой, то пусть будет пятьсот седьмой или шестьсот седьмой. Я не могу снять его сам, — портье меня знает. Но вам он его сдаст.

— Не представляю себе, как это сделать?

— Только попросите, — сказал Бейтс, — и все будет в порядке.

Монтегю взглянул на него. Его знакомый едва сдерживал волнение.

— Ну, пожалуйста, — прошептал он, положив руку на плечо Аллана.

Монтегю вышел в вестибюль и направился к стойке.

— Добрый вечер, мистер Монтегю! — приветствовал его портье. — Мистер Гарви еще не вернулся.

— Знаю, — сказал Монтегю. — Я бы хотел снять комнату на этот вечер, рядом с одним моим другом. Это на четвертом этаже.

— На четвертом? — спросил портье и обернулся, чтобы взглянуть на ключи, развешанные на стенке. — Какой номер? Окнами на улицу или во двор?

— Четыреста пятый у вас свободен?

— Четыреста пятый? Нет, этот номер занят. Свободны четыреста первый, четыреста шестой, с другой стороны — четыреста седьмой.

— Я беру четыреста седьмой, — сказал Монтегю.

— Четыре доллара в сутки, — произнес портье, снимая ключ.

Монтегю заплатил вперед и пошел за мальчиком к лифту. За ним последовал Бейтс и еще один джентльмен, маленький подвижный человек с плоским чемоданом, в каких обычно носят костюмы; все поднялись на четвертый этаж.

Посыльный открыл комнату. Все трое вошли в нее. Включив свет и опустив шторы, мальчик вышел, притворив за собой дверь.

Бейтс опустился на кровать, схватился за голову и воскликнул:

— О, бог мой!

Сопровождавший его молодой человек поставил свой чемодан, уселся в кресло и, откинувшись на спинку, принялся весело хохотать.

Монтегю изумленно глядел то на одного, то на другого.

— О, боже! боже! — повторял Бейтс. — Надеюсь, больше мне не придется вытворять ничего подобного! К утру у меня волосы поседеют!

— Вы забываете, что даже не сказали мне, в чем дело, — заметил Монтегю.

— О, да, — сказал Бейтс. Он неожиданно поднялся и пристально посмотрел на Аллана.

— Мистер Монтегю! — воскликнул он, — не подведите нас. Вы не знаете, как мне сейчас трудно. Но это будет самая крупная сенсация в моей жизни! Обещайте, что вы нас не выдадите!

— Я ничего не могу вам обещать, — сказал Монтегю, невольно рассмеявшись, — пока вы мне не скажете, в чем дело.

— Я боюсь, что вам это не понравится, — сказал Бейтс. — Это не совсем красиво по отношению к вам, но я был в отчаянном положении. Я не мог рисковать, а Родни был одет несоответственно.

— Вы не представили мне своего друга, — сказал Монтегю.

— О, простите! — ответил Бейтс, — мистер Родни, один из наших сотрудников.

— Ну, а теперь рассказывайте, — сказал Монтегю, усаживаясь на стул.

— Это связано с конференцией. Мы узнали о ней всего час назад. Они собираются в номере этажом ниже, как раз под нами.

— И что же?

— Мы хотим знать, что там происходит, — сказал Бейтс.

— Но как?

— Через окно. Мы захватили с собой веревку. — Бейтс указал на чемодан.

Монтегю поглядел на него с интересом.

— Веревку! — воскликнул он. — Вы спустите мистера Родни из окна?

— Конечно, — сказал Бейтс. — Это окно с края, спуститься из него совершенно безопасно.

— А что, если веревка оборвется?

— Не оборвется, мы взяли хорошую веревку.

— Но как вы поднимете его потом? — спросил Монтегю.

— С этим все в порядке. Наверх он и сам вскарабкается, или же мы спустим его вниз на землю. Веревка достаточно длинна.

— А вдруг он выпустит веревку из рук? И сорвется!

— Ну, ладно, — беспечно произнес Бейтс. — Это уж предоставьте Родни. Он ловкий. Он начал свою карьеру с того, что поднимался на колокольни. Вот почему я его и прихватил с собой.

Монтегю удивленно переводил взгляд с одного на другого.

— Скажите, мистер Бейтс, — спросил он наконец, — часто вам, как репортеру, приходится проделывать подобные вещи?

— Случалось, — ответил тот. — Как-то раз мне необходимо было получить несколько фотографий; дело шло об убийстве. Но и раньше мне приходилось взбираться по карнизам на верхние этажи домов, лазить по пожарным лестницам. Я был полицейским репортером и приобрел тогда эти дурные привычки.

— А если бы вас накрыли? — спросил Монтегю.

— Дело замяли бы: полиция никогда не преследует репортеров.

Бейтс промолчал; а потом продолжил.

— Я знаю, что мое положение двусмысленно, но подумайте, мистер Монтегю, как много зависит от моих действий. Мы узнаем все, что происходит на

конференции. Уотерман тут, и Дюваль, подумайте-ка. Стальной и Нефтяной тресты! Редактор срочно послал за мной и сказал: "Бейтс, разузнайте-ка, что там наклевывается!" Что мне было делать? Тем более теперь, когда я получил такой шанс узнать, что здесь происходит. А это может иметь огромное значение. Они решат, как перевернуть завтра биржу вверх дном! Подумайте, что вы можете сделать, имея такие сведения!

— Нет, — сказал Монтегю, качая головой, — меня эта биржевая игра не волнует.

Бейтс пристально посмотрел на него.

— Простите, — сказал он, — но я подумал, быть может, вы или ваши друзья захотят благодаря этим сведениям заработать... Разумеется, имея в виду ваше теперешнее положение...

— Ни я, ни мои друзья этим заниматься не станут, — сказал Монтегю, улыбаясь.

Бейтс тоже рассмеялся.

— Ладно! — сказал он. — Тогда будем действовать ради спортивного интереса и ради того, чтобы оставить их в дураках.

— Вот это лучший довод, — сказал Монтегю.

— Номер этот ваш. Вы, конечно, можете нам помешать, если пожелаете. Но вам нет необходимости оставаться здесь, если это вам не нравится. Мы берем на себя весь риск, и будьте уверены, если нас накроют, отель постарается замять дело. Можете мне довериться: я сумею доказать, что вы к этому не причастны.

— Я останусь, — сказал Монтегю. — Мне хотелось бы посмотреть, что из этого выйдет.

Бейтс вскочил с кресла и протянул руку к чемодану.

— Отлично! — сказал он. — Давайте его сюда!

Родни открыл чемодан и вытащил моток веревки, очень тонкой и крепкой, и небольшую дощечку. Он сделал широкую петлю, продел в нее дощечку, которая служила для сиденья, снял одеяла с кровати. Затем вытащил пару больших перчаток из телячьей кожи, которые бросил Бейтсу, и бечевку, один конец которой обвязал вокруг кисти руки. Потом он кинул веревку на пол, потушил свет в комнате, поднял штору и сложил одеяла на подоконнике.

— Готово! — сказал он.

Бейтс надел перчатки и взял в руки веревку, а Родни подготовил сиденье.

— Держите одеяла, мистер Монтегю, если хотите нам помочь, и не давайте им упасть.

Бейтс развернул часть веревки и закрутил ее вокруг ножки большого письменного стола, стоявшего у окна. Родни перелез через подоконник и, держась за него руками, осторожно уселся на дощечку.

— Готово, — прошептал он.

Бейтс схватил за конец веревки и постепенно, дюйм за дюймом, стал опускать ее, упираясь коленями в стол. Монтегю придерживал одеяла. Плечи и голова Родни скоро скрылись под подоконником. Однако он продолжал еще держаться за него.

— Отлично, — шепнул он, — спускайте!

Веревка начала быстро разворачиваться.

Сердце Аллана колотилось, но Бейтс действовал спокойно, по-деловому. Он распустил несколько витков веревки, остановился и произнес:

— Посмотрите вниз.

Монтегю высунул голову в окно. Он увидел отблески света из окна, расположенного под ними. Родни висел у карниза близ верхней притолоки.

— Ниже! — сказал Монтегю, повернув голову к Бейтсу. Тот еще немного опустил веревку.

— Как теперь? — спросил он.

Монтегю выглянул снова. Родни ловко обогнул карниз и прижался к краю окна так, что его не было видно из комнаты. Он сделал нетерпеливый знак рукой, и Монтегю, обернувшись, прошептал:

— Еще ниже!

Когда он вновь выглянул, Родни уже стоял на подоконнике.

— Теперь нужно закрепить веревку! — пробормотал Бейтс.

Монтегю обернул ее еще раз вокруг ножки стола, потом протянул дальше по комнате и крепко привязал к ручке двери.

— Я думаю, не сорвется, — сказал Бейтс, подходя к окну и берясь за бечевку, другой конец которой был обмотан вокруг руки Родни.

— Это для сигнализации, — сказал он. — Азбука Морзе.

— Ну, — проговорил Монтегю, — теперь вам не многого хватает для полного успеха.

— Большого уже сделать нельзя, — сказал Бейтс. — Тише!

Монтегю увидел, что рука, державшая бечевку, дернулась.

— О-к-н-о о-т-к-р-ы-т-о, — расшифровал Бейтс и прибавил: — Господи! Они у нас в руках!

19

Монтегю принес пару кресел, и оба уселись у окна, рассчитывая, что ждать придется долго.

— Как вы узнали об этой конференции? — спросил Монтегю.

— Говорите тише, — прошептал ему на ухо Бейтс, — иначе Родни ничего не услышит.

Бечевка дернулась. Бейтс медленно передавал по буквам:

— У-о-т-е-р-м-а-н. Д-ю-в-а-л-ь. Он перечисляет собравшихся. Д-э-в-и-д. У-о-р-д. Х-и-г-а-н. П-р-е-н-т-и-с.

— Прентис, — прошептал Монтегю, — но он же в горах Адирондак!

— Прибыл сегодня экспрессом. Уорд телеграфировал ему. Это навело нас на след. Г-е-н-р-и П-а-т-е-р-с-о-н. Он подлинный хозяин нефтяного треста. Б-а-с-к-о-м. Этот из Федерального банка, человек Уотермана.

— Судя по именам, можно себе представить, что происходит нечто особо важное.

Родни продолжал называть имена других крупных банкиров с Уолл-стрита.

— Р-а-з-г-о-в-о-р и-д-е-т о С-т-ю-а-р-т-е, — передал он.

— Это старая история — прокомментировал Бейтс, — он уже умер.

— П-р-а-й-с.

— Прайс! — воскликнул Монтегю.

— Да, — сказал Бейтс, — я видел его в вестибюле. Я так и думал, что он придет.

— Для совещания с Уотерманом? — удивленно произнес Монтегю.

— Почему бы и нет?

— Но ведь они смертельные враги!

— О, — сказал Бейтс, — не придавайте значения слухам.

— Что вы хотите этим сказать? — запротестовал Монтегю. — Неужели вы не считаете их врагами?

— Конечно, нет.

— Но я могу представить вам доказательства.

— Против каждого вашего доказательства, — сказал с улыбкой Бейтс, — я могу привести с полдюжины веских возражений.

— Но это полнейший абсурд... — начал было Аллан.

— Тише!

Бейтс напряженно следил за двигающейся веревкой.

— Л-е-д, — передал Родни.

— Это о Каммингсе — втором покойнике. Они и его погубили.

— Кто? — спросил Монтегю.

— В первую очередь Уотерман. Пароходная компания конкурировала с его железными дорогами в Новой Англии. И теперь она близка к полной ликвидации. Вскоре вы услышите, что ее съел Уотерман.

— Вы полагаете, что крах этой компании был подстроен им? — спросил Монтегю.

— Был подстроен? Клянусь небом, это была величайшая афера, какую я когда-либо видел на Уолл-стрите.

— И это все Уотерман?

— Вместе с нефтяным трестом. Они преследовали, например, молодого Стюарта, который, видите ли, вытеснил их в Монтане. Он мог бы получить с них десять миллионов отступного, но Стюарт был настолько безрассуден, что явился в Нью-Йорк и начал учреждать банки. Вот они и прикрыли его банки. Теперь он потеряет добрую часть своих десяти миллионов.

— От всего этого даже дух захватывает, — сказал Монтегю.

— А вы не волнуйтесь, вам нужно запастись воздухом на эту ночь, шутливо заметил Бейтс.

Аллан призадумался.

— Вы сказали — Прайс. И имели в виду Джона С.Прайса?

— Насколько мне известно, существует только один Прайс.

— И вы не верите, что он противник Уотермана?

— Я утверждаю, что Прайс — агент Уотермана.

— Но, разве не он владеет Миссисипской стальной компанией?

— Да он, но как человек Уотермана, — сказал Бейтс.

— Этого не может быть! Разве Уотерман не заинтересован в Стальном тресте? И разве не Миссисипская стальная компания его главный конкурент?

— Так, видимо, и должно быть, — ответил Бейтс. — Но на самом деле вся эта конкуренция служит только для отвода глаз и обмана публики. Прошло уже четыре года с тех пор, как Прайс завладел паями компании, передав их Уотерману.

Монтегю не мог вымолвить ни единого слова от изумления.

— Мистер Бейтс, — проговорил он, — я еще недавно сотрудничал с Прайсом и Миссисипской стальной компанией. Я уверен, что вы заблуждаетесь.

— Мне трудно вас переубедить, — возразил Бейтс. — Попробуйте доказать обратное, однако ваши доказательства должны быть очень вескими. Дело в том, что мне давно известно все то, о чем я вам сейчас рассказал. Я получил эти сведения от самих участников дела и от них же узнал подробности. Я уличил Прайса прямо в его собственной конторе. Беда только в том, что моя газета никогда ничего подобного не напечатает.

Прошло какое-то время, прежде чем Монтегю заговорил снова. Он старался уяснить смысл того, что услышал от Бейтса.

— Но ведь Прайс боролся с Уотерманом, — прошептал он. — И вся "стальная шайка" боролась с Прайсом! Они только к тому и стремились, чтобы положить его на лопатки. Иначе во всем этом нет никакого смысла.

— А вы в этом уверены? — спросил Бейтс. — Однако подумайте, Прайс выступал против Уотермана, но представьте себе на минуту, что они только делали вид, что борются друг с другом? Правда, я говорю только о самом Прайсе. Я не осведомлен о тех, с кем он был в сговоре. Возможно, что он их предал.

При этих словах Монтегю судорожно ухватился за ручки кресла. Он на минуту перестал соображать от мысли, высказанной Бейтсом.

— Боже мой, — бормотал он, — боже мой.

Его воображение начало работать. Итак, Прайс предает Райдера! Втягивает его в дело по достройке Северной Миссисипской железной дороги. Вовлекает его капитал в Миссисипскую стальную компанию, обещает, вероятно, поддержать акции на рынке и вместо этого содействует его краху! Вертит Райдером, как хочет, и в конечном счете ведет его к гибели. Но зачем?

Монтегю казалось, что он внезапно очутился перед бездонной пропастью и в испуге отпрянул назад. Он не мог себе этого представить. Уотерман! Всею причиной Дан Уотерман! Все это задумано им! Вот то отмщение, которым он грозил! Он все время расставлял ловушку для Райдера.

Мысль казалась чудовищной и нелепой. Монтегю старался отогнать ее всякий раз, когда она у него появлялась. Нет, нет! Этого не может быть!

Однако почему не может? В глубине души Монтегю был уверен, что посетивший его агент был подослан Уотерманом. Как только старик в первый раз увидел Люси, он сразу же постарался разузнать о ее делах. Внезапно перед глазами Монтегю всплыло пылающее гневом лицо, промелькнувшее мимо него на борту "Брунгильды". "Я буду преследовать вас!" — сказал тогда старик Люси. Несколько месяцев он молчал и вот теперь наконец дает о себе знать.

"Отчего же нет? Отчего же нет? — продолжал себя спрашивать Аллан. — Что он, в сущности, знал про Миссисипскую стальную компанию? Какие у него есть доказательства, что она в самом деле конкурирует с трестом? Что он слышал о нем, кроме отзывов Стенли Райдера? И всего вероятнее, что Райдер только повторял сказанное ему Прайсом!

Монтегю забыл о всем окружающем под наплывом одолевавших его мыслей. Бечевка опять дергалась, передавая имена нескольких вновь пришедших дельцов, хозяев города, но он уже не слышал их.

— Зачем же надо было скрывать, что Прайс — агент Уотермана?

— Зачем, зачем! — возмутился Бейтс. — Вы же видите, что широкая публика возмущена засильем монополий. И президент под ее влиянием ведет с ними борьбу! Если бы стало известно, что Стальной трест захватил предприятие своего последнего крупного конкурента, как знать, какие шаги предприняло бы правительство!

— Понимаю, — сказал Монтегю. — И сколько же времени все это продолжалось?

— Четыре года. Все они дожидались благоприятного момента, чтобы покончить с Миссисипской стальной компанией и затем в качестве благодетелей прибрать ее к своим рукам.

— Ясно.

— Слушайте! — сказал Бейтс, высовываясь из окна. Из номера, где происходила конференция, можно было с трудом расслышать звуки низкого мужского голоса:

— У-о-т-е-р-м-а-н, — передал Родни.

— Началась деловая часть заседания, — прошептал Бейтс.

— С-о-з-д-а-л-о-сь с-л-о-ж-н-о-е п-о-л-о-ж-е-н-и-е. К-о-н-е-ц р-и-с-к-о-в-а-н-н-ы-м б-а-н-к-о-в-с-к-и-м о-п-е-р-а-ц-и-я-м.

— То есть конец моим противникам, — прокомментировал Бейтс.

— Д-ю-в-а-л-ь о-д-о-б-р-я-е-т, — продолжал Родни.

Бейтс и Монтегю, сидя у окна, испытывали танталовы муки. До них доносились лишь обрывки речей, и только с большим напряжением можно было уловить какой-то смысл.

— Скоро они прекратят говорить речи; — прошептал Бейтс.

Действительно, предварительная часть заседания была закончена. Следующие два слова, переданные через бечевку, заставили Монтегю вскочить.

— Г-о-т-т-а-м-с-к-и-й т-р-е-с-т.

— Да, — прошептал Бейтс.

Монтегю не произнес ни звука.

— Райдер злоупотребляет доверием, — расшифровал Бейтс подергивание бечевки, схватил Аллана за руку и притянул его к себе. — Боже мой! задохнулся он от волнения. — Кажется, они хотят свалить Готтамский трест.

— Р-а-й-д-е-р-у о-т-к-а-ж-у-т в к-р-е-д-и-т-е, — передал Родни, и Монтегю почувствовал, как задрожала рука Бейтса.

— Они отказываются учитывать векселя Райдера, — проговорил он.

Монтегю словно окаменел.

— З-а-в-т-р-а у-т-р-о-м, — передавала бечевка.

Бейтс едва сдерживал волнение.

— Вы понимаете, что это означает! Банковская расчетная палата вычеркивает из своих списков Готтамский трест!

— Это конец тресту, — едва выговорил Монтегю.

— Да они с ума сошли! — воскликнул Бейтс. — Понимают ли они, что творят! Начнется такая паника, какой Нью-Йорк еще не видывал! Это сокрушит все банки в городе! Готтамский трест! Подумайте-ка, Готтамский трест!

— П-р-е-н-т-и-с в-о-з-р-а-ж-а-е-т, — сообщил Родни.

— Возражает! — воскликнул Бейтс, ударяя себя по колену, не в силах сдержать волнения. — Ну, конечно, кому же еще возражать. Если падет Готтамский трест, то Кредитная компания США больше суток не протянет.

— П-е-т-е-р-с-о-н н-е-д-о-в-о-л-е-н, — передавала бечевка.

— Он многое теряет, — пробормотал Бейтс.

Монтегю зашагал взад и вперед по комнате.

— Но это же ужасно! — сказал он.

Мысль Аллана перенеслась сейчас к маленькой грустной женщине, живущей в своей одинокой квартирке на Ривер-Сайд. Из-за нее, собственно говоря, разыгрывается сейчас вся эта страшная драма. Монтегю ясно представил себе мрачного старика с ястребиным взором, сидящего этажом ниже за столом и диктующего финансовым воротилам города свои законы.

Этот человек также наверняка думал о Люси. Он и Монтегю — единственные среди всех собравшихся думают о ней.

— У-о-т-е-р-м-а-н н-а-с-т-а-и-в-а-е-т н-а т-о-м, ч-т-о-б-ы р-а-з-д-а-в-и-т-ь Р-а-й-д-е-р-а. Л-и-ш-и-т-ь е-г-о к-р-е-д-и-т-а.

— Все ясно, — прокомментировал Бейтс. — Они покончат с ним, если Уотерману так угодно. Но что завтра будет в Нью-Йорке!

— У-о-р-д з-а-щ-и-щ-а-е-т з-а-к-о-н-н-ы-е б-а-н-к-и.

— Щенок, — презрительно произнес Бейтс. — Законными банками он называет те, которые поддерживают его синдикаты. Тоже мне нашелся защитник!

Однако тут в Бейтсе проснулся репортер.

— Какая сенсация! — шептал он. — Вот это новость!

О дальнейших сообщениях Родни у Монтегю осталось только смутное воспоминание. Он был поглощен собственными мыслями. Тем временем Бейтс продолжал расшифровывать слова Родни. Генерал Прентис, член правления Готтамского треста, пытался спасти положение. Но было ясно, что тресту уже никто не поможет.

В памяти Аллана удержалось заявление: "Паника принесет пользу, она обуздает президента!"

— Поняли ли вы? — кричал Бейтс. — Это все дело рук Уотермана! Что за характер! Мы присутствуем при историческом событии сегодня, мистер Монтегю!

Прошло полчаса. Рука Бейтса, сдерживающая бечевку, дернулась, затем последовали еще два сигнала.

— Это означает: тащите! — шепнул он. — Быстро! — И схватился за веревку. — Тяните изо всех сил, веревка выдержит.

Они принялись тащить Родни, который помогал им, подтягиваясь за карниз окна. Был момент, когда Монтегю чуть не отпустил веревку, но затем тянуть стало легче. Родни встал коленями на карниз.

Через несколько мгновений в окне показалась его рука, схватившаяся за подоконник. Монтегю с Бейтсом, подхватив его под мышки, втащили в номер.

Родни едва стоял на ногах. Все трое молчали, еле переводя дыхание. Затем Родни бросился к Бейтсу и схватил его за плечи.

— Старина, — взволнованно заговорил он. — Мы их провели! Мы их провели!

— Да, это так. Мы провели их! — повторил, улыбаясь, Бейтс.

— Вот это будет сенсация! — вскричал Родни. — Никогда нам не удавалось ничего подобного!

Оба веселились, как школьники. Они обнимали друг друга, хохотали и плясали по комнате. Наконец все успокоились. Монтегю зажег свет и опустил шторы. Он посмотрел на Родни. Костюм репортера был в беспорядке, лицо пылало от возбуждения.

— Вы и представить себе не можете этой сцены! — сказал он. — У меня волосы встают дыбом, когда подумаю об этом. Только представьте — я был не более как в двадцати футах от Дана Уотермана. Все время казалось, что он смотрит прямо на меня. Я не смел шевельнуться, боялся, как бы он меня не заметил. Каждое мгновение мне мерещилось, что он встанет с кресла и бросится к окну. Но он спокойно сидел, стучал по столу, сверкал глазами и диктовал этим господам свою волю.

— Я слышал, как он говорил, — сказал Бейтс. — Теперь я уверен: это был его голос.

— О, Дан прямо положил их на лопатки! — продолжал Родни. — Когда он закончил, наступила такая тишина, что слышно было, как муха пролетит. От всей этой картины можно было сойти с ума.

— Я вне себя от волнения, — сказал Бейтс. — Все, что случилось, просто невероятно!

— Они и понятия не имеют, к чему это приведет.

— Нет, имеют, — возразил Родни. — Но им все безразлично. Они почуяли запах крови. Это совершенно

в их духе — они напоминали свору гончих, преследующих дичь. Надо было видеть этого Уотермана с худым, жаждущим крови, жадным лицом. "Час пробил, — сказал он. — Здесь нет ни одного, кто бы не считал, что рано или поздно это должно было произойти. Мы должны их уничтожить раз и навсегда". Надо было видеть, как он посмотрел на Прентиса, когда тот отважился выступить против него.

— Прентису все это оказалось не по вкусу? — спросил Монтегю.

— Нетрудно себе представить, как он разозлился, — вставил Бейтс.

— Уотерман обещал ему свое покровительство. Но теперь он, должно быть, всецело в их руках. По-видимому, Федеральный банк вложил в Готтамский трест миллион долларов и вынужден будет взять их обратно.

— Подумать только! — воскликнул Бейтс.

— Подождите, — сказал Родни, — но ведь они хотят изменить всю политику. Я готов лишиться руки, лишь бы сфотографировать Дана Уотермана в ту минуту. Такой снимок следовало показать американскому народу и спросить его, что он обо всем этом думает. Дэвид Уорд заметил: "Небольшая встряска в наше время никому не повредит". А Уотерман стукнул кулаком по столу. "Страна нуждается в уроке, — заявил он. — Деловых людей оскорбляют и несут о них всякий вздор. Если поприжать народ, у него будет о чем думать, а не поносить тех, кому страна обязана своим благосостоянием. Мне кажется, джентльмены, что в нашей власти положить конец этому радикализму".

— Только подумать! — произнес в волнении Бейтс. — Старый черт!

— А Дюваль прибавил с усмешкой: "Одним словом, господа, мы заставим Райдера обанкротиться и напугаем президента".

— Конференция закончилась? — спросил Бейтс, немного помолчав.

— Оставалось только пожать друг другу руки, — ответил Родни. — Я не решился продолжать наблюдения, так как все они начали вставать со своих мест.

Бейтс поднялся с кресла.

— Идемте — сказал он, — нам нельзя терять времени. Дело еще далеко не закончено.

Он принялся отвязывать веревку и свертывать ее. Родни взял одеяла и положил их на кровать, прикрыв простыней, чтобы не были заметны места, протертые веревкой. Он свернул бечевку и бросил ее в чемодан. Бейтс взял шляпу, пальто и направился к двери.

— Извините нас, мистер Монтегю, — сказал он. — Вы понимаете, нужно еще много потрудиться над всем этим.

— Разумеется, — сказал Монтегю.

— Мы постараемся отблагодарить вас как можно скорее, — прибавил Бейтс. — Зайдите после того, как выйдет газета, и мы вместе это отметим.

20

Они распрощались. Подождав несколько минут, чтобы дать время репортерам выйти из отеля, Монтегю вызвал лифт.

Лифт остановился этажом ниже. Аллан едва опомнился от возбуждения. Когда дверь открылась, он увидел группу людей и среди них Дюваля, Уорда и генерала Прентиса. Монтегю спрятался за спину лифтера, чтобы его никто не увидел.

Аллан успел заметить, что Прентис был смертельно бледен. Не сказав никому ни слова, он вышел в коридор. Монтегю колебался с минуту, а затем решительно повернул и пошел за ним. Он нагнал Прентиса у дверей.

— Добрый вечер, генерал! — сказал он.

Прентис обернулся и посмотрел на него невидящим взглядом.

— А, Монтегю! — сказал он. — Как поживаете?

— Хорошо, — ответил Аллан.

На улице среди других автомобилей он заметил лимузин генерала.

— Вы куда?

— Домой, — ответил Прентис.

— Я поеду с вами, если позволите, — сказал Монтегю. — Мне нужно кое-что вам сказать.

— Хорошо.

Генерал и не мог бы ему отказать, так как Монтегю взял его под руку и направился с ним к автомобилю. Впрочем, Аллан не ожидал отказа.

Он помог генералу сесть в машину, сам уселся рядом и захлопнул дверцу. Прентис был в состоянии какой-то прострации.

Монтегю наблюдал за ним некоторое время, затем внезапно наклонился к нему и сказал:

— Генерал, зачем вы дали себя уговорить?

— А? — сказал Прентис.

— Я говорю, — повторил Монтегю, — зачем вы дали себя уговорить?

Прентис повернулся и посмотрел на него остановившимся взглядом.

— Я знаю все, — сказал Монтегю, — все, что произошло на вашей конференции.

— Что вы хотите этим сказать?

— Я знаю, к чему они вас принудили. Они хотят уничтожить Готтамский трест.

Генерал был ошеломлен.

— Что такое, — едва выговорил он. — Кто вам сказал? Как вы могли узнать?

Монтегю выждал, пока генерал придет в себя.

— Я ничем не мог помочь тресту, — вырвалось у него. — Что я мог сделать?

— Вы можете отказаться действовать с ними заодно! — воскликнул Монтегю.

— При чем здесь я? Они все равно добьются своего. И вы полагаете, что меня не сомнут, если я откажусь?

— Но подумайте, к чему все это приведет! Разорятся сотни людей! Вы и на себя навлечете беду!

— Я все это знаю, — сказал генерал с мукой в голосе. — Не подумайте, что я не боролся. Но я был беспомощен, совершенно беспомощен!

Он вновь повернулся к Монтегю и дрожащей рукой ухватил его за рукав.

— Я никогда не думал, что доживу до такого часа. Презирать самого себя, быть презираемым всеми! Чтобы меня третировали, оскорбляли, забрасывали грязью!

Старик не в силах был говорить от волнения, голос его прерывался.

— Взгляните на меня! Вы считаете, что я человек влиятельный, видное лицо в городе, глава большого предприятия, пользующегося доверием тысяч людей? Ничего подобного! Я марионетка, фигляр! Имя, которое я ношу, следует покрыть позором!

Он закрыл лицо руками и наклонил голову, чтобы Монтегю не мог видеть его горе.

Наступило долгое молчание. Монтегю лишился дара речи. Он чувствовал, что само его присутствие в машине оскорбляет генерала.

Наконец Прентис открыл лицо. Он сжал кулаки и овладел собой.

— Жребий брошен, — сказал он. — Мне пришлось согласиться. Чего это мне стоило, не все ли равно?

Монтегю молчал.

— Я не имею права оправдываться, — продолжал генерал. — Пути назад нет. Дан Уотерман теперь мой хозяин, и я должен ему повиноваться.

— Как вы попали к ним в лапы? — спросил Монтегю.

— Один из моих друзей организовал Федеральный банк и предложил мне стать его президентом, желая использовать мое имя. Я согласился, потому что хорошо знал этого человека и полностью ему доверял. Я вел дело, оно процветало, но через три года перешло в другие руки. Это было во время кризиса. Мне следовало уйти, но я должен был позаботиться о семье, о своих друзьях, которые были втянуты в это предприятие. Да и от своих интересов не смог отказаться. Я остался — и этим все сказано. Я чувствовал, что теперь возглавляю банк лишь номинально, но было уже слишком поздно.

— Но отчего вам теперь не выйти из дела? — спросил Монтегю.

— Теперь? — повторил генерал. — Теперь, когда все мои друзья оказались в зависимости от меня? Моим врагам это было бы только на руку, ибо дало возможность все свои грехи, свалить на мою голову. Они поставили бы меня рядом со Стюартом и Райдером.

— Все ясно, — произнес Монтегю.

— И вот наступил кризис, и я узнаю, кто теперь мой настоящий хозяин. Мне приказывают, и я подчиняюсь. Мне не угрожают. Я повинуюсь и без угроз. Бог мой, мистер Монтегю, если бы я рассказал вам, что творится в этом городе, какую грязь льют на почтенных людей и к каким мерам им приходится прибегать для своей защиты... И это самые уважаемые в городе люди,

состарившиеся на службе народу. Все это слишком ужасно, чтобы рассказывать.

Некоторое время оба молчали.

— И ничего нельзя сделать? — спросил Монтегю.

— Ничего, — ответил Прентис.

— Скажите, генерал, ваше предприятие надежно?

— Вполне.

— Вы ничем себя не скомпрометировали?

— Ничем.

— Отчего же вы боитесь Уотермана?

— Отчего? Да я обязан иметь в резерве восемьдесят процентов вкладов, а у меня их только пять.

— Понимаю, — сказал Монтегю.

— Я должен был сделать выбор между Стенли Райдером и самим собой, прибавил генерал. — Но пусть Райдер отвечает сам за себя.

Больше никто из них ничего не сказал. Они сидели, погруженные в свои мысли. Слышался только шум мотора автомобиля, мчавшегося по Бродвею.

Монтегю тем временем составил себе план действий. Он пересел на откидное сиденье автомобиля, откуда мог хорошо видеть номера домов, мимо которых они проезжали. Наконец он обратился к Прентису:

— Я покину вас на следующем углу.

Генерал дал сигнал шоферу, и автомобиль остановился. Монтегю вышел.

— Доброй ночи, генерал! — сказал он.

— Доброй ночи! — ответил тот слабым голосом. Он не протянул руки Монтегю, захлопнул дверь из кабины, и машина помчалась дальше.

Аллан направился на Ривер-Сайд. Вот и дом, где жила Люси.

— Миссис Тэйлор дома? — спросил он привратника.

— Сейчас посмотрю.

Монтегю назвал свое имя и прибавил:

— Скажите, что у меня к ней очень важное дело.

Вскоре показалась Люси в черном платье.

Взглянув на его расстроенное лицо, она сразу поняла: что-то случилось.

— Что произошло, Аллан? — спросила она.

— Люси, где теперь Райдер?

— Его нетрудно найти, — ответила она и прибавила:
— У вас плохая новость?

— Да, — сказал он, — но прежде всего нужно разыскать Райдера.

Некоторое время она нерешительно смотрела на него, но беспокойство взяло верх, и она сказала:

— Стенли рядом в комнате.

— Позовите его.

Люси бросилась к двери.

— Идите сюда, Стенли! — позвала она.

Вошел Райдер. Лицо его было бледно, от аристократического лоска не осталось и следа.

— Мистер Райдер, — начал Монтегю, — я располагаю фактами, которые касаются непосредственно вас, и считаю, что вам следует их знать. Завтра должно состояться собрание директоров, на котором будет решено, что банк, дисконтирующий векселя Готтамского треста, прекращает эти операции [дисконтирование векселей — учет векселей; покупка их банком у векселедержателей до истечения срока].

Райдер вздрогнул, лицо его стало серым. Он не издал ни звука. В тишине лишь слабо вскрикнула Люси.

— Моя информация абсолютно точна, — продолжал Монтегю. — Решено свалить ваш трест.

Райдер схватился за стул.

— Кто? — пробормотал он.

— Дюваль и Уотерман, — ответил Монтегю.

— Дан Уотерман! — воскликнула Люси.

Монтегю обернулся и увидел ее широко раскрытые глаза, полные ужаса.

— Да, Люси, — подтвердил он.

Тихий стон вырвался у нее из груди. Потом она хрипло спросила:

— Объясните мне все! Я не понимаю, что это значит?

— Это значит, что я разорен, — объяснил Райдер.

— Разорен? — повторила Люси.

— Совершенно! — сказал он. — Я в их руках. Я знал, что они за мной охотятся, но не думал, что они пойдут на такое!

Он грубо выругался.

Монтегю не отрываясь смотрел на Люси. Он чувствовал глубокое сострадание к ней.

— Это из-за меня! Из-за меня! — твердила Люси прерывистым шепотом.

— Люси, — начал Монтегю, но она, предостерегая его, подняла руки.

— Тише! Он не должен знать! — прошептала она, задыхаясь. — Я ничего не рассказывала.

Затем Люси снова повернулась к Райдеру.

— Должен же быть какой-нибудь выход, — воскликнула она. — Должен!

Райдер упал в кресло и закрыл лицо руками.

— Разорен! — простонал он. — У меня не останется ни одного доллара!

— Нет, нет! — кричала Люси. — Этого не может быть!

Она приложила руку ко лбу, пытаясь собраться с мыслями.

— Это надо остановить... Я пойду к нему... Я буду его просить.

— Вы не должны этого делать, Люси, — сказал Монтегю.

— Ни слова! — прошептала Люси с прежней настойчивостью. — Ни одного слова.

Она кинулась в другую комнату и через минуту вернулась в шляпе и пальто.

— Аллан! — сказала она. — Скажите, чтобы мне кликнули кэб.

Он пытался протестовать, но Люси не хотела его слушать.

— Вы можете ехать со мной. По дороге поговорим. Ну, пожалуйста, помогите мне.

В ожидании кэба Люси стояла посреди комнаты, нервно ломая руки.

— Теперь, Аллан, ступайте вниз и ждите меня там, — сказала она Монтегю.

Кинув взгляд на совершенно подавленного Райдера, он взял шляпу, пальто и вышел.

Монтегю ходил взад и вперед по холлу. Кэб подъехал. Через минуту появилась Люси под густой вуалью. Она решительно направилась к экипажу и села в него. Монтегю последовал за ней. Люси приказала ехать в большой мраморный дворец Уотермана.

Повернувшись к Монтегю, она заговорила торопливо и страстно:

— Я знаю, что вы намерены мне сказать, но избавьте от этих слов меня и себя. Мне горько, что вы станете свидетелем моего позора, но, видит бог, я не могу иначе. Я должна это сделать. Другого выхода нет. Я должна идти и умолять Уотермана пощадить Райдера.

— Люси! Выслушайте меня...

— Я не хочу вас слушать! — истерически закричала она. — Я не могу выносить ваших рассуждений по этому поводу. И так уж все это ужасно!

— Но подумайте, чего вы можете добиться, — перебил он. — Не воображаете ли вы, что сумеете приостановить эту страшную машину, пущенную в ход Уотерманом?

— Не знаю, не знаю, — сказала она, подавляя рыдания. — Я могу сделать только то, что от меня зависит. Если в нем есть хоть капля жалости, я брошусь перед ним на колени и буду молить его...

— Но, Люси, подумайте, что вы делаете! Вы отправляетесь ночью к нему в дом!

— Я не забочусь о своей чести, Аллан! Я не боюсь Уотермана. Я слишком долго думала только о себе, теперь я должна подумать о человеке, которого люблю.

Монтегю промолчал.

— Люси, — сказал он наконец. — Скажите мне, понимаете ли вы свою роль в этом деле?

— Да, да, — вскричала она страстно. — Я давно знала, что Уотерман преследует меня. Я думала о нем. Каждый раз, когда нас настигала какая-нибудь беда, я чувствовала его власть. Но я никогда не предупреждала Райдера об опасности!

— Из любви к нему... — начал Аллан.

— Нет, нет!

Дрожащей рукой Люси ухватила его за рукав:

— Видите ли... вы даже не можете себе представить этого. Я скрывала от него, потому что боялась!

— Боялись? Чего?

— Я боялась, что Райдер оставит меня! Я боялась, что он откажется от меня! А я его слишком люблю!

Теперь вы видите, что я за особа! И я еще могу рассказывать вам об этом. Разве после этого мне есть чего стыдиться? Разве еще что-нибудь может унижить меня? И что я могу еще сделать, кроме того, как пойти к Уотерману и постараться исправить то, что я сделала?

Монтегю был потрясен ее унижением.

— Люси!.. — попробовал он возразить.

Но она снова схватила его за руку.

— Аллан! — шептала она, — я знаю, что вы испытываете потребность остановить меня. Но это ни к чему не приведет, я должна это сделать! И я не могу слушать вас, от ваших слов мне становится еще тяжелей. Я избрала свой путь, и ничто в мире не остановит меня. Я хочу, чтобы вы оставили меня. И сейчас же! Я не боюсь Уотермана, я больше ничего не боюсь! Меня пугаете только вы и ваше сострадание. Предоставьте меня моей судьбе! И перестаньте обо мне думать.

— Я не могу этого, Люси! — сказал Аллан.

Она приподнялась и попросила кэбмена остановиться.

— Я требую, чтобы вы ушли, Аллан! — закричала она. — Пожалуйста, выходите.

Он еще попробовал уговорить ее, но она буквально выталкивала его из кэба.

— Уходите, уходите! — кричала она, и он, совершенно растерянный, вышел из экипажа.

— Пошел, — закричала Люси кэбмену и захлопнула дверцу. Монтегю, стоя на аллее парка, тупо смотрел, как фонари кэба исчезли за деревьями.

21

Монтегю шел по парку, не отдавая себе отчета, куда идет. Мысли его путались, и он не видел ничего вокруг. Вероятно, он провел около двух часов, расхаживая по парку, пока, наконец, не остановился на перекрестке. Стрелки больших часов на здании ювелирного магазина показывали два.

Аллан огляделся. На противоположной стороне улицы как раз перед ним возвышалось здание, на котором светилась реклама "Экспресса". В голове у него мелькнула мысль о Бейтсе. "Приходите после того, как газета выйдет", — сказал ему репортер.

Монтегю вошел в здание.

— Мне бы хотелось видеть мистера Бейтса, репортера, — сказал он.

— Редакция городских новостей. Одиннадцатый этаж.

Угрюмый полусонный мальчик сидел в коридоре.

— Здесь ли мистер Бейтс? — спросил Аллан.

— Не знаю, — сказал мальчик и медленно сполз со стола.

Монтегю вручил ему свою карточку, и мальчик исчез.

— Пройдите туда, — сказал он, вернувшись.

Монтегю очутился в огромном помещении со множеством конторок. Здесь царил полнейший беспорядок; весь пол сплошь был завален бумагой.

Репортеры (их было человек двенадцать) уже собирались уходить и надевали пальто.

— Вон Бейтс, — сказал мальчик.

Монтегю увидел репортера, который сидел перед конторкой, закрыв лицо руками. "Устал", — подумал Монтегю.

— Привет, Бейтс! — сказал он, но увидев бледное лицо репортера, вздрогнул от неожиданности.

— Что случилось?

Прошло с полминуты, прежде чем Бейтс смог ответить.

— Меня уволили, — прошептал он.

— Что? — с трудом выговорил Монтегю.

— Меня уволили! — повторил Бейтс и ударил кулаком по столу. — И перечеркнули весь мой сенсационный репортаж. Взгляните-ка сюда, сэр, прибавил он, раскладывая перед Монтегю два столбца гранок с заголовком, набранным жирным шрифтом: "Банкротство Готтамского треста". Гранки были накрест перечеркнуты синим карандашом. — Издатель снял из номера весь материал.

Монтегю не находил слов. Он сел рядом с Бейтсом.

— Как же это произошло?

— Тут нечего рассказывать, — сказал Бейтс, — они не хотят этого печатать. И все.

— Но отчего вы не передали статью в другую газету? — спросил Монтегю.

— Слишком поздно, — сказал Бейтс. — Негодяи! Они даже не известили меня. — Он разразился целым

потоком проклятий. Затем рассказал Монтегю, как было дело.

— Я пришел уже в половине одиннадцатого и представил отчет редактору. Тот чуть с ума не сошел от радости и велел немедленно сдавать материал в набор на первую полосу в два столбца и все прочее, как полагается. И вот мы с Родни уселись за работу. Он сочинил отчет, я дал детали... О, мой бог, какой был материал! Все прочли и завизировали. Но через час или два, когда все было набрано, явился Ходжес — один из владельцев газеты, как вам известно. "Что это такое?" — раскричался он, когда прочел статью. Затем пошел к редактору. У них произошла стычка по этому поводу. "Никогда газета, которую я финансирую, не напечатает ничего подобного!" — заявил Ходжес; редактор пригрозил уходом, но и этим не смог сломить его упрямства. Я узнал обо всем лишь тогда, когда верстка уже пошла в типографию.

— Что же так испугало Ходжеса? — спросил Монтегю.

— А вот что, — сказал Бейтс. — Ходжес заявил редактору: "Если мы напечатаем этот материал, а директора банков не собирались и не приняли никакого решения, то на нас падет ответственность за дискредитацию Готтамского треста". Но все это вздор. Ведь ему хорошо известно, что у нас есть доказательства, что конференция действительно состоялась!

— Это, конечно, не аргумент, материал можно было пускать смело, сказал Монтегю.

— Конечно, — сказал Бейтс. — Мы добились бы самого большого успеха, какой газета когда-либо имела,

если бы "Экспресс" был действительно порядочной газетой. Но Ходжес не захотел напечатать статью. Он служит своим господам, кто бы они ни были. Я знал, что его участие в "Экспрессе" приведет к потере лица газеты. Он и раньше был издателем одной из газет и составил себе состояние продажей политических новостей. Ходжес снабжал финансовой информацией банкирские конторы Уаймана. Я могу это доказать. Вот с какой дилеммой приходится сталкиваться. К чему же теперь вся эта погоня за новостями?

Бейтс с проклятьем отшвырнул стул в сторону.

— Идите отсюда! — сказал он. — Едва ли я еще когда-нибудь вернусь сюда.

Монтегю провел пару часов, расхаживая по улице с Бейтсом, который рассказывал ему о разных столичных газетах. Затем он, совершенно измученный, отправился домой, но спать не мог. Аллан долго сидел в кресле. В воображении его рисовались картины паники, которая должна разразиться на бирже. Наконец, он прилег, но не успел сомкнуть глаз, как утро ярким солнечным светом заявило о своих правах. В восемь часов Аллан встал, подошел к телефону и позвонил Люси.

— Позовите, пожалуйста, миссис Тэйлор, — сказал он.

— Ее нет дома.

— Пригласите тогда к телефону горничную.

— Говорит мистер Монтегю, — сказал он, услышав женский голос. — Где миссис Тэйлор?

— Она не возвращалась, сэр, — ответила горничная.

Монтегю должен был идти в контору. Он принял ванну, побрился, выпил кофе и вышел на улицу. На Уолл-стрит даже в такой ранний час люди толпились, собирались группами. Слухи, ходившие уже со вчерашнего дня, сегодня приобрели определенность. Ничего не слышно было о Готтамском тресте, но, когда в полдень Монтегю возвращался из суда, мальчики, выкрикивающие газетные новости на перекрестках, уже объявили о принятом банкирами решении. Люси не удалось спасти Райдера. Удар был нанесен.

В этот день на бирже началась паника. Тяжело было смотреть на людей с искаженными от страха, ужаса и волнений лицами. Но суд продолжал свою работу, его не касался крах Готтамского треста, и Монтегю должен был выступать с речью как защитник. Он поздно вышел из суда и, несмотря на то, что банки уже закрылись, видел толпы людей, собравшихся перед дверями компаний. Газеты писали, что натиск на Готтамский трест уже идет вовсю.

В своей конторе Аллан нашел телеграмму от брата (Оливер все еще был в горах Адирондаг): "Деньги в Федеральном банке, телеграфируй первом признаке тревоги".

Он ответил, что оснований для беспокойства нет, но пока ехал на фуникулере, обдумал, как поступить, и принял решение. В предприятие Прентиса он вложил около шестидесяти тысяч долларов — больше половины всего своего состояния. Прентис заявил ему, что банк вполне надежен. Он верил этому и решил для себя, что не поддастся панике, что бы ни случилось.

Монтегю пообедал дома с матерью, а потом вновь отправился на квартиру Люси, так как все время думал о

ней. В вечерних газетах он прочел, что Стенли Райдер вышел из Готтамского треста.

— Дома ли миссис Тэйлор? — спросил он, назвав себя.

— Миссис Тэйлор просит вас подождать, сэр.

Монтегю остался ждать в прихожей. Через несколько минут мальчик принес ему записку. Он разорвал конверт и прочел следующие строки, явно написанные дрожащей рукой:

"Дорогой Аллан! Благодарю вас за то, что вы пытаетесь оказать мне помощь, но я не могу принять ее. Пожалуйста, уходите. Лучше, если вы забудете обо мне. Люси".

Между строк проскальзывала такая душевная мука, что Аллан готов был разрыдаться, но ему больше нечего было здесь делать. Он вернулся на Бродвей и пешком отправился домой.

Монтегю чувствовал, что следует поговорить с кем-нибудь, раньше чем принять для себя окончательное решение. Он подумал о майоре и отправился в клуб, но паника на бирже прогнала оттуда всех, в том числе и майора. Он собирался на какую-то конференцию, и у него хватило времени только на то, чтобы поздороваться с Монтегю и посоветовать ему "убрать паруса".

Тогда Монтегю вспомнил о Бейтсе и направился в "Экспресс".

Он нашел репортера сидящим у стола без сюртука, окруженного кипами газет. Монтегю решил уйти, чтобы не мешать.

— Подождите. Я сейчас освобожусь, — сказал Бейтс.

— Вижу, вы вернулись, — заметил Аллан.

— Я, как старая лошадь на мельнице, — ответил Бейтс, — куда я денусь.

Он откинулся на спинку кресла, заложив пальцы за жилет.

— Итак, — сказал он, — они осуществили свой смертоубийственный план.

— Вот именно.

— Но этого им еще мало. Теперь они преследуют другую дичь.

— Кого еще?

— Я брал интервью у Дэвида Уорда по поводу Банковской расчетной палаты, — сказал Бейтс. — Со мной был Гарри из "Курьера". Уорд по обыкновению распространялся с полчаса. Он рассказал нам о доблестных попытках банкиров остановить панику, заметив, что Федеральный банк тоже в опасности. Поэтому было принято особое решение, способное его спасти. "Представьте, ведь не было ни малейшего повода опасаться за судьбу этого банка", — заметил Уорд. — "Мы можем опубликовать наше интервью?" — спросил Гарри. — "Разумеется!" — ответил Уорд. — "Но это вызовет новую панику", — сказал Гарри. — "Что поделаешь. От фактов никуда не денешься. А потому и публикуйте". Что вы об этом скажете?

Монтегю нахмурился.

— Мне казалось, они обещали поддержку Прентису!

— Да, — сердито сказал Бейтс, — а теперь они собираются его уничтожить.

— Вы полагаете, что Уотерман знает об этом?

— Без сомнения, Уорд только один из его агентов.

— И "Курьер" это напечатает, вы думаете?

— Почему бы и не напечатать. Я спросил Гарри, поместит ли он этот материал, и тот ответил утвердительно. Я сказал ему, что это вызовет новую панику, и получил ответ: "А мне-то что за дело!"

Монтегю несколько минут сидел молча. Наконец, он произнес:

— Уверен, что Федеральный банк вполне надежен.

— Я в этом не сомневаюсь, — ответил Бейтс.

— Тогда в чем же...

Бейтс перебил его.

— Спросите у Уотермана. Вероятно, между ними произошла какая-то ссора. Дан хочет кого-нибудь прижать. Может быть, просто надеется, что банкротство второго концерна еще больше напугает президента. Или, быть может, он хочет вызвать падение каких-нибудь акций. Я слышал, он выделил семьдесят пять миллионов на приобретение акций, и не удивлюсь, если этот слух оправдается. Кстати, Нефтяной трест обделал еще одно дельце! Электрическая компания также на краю краха. А ведь это соперник одного из предприятий треста.

Монтегю подумал немного.

— Для меня это очень важная новость, — сказал он. — Часть моих денег вложена в Федеральный банк. Полагаете ли вы, что он может пошатнуться?

— Я говорил с Родни. Он слышал, что Уотерман поможет Прентису. Единственное, что можно хорошего

сказать о старом Дане, это то, что он никогда не изменяет своему слову. Поэтому я полагаю, что он спасет его.

— Но зачем в таком случае распускать подобные слухи?

— Неужели вы не понимаете, — сказал Бейтс, — да им надо разыграть роль спасителей.

— Да, — заметил Монтегю мрачно.

— Это так же верно, как то, что я говорю с вами. Завтра утром, когда появится статья в "Курьере", объявят, что это чушь, бредни какого-то там репортера. И тут в качестве благодетеля выступит Уотерман. Вот будет комедия!

— Как вы думаете, — сказал Монтегю, — не следует ли предупредить Прентиса. Он мой близкий друг... Впрочем, сомневаюсь, чтобы это принесло ему пользу.

— Бедному старому Прентису никто не в силах помочь. Вы только лишите его сна на всю ночь.

Монтегю ушел. Перед ним вставали вопросы, требовавшие немедленного решения. Возвращаясь домой, он прошел мимо великолепного здания Готтамского треста, перед которым собралась целая толпа, готовившаяся провести тут всю ночь. До полудня возбужденная публика осаждала здание. Миллионы долларов были выданы в течение нескольких часов. Монтегю знал, что завтра утром такая же толпа будет осаждать подъезд Федерального банка, но не собирался менять своего решения. Тем не менее он послал телеграмму Оливеру, чтобы тот немедленно возвращался.

Дома Монтегю ждало письмо Люси.

"Дорогой Аллан, — писала она, — вы, наверное, слышали новость о том, что Райдеру пришлось выйти из Готтамского треста, но частично я выполнила свою задачу. Уотерман обещал, что, когда паника утихнет, он поможет Райдеру вновь встать на ноги. Пока что мне советуют уехать. Это, наверное, лучше всего — помните, и вы уговаривали меня уехать. Райдер не может встретиться со мной: его преследуют репортеры. Я прошу вас не пытаться меня искать. Я сама себе противна, и вы меня никогда больше не увидите. Но кое-что вы еще можете для меня сделать. Помогите Стенли Райдеру, дайте ему совет, как привести в порядок его дела. У него нет теперь друзей, и он в отчаянном положении. Сделайте это для меня. Люси".

22

На следующий день в восемь утра пришел поезд из Адирондак. Оливер сразу же с вокзала позвонил Аллану:

— Видел ли ты сегодня "Курьер"?

— Нет, — ответил Монтегю, — но знаю, что в нем напечатано.

— О Федеральном банке?

— Да. Поэтому я тебе телеграфировал.

— Но отчего же ты тогда не в городе?

— Я решил не забирать своего вклада.

— Что?

— Я уверен, что банк надежен, и не желаю оставлять Прентиса в беде. Ты же можешь поступить так, как тебе угодно.

Прошло какое-то время, прежде чем Оливер нашел что ответить.

— Благодарю! — сказал он. — Тебе следовало бы еще кое-что сделать: послать кого-нибудь, чтобы занять для меня очередь. Ты с ума сошел. Но сейчас нет времени говорить об этом. Прощай.

И он бросил трубку.

Монтегю оделся. Во время завтрака он просмотрел "Курьер" и в хронике событий дня нашел роковое заявление по поводу Федерального банка. Монтегю с интересом читал газеты и следил за тем, как они преподносят происходящие события публике. То, о чем нельзя было умолчать, то есть события, о которых уже говорили везде и всюду, освещались широко. Но нигде не было ни малейшего намека на причину всего происходящего. Можно было подумать, что все страсти в банковском мире возникали как неожиданные вспышки молний на ясном небе. И с каждым днем отводилось все больше места уверениям, что несчастья вчерашнего дня последние.

Отправившись в город, Монтегю специально проехал одну остановку, чтобы пройти мимо здания Федерального банка. Он увидел толпу у входа, причем люди все время подходили. Полицейские сначала спокойно расхаживали по улице, но потом вынуждены были, чтобы установить порядок, выдавать акционерам номера.

Монтегю искал брата, но, сделав несколько шагов, с удивлением увидел коротенькую, толстую, седовласую фигуру майора Винебл.

— Винебл! — крикнул он.

Майор повернулся.

— Монтегю! Боже мой, вы пришли как раз кстати, чтобы спасти меня от смерти!

— Что случилось?

— Мне нужен стул! — с трудом произнес майор, причем его багровое лицо казалось готово было лопнуть от напряжения. — Я стою здесь уже целых два часа, и если бы вы не подошли, сел бы прямо на тротуар.

— Где же мне взять стул? — спросил Монтегю, с трудом удерживаясь от смеха.

— На Бродвее, — сказал майор. — Зайдите в любую лавку и купите. Заплатите, сколько спросят — мне все равно.

Монтегю отправился в магазин, торговавший изделиями из кожи, где увидел несколько плетеных стульев. Объяснив продавцу, в чем дело, он предложил ему пять долларов за стул. Тот не соглашался. Поторговавшись, Аллан купил стул за десять долларов. Продавец при этом заявил, что даже и в этом случае он рискует навлечь на себя неудовольствие хозяина. За пятьдесят центов Монтегю нанял мальчика, чтобы тот отнес стул, и с торжеством вернулся к своему почтенному другу.

— Я никогда не думал, что вы можете оказаться в подобном положении, заметил он, — я полагал, вы все всегда знаете заблаговременно.

— Монтегю! — простонал Винебл. — Но ведь у меня здесь четверть миллиона!

— А у меня здесь, пожалуй, четвертая часть моего состояния, — сказал Монтегю.

— Как? — удивился майор. — Так о чем же вы думаете?

— Я намерен их тут и оставить, — заявил Монтегю. — Я думаю, что сегодняшние известия в "Курьере" не больше, как газетная утка. Банк надежен.

— Но посмотрите, что делает публика!

— Она и будет паниковать, если каждый последует вашему примеру. Вам ведь не нужна сейчас эта четверть миллиона. Вам что, нечем уплатить за завтрак?

Майор не нашел что ответить.

— Вы вносите свои деньги в какой-либо банк, — продолжал Аллан, — причем вам известно, что он обязан иметь только пять процентов вкладов в наличии, а выплатить должен вам все сто процентов. Как можно рассчитывать на то, что такое условие выполнимо?

— Я не рассчитываю на это, — сердито отвечал майор, — а на то, что по первому требованию получу свои деньги из этих пяти процентов. — И, взглянув на длинный хвост людей, стоявших позади него, прибавил: Полагаю, что на меня у них денег хватит.

Монтегю прошел вперед и увидел брата. Впереди него стояло всего лишь два десятка людей. По-видимому, те вкладчики банка, которые успели прочитать газету до восьми утра.

— Может быть, и тебе нужен стул? — спросил Монтегю. — Я только что добыл стул для майора.

— Так и он здесь? — воскликнул Оливер. — Боже милостивый! Нет, мне не нужен стул, моя очередь подходит. Однако, Аллан, скажи мне, в чем дело? Ты на самом деле полагаешь, что банк надежен?

— Да, — ответил тот. — И не к чему требовать свои вклады. Приходи в контору, когда получишь деньги.

— Еще полминуты, и я опоздал бы на поезд, — сказал Оливер. — Бедный Берти Стюайвесант не поспел и приедет экспрессом. У него здесь около трехсот тысяч. Он собирал их на новую яхту.

— Вероятно, строители яхт теперь прогорят, — заметил Монтегю, уходя.

В это утро он услышал, что генерал Прентис, как член правления Готтамского треста, голосовал за то, чтобы не закрывать банк. Но как президент Федерального банка он забрал из Готтамского треста миллион долларов. Ни одна газета ничего не сообщила об этом, но слухи передавались из уст в уста, и весь город смеялся по этому поводу. Рассказывали, что эта измена Прентиса так подействовала на членов правления Готтамского треста, что привела к его закрытию.

Так началась паника, очевидцем которой был Монтегю. Все было разыграно как по нотам. Фондовая биржа была совершенно потрясена; некоторые из наиболее надежных акций падали на несколько пунктов между двумя сделками, а Уайман, Хиган и заправила Нефтяного и Стального трестов работали вовсю, чтобы добиться полного краха на бирже. В то же время уполномоченные Уотермана в Вашингтоне беседовали с

президентом и представили ему отчаянное положение Миссисипской стальной компании. Финансовое состояние страны было шаткое, ожидалось крупное банкротство. Учитывая сложившуюся критическую ситуацию, Стальной трест соглашался сделать все от него зависящее для спасения экономики страны. Он решил присоединить к себе Миссисипскую стальную компанию, если только правительство не станет этому препятствовать. Такие заверения были получены, и, таким образом, Уотерман достиг своей цели.

Но остался еще один фактор, который не всеми учитывался. Это — широкие слои населения, которые поставляли все эти деньги для игры финансовых воротил, люди, которым доллары были необходимы для удовлетворения жизненных нужд и являлись для них не просто денежными знаками или средством обмена, заменяющим собой карты. Это — мелкие собственники, нуждавшиеся в долларах для уплаты своим служащим по субботам; рабочие, которым деньги были необходимы для уплаты за квартиру, за хлеб насущный; беззащитные вдовы и сироты, для которых они означали спасение от голодной смерти. Этот несчастный люд не понимал, что все эти банки, такие, казалось бы, надежные и способные платить своим вкладчикам, могут быть преднамеренно приведены к банкротству одним лишь ходом в финансовой игре. Услышав о пошатнувшемся положении банков и начавшейся панике, эти люди поняли, как велика опасность. Стало ясно, давно предсказываемый крах угрожает именно им. Толпами бросились они на Уолл-стрит. Весь этот финансовый район заполнили перепуганные массы людей. Сюда были брошены конные отряды полисменов для наведения порядка.

"Все требуют доллары", — сказал один банкир, характеризуя создавшееся положение. Уолл-стрит до сих пор обделывал дела, пользуясь бумагами взамен реальных денег, а теперь вдруг кому-то потребовался настоящий доллар. И тут выяснилось, что доллар-то исчез. Выход народа на сцену стал событием, к которому финансовые воротилы совершенно не были подготовлены: они забыли о народе. Это походило на катаклизм в природе, которая зачастую смеется над человеком и приводит его в паническое состояние. Люди словно наблюдали за приближающейся лавиной: они видят, как поднимается облако пыли, слышат непонятный шум и знают, что через одну или две секунды лавина обрушится им на голову и всех раздавит.

Толпы людей перед зданиями Готтамского треста и Федерального банка блокировали эти учреждения. Каждый час приносил новые известия: блокада распространялась на тот или другой банк. Среди толпы пайщиков были женщины, ломавшие руки и кричавшие от нервного возбуждения; старики, плохо державшиеся на ногах; едва поднявшиеся с постели больные, стоявшие у банков уже сутки, дрожа от холодного октябрьского ветра.

Люди бросились и в ссудные кассы; в Ист-Сайде тревога охватила иммигрантов. Паника с быстротой молнии распространилась по стране. Начался штурм банков и в других городах. Десятки тысяч банков со всех концов страны требовали от столицы денег, денег и денег. Но их не было.

Таким образом, мультимиллионеры увидели, к своей досаде, что ими спущено с цепи такое чудовище, с которым уже, пожалуй, им и не справиться. Крах грозил

и тем банкам, в которых они сами были заинтересованы. При подобной безумной панике даже двадцати пяти процентов наличных денег национальных банков не могло хватить для удовлетворения потерявших голову вкладчиков. На закупку зерна и хлопка Нью-Йорк потратил сотни миллионов. Теперь не было никакой возможности где бы то ни было добыть средства для выплаты вкладов. Куда ни обращались дельцы, всюду они сталкивались с недостатком денег: ничего нельзя было продать, нигде нельзя было получить займа. Те, кому удалось взять наличные, прятали их в металлические шкафы и сейфы.

Таким образом, добившись исполнения своих желаний, банкиры были вынуждены теперь укрощать выпущенного ими на волю зверя. Тревожные телеграммы пошли в Вашингтон. В результате министерством финансов было внесено шесть миллионов долларов в национальные банки столицы, а затем и сам министр прибыл в Нью-Йорк на совещание.

Обратились к Дану Уотерману, всеми признанному главе банкирского мира. Ввиду грозящей всем опасности соперничество различных компаний прекратилось, и Уотерман внезапно превратился в самодержца с неограниченной властью над всеми банками в городе. Правительство оказалось в его руках. Министр финансов превратился в клерка миллионера, а управляющие банками и разного рода финансисты, подобно перепуганным детям, бросились в его контору. Самые самоуверенные и смелые люди, подобные Уайману и Хигану, исполняли все его приказания и почтительно выслушивали его.

Все эти события — исторический факт, и их развитие можно проследить изо дня в день по газетам. Уотерман привел к панике и сделал это втайне от народа. Никто о нем не ведал, никто его не подозревал. Но теперь газетные репортеры присутствовали на всех конференциях и следовали за Уотерманом повсюду, где бы он ни появлялся, и усердно рекламировали этого "испытанного в боях ветерана, вступившего в последнюю отчаянную битву за спасение чести и финансов".

Американцы прислушивались к каждому его слову, молились за него. Министр финансов сидел в нью-йоркском отделении государственного казначейства; по его чекам выдавали правительственные субсидии.

Тридцать два миллиона долларов были таким образом переданы в национальные банки. Уотерман брал их оттуда и передавал в сейфы банков, терпящих крах. Время было такое, что банкротство каждого промышленника грозило общей опасностью и никто не должен был оставаться в стороне. Уотерман распоряжался как деспот, властный и грозный. Управляющий одного из банков заявил: "Я позаботился о своем банке и теперь намерен дожидаться, пока утихнет буря". — "Если вы так поступите, — отпарировал Уотерман, — то я возведу вокруг вас такую стену, что вы никогда не выйдете из своего банка". И банкиру пришлось-таки дать необходимые миллионы для общего дела.

Центром, вокруг которого шла битва, явился Федеральный банк. Было признано, что если падет бастион Прентиса, то это приведет к общему поражению. Все длиннее и длиннее становились ряды ожидающих выплаты вкладчиков; сейфы банков опустели. Кассиры

стремились выплачивать деньги как можно медленнее. Полчаса требовалось только для просмотра одного чека. Так они действовали в ожидании поступления новых вкладов. Городские ссудные кассы приняли решение закрыть свои двери, опираясь на законное право, дающее им льготный шестидесятидневный срок для оплаты. Национальные банки выплачивали свои долги векселями. Газеты взывали к доверию и ободряли публику. Даже мальчикам, выкрикивающим новости, приказано было молчать, чтобы их крики не приводили к еще большей панике. Отряд конных полисменов патрулировал улицы, не давая людям собираться в толпу.

И вот наступил наконец роковой четверг, когда паника достигла своего апогея. Казалось, что над Уолл-стритом нависли черные тучи. Люди бегали взад и вперед, бледные от страха. На бирже напряжение достигло предела. Фондовая биржа, по существу, прекратила свою деятельность. Можно было понижать курс сколько угодно: все равно не было никакой возможности занять хотя бы один доллар. Проценты доходили до ста пятидесяти и даже до двухсот за сто. Можно было предложить тысячу за сто и при этом не получить сколько-нибудь крупной суммы. Маклеры даже не бегали как обычно по залу и стояли молча, не глядя друг на друга. Таких времен никто не помнил.

Правительство пока отказывало в денежной поддержке бирже. Считалось, что оно не должно помогать биржевым игрокам. Казалось, наступил час, когда биржа закроется. Тогда разорятся тысячи фирм и торговля в стране будет парализована. Пришло известие, что в Питсбурге биржа уже закрылась. Перепуганные монополисты вновь собрались у Уотермана. Опять

потекли правительственные суммы в банки, а из банков к Уотерману. В самый острый момент кризиса стало известно, что Уотерман дает ссуду в двадцать миллионов долларов из десяти процентов.

Таким образом, гибель была предотвращена. Биржевые маклеры не знали, куда деваться от радости, по всей Уолл-стрит раздавались крики "ура!". Толпа народа собралась приветствовать Уотермана перед зданием его конторы.

Изо дня в день Монтегю следил за этими событиями. Он проходил в этот четверг вечером по Уолл-стриту и слышал ликующий рев толпы. Аллан свернул в сторону, на душе у него было больно и горько. Можно ли было сочинить более трагическую по своей иронии пьесу, чем та, которая возвеличивала перед всей страной, как спасителя, человека, ответственного за все бедствия! Не было ли это самой яркой иллюстрацией наглого обмана населения кучкой сильных мира сего?

Был только один человек, с которым Монтегю мог поделиться своими чувствами, только один, кроме него, знавший истину. У Монтегю появилась привычка: закончив работу, заходить в здание "Экспресса" и выслушивать ворчание Бейтса.

Репортер ежедневно получал свежие новости из верных источников, не только те, что публиковались в газетах, но и те, которым было не суждено появиться в печати. И у него и у Монтегю оказалось достаточно причин для возмущения. То это была передовая "Экспресса", в которой указывалось, что резкие речи и безрассудная политика президента ныне приносят те плоды, каких следовало ожидать, то письмо известного

духовного лица, указывающего на Уотермана как на преемника президента.

Многие восхищались великодушием Уотермана, ссудившего двадцать пять миллионов из десяти процентов годовых. Но дал-то он не собственные деньги, а взятые им из национальных банков, а те, в свою очередь, получили их от правительства без уплаты процентов. "Легче всех вышли из положения правления национальных банков, — твердил Бейтс. — Эти сладкоречивые джентльмены пользуются народными деньгами для устройства своих дел. Получая от правительства суммы, за которые не платят даже процента, они сами берут их с народа. Они обладают привилегией выпускать на несколько миллионов банковых билетов и получают на них проценты, а правительству не дают ничего. И, в довершение всего, они пользуются своими барышами для подкупа того же правительства! Стяжатели заполнили своими людьми все министерство финансов, и, когда национальные банки оказались под угрозой краха, казначейство опустошалось для пополнения их сейфов".

— Иногда кажется, — сказал как-то Аллану Бейтс, — что наш народ находится под гипнозом. Вам известно, мистер Монтегю, какие злоупотребления допускаются со страхованием жизни, а между тем против всех этих зол имеется простое и очевидное средство — если бы у нас существовало государственное страхование, то не было бы банкротств, а игроки с Уолл-стрита лишились бы своих барышей. Это кажется невероятным, но едва ли кто-нибудь в стране так интересовался государственным страхованием, как я, и, однако, за все время ни одна заметка по этой проблеме не попала в печать.

Монтегю поразили эти слова.

— Я сам бы в это никогда не поверил! — воскликнул он.

А Бейтс пожал плечами:

— Вот так-то оно и есть на самом деле!

23

Монтегю несколько дней думал о просьбе Люси. Выполнить ее ему было нелегко, но он все же решился и отправился к Райдеру.

— Мистер Райдер занят, сэр, — сказал дворецкий, которому Аллан вручил свою визитную карточку.

— Я по важному делу, — сказал Монтегю, — передайте ему карточку.

Он остался ждать в пышной приемной, потолок которой был расписан в духе старых итальянских мастеров.

Наконец дворецкий вернулся.

— Мистер Райдер ждет вас, сэр.

Монтегю поднялся на лифте в квартиру Райдера. Посредине гостиной стоял большой письменный стол, заваленный множеством бумаг, за ним в кресле сидел Райдер.

Монтегю редко видел людей, охваченных таким горем. Щеголеватый светский денди за одну неделю стал стариком.

— Мистер Райдер, — начал Аллан, когда они остались вдвоем. — Я получил письмо от миссис Тэйлор, в котором она просила меня вас навестить.

— Знаю, — сказал Райдер, — это на нее похоже, и очень мило с вашей стороны.

— Если я чем-либо могу вам быть полезен...

Райдер перебил его.

— Мне ничего не надо, — сказал он.

— Может быть, я могу помочь вам привести в порядок ваши личные дела?

— Тут уже ничем не поможешь, — сказал Райдер, — у меня нет ни одного доллара.

— Неужели это возможно? — поразился Монтегю.

— Но это так! — воскликнул Райдер. — Я испробовал все, пытался прикинуть и так и эдак, пока все не спуталось в голове.

Он взглянул на бумаги, лежавшие перед ним в беспорядке, и в отчаянии закрыл лицо руками.

— Быть может, на свежую голову тут легче разобраться, — уговаривал его Монтегю. — Трудно допустить, чтобы человек с вашими средствами мог остаться без гроша.

— Все, что я имею, заложено. Я занимал деньги направо и налево, рассчитывал на прибыли, на рост стоимости имущества. А теперь все пропало. Нечем покрыть долги.

— Но мистер Райдер, нет сомнения, что застой на бирже — явление временное. Ценности восстановятся.

— На это уйдут годы... годы! А я пока вынужден все продать. Они отняли у меня все... они меня уничтожили! Мне не на что жить.

Монтегю несколько секунд обдумывал, что сказать.

— Миссис Тэйлор писала мне, что Уотерман... — начал он.

— Знаю, знаю! — воскликнул Райдер. — Надо же ему было ей что-нибудь сказать, чтобы получить то, чего он добивался.

Монтегю ничего не ответил.

— Но если даже он выполнит свое обещание? Он так делал раньше. И стоит ли мне идти в услужение Дану Уотерману? Так, как это сделал Джон Лоуренс. Вы слышали о Лоуренсе? Он был банкиром, одним из старейших в городе, и не захотел подчиниться Уотерману. Тогда тот решил его уничтожить и отнял все, что Лоуренс имел. Банкир стал ползать перед ним на коленях. "Я вам показал, кто ваш господин, — сказал Уотерман, — можете получить ваши деньги". Теперь Лоуренс раболепствует перед ним; он стал богат и толст. Но банк его существует исключительно для того, чтобы выдавать деньги, когда у Уотермана их избыток, и требовать обратно, когда Уотерман продает акции.

Монтегю не знал, что и ответить.

— Мистер Райдер, — начал он, наконец, — я не могу быть вам полезен, потому что незнаком с обстоятельствами дела. Но я всегда в вашем распоряжении. Я приложу все усилия, чтобы помочь вам, если позволите. Это все, что я имею вам сказать.

Райдер поднял глаза, и его бледное с синяками под глазами лицо просветлело.

— Спасибо, мистер Монтегю, — сказал он. — Как это мило с вашей стороны! Становится легче, когда слышишь слово сочувствия. Я... я дам вам знать.

— Всего доброго, — сказал Монтегю, вставая.

Он протянул руку, и Райдер крепко пожал ее.

— Благодарю вас! — сказал он еще раз.

Монтегю сошел по большой лестнице. Внизу он встретил дворецкого, который нес кофе.

Аллан остановил его.

— Мистера Райдера не следует оставлять одного. И надо послать за его врачом.

— Да, сэр, — начал тот и внезапно смолк.

Сверху раздался выстрел, и эхо гулко разнеслось по всему дому.

— Боже мой! — воскликнул дворецкий.

Он не то кинул, не то поставил куда-то поднос с кофе и ринулся вверх по лестнице.

Монтегю замер на месте. Он видел, как из столовой выбежал другой слуга и тоже помчался наверх. Аллан быстро повернулся и направился к двери.

"Тут уж я ничем не могу помочь, — подумал он. — Только впутая Люси во все это".

Он открыл дверь и тихо вышел.

На следующий день Монтегю прочел в газетах, что Стенли Райдер застрелился.

В то же утро газеты Денвера (Колорадо) сообщили о загадочном самоубийстве неизвестной женщины, занимавшей одну из комнат в отеле и принявшей яд. Эту красивую даму посчитали за актрису. При ней не было никаких документов, удостоверяющих ее личность. Местные газеты напечатали ее фотографию, но Монтегю не читал этих газет и так ничего и не узнал о судьбе Люси Дюпрэ.

Паника прекратилась, однако экономика страны была расстроена. В течение недели в банковских и коммерческих предприятиях, даже самых мелких, наблюдался застой. Сотни фирм обанкротились, и закрылись тысячи заводов и мануфактур. Миллионы людей остались без работы. Все лето железные дороги не справлялись с перевозками, а теперь четверть миллиона товарных вагонов стояли без движения. Повсюду царили голод и нищета. Казалось, огромная разрушительная волна, поднявшаяся в Нью-Йорке, пронеслась по всей стране. Даже океан не приостановил ее движения: она докатилась до Англии и Германии, ее почувствовали в Южной Америке и Японии.

Однажды, когда Монтегю еще не опомнился от всего пережитого, он встретил Лауру Хиган, выходящую из магазина и направляющуюся к своему экипажу.

— Мистер Монтегю! — воскликнула она и остановилась, приветливо улыбаясь. — Как поживаете?

— Благодарю вас, — ответил он.

— Вы, верно, были очень заняты в эти страшные дни?

— Да нет. Больше наблюдал, чем делал, — ответил он.

— Как поживает Алиса?

— Здорова. Вы, вероятно, слышали о ее помолвке?

— Да, — сказала мисс Хиган. — Гарри сказал мне. Я рада за нее. Вы в город? — спросила она. — Я подвезу вас.

Он сел к ней в экипаж, и они влились в уличный поток. После нескольких незначущих фраз мисс Хиган вдруг спросила:

— Не придете ли вы с Алисой пообедать к нам как-нибудь на неделе?

Монтегю замялся.

— Отец теперь дома. Мы будем вам очень рады.

Монтегю сидел, глядя прямо перед собой.

— Нет, — сказал он наконец тихо. — Мне лучше не приходить.

Его тон еще более, чем сами слова, поразил мисс Хиган. Она удивленно посмотрела на него.

— Почему? — начала она и умолкла. Наступило тягостное молчание.

— Мисс Хиган, — сказал наконец Монтегю. — Я мог бы найти какой-нибудь предлог отказаться, мог сказать, что уже принял чье-либо приглашение или очень занят. Ведь в нашем кругу не принято говорить правду. Но что-то заставляет меня быть с вами откровенным.

Аллан смущенно опустил глаза. Мисс Хиган изумленно посмотрела на него и спросила:

— Где же правда?

— Мне не хотелось бы опять встречаться с вашим отцом.

— Почему? Между вами что-то произошло? — сказала она испуганно.

— Нет, — ответил он. — Я не видел вашего отца с тех пор, как завтракал с вами в Ньюпорте.

— Тогда в чем же дело?

Аллан задумался на минуту, а потом сказал:

— Мисс Хиган. Я с трудом пережил эту панику. И я не могу забыть самоубийства Райдера, не могу изгнать из своей памяти картину бедствия многих людей. Для меня это слишком страшная вещь — крушение надежд десятков тысяч. И я едва ли гожусь теперь для светской жизни.

— Но мой отец? — запротестовала она. — При чем тут мой отец?

— Ваш отец — один из тех, на ком лежит ответственность за эту панику. Он содействовал ее возникновению, и он воспользовался ею.

Стиснув пальцы рук, она растерянно глядела на него.

— Мистер Монтегю, — с трудом выговорила она.

Он не ответил. Они долго молчали.

— Вы уверены в этом? — прошептала, наконец, мисс Хиган.

— Да.

— Я не особенно разбираюсь в делах моего отца и могу принять ваши слова только на веру. Но то, что вы сказали, ужасно.

— Пожалуйста, постарайтесь понять меня, мисс Хиган, — сказал Монтегю. Вообще-то я не имел права рассказывать вам все это...

— Я предпочитаю, чтобы мне говорили правду, — сказала она.

— Я верю, поэтому и решил вам все рассказать.

— Но что же он все-таки сделал?

— Я предпочел бы не отвечать. Я не судья вашему отцу. Я боюсь оказаться в тисках этого мира. Я проследил карьеру многих дельцов, одного за другим. Они принимаются за дела, втягиваются в них и становятся готовыми на любую подлость. То, что мне пришлось увидеть здесь, в Нью-Йорке, привело меня в ужас. Все протестует во мне против такого порядка, и я хочу бороться с ним, бороться всю жизнь. Вот почему я отказываюсь поддерживать с этими людьми светские отношения. Я не могу приходить в дом и подавать руку тем, кто бессовестно обирает других.

Мисс Хиган долго не отвечала, а когда заговорила, голос ее дрожал.

— Мистер Монтегю. Не подумайте, что я ни о чем не догадывалась. Но что можно сделать?

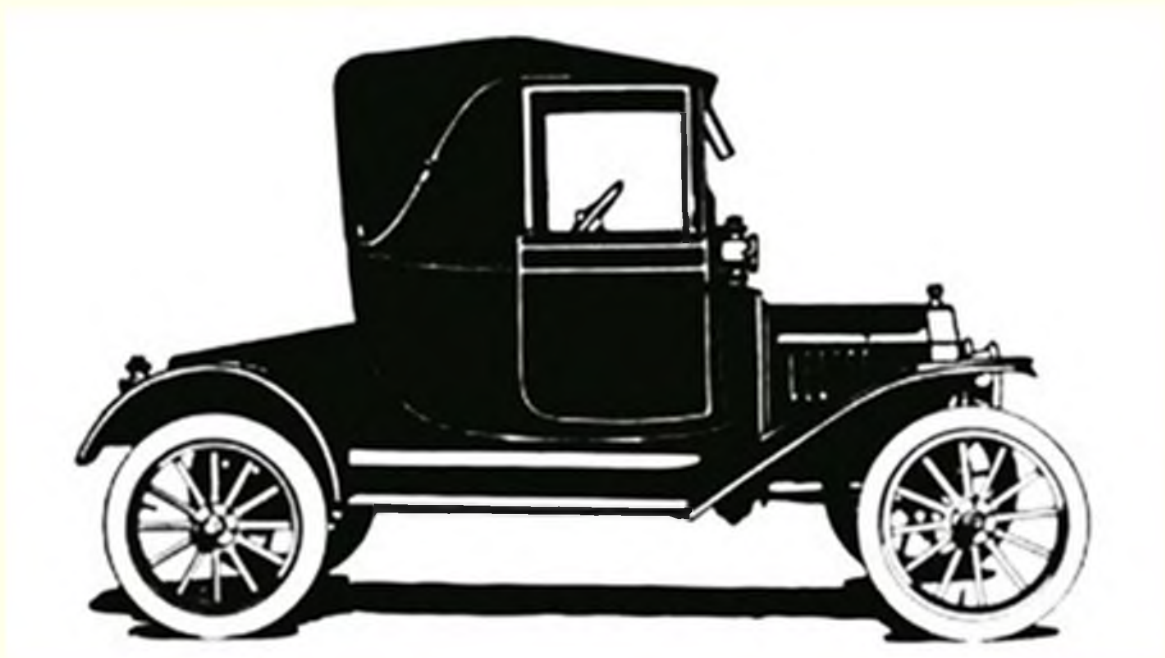
— Не знаю. А мне хотелось бы это знать. Одно только скажу вам я: не успокоюсь, пока не найду ответа на этот вопрос.

— С чего вы думаете начать? — спросила она.

— Займусь политикой. Попытаюсь открыть глаза
людям.

АВТОМОБИЛЬНЫЙ КОРОЛЬ

Повесть о фордовской Америке

1

— Мама, — сказал маленький Эбнер, — а вот один парень с нашей улицы говорит, что он сделает коляску, которая поедет без лошади.

— Он сумасшедший, — сказала мама.

— Он не похож на сумасшедшего, — возразил мальчик. — Он хороший парень.

— А ты держись от него подальше. Нечего тебе путаться со всякими чудаками.

Это был не первый случай, когда мать не понимала желаний своего ребенка. Всем окрестным ребятишкам хотелось поглядеть "коляску без лошади" и послушать, что скажет о ней этот парень. Он и слыл за хорошего парня отчасти потому, что любил поговорить с ребятишками; ребятишки в Меньшей степени, чем взрослые, придерживались того взгляда, что раз чего не случилось, то никогда и не случится. Теплыми летними вечерами, когда он работал, распахнув дверь своего сарая, у входа непременно торчало несколько глазующих мальчишек; если они не шумели и задавали толковые вопросы, он разрешал им зайти в сарай и посмотреть на его работу. Он объяснял им устройство двигателя нового типа, в котором огонь помещается не под паровым котлом, а внутри металлического цилиндра и энергия возникает от взрывов газа, не сильных, но очень частых.

Эбнер, рассказывая матери о "коляске без лошади", не вдавался в подробности: слово "взрыв" повергло бы ее в панику. После ужина он выбегал на улицу поиграть с ребятишками, и если, вместо того чтобы гоняться за кошками и дергать девчонок за косы, они слушали объяснения об устройстве двигателей внутреннего сгорания, что в этом было плохого? Не в каждом квартале бывает такое, и кое-кто из мальчишек хвастал этим, и нередко вопрос о том, можно или нельзя сделать коляску, которая двигалась бы сама по себе, решался кулачным боем.

То, о чем идет речь, очень походило на детскую коляску; такая, знаете, двухместная, какие делают, когда семье выпадает счастье иметь близнецов. А в этой только-только могли бы поместиться рядышком, крепко прижавшись друг к другу, двое взрослых близнецов. Коляска двигалась на четырех велосипедных колесах с

тугими резиновыми шинами, и спереди у нее была рукоятка, похожая на руль лодки, которую нужно было толкать, как и в лодке, в сторону, противоположную той, куда хочешь ехать.

Позади, ниже сиденья, помещался этот новый и странный двигатель. В течение многих месяцев изобретатель держал его на верстаке, исправлял его и приделывал к нему новые части. Двигатель имел два цилиндра, сделанных из газовых труб, диаметром в два с половиной дюйма. У каждого цилиндра имелся плотно пригнанный поршень и приспособление, при помощи которого капля бензина поступала внутрь и взрывалась электрической искрой. Когда двигатель заводили, он трещал, как пулемет, и выпускал серый дым неприятного запаха, что заставляло изобретателя поспешно открывать дверь сарая. Соседи слышали шум за целый квартал и говорили: "Опять этот сумасшедший принялся за свое. Взорвет он себя когда-нибудь". Если это были люди нервные, они говорили: "Того и гляди, взорвет всех нас" — и удивлялись, как это полиция допускает подобное безобразие в приличном районе.

Но ребятишкам это нравилось не меньше, чем празднование Четвертого июля [национальный праздник США]. Они сбегались к сараю и стояли в дверях, разинув рты. Двигатель быстро выбрасывал пучки ярких искр, на которые было весело смотреть. Обычно это происходило вечером, потому что днем мистер Форд был занят в Электрической компании. Каждый день он работал до поздней ночи, очевидно, ничем другим в мире не интересуясь. По субботам он работал безбожно долго — в буквальном смысле слова, — не было случая в этих

краях, чтобы человек возился с машиной под воскресенье.

Двигатель заставлял передаточный вал вращаться с такой быстротой, что его движение было едва заметно. Мистер Форд рассчитал, что, если он прикрепит этот механизм к осям детской коляски, коляска поедет; время от времени он прикреплял его и пробовал. Но обычно что-нибудь было не в порядке, и он снова возился у верстака. Он всегда готов был давать объяснения, так как был парнем разговорчивым и, видно, не имел секретов. Да, сэр, он хочет сделать детскую коляску, которая будет двигаться сама по себе и лучше всякой другой детской коляски. Эти коляски заполнят все дороги, вот увидите; в конце концов лошади исчезнут. Ребятишки уходили и спорили об этом, высказываясь за и против.

В конце концов соседи привыкли к чудаку изобретателю и даже к тому, что он забывал о воскресенье. Но никто из них не верил, что когда-нибудь он въедет на гору без помощи живой твари. Люди привыкли к тяжелым паровозам,двигающимся по рельсам; но свободно мчатся по шоссе, когда впереди никто не машет хвостом, — это противоречило самой природе, а может, и закону. Это было почти так же глупо, как попытки некоторых людей летать по воздуху.

2

Отец Эбнера, Том Шатт, работал на большом заводе, выпускавшем товарные вагоны; его обязанностью было собирать вагонные рамы; работа эта требовала некоторой квалификации и хорошо оплачивалась, его средний заработок доходил до

доллара сорока центов в день. Но зато это была тяжелая работа, и хотя он был крепкий мужчина и работать привык, десятичасовой рабочий день выматывал из него все силы, и часто, возвращаясь домой, он засыпал в трамвае и проезжал свою остановку. Он так уставал, что не мог читать газету и в будние дни ложился спать через час после ужина.

Том Шатт жил со своей семьей в одной половине двухквартирного дома позади сарая мистера Форда. Дом был выкрашен белой краской, но так давно, что никто не помнил, когда это было. В нижнем этаже помещались столовая и кухня, а наверху две спальни, в одной спали Том, его жена и маленькая дочка, а в другой — Эбнер с тремя старшими братьями. В кухне был водопровод, но уборная помещалась на заднем дворе. Зимой это было очень неудобно, но они неудобства не замечали, так как иных уборных никогда не видели.

В другой половине дома жило драчливое семейство ирландцев, супруги О'Рурки с девятью ребятишками. Мистер О'Рурк напивался каждую субботу и, придя домой, избивал семью; шум драки был слышен так, словно она происходила тут же в комнате. Семейству Шатт — американцам и протестантам — трудно было привыкнуть к этому, но миссис О'Рурк категорически заявила, что она скорее согласится быть битой, чем позволит вмешиваться в ее личные дела. К счастью для своей семьи, Том Шатт принадлежал к секте баптистов, которые придерживались двух основных принципов: во-первых, полное воздержание от спиртных напитков и, во-вторых, полное, при крещении, погружение в воду взрослых, облаченных в белую одежду, как на иллюстрациях к Библии.

Шатты были бедны, но не отчаивались. Прежде всего им было гарантировано блаженство на том свете, а кроме того, дети учились, и Шатты разделяли веру всех американских семей в то, что младшее поколение выйдет в люди. Америка — страна возможностей, и каждый день в ней происходят удивительные вещи. Самый бедный мальчик имеет право стать президентом; помимо этого главного приза, было множество помельче — сенаторы, губернаторы, судьи и все промышленные короли, лорды и прочая знать. Жизнь в Америке похожа на непрерывную лотерею; каждая женщина, родившая ребенка, пусть даже в грязной трущобе, словно опускает руку в ящик с билетами, откуда может вынуть ослепительный алмаз.

Даже Том Шатт, надорванный непосильным трудом, знал это. Каждое воскресное утро ему на дом приносили газету, и, возвратившись из церкви и пообедав, он читал ее, пока не засыпал. В этой газете он видел портреты светских дам и сказочно богатых и преуспевающих мужчин. В газете говорилось, как эти люди были когда-то такими же бедными, как и он, и достигли благополучия, производя полезные вещи, которые поднимали жизненный уровень в Америке, пока он не стал самым высоким в мире. Сердце каждого претендента на американское изобилие пылало гордостью; сердце Тома пылало тоже — только ему хотелось бы, чтобы башмаки сыновей не изнашивались так быстро и чтобы жене не приходилось вечно латать их штанишки.

Однажды осенним вечером — стояло теплое бабье лето — Том сидел на деревянном крылечке своего дома. На нем еще была пропотевшая голубая рубашка и комбинезон; чистыми были только его руки, которые он вымыл перед ужином. Усы у него торчали, щеки были

небритые, — как правило, он брился только по воскресеньям. Лицо, огрубевшее и покрытое морщинами, выражало бычье терпение. Он раздумчиво попыхивал трубкой, полный благостного покоя, заработанного честным трудом.

Его веснушчатый сынок появился с задворок и подсел к нему.

— Папа, а папа, — сказал Эбнер, — поди-ка погляди, какую коляску делает мистер Форд. Он выкатил ее из сарая.

Вот уж полгода как Том слышал о коляске без лошади, и, так как в этот вечер его не слишком клонило ко сну, в нем заговорило любопытство.

— Ладно, пойдем посмотрим. — Он выбил пепел из трубки и пошел за тринадцатилетним подростком к маленькому кирпичному зданию, не то сараю, не то конюшне, где работал изобретатель.

Мистер Форд был худощавый узколицый мужчина лет двадцати восьми, с волнистыми волосами и пронизательным взглядом. Его мастерская когда-то вмещала легкий двухместный экипаж и лошадь; в ней имелась широкая дверь для экипажа и узкая для лошади и небольшое квадратное отверстие вместо окна. Он вычистил сарай, разложил в нем инструменты и поставил верстак и детскую коляску для подростков-близнецов. В данный момент сооружение находилось под открытым небом, и двое ребятишек забавлялись, толкая его взад и вперед, а мистер Форд трудился над рулевым механизмом. По-видимому, он был удовлетворен поведением этой детали; было очевидно, что если коляска поедет, то она поедет туда, куда он пожелает.

Когда испытания закончились, Эбнер сказал:

— Это мой папа.

Мистер Форд любезно кивнул, и Том отважился:

— Если дело у вас пойдет, мистер Форд, это будет замечательное изобретение.

— Надо, чтобы пошло, — сказал тот. — Я все рассчитал, прежде чем начинать.

— Тогда и продать его можно будет, — рассудил Том, Как истый американец, он прежде всего думал о коммерческой стороне. — Найдется много богачей, которые с удовольствием покатаются в такой штуке.

— Не только богачей, мистер Шатт, — ответил изобретатель, всегда готовый поговорить. — Я не игрушку делаю, а полезную вещь. Я хочу, чтобы это было для всех, чтобы такой человек, как вы, мог иметь коляску и ездить в ней на работу.

— Откуда наш брат возьмет денег, чтобы заплатить за такую вещь, мистер Форд?

— А вы подсчитывали когда-нибудь, сколько вам стоит проезд до места работы? Допустим, десять центов в день, это составит тридцать долларов в год — и на одного человека. А почему бы эту коляску не сделать таких размеров, чтобы она сразу повезла четверых?

— Э-э, как вам сказать, мистер Форд, — пробормотал Том. Человек он был учтивый и скромный и поэтому не сказал: "Поживем, увидим". А только: Желаю вам удачи, сэр.

Мистер Форд, который не был скромным, любил поспорить и верил в свои идеи, ответил:

— Не удача, мистер Шатт, а наука и расчет. Я все продумал и знаю, на что могу рассчитывать. Подождите и увидите!

3

Это было на Бэгли-стрит в городе Детройте; город довольно большой и для Америки старинный. Он стоит на реке, соединяющей озеро Эри с озером Санта-Клэр, и пароходы заходят сюда издалека. За рекой лежит Канада, в Детройте скрещивается несколько железнодорожных линий, это крупный промышленный и торговый центр. Генри Форд имел свое собственное производство, позади коттеджа, в котором он жил с женой.

Шел 1892 год, и весь этот год он тратил свободное время и лишние деньги на свое изобретение. Он работал механиком в Электрической компании, получая сорок пять долларов в месяц, но жил не только на эти деньги, — его отец был фермером и оставил ему участок в сорок акров, на котором он построил лесопилку. Он упорно работал всю жизнь и изучал все, что мог, о механизмах. В кармане он носил сделанные им часы с двумя циферблатами: по одному определялось солнечное время, к которому привыкли фермеры, по другому — новое время, введенное железными дорогами. На ферме у него был паровой двигатель, предназначенный для того, чтобы тащить плуг; изобретательный молодой человек собрал его из негодных ржавых частей сельскохозяйственных машин.

Год прошел, как и все годы: не везли его лошади, не тянули машины. Пришла холодная зима, а мистер Форд все еще копался в своем сарае, обогреваемом

маленькой печуркой. Время от времени он испытывал свою конструкцию, но всегда находилась какая-нибудь погрешность. Ни деревянное маховое колесо, ни ременная передача не были гарантированы от аварии. Зажигание зависело от электрических искр, и добиться своевременных вспышек было не так легко. Едва разрешалась одна проблема — немедленно возникали другие.

Но вот в апреле настала горячая пора; изобретатель проработал двое суток без отдыха и сна и в два часа ночи пришел сообщить своей жене, что машина готова и он собирается ее испытать. Шел дождь, и жена вышла под зонтиком посмотреть, что будет.

Спереди торчала ручка, и, чтобы завести мотор, надо было повернуть ее. Сначала мотор начал урчать, потом взревел, и вся коляска угрожающе затряслась; но она не развалилась, и мистер Форд забрался в нее и поехал. На передке торчала керосиновая лампа, и при ее тусклом свете он поехал по улице, мощенной булыжником. Миссис Форд долго стояла под дождем, спрашивая себя, увидит ли она снова своего мужа. Дать задний ход было нельзя, и, чтобы повернуть на узкой улице, ему пришлось бы выйти и занести коляску.

Молодой изобретатель пропадал долго и вернулся, подталкивая сзади свое сооружение. Одна из гаек слетела от тряски. Но он ликовал: несмотря на неровную мостовую и топкие колеи, он доехал куда хотел.

— Ты насквозь промок, — сказала ему жена, провела его в кухню, сняла с него мокрое платье, развесила его и напоила мужа горячим кофе.

От возбуждения он говорил без умолку.

— Я сделал коляску, которая движется без лошади! — повторял Генри Форд.

4

Молодой изобретатель продолжал возиться со своим изобретением и совершенствовать его, пока, наконец, не отважился показаться с ним при дневном свете. Тут начались осложнения: на улицах Детройта было полно лошадей, которые видели в этой коляске своего безжалостного истребителя и желали одного — удрать от него как можно дальше. Они сворачивали, не считаясь с оглоблями и дышлами, и стрелой мчались в простор полей. Возчики окрестили изобретение "чертовой каретой" и становились так воинственны, что мистер Форд отправился к мэру города за разрешением водить коляску без лошади; некоторое время он мог хвастать, что является единственным человеком в Соединенных Штатах, имеющим шоферское свидетельство.

Стояло лето, школы были закрыты, и окрестным мальчишкам было чем поразвлечься. Заслышав стрельбу, Эбнер Шатт тотчас выскакивал из дому, к нему присоединялась орава других мальчишек, и они бежали за дымным следом стреляющей коляски. Она двигалась с такой скоростью, что мальчишки могли не спеша трусить рысцой, но у них было преимущество — они могли перепрыгивать выбоины мостовой. Когда машина останавливалась, находилось много охотников повернуть ее. Если мотор отказывался работать, они подталкивали коляску к дому. Эбнеру тоже как-то посчастливилось помочь мистеру Форду, и потом всю жизнь он вспоминал об этом.

Мистер Форд привык к тому, что мальчишки привозили его домой, подталкивая сзади коляску. Обнаружилось, что газовый двигатель имел склонность распаиваться после одной-двух миль езды; поэтому возникла необходимость в водяной рубашке. Затем понадобился насос для циркуляции воды и вентилятор для охлаждения. Осложнениям при замене естественных машин, известных под названием лошадей и велосипедистов, казалось, не будет конца.

Велосипедисты стадами следовали за новым сооружением; они ехали с ним бок о бок и высказывали свое мнение об изобретателе. Если он останавливался против своей воли, они кричали: "Впряги лошадку!" Если он останавливался намеренно, они окружали его и глазели. Если он уходил, кто-нибудь забирался в машину и пытался сдвинуть ее; в конце концов ему пришлось завести цепь с замком и привязывать свой экипаж за колесо к фонарному столбу.

Газеты, разумеется, не прошли мимо изобретения, но они долго не могли решить, как к нему отнестись. Коляска без лошади — что это, шутка или новая ступень цивилизаций? По всей видимости, мистер Генри Форд был человеком серьезным и респектабельным; никто никогда не видел его без котелка — круглого черного купола на самой макушке; часто его молодая и хорошенькая жена ехала рядом с ним в машине, желая показать, как это безопасно и приятно. Так что в большинстве случаев газеты относились к нему учтиво, и если какой-нибудь велосипедист пытался угодить под его машину, они не поднимали шума. Но никто из деловых людей не принимал всерьез мысль, что этот новый экипаж может иметь коммерческое значение, даже после того как изобретатель продал свою первую коляску за

двести долларов и соорудил новую, более легкую, которая двигалась быстрее и с меньшим шумом.

Мистер Форд преуспевал в должности механика Электрической компании; компания предложила ему пост управляющего, но при условии, что он бросит возиться со своими дурацкими "бензиновыми бричками". Заправила Электрической компании считали электричество энергией будущего: по их мнению, газовые двигатели противоречили здравому смыслу. В ответ на это мистер Форд ушел с работы и посвятил все свое время осуществлению своей нелепой идеи. Он чувствовал, что ему надо торопиться, так как несколько человек в различных частях Америки работали над подобным же изобретением. Они не знали друг друга, но время от времени читали в газетах, что какого-нибудь водителя коляски без лошади разорвало на части, или что он угодил в канаву, или что ему удалось проехать милю и вернуться домой.

5

Печальные события разлучили Эбнера Шатта с изобретением мистера Форда. Летом 1893 года на Уолл-стрит произошла паника, о которой Эбнер ничего не знал. Но зимой все чаще стали говорить о людях, которые теряли работу и не находили другой; это называли — "тяжелые времена"; естественное явление, как сама зима, таинственное, всеобъемлющее, жестокое. Железные дороги прекратили покупку товарных вагонов, поэтому однажды Том пришел домой рано и сообщил, что завод закрылся и больше не будет доллара сорока центов в день. Вскоре то же случилось с двумя старшими сыновьями, и вся семья очутилась на мели; в несколько

недель их жалкие сбережения истощились; нечем было платить за квартиру, и им пришлось распродать большую часть своего имущества, перевезти остатки в однокомнатное жилище и кормиться горьким хлебом благотворительности.

Из гигантского лотерейного колеса жизни некоторые мальчики вынимают удачливые годы и растут в мирное время с надеждой на счастливую жизнь. А другие попадают в пору войны; едва они подрастут, их вытаскивают из родного дома, посылают в бой и убивают. Маленькому Эбнеру выпал жребий в четырнадцать лет пережить "застой в делах", поэтому он недоедал, рост его остановился, и ему пришлось бросить школу и продавать на улицах газеты, чтобы заработать несколько центов. Все углы были заняты мальчишками, каждый из них считал, что занимает свое место по праву, поэтому Эбнера отовсюду гоняли, колотили, а его газеты рвали. Безжалостный зимний ветер хлестал его хилую, плохо одетую фигурку, и его пальцы так коченели, что он с трудом отсчитывал сдачу, когда ему удавалось найти покупателя. Раз он отморозил руку, и один палец начал чернеть; кричащего от боли мальчика пришлось отправить в больницу, где доктор отрезал ему палец. Так у Эбнера на всю жизнь осталась память о "тяжелых временах".

В ораве мальчишек, бегающих за фордовской коляской без лошади, одним мальчиком стало меньше. Эбнеру приходилось выпрашивать гроши, когда не удавалось заработать их. Отец становился в очередь за куском хлеба с сотнями голодных людей, а мать, накинув на исхудалые плечи шаль, отправлялась в другой конец города за супом. Церковь немного помогала им, но большинство прихожан были рабочие, у которых

достаточно было своих невзгод. Средства благотворительных обществ истощились; по всей Америке свирепствовали голод, холод и нищета.

Такую жизнь мальчик вел в течение двух-трех лет. Учиться ему больше не пришлось, он бегал на посылках и выполнял случайную работу, когда удавалось найти ее. Наконец застой кончился, старшие братья устроились на вагонном заводе; отец, за это время поседевший, был рад получить место ночного сторожа. Некоторое время Эбнер доставлял покупки на дом, но потом получил работу на заводском складе, где сколачивал ящики. Ему посчастливилось выжить и вырасти, но он не мог, как его отец, похвалиться здоровьем. Он был худощав, немного сутулился, рот был слегка искривлен и спереди, как у белки, торчали два больших зуба. Но он отрастил рыжие усы, как у отца, и у него были честные серые глаза и добрый нрав. Он был и остался, по выражению баптистов, "хорошим, неиспорченным мальчиком", и, когда пришло время, его одели в белый балахон и окрестили по всем правилам.

Ему внушили отцовскую веру в родную страну и ее учреждения, и, несмотря на нищету и горести, он сохранил эту веру на всю жизнь. Во всех странах бывают тяжелые времена, уверяли его газеты; это закон природы, и от него нет спасения. А вот теперь процветание возвращается, и Америка как была, так и осталась величайшей и богатейшей страной в мире; работай не покладая рук и живи трезвой и богобоязненной жизнью, и ты добьешься успеха. В Америке были недовольные и агитаторы, которые в создавшихся условиях обвиняли политиков, или богатых, или кого угодно, но только не самих себя; Эбнер встречался с ними время от времени, но, несмотря на все

их убеждения, он продолжал смотреть на правительство своей страны так же, как смотрел на бога, как на что-то далекое и возвышенное, чему следует поклоняться, даже если оно грозит уничтожить его. Он стал верным сторонником республиканской партии и голосовал за "протекционизм и процветание" до конца своих избирательных дней.

6

Все одиннадцать лет с тех пор как Генри Форд покинул ферму и поселился в Детройте, в его мастерской не переводились коляски без лошадей. Все его лишние деньги уходили на покупку деталей и все свободное время на решение проблем. Он делал машины с двухцилиндровым двигателем, затем с четырехцилиндровым; он продавал их, и они двигались, и он присматривал за тем, чтобы они продолжали двигаться.

Он пытался завязать сношения с деловым миром и деловыми людьми, но его поиски единомышленников не увенчивались успехом. Деловые люди хотели наживать деньги на продаже колясок без лошади, и они считали, что прежде всего надо найти богача, который может позволить себе дорогую игрушку; затем надо точно выяснить, какого сорта игрушку ему хочется, сделать ее для него и получить с него денежки. На этом все расчеты с покупателем должны кончиться, и если бы он пришел жаловаться, что его дорогая игрушка не в порядке, его обвинили бы в назойливости.

Но Генри Форд упорно продолжал смотреть на это дело с совершенно иной точки зрения. Коляска без лошади не игрушка для богачей, а полезная вещь для

всех. Глупо спрашивать у человека, чего он хочет; покажите ему вещь, тогда он будет знать, что ему хотеть. Начните производить множество колясок, которые можно продать по дешевой цене, и дело пойдет и будет приносить доход. Этот товар сам будет рекламировать себя по дорогам, и очень скоро вы наладите массовое производство и разбогатеете без всякого риска. "Кто хочет разбогатеть со мной?" — спрашивал мистер Форд, но не находил охотников.

Он вошел в соглашение с группой, которая называла себя Детройтская автомобильная компания. Он был главным инженером, но не мог контролировать ни продажу, ни тип производимых автомобилей; это его не устраивало, и вскоре он вернулся в свою маленькую мастерскую — единственное место, где он мог делать то, что ему хотелось.

Это были дни велосипедного помешательства, когда все ездили по улицам Детройта на так называемых "безопасных". Все говорили о велосипедах, сравнивая "колумбийцев", "монархов" и "английских гумберов" с велосипедами местного производства. По тогдашним подсчетам, число велосипедов в Соединенных Штатах доходило до десяти миллионов. Вот оно, массовое производство, говорил мистер Форд, и когда-нибудь то же самое произойдет с колясками без лошади, или автомобилями, как их стали называть.

Различные марки велосипедов рекламировались во время гонок. Предприниматели нанимали профессиональных гонщиков и платили им большие премии за победу над соперниками. У мистера Форда не было денег для оплаты гонщиков, но он сам мог управлять своим автомобилем, и он вызвал на

соревнование некоего мистера Уинтона, который делал автомобиль в Кливленде и широко его рекламировал.

Это было большое событие — первые автомобильные гонки. Они состоялись на ипподроме Гросс-Пойнта, недалеко от Детройта, и газеты подогрели интерес к ним. Прибыло много зрителей, преимущественно на велосипедах; в их числе молодой рабочий по имени Эбнер Шатт, приехавший на модели, известной под названием "Желтое колесо Стирна", которую он ценой многих лишений приобрел из вторых или третьих рук. На нем был велосипедный картуз, но не было соответствующего костюма. Его лучшие воскресные брюки были схвачены у лодыжек зажимками.

Девять лет прошло с тех пор, как Эбнер видел мистера Форда латавшим свою первую детскую коляску. Эбнер никогда не забывал этих дней и всякий раз, встречая изобретателя, едущего в автомобиле, в знак приветствия махал ему рукой; когда он читал в газетах об успехах мистера Форда, он испытывал гордость, потому что с самого начала был причастен к этому делу. Эбнер Шатт, облокотившись о перила трибуны, — лицо у него было красное и рот широко открыт, — громкими криками подбадрывал своего героя. Кричали и другие зрители, но герой не обращал на это внимания, он весь сосредоточился на стоявшей перед ним задаче — гонки могли принести славу и богатство, но могли и кончиться несчастным случаем, даже смертью.

Автомобиль мистера Уинтона назывался "Пулей", автомобиль же мистера Форда просто "Фордом". Раздался сигнальный выстрел; моторы взревели, автомобили помчались; почти сразу мистер Форд вышел вперед; и он продолжал держать первенство, и толпа

кричала, а Эбнер Шатт приплясывал от возбуждения и восторга. Он был одним из сотни зрителей, с криками "ура" окруживших победителя. Мистер Форд не узнал Эбнера и даже не видел его, но Эбнер с гордостью рассказывал стоящим поблизости: "Я знал этого парня, еще когда он делал свою первую машину. Точно вам говорю. На Бэгли-стрит, в маленьком сарайчике". Он повторял это до самой своей смерти.

7

Весь Детройт убедился теперь, что автомобиль может выиграть гонки; но в том, что автомобиль представляет какую-то реальную пользу, еще никто не был убежден. Генри Форд выехал зимой на лед и проехал на своем автомобиле отмеренную милю со скоростью больше тридцати миль в час; он побил рекорд Вандербильта и отпраздновал свою победу, устроив обед на льду. Но даже это не заставило людей отнестись к нему серьезно. Кому, кроме сумасшедшего, вздумается ехать со скоростью тридцать миль в час? Но гонки пользовались успехом, и мистер Форд решил показать, что такое настоящая гонка. Он сделал с приятелем специальный гоночный автомобиль с четырехцилиндровым двигателем в восемьдесят лошадиных сил. Когда они завели мотор, он заревел, как Ниагарский водопад. Мистер Форд сам не захотел ехать, и они пригласили велосипедного гонщика Бэрни Олдфилда, сумасшедшего черта, который зарабатывал на гонках. Шоссе не было приподнято на поворотах, и тут можно было свернуть себе шею, тем более что руль был тяжелый и толкать его приходилось обеими руками.

Эта настоящая "чертова карета" была названа "999" и участвовала в гросс-пойнтских гонках в 1903 году. Эбнер Шатт опять был тут как тут с двумя товарищами из погрузочного отделения инструментального завода. Гонки были трехмильные, и сорвиголова Бэрни пришел на полмили впереди других. Эбнер приплясывал, и кричал, и опять говорил всем, кто хотел слушать: "Я знал этого мистера Форда. Точно вам говорю!"

Когда все кончилось, Эбнер поехал на своем "Желтом колесе Стирна" обратно в Детройт, и, работая педалями, обменивался с приятелями впечатлениями дня, и обсуждал автомобильные модели, о которых они читали в газетах. Эбнер и его приятели родились в век скорости и гордились этим. Каждый велосипедист защищал марку своего велосипеда с такой одержимостью, словно завод принадлежал ему; каждый из них был "гонщиком" и почитал делом чести не дать другому объехать себя. И вот теперь появились на сцене эти автомобили, гораздо более быстрые, опасные и увлекательные. Молодые рабочие, имеющие дело с машинами, заговорили о зажигании, передачах и системах охлаждения.

Все были уверены, что новое дело пойдет, и по дороге домой Эбнеру пришла на ум мысль: "А почему бы мистеру Форду не дать мне работу!"

Как раз в это время Эбнер переживал что-то вроде кризиса. Ему было двадцать четыре года, крепким здоровьем он не отличался; он три года проработал в Инструментальной компании и пришел к выводу, что там у него нет будущего. Начальник отдела был из таких, которые продвигают своих приятелей и тех, кто им льстит и преподносит подарки. Эбнер не владел

искусством устраиваться, и воскресная школа и газеты учили его, что путь к благополучию — это путь упорного и честного труда.

Пять лет назад романтическое приключение нарушило однообразие безрадостной жизни Эбнера Шатта. Ее звали Милли Крок; родители ее были рабочие и принадлежали к баптистской секте. Милли была блондинкой с блестящими голубыми глазами; она была хрупкого сложения, но Эбнер не замечал этого; ему она казалась существом необыкновенным, и уж во всяком случае такой противный урод, как он, был недостойн ее. Он едва мог поверить тому, что нравится ей, но мало-помалу это стало очевидным; они стали встречаться на всех религиозных беседах, а потом Эбнер набрался смелости и пришел к ней домой. Оба они были простодушны и очень робки, и Эбнеру потребовалось много времени, прежде чем он догадался просить ее руки. Когда все было решено, он пережил счастливейшие минуты своей жизни.

Но у них не было денег, и они не могли пожениться. Они должны были работать и копить; и теперь, к концу пятого года, они все еще копили. Они начали тяготиться ожиданием; ими владело безотчетное стремление внести свою лепту в дело быстрого роста детройтского населения. Это было время Тедди Рузвельта, кумира маленьких людей и пламенного борца против "самоубийства нации". Дела шли блестяще — все богатели, как казалось Эбнеру Шатту, все, кроме самого Эбнера.

Такие мысли бродили в голове молодого рабочего, когда он на велосипеде возвращался с гонок домой.

— Надо как-нибудь вылезать, — повторял он без конца и заключил: — Схожу к мистеру Форду!

Он решил, что разумней всего не говорить своим спутникам об этой блестящей идее.

8

Случилось так, что как раз в это время мистер Форд тоже переживал кризис. Ему было сорок лет, а он еще не достиг успеха. Он все еще делал автомобили чуть ли не собственными руками и видел, как другие опережают его. Интерес к его идее возрастал, появились автомобильные заводы, но он оставался в стороне.

Среди его приятелей был некий Малколмсон, торговец углем, поставлявший уголь Электрической компании, когда Генри Форд там работал. Малколмсон ездил в фордовском автомобиле и был заражен фордовским энтузиазмом; после блестящей победы Бэрни Олдфилда он провозгласил себя приверженцем фордовской веры и предложил Форду организовать "Фордовскую автомобильную компанию" и поделить между собой пятьдесят один процент ее акций, что обеспечило бы им контроль. Торговец углем внес семь тысяч долларов на покрытие организационных расходов. Завербовали еще пайщиков; конторщик Малколмсона, Джеме Казенс, наскреб тысячу долларов, и то же сделал его бухгалтер. Вошел в предприятие и плотник, чью мастерскую компания сняла, а два брата Додж, владельцы механической мастерской, согласились поставлять моторы для новых автомобилей и получать вознаграждение акциями. Пригласили двух молодых юристов выработать устав, и они тоже рискнули войти в долю.

Новая компания начала свою деятельность с капиталом в двадцать восемь тысяч долларов. Ни магнаты американской промышленности, ни финансовые тузы не были представлены в этой компании; снабжение американцев дешевыми колясками без лошадей взяли на себя люди, в большинстве своем скопившие деньги на покупку акций из своего жалованья и знавшие Форда лично или через друзей.

Если бы Эбнер Шатт и знал об этом, все равно пользы ему было бы мало, ибо у него за душой не было и ста долларов и он не имел понятия, что такое акционерная компания. Он даже не знал, куда переехал мистер Форд и как найти его адрес. Чисто случайно, проезжая по Мак-авеню, он увидел двухэтажное здание с новой вывеской: "Фордовская автомобильная компания".

Это была мастерская, которую мистер Форд снимал у плотника, одного из своих акционеров, за семьдесят пять долларов в месяц. Здание имело искусно сделанный "фальшивый фасад": передняя стена поднималась над крышей так, что строение казалось более высоким, чем было на самом деле. Но это никого не могло обмануть, потому что вблизи видны были низкие боковые стены. Много таких фальшивых фасадов в Америке и не только у зданий.

9

Эбнер слез с велосипеда и прислонил его к стене. Мистер Форд был здесь; он фактически всегда был здесь — и не в конторе, просиживая сиденье вертушки, а в мастерской, присматривая за производством. Эбнер почтительно подождал с кепкой в руке, пока не

представился удобный случай. Тогда он выступил вперед.

— Мистер Форд, меня зовут Эбнер Шатт. Вы меня не помните, но я еще мальчишкой бегал к вам в мастерскую на Бэгли-стрит смотреть на вашу работу. Один раз я даже помог подвезти ваш автомобиль к дому, когда заглохла машина.

— Вот как, Эбнер? — сказал мистер Форд. — Кажется, я припоминаю тебя. Как твои дела?

— Не больно хороши, мистер Форд. Я работаю на инструментальном заводе и стараюсь изо всех сил, но меня не выдвигают, и ждать мне там, видно, нечего. Я знаю, что ваше дело пойдет, мистер Форд, и я с охотой поработал бы у вас.

— В механизмах разбираешься, Эбнер?

— Да ничего, мистер Форд, кое-чего понабрался. Я езжу на велосипеде, и приходится чинить его. Я читал о вашем автомобиле и как он устроен. Я был на гонках — видел, как вы побили мистера Уинтона, и видел гонки Бэрни Олдфилда. Я гордился вами, честное слово! — Увидев, что мистер Форд улыбается, Эбнер поспешно добавил: — Я хороший работник, мистер Форд. Я непьющий и никогда не прогуливаю. Если бы вы меня взяли, я уж так старался бы угодить вам! Я помню, как вы были добры к нам, ребяташкам...

На лице изобретателя появилось суровое выражение. Теперь он был вице-президентом и главным директором компании, несущим ответственность за предприятие.

— У нас тут не благотворительное общество, Эбнер. Мы собираемся делать автомобили, и очень много

автомобилей. Тот, кто на нас работает, должен работать как следует, мы шутки шутить не собираемся.

— Мистер Форд, — поспешно вскричал Эбнер, — я не хотел сказать ничего такого! Я прошу только дать мне работу. Вы такого усердного работника, как я, во всем городе не сыщете, а уж как я был бы благодарен!

Пока Эбнер говорил, главный директор смотрел на него оценивающим взглядом. Эбнер был молод, и глаза у него были чистые, подтверждавшие его заявление, что он не пьет. Его руки и платье говорили о знакомстве с тяжелым трудом. Лицо у него было простодушное и честное. Умение и опыт для мистера Форда не имели такого значения, как желание учиться: ведь он намеревался изготавливать автомобили, по возможности точь-в-точь похожие друг на друга, а работу предполагалось распределить таким образом, чтобы каждый человек делал всего несколько операций.

— Ладно, Эбнер, — сказал он, — я возьму тебя на работу, и если ты сдержишь обещание — чего-нибудь добьешься.

— Вот спасибо, мистер Форд, вот спасибо! — Эбнер был на седьмом небе. Он уже давно решил про себя, что Генри Форд великий человек, и теперь был уверен в этом, а также в том, что им обоим обеспечена удача.

Директор провел его через набитую людьми мастерскую к мастеру, который уже надевал пальто, собираясь уходить.

— Форстер, это Эбнер Шатт, которого я знал, когда он был еще мальчишкой. Зачислите его, и пусть он покажет, на что годится. Как вы думаете, когда он может приступить к работе?

— Да хоть сейчас, мистер Форд, если хочет.

— Ну как, Эбнер?

— Я приду завтра, сэр. Мне ведь надо зайти на старую работу и взять расчет. Ничего, если я приду в половине девятого?

— Ладно, в половине девятого, — сказал мастер.

Эбнер поблагодарил с горячностью, которая растрогала бы их, если бы они не были так поглощены вопросами производства.

10

Итак, Эбнер Шатт сделался винтиком в машине, которая зародилась в мозгу Генри Форда и теперь претворялась в жизнь. В своей мастерской на Бэгли-стрит мистер Форд мог делать все, что хотел; но как только он появлялся среди людей и принимал участие в их начинаниях, он был обязан делать то, что ему говорили. И вот первый раз в жизни он стал во главе собственного предприятия; люди будут повиноваться ему, действовать согласно его воле.

Он будет думать не только за себя, но и за Эбнера, — и это как нельзя лучше устраивало Эбнера; его мыслительные способности были ограничены да и никогда не развивались. Если бы ему пришлось в этой битком набитой людьми мастерской самому себе искать работу, он был бы очень несчастлив. Но мастер точно показал Эбнеру, что надо делать, и тот был благодарен ему; теперь Эбнеру только приладиться, и работа пойдет, и чем меньше она будет меняться, тем лучше. Главный директор не ошибся, наняв этого двадцатичетырехлетнего баптиста.

Предприятие, где начал работать Эбнер, по существу, не было автомобильным заводом. Там не было станков для производства деталей; почти все производилось на стороне, по спецификации мистера Форда, и бывшая плотницкая была лишь сборочной мастерской. За первый год предполагалось собрать 1708 автомобилей, то есть по шесть автомобилей за рабочий день, цифра неслыханная в новой, автомобильной промышленности. Задачей главного директора было разделить эту работу на несколько частей с таким расчетом, чтобы каждая часть заполняла десятичасовой рабочий день при максимальной загрузке рабочего.

Партии колес с шинами прибывали на подводах, запряженных лошадьми. На Эбнере лежала обязанность ходить к складу, брать два колеса, подкатывать их к почти собранному автомобилю, насаживать на ось и завинчивать ключом гайки. Насаживать гайки надо было осторожно, чтобы не сорвать нарезку, и завинчивать туго, а то, того и гляди, какой-нибудь шофер свалится в канаву и станет проклинать "Фордовскую автомобильную компанию". Так как Эбнер не раз снимал колеса со своего велосипеда и снова надевал их, с этой работой он легко освоился. Однажды в припадке усердия он показал, как быстро может выполнить задание, и это стало нормой; если случалось, что он не выполнял ее, на него смотрели косо и делали ему замечания.

Когда Эбнер вполне овладел искусством насаживать колеса, ему показали, как надо прикреплять сигнальный рожок, помещавшийся на передке автомобиля, а также и фонарь, который был больше велосипедного и привинчивался к щитку. Нечто подобное Эбнер уже проделывал с велосипедом, и ему не доставляло это никаких хлопот. Наконец ему поручили носить и

укладывать на место подушки, обтирать с них грязь и сообщать о всяких царапинах и недоделках. Таковы были обязанности, которые заполняли весь его день; но он не тужил, — он получал семнадцать с половиной центов в час — лучший заработок за все время его работы, и мистер Форд обещал, что если он будет хорошо работать, то получит повышение. Чего еще мог желать рабочий?

11

Исполненный надежд, Эбнер и голубоглазая Милли Крок, собравшись с духом, обвенчались в выбеленной церкви, а потом прокатились на пароходе, это был первый и последний праздник в их жизни. Они посмотрели Ниагарский водопад и снялись на фоне величественного пейзажа. Фотография заняла свое место в семейном альбоме, дабы внуки могли любоваться ею: оба торжественные и без улыбки, — Милли с буфами на рукавах и Эбнер в крахмальном воротничке, с пышным галстуком и с торчащими кончиками рыжих усов, тонко закрученных и крепко навощенных.

Не прошло и года, как доверчивая молодая чета пополнила население своего быстро растущего города. Это был мальчик, и они назвали его Джоном Крок, по отцу Милли. В общей сложности у них родилось шестеро детей, из которых четверо выжили — три мальчика и одна девочка; самого младшего назвали Томом, по имени отца Эбнера, и они звали его Томми, пока дедушка был жив.

В то время как Эбнер и Милли таким образом осуществляли свою мечту, мистер Форд был занят своей мечтой: сделать так, чтобы, когда маленькие Шатты подрастут, а также и маленькие Смиты, и Шульцы, и

Слюпские, и Штейны, — они смогли бы по доступной цене купить миллионы маленьких колясок без лошади, и ехать в любое место, и достичь любого пункта на поверхности земного шара, за исключением нескольких горных вершин.

Движимый этой целью, мистер Форд беспрестанно сновал по бывшей плотницкой, в которой уже работало около трехсот рабочих. Он замечал, когда они мешали друг другу, и старался устранить помехи. Он осматривал материалы, проверял заказы, обсуждал возможности сбыта и составлял рекламы, взывающие к сознанию среднего американца, которое до тонкости было ему знакомо, потому что в течение сорока лет он сам был этим средним американцем. По его теории всякий, кто хотел преуспеть в делах, не должен был забывать о сознании среднего американца. Он полжизни проверял эту теорию на практике, прежде чем начал ее проповедовать.

В первый год своего существования "Фордовская автомобильная компания" выручила от продажи автомобилей полтора миллиона долларов; почти четвертая часть этой суммы оказалась прибылью. И с этих пор у Генри Форда всегда имелось достаточно денег для осуществления своих идей. Он берег свои деньги и использовал их для этой цели.

Первый автомобиль, известный как модель А, был продан за 850 долларов, и Генри намеревался снизить цену и в 1904 году продать еще больше автомобилей. Это вызвало отпор со стороны его компаньонов, которые придерживались старого взгляда на автомобиль, как на игрушку для богачей; они хотели поднять цену и выпускать более шикарные модели, чтобы продавцам

было что расхваливать. Автомобили были подчинены моде, как дамские шляпки и платья. Фасон машин приходилось менять каждый год, так, чтобы богатые чувствовали, что они отстают от моды, и спешили бы приобрести новый автомобиль. Конструкторы пристраивали в задней части автомобиля так называемую "Topneau" [бочка (фр.)], что-то вроде ящика с двумя добавочными сиденьями; один год они низко опускали его, на следующий — высоко поднимали; один год в него надо было входить сзади, а на следующий сбоку. В Париже они подхватили изысканное словечко "автомобиль", и теперь каждую зиму в Нью-Йорке устраивались автомобильные выставки, где торговцы автомобилями собирались стаями, приманивая покупателей.

Генри Форд не прочь был продавать автомобили на автомобильных выставках, но он хотел также продавать их на главной улице в Ошкоше и Топека и был убежден, что это можно сделать при одном и только одном условии — при низкой цене. Он спорил со своими компаньонами, но большинство было против него. Фордовская автомобильная компания прекратила производство модели А стоимостью в 850 долларов и начала производить модель С стоимостью в 900 долларов, модель F стоимостью в тысячу долларов и модель В стоимостью в две тысячи. Спрос на эти автомобили упал с 1708 в первом году до 1695 — во втором. В следующем году компания перестала производить самую дешевую модель, и спрос упал до 1599. Компания регрессировала.

Происходило ли это потому, что высока была цена, как говорил Генри Форд, или потому, что не хватало новых моделей, как утверждали торговцы и акционеры?

Последние были уверены, что фордовская политика приведет к краху; но Форд не интересовался никакой иной политикой. Он приберегал свои дивиденды и пользовался всяким случаем для скупки акций недовольных акционеров. Прежде всего он скупил акции плотника Стрелоу, владельца мастерской; доля плотника в предприятии равнялась пяти тысячам долларов, и он решил, что лучше вложить их в золотой прииск. Следующим на очереди оказался старый приятель Малколмсон; Генри Форд решил, что ему не ужиться с этим торговцем углем, а торговец углем по прошествии трех лет понял, что ему не ужиться с Генри. Малколмсон продал свои акции, и Генри таким образом получил, наконец, полный контроль над производством, а те, кто не соглашался, с его политикой, вышли из компании. С этого времени в Фордовской компании установилось правило: тот, кто не соглашался с политикой Генри, немедленно выходил из компании.

Фордовский завод больше не выпускал туристских автомобилей, как назывались дорогие модели; он производил стандартные и дешевые. Самый дорогой фордовский автомобиль продавался теперь по 750 долларов, а самый дешевый по 600 долларов. Результат сказался немедленно: в 1906 году Фордовская компания продала в пять раз больше автомобилей, чем в предыдущем году. Генри Форд начал свое восхождение к богатству.

12

В то время как решались эти споры, Эбнер Шатт усердно работал на заводе: катал колеса, то с железными спицами, то с деревянными, в зависимости от

моды, и завинчивал гайки с правой и левой нарезками. Он привинчивал звонки, а впоследствии механизмы с резиновой грушей, при сжимании которой издавалось что-то среднее между звуком рожка и писком. Он привинчивал фонари, сначала керосиновые, затем карбидные с металлическим цилиндром. Все эти разнообразные операции Эбнер выполнял добросовестно, он торопливо шел к складу за парой новых колес, гнул спину, завинчивая гайки, остерегался насадить гайку с правой нарезкой на ось с левой нарезкой.

И вдруг наступил переворот. Никто, разумеется, не говорил Эбнеру о контрольном пакете акций и тому подобных вещах, он знал только, что модели менялись и что автомобили станут дешевле и будет их больше. Вскоре начали поступать новые части, и Эбнеру сразу пришлось работать быстрее, а потом стало ясно, что у него не хватает времени для привинчивания гудков, и он передал эту работу другому рабочему. Производство все увеличивалось, и вскоре Эбнер перестал справляться и с фонарями. Раньше, чем он успел сообразить, как это случилось, он стал в фордовском предприятии специалистом по завинчиванию гаек.

В один памятный день Эбнер собрался с духом и задержался на заводе после работы. Он дрожал от страха, потому что Генри Форд был теперь человек, обремененный заботами, и не дай бог было попасть ему на глаза или беспокоить его в неподходящую минуту, — он мог прийти в бешенство. Но Эбнер раздумывал целый месяц и, наконец, решился. Дела компании шли хорошо, и если он теперь не получит повышения, значит, повсюду одно и то же.

И вот, с шапкой в руке, Эбнер подошел к своему хозяину, который собирался сесть в автомобиль.

— Добрый вечер, мистер Форд, я — Эбнер Шатт.

— Здравствуй, Эбнер! — сказал хозяин, у которого была хорошая память. Как дела?

— Не могу пожаловаться, мистер Форд. Но если вы соизволите выслушать простого рабочего, я вам кое-что сказал бы про работу.

Мистер Форд торопился к обеду, но миссис Форд уже привыкла к тому, что прежде — дело, а удовольствие потом.

— А что такое, Эбнер?

— Ваше дело быстро растет, мистер Форд, и будет расти. Я слышу, что люди говорят, всем им нравятся ваши автомобили и каждому охота купить себе такой.

— Вот как, Эбнер? — Это был путь к сердцу хозяина.

— Вам придется добирать рабочих в мой цех. А" я замечаю в нем много неполадок.

— Неполадки, Эбнер? А какие?

— А вот гайки поступают к нам смешанные, и с правой и с левой нарезкой, — все вместе. Я еще ни одной не испортил, но кто-нибудь испортит. И вот еще: приходится ходить к складу за колесами, а надо бы так, чтобы мне их подкатывали, потому что насадка колес — это уже работа квалифицированная, и я мог бы насаживать больше, если бы работал не отрываясь. Я делаю все, что в моих силах, но если вы будете расширять свое предприятие, то вам придется иметь одного рабочего для правых гаек, а другого — для левых. А уже насадка колес, мистер Форд, будет

самостоятельной работой, и ее надо поручить человеку опытному, чтобы она не на глазок делалась.

— Кажется, ты дело говоришь, Эбнер. Утром я этим займусь.

— Я работаю у вас вот уже три года, мистер Форд, и не пропустил еще ни одного дня, кроме дня своей свадьбы. Я говорил вам, что вы можете рассчитывать на меня, и вы сказали, что если я буду работать усердно и добросовестно, то я поправлю свои дела. Вот я и хочу просить вас, мистер Форд... — От страха у Эбнера захватило дыхание, так как наступил решительный момент. — Придет время, когда у вас будет специальный цех насадки колес; так уж вы имейте в виду, что я это дело знаю и доказал, что справлюсь с ним, могу и показать всякому и присмотреть. Поэтому я хочу просить вас не ставить никого надо мной — мне самому желательно быть мастером, — ну, начальником, что ли, этого цеха.

Сказал, и как гора с плеч. Мистер Форд не пришел в ярость, напротив, по-видимому, он считал это разумным и сказал, что все рассмотрит и никто не будет назначен начальником над Эбнером Шаттом. На следующий день мистер Форд пришел в цех и некоторое время наблюдал за работой — у бедного Эбнера так стучало сердце, что он едва дышал, но, к счастью, он так хорошо знал свою работу, что мог делать ее во сне. В результате гайки начали поступать в цех уже рассортированными, и в цехе появился рабочий, обязанностью которого было подносить гайки к Эбнеру и подкатывать колеса. Со временем Эбнер стал завинчивать только гайки с правой нарезкой, а гайки с левой нарезкой завинчивал другой

рабочий, и гордый Эбнер показывал ему, как надо работать.

В свое время были сделаны дальнейшие усовершенствования. Завинчивать гайки стали две бригады, в каждой из них были рабочие по завинчиванию гаек с правой и левой нарезками, и обучал рабочих тот же Эбнер. Наконец величайший день всей жизни Эбнера — в цехе стали работать пять рабочих, один из них наблюдал за остальными, присматривал, чтобы они с достаточной быстротой передвигались от одного автомобиля к другому, чтобы колеса поступали к ним в надлежащий момент и чтобы они не сбивали нарезок и не портили колпаков. Эти важные обязанности выполнял Эбнер Шатт, окрыленный помощник мастера цеха по завинчиванию гаек Фордовской автомобильной компании, с окладом два доллара семьдесят пять центов в день, — можете вы себе это представить?

13

В то время, когда происходили эти события, Эбнер и его растущее семейство снимали верхний этаж небольшого дома. У Эбнера были три сына и дочка, и жили они в большой тесноте; наступившее благополучие и уверенность в покровительстве мистера Форда придали ему смелость, и он стал мечтать об отдельном домике. Однажды в воскресенье Эбнер пустился на поиски и нашел дом в пять комнат, который сдавался за девять долларов в месяц; в доме имелись водопровод и уборная, что показалось этому скромному семейству высшей ступенью цивилизации. На несколько лет семейство Шатт приютилось в этом доме.

Генри Форд со своей стороны тоже испытывал отцовскую гордость; его детищем было трехэтажное кирпичное заводское здание на углу Пикет-стрит и Бобьен-стрит, построенное целиком на прибыли компании. Когда пришло время переезжать из плотницкой, площадь которой едва равнялась трем десятым акра, в новое роскошное здание, занимающее более двух с половиной акров, и с оборудованием стоимостью в четверть миллиона долларов, Генри Форд был вне себя от радости; но его верный слуга радовался ничуть не меньше. Они оба видели, как это предприятие выросло из ничего, и каждый из них способствовал его росту.

Все в новом помещении было распланировано заранее; на полу мелом было отмечено место для каждой части оборудования. Как только в старом помещении закончилась сборка последнего автомобиля, станки и инструменты были перевезены в новое; рабочие перебрались сами и вскоре начали собирать новые автомобили на новом месте. Генри был тут как тут, присматривая за всякой мелочью, "всюду сует свой нос", — говорили про него некоторые рабочие, но таким путем он добивался результатов. "Эй там, пошевеливайся! Давай поживей! Давай продукцию!" — таков был девиз завода. Отдыхать можно дома, но рабочее время оплачивается компанией, и достаются эти деньги в поте лица.

Генри Форд поехал во Флориду на автомобильные гонки, в которых участвовал один из его автомобилей; на гонках произошел несчастный случай — разбился вдребезги французский автомобиль; мистер Форд подобрал от него обломок и подумал, что никогда раньше не держал в руках более легкого и прочного

материала. Он привез обломок домой и велел исследовать его; это была ванадиевая сталь, новый сплав, который имел прочность на разрыв в три раза большую; чем сталь, употреблявшаяся в Америке. Вот это был подходящий материал для автомобилей, во всяком случае, для фордовских; Генри выписал из Англии человека, который знал в этом толк, и после некоторых трудностей наладил производство новой стали.

Это было началом новой эпохи; автомобили будут легче, прочнее, дешевле. Пусть, кому охота, смеется над фордовским автомобилем, говоря, что он сделан из жести; Генри наплевать. Люди убеждались, что фордовские автомобили двигаются; они покупали их и платили наличными, — а Генри собирал наличные. "Видел ли ты, — сказал Соломон, — человека проворного в своем деле? Он будет стоять перед царями". Генри не часто цитировал священное писание, но многие из его клиентов знали его наизусть.

14

На новом заводе Эбнер Шатт по-прежнему был специалистом по завинчиванию гаек. Сам он их не завинчивал, разве только в крайнем случае или когда требовалось показать кому-нибудь, как надо работать. Он ходил от автомобиля к автомобилю, наблюдая за работой других. Это было еще до того, как додумались до сборочного конвейера; автомобили делали так же, как строили дома, — на одном месте. Рабочие бригады передвигались от автомобиля к автомобилю с соответствующими деталями и инструментами. В результате множество людей суетилось, рабочие

сталкивались друг с другом, а каждое такое столкновение сказывалось на цене готового автомобиля.

Эбнер Шатт добросовестно выполнял свою работу, но в глубине души не переставал побаиваться. Если бы не высокая оплата, он предпочел бы, как бывало, держать в руках ключ и завинчивать гайки. Он страшился ответственности и необходимости быстро соображать. Он не представлял себе, до чего хлопотная вещь человеческая натура, пока не столкнулся вплотную с людьми; раньше он имел дело с частями машин, которые все были одинаковы, а если почему-либо и не были, то Эбнер тут был ни при чем. Люди в рабочее время уходили из цеха, пили водку и возвращались с головной болью и в плохом настроении. Они не могли сосредоточиться на работе, а когда им делали выговор, они, вместо того чтобы винить во всем себя, бранили хозяина. Эбнер был по природе покладистым парнем и никому не любил доставлять неприятностей, но теперь этого нельзя было избежать, потому что работа требовала добросовестного исполнения. Ему приходилось повышать голос и "давать встрепку", а если это не помогало, — сообщать фамилию рабочего мистеру Форстеру, и тот увольнял виновного. Эбнер никогда не претендовал на право увольнения; он вообще ни на что не претендовал, даже на более высокую оплату.

Осенью 1907 года разразился новый кризис, который наполнил город безработными и голодающими и научил смирению тех, кто остался на работе. Продажа фордовских автомобилей сократилась, но не сильно, потому что спрос на них все возрастал, и среди сотни миллионов американцев всегда находились такие, которые могли купить то, что хотели. Генри Форд без устали изыскивал новые пути, которые позволили бы ему

продавать свой товар по более дешевой цене. В первый год после кризиса он выпустил 6181 автомобиль — свыше трех автомобилей на каждого рабочего; за три года он сумел выжать тридцать пять тысяч автомобилей из шести тысяч рабочих.

Разумеется, никто никогда не показывал этих цифр Эбнеру Шатту, да и они мало бы что объяснили ему. В этот период, учась тому, как делать для своего хозяина вдвое больше автомобилей, Эбнер получал пятнадцать процентов надбавки к заработной плате и считал себя одним из счастливейших рабочих Америки. Возможно, что так оно и было. Две зимы подряд в Детройте стояли очереди за обедом, напоминая ему ужасные годы его отрочества, которые ослабили его тело, ум и душу.

15

Милли Крок, когда Эбнер предложил ей выйти за него замуж, была миловидным существом; яркий цвет лица, смеющиеся голубые глаза и светлые волосы, которые не нуждались в завивке. Но после пяти лет ожидания брака и шести лет, ушедших на деторождение и работу по хозяйству, — вся эта красота поблекла. Она часто прихварывала, и заботы о четверых детях тяжело отражались на ее здоровье. Пятый ребенок родился хилым, и доктор сказал, что лучше ей больше не иметь детей; но он не сказал ей, как это сделать, в то время это считалось неэтичным. Вскоре после смерти пятого ребенка родился шестой, темно-синего цвета, матери его даже не показали.

Милли стала выказывать нерасположение к мужу и все свое внимание отдавала детям. Эбнеру это было тяжело, он был человеком недалеким, но добрым; но он

примирился, — в конце концов в этом мире нельзя иметь все и нужно исполнять свой долг и обеспечить себе лучшую участь в ином мире. Эбнер любил своих детей и охотно поиграл бы с ними, придя домой после работы, но нередко Милли жаловалась на них, и ему приходилось поступать с ними согласно заветам священного писания.

Четверо подрастающих детей поглощали много пищи и изнашивали много обуви и одежды. Милли стряпала, и штопала, и чистила, и бранилась, и ожидала дня, когда эти требовательные создания начнут ходить в школу и на несколько часов развяжут ей руки. Шесть дней в неделю, в летнюю жару и в зимнюю стужу, Эбнер вставал в половине шестого, одевался, приносил уголь и растопку и разводил огонь, съедал кусок мяса с жареным картофелем, выпивал горячего кофе, забеленного сгущенным молоком, затем садился на велосипед и ехал к фордовскому заводу. В любую погоду, при любых обстоятельствах он пробивал свой табель в табельных часах за несколько минут до гудка и следил, чтобы каждый рабочий и каждый гаечный ключ были наготове.

Затем начиналась суতোлка людей и машин, треск и грохот. Постороннего это оглушало, но для Эбнера это была естественная обстановка работы; он различал каждый звук и сразу настораживался, если звук был непривычный, грозивший аварией. Все, чего он требовал, — это, чтобы рабочие не нарушали темпа работы, а колеса и гайки поступали вовремя; чтобы гаечный ключ не соскальзывал, гайки не падали и чтобы не слышно было ругани или ворчания по адресу его самого, мистера Форда, Фордовской компании и фордовских автомобилей; ничего, кроме непрерывной и рассчитанной гонки, — а к концу долгого дня — блаженного сознания, что он заработал еще три доллара

и в субботу отдаст их Милли, и она спрячет их в свой объемистый чулок и нехотя истратит потом на квартиру, на газ, на топливо и пищу.

Иные не стали бы завидовать такой жизни, но Эбнер не знал таких людей и не был знаком с их идеями. Он не считал фордовский завод огромной потогонной камерой; он считал его предприятием, где нужно исполнять свои обязанности в надежде на повышение и где он делал, что ему приказывали, и взамен получал средства к жизни. Если бы его попросили высказать свое суждение о заводе, он сперва пришел бы в замешательство и в конце концов ответил бы, что это замечательное предприятие, где более пяти тысяч самостоятельных частей, изготовленных из разнообразных материалов и различных по размеру и форме, соединяются вместе, образуя волшебное целое, в котором можно ехать и взбираться куда угодно, только не на стену. Если бы его спросили, в чем он видит предел счастья на земле, он ответил бы, что мечтает иметь достаточно денег, чтобы купить автомобиль — пусть ободраный и помятый, только бы двигался, и тогда в дождь он мог бы ездить на работу под прикрытием, а по воскресеньям, усадив в него Милли и ребяташек, возил бы их в деревню, где его старший брат работал батраком, и там они покупали бы овощи за полцены по сравнению с ценами зеленой на углу.

16

Генри Форд к этому времени уже сконструировал восемь различных моделей. Первая, модель А, имела двухцилиндровый мотор, расположенный у задней оси, и цепную передачу. Постепенно от этой системы

отказались. Четырехцилиндровый двигатель под капотом на передке, с карданной передачей, стал стандартом фордовского автомобиля. В 1908 году Генри решился осуществить свою идею производства дешевого автомобиля для массового покупателя. Однажды, не предупредив свой отдел продажи, он объявил, что модели A, B, C, F, N, R, S и K навсегда отменяются, отныне единственной фордовской моделью будет модель T. Он закончил свое сообщение знаменитыми словами: "Каждый покупатель может приобрести автомобиль любого цвета, при условии, что цвет будет черный".

Модель T, на которую пал выбор мистера Форда, была довольно безобразным сооружением: с поднятым верхом она походила на маленький черный ящик на колесах. Но имелось сиденье, на котором можно было сидеть, крыша, под которой можно было укрыться от дождя, мотор, который работал на совесть, и колеса, которые вертелись без отказа. Генри держался той точки зрения, что средний американец похож на него самого, — мало заботится о красоте и много о пользе. Он хочет сесть в автомобиль и поехать. Может быть, он не всегда знает, куда ему хочется ехать или что он будет делать, когда придет на место, но эти проблемы уже Генри не касались.

Возможности сбыта ограничились; автомобильные дельцы предсказывали, что через полгода Генри Форд сядет на мель. В ответ на это Генри купил шестьдесят акров земли в городе Хайленд-Парке, милях в десяти к северу от Детройта, и начал строить самый большой автомобильный завод, какой когда-либо видел мир. В этом году он назначил цену 950 долларов за туристский автомобиль, продал таких автомобилей более восемнадцати тысяч и получил несколько миллионов

прибыли, чем и оплатил участок и стройку. В следующем году он снизил цену на туристский автомобиль до 780 долларов, продал вдвое больше и нажил еще несколько миллионов.

Генри пошел в гору. Он выиграл битву и стал хозяином положения. Он может приказывать, и ему будут повиноваться. Он может делать вещи и строить машины, чтобы делать еще больше вещей. Сто автомобилей в день только начало, утверждал он, вскоре он будет выпускать тысячу в день; за свою жизнь он выпустит миллион фордов.

Он окружил себя специалистами: людьми, которые знали свойства металлов — и как их плавить, и как обрабатывать, и как делать сплавы и прессовать; людьми, которые знали топливо и как получать высокую температуру по низкой стоимости; людьми, которые знали сотни материалов, идущих на изготовление автомобиля или могущих пойти на его изготовление; людьми, которые умели строить, руководить, вести отчетность, перевозить, рекламировать — тысячу и одно искусство, помогавшие производить автомобили и продавать их и получать деньги, так чтобы Генри мог выпускать еще больше автомобилей и продавать их и наживать еще больше денег.

Желающие могли смеяться, — это не тревожило Генри. Он знал, что ему надо делать: произвести переворот в транспорте Америки, переделать ее дороги и изменить нравы и обычаи людей. Он переделает американцев по своему образу и подобию. Они станут трезвыми, честными и трудолюбивыми, как он; механиками и поклонниками машин, как он; богатыми — ну, возможно, не такими богатыми, как он, но в такой

мере, как им подобает. Они будут получать высокую заработную плату и научатся понемногу откладывать каждую неделю, пока не скопят достаточно, чтобы внести аванс за фордовскую модель Т, которая будет служить им десять, двадцать лет, — вырастут внуки Генри, а эти автомобили все еще будут бегать по дорогам.

Все это зачиналось в Хайленд-Парке. Генри строил свою собственную силовую установку, свой собственный сталелитейный завод, свои собственные кузницы. Скоро у него будут свои собственные железные и угольные рудники, пароходы и железные дороги. Это будет гигантская империя, и она будет простирается по всей земле; и Генри будет основателем ее, хозяином ее; его мудрость и его здравый смысл будут править ею. Предпочтение он отдавал последнему. "Я — здравый смысл", — говорила душа Генри Форда.

17

Эбнер Шатт не мог знать всего, о чем думал его всемогущий хозяин, но догадывался. Эбнер превзошел своего старика отца хотя бы в том, что каждый вечер приносил домой газету и, несмотря на усталость, просматривал ее. Время от времени он читал сообщения о том, что готовилось на новом заводе. Иногда по воскресеньям он ездил с другими рабочими смотреть на стройку, и всю неделю они говорили о том, что видели.

Большинство этих рабочих, как и Эбнер, гордились своим хозяином и его успехами; но некоторые относились к нему недоброжелательно, это были прирожденные "брыкуны". По их мнению, благополучие Генри выросло на их спинах. "Будто они сами могли придумать это! —

говорил Эбнер. — Будто они понимают, какие автомобили надо выпускать!" "Социалисты", называл он их, слово, вычитанное им в газетах. Но он не очень разбирался в значении этого слова. Разговоры о политике не поощрялись на заводе. Мистер Форд не одобрял политики.

В начале 1912 года, когда Фордовская автомобильная компания выпускала более двухсот автомобилей в день, Эбнер впервые серьезно заболел. Он лег спать, чувствуя себя неважно, и проснулся с высокой температурой и сильным головокружением. В это морозное утро он с трудом поднялся с постели и, по обыкновению, хотел затопить печь; Милли пришлось уложить его обратно в постель и накрыть его грудой одеял, чтобы согреть. Она перепугалась и побежала за врачом, и врач пришел и сказал, что у Эбнера инфлуэнца. Ему велели лежать в постели и сказали, что заслушание он может поплатиться жизнью.

Врач прописал ему лекарство, которое могло помочь его телу, но, разумеется, не помогло его душе. Вот уже восемь лет, как он не пропустил ни одного дня на службе у Генри Форда, и ужас объял его. В полубреду он заставил Милли пойти в ближайший магазин, сообщить по телефону в контору о его болезни и попросить, чтобы его не увольняли. Даже когда пришел агент компании и убедился, что Эбнер действительно болен и обещал, что его место останется за ним, он успокоился только наполовину. Он хорошо знал заведенный на заводе порядок и понимал, как опасно дать почувствовать, что без него, Эбнера, можно обойтись. Если в течение нескольких дней можно ежедневно завинчивать

восемьсот гаек и обходиться при этом без помощника мастера, так зачем же тратить впустую три доллара?

У него было немного денег в сберегательной кассе; он принадлежал также к организации, называемой "ПФОАБ", — другими словами, к "Передовому филантропическому обществу американских бобров". Члены этого общества имели свое помещение, знамена, плюмажи и торжественный ритуал и раз в месяц покидали своих жен, курили сигары и обсуждали особенно интересующие их дела родного города. В "ПФОАБ" входили заводские рабочие, вроде Эбнера, и несколько мелких торговцев; важно, что они были многочисленны и каждую неделю делали из своих заработков небольшие отчисления на помощь детям в случае болезни отца.

Так и лежал Эбнер, пока природа не вылечила его с помощью или без помощи врача. Он так ослаб, что несколько дней просидел дома, и у него было время поближе познакомиться со своими детьми. Старшему мальчику, Джону, исполнилось семь лет, и он ходил в школу, когда позволяла погода; он был серьезным и хорошим мальчиком. Второго звали Генри Форд, он был предприимчив, как и его тезка, и его матери приходилось с ним нелегко. Дейзи, девочка, хрупкая и белокурая, во многом напоминала мать. Меньшему, Томми, было всего три годика, и о нем еще трудно было что-нибудь сказать, но ему нравилось, когда отец вырезал из газеты фигурки; Томми размалевывал их цветными карандашами, обнаруживая, по мнению отца, большой талант.

Наконец Эбнеру разрешили отправиться на работу; не на велосипеде по глубокому снегу, а в переполненном трамвае. Он исхудал и постарел лет на десять, и то и

дело присаживался во время работы, что нарушало дисциплину. Рабочие жалели его, ничем его не тревожили, и постепенно силы вернулись к нему. Но пережитое сильно подействовало на него, воскресив в нем жестокие страхи отроческих лет.

Больше чем когда-либо он был благодарен доброму и могущественному мистеру Форду, который обеспечил его надежной работой и даже выплатил ему танъемы в размере семи с половиной процентов его заработка за истекший год. Для Эбнера это составило почти семьдесят долларов и явилось находкой, позволившей ему оплатить счета врача и другие непредвиденные расходы. Эбнеру не представилось случая выразить свои чувства мистеру Форду; но, по-видимому, мистер Форд догадывался о них, ибо несколько лет спустя он написал, что, когда он думает о тысячах семей, зависящих от его предприятий, Фордовская автомобильная компания представляется ему святилищем.

18

Наступил год президентских выборов. Демократическая партия выставила кандидатом ректора университета по имени Вильсон, и этот Вильсон изо всех сил старался переманить стойкого республиканца Эбнера на свою сторону при помощи пламенных речей о "новой свободе". Эбнер прочел в газетах его золотые слова; но он прочел также, что, когда в свое время демократическая партия победила на выборах, наступили тяжелые времена, а он страшился тяжелых времен больше любого тирана. Ректор университета был избран, и действительно начался застой в делах, и этого было достаточно, чтобы на всю жизнь убедить Эбнера в

неизбежности таких последствий. Он редко говорил о политике, но он подавал свой голос за Хьюза, Гардинга, Кулиджа, Гувера, Лэндона, не говоря уже о всех губернаторах, сенаторах и членах конгресса прославленной Старой партии.

Тяжелые времена лишь слегка задели Генри Форда. Он снизил цену автомобиля до 600 долларов и продавал ежедневно свыше пятисот автомобилей. В следующем году он снизил цену до 550 долларов и продавал ежедневно почти тысячу. Этот процесс снижения цен и увеличения продажи будет продолжаться, утверждал Генри; и, по-видимому, покупателям его идея нравилась.

Миллионы людей вдруг обнаружили, что им хочется поездить и поглядеть мир. Их деды пересекали континент в фургонах, и на это уходил год; теперь внуки хотели пересекать тот же континент за месяц, и недалеко то время, когда они будут это делать в течение недели. Маленькие черные жуки ползали по всем дорогам, и их стали называть ласкательными именами; их называли "фордиками", их называли "трясучками", их называли "жестянками", а иногда "генриками". О них сочиняли анекдоты, всюду можно было слышать "фордовские шутки". Все они в основном сводились к тому, что пять жестянок из-под томата и матрацную пружину по ошибке приняли за фордовский автомобиль, произвели надлежащий ремонт, и машина поехала. Каждая такая шутка была бесплатной рекламой.

Эбнер Шатт перевез свою семью поближе к новому заводу; куда пойдет хозяин, туда пойдут и они. Эбнер все еще руководил завинчиванием гаек, и можно не сомневаться, что человеку, которому нужно следить, чтобы ежедневно было завинчено четыре тысячи гаек,

хватало дела. Завод стал такой большой, что рабочие не могли видеть, что творилось вокруг; но слухи об этом доходили до Эбнера, и ему казалось, что он присутствует при сотворении мира. И сказал бог: да будет свет, и стал свет. И сказал Генри: да будут "форды", и в одной "фордовской шутке" рассказывалось про человека, который, осмотрев завод Хайленд-Парк, вышел, почесывая в голове, и воскликнул: "Так и ползают по мне эти букашки!"

19

Перед автомобильными промышленниками встала проблема. Чем больше они нанимали рабочих, тем больше рабочие впустую тратили время, переходя от одной машины к другой и мешая друг другу. В компании "Дженерал моторс" кому-то пришла в голову блестящая идея: зачем рабочему идти к работе, не лучше ли пододвинуть работу к рабочему?

Компания "Дженерал моторе" начала ставить опыты, и вскоре лазутчики Генри донесли ему об этом. Он не мог допустить, чтобы его опередили, и занялся тем же. Работа по сборке магнето, небольшой, но сложной части, стала производиться на скользящем столе такой вышины, чтобы рабочим, сидящим на табуретах, было удобно работать, причем каждый выполнял только одну операцию на партии магнето, медленно проползавших мимо. Раньше рабочий, выполнявший работу по сборке магнето, выпускал одно магнето каждые двадцать минут; теперь эта же работа была разбита на двадцать девять операций, производимых двадцатью девятью рабочими, и на сборку одного магнето уходило тринадцать минут десять секунд. Это был настоящий переворот.

Тот же метод был применен к изготовлению мотора. Один рабочий изготовлял мотор за девять часов пятьдесят четыре минуты. Когда сборка была поделена между восьмьюдесятью четырьмя рабочими, время сборки мотора сократилось больше чем на сорок процентов.

В начале 1913 года этот переворот ударил по Эбнеру Шатту, помощнику мастера по завинчиванию гаек. Однажды солнечным утром ему велели идти на Джон Р.-стрит, которая проходит через завод Хайленд-Парк, и принять участие в опыте по сборке шасси, а шасси — это автомобиль на колесах, но без кузова. Для опыта была приготовлена платформа на колесах и веревка, длиною в двести пятьдесят футов, с воротом, чтобы тянуть платформу. Необходимые материалы были кучками разложены вдоль маршрута, и шестеро сборщиков передвигались вместе с платформой и по пути собирали шасси, в то время как люди с секундомерами и блокнотами записывали время.

При старом способе производства, когда автомобиль, как дом, строился на одном месте, на сборку шасси уходили двенадцать часов двадцать восемь минут рабочего времени. Этот примитивный опыт сократил срок изготовления шасси более чем вдвое. Поэтому вскоре пришлось сломать несколько больших корпусов и перестроить их. Была установлена движущаяся платформа, и различные части шасси поступали или при помощи крюков, подвешенных на цепях, или на небольших моторных тележках. Вскоре сборочный конвейер приподняли до пояса, а потом не замедлили появиться два конвейера — один для высоких и один для низких ростом.

Давно прошло то время, когда Эбнер Шатт путешествовал к складу, руками катил пару колес и отделял гайки с правой нарезкой от гаек с левой нарезкой и сам закручивал их. Теперь он присматривал за группой рабочих, каждое движение которых было рассчитано инженерами. Готовые колеса, собранные на специальном конвейере, двигались на крюках и спускались точно до высоты, необходимой, чтобы их сняли и надели на ось. Рабочий, который делал это, не делал ничего иного, другой рабочий ставил гайки и слегка подвинчивал их рукой; и, наконец, третий рабочий завершал работу гаечным ключом. Прежде чем инженеры закончили изучение этих операций, они сократили время сборки шасси с двенадцати часов двадцати восьми минут до одного часа тридцати трех минут.

Когда этот метод производства был налажен, появилось непреодолимое желание увеличивать скорость конвейера. Генри Форд мог утверждать, как он постоянно и делал, что конкуренция не нужна и что он не признает ее; но в действительности он всю свою жизнь ни на минуту не прекращал конкуренции. На сотне различных заводов, разбросанных по Соединенным Штатам, делались попытки побить его. В конечном счете победить должен был тот, кто тем или иным способом сумеет больше выжать из рабочей силы. Это была истина, открывшаяся с первым движением первого рабочего, который добывал железную руду или собирал сок на каучуковых плантациях в тропических джунглях.

Отдел сбыта настойчиво требовал увеличения выпуска автомобилей. Когда завод выпускал тысячу автомобилей в день, те, кто руководил производством, знали, что, увеличив скорость сборочного конвейера на

одну минуту в час, они в тот же день получают шестнадцать добавочных автомобилей. Почему же не попробовать? Несколько недель спустя, когда рабочие привыкнут к более быстрым движениям, почему не попробовать еще?

Никогда еще не было такого усовершенствованного аппарата для ускорения темпа работы. Достаточно было повернуть выключатель, и тысячи рабочих ускоряли движения. Это был невидимый налог, вроде акциза, который потребитель платит не сознавая того. Рабочий не имеет секундомера и не может сосчитать, сколько автомобилей поступает к нему за час. Даже если он узнает об этом от того, кто устанавливает скорость конвейера, — все равно это вроде косвенного налога, против которого он ничего не может поделать. Если он слабосилен, десяток здоровяков поджидают за воротами, чтобы занять его место; Молчи и делай, что тебе сказано!

20

Все это было очевидным, и никто не знал этого лучше Генри Форда. Это смущало его совесть, ибо он был идеалистом и хотел бы видеть людей счастливыми. Кроме того, он был в некотором роде экономистом и, опередив экономистов-профессионалов, понял, что, если он будет платить, рабочим высокую заработную плату, они смогут покупать фордовские автомобили. Чего Генри бояться высокой заработной платы, когда он может быть уверен, что получит все деньги обратно, — а между тем он будет иметь удовольствие изготавливать автомобили? Все основано на здравом смысле!

Генри заготовил "бомбу" и 5 января 1914 года бросил ее в публику. Фордовская автомобильная компания решила ежегодно распределять между своими рабочими премию в десять миллионов таким образом, что самым низкооплачиваемым рабочим завода будет обеспечен минимум в пять долларов в день. На эту премию уйдет около половины прибылей, которые компания ожидала получить в будущем году. В то же время рабочий день сокращался с девяти часов до восьми.

Это извещение прежде всего создало славу Генри Форду. До того был известен его автомобиль, но сам он был всего-навсего промышленником, каких много. И вот в мгновение ока он стал одним из национальных героев Америки. Возникла яростная полемика: на одной стороне рабочие и сторонники социальных переворотов, на другой — промышленники, коммерсанты и газеты, которые служили рупором этим последним. Первые говорили, что Генри Форд великий мыслитель, государственный ум в промышленности; вторые говорили, что он рекламист, помешанный, угроза общественному благополучию. Промышленность не может платить такой заработной платы, и всякий, кто говорит, что это возможно, заманивает рабочих в ловушку. "Явная утопия и противоречит всякому опыту", — говорила торжественная "Нью-Йорк таймс", и редакция послала в Детройт одного из своих сотрудников спросить Генри Форда: "Вы социалист?" Генри не знал точно, что такое социалист, но был уверен, что не является таковым.

Вторым следствием было то, что огромное количество рабочих Америки помчалось с первыми товарными поездами в Хайленд-Парк. Компания

выпустила предупреждения, но слишком поздно. В первый день у ворот завода собралось десять тысяч рабочих, а к концу недели, когда фордовский проект должен был начать действовать, их была уже целая армия. На рабочих направили струи ледяной воды, и полиция два часа сражалась, отгоняя их от ворот. В окна полетели камни — печальный конец многообещающего дня. Полузамерзшие рабочие ушли, затаив злобу против Генри; но счастливы, вроде Эбнера Шатта, которые были по другую сторону ворот, не очень-то тревожились. В мире идет жестокая борьба, и если у тебя есть что-нибудь, не выпускай из рук.

Мистер и миссис Форд проехали в Нью-Йорк и на себе почувствовали, что значит быть знаменитыми в Америке. Стая репортеров встретила их на вокзале, и вспышки магния возвестили о том, что прибыл герой. В вестибюле отеля фотографы переломали все пальмы в погоне за удачным снимком. Его ожидала гора писем, и в его номере пришлось выключить телефон. До сих пор Генри был обыкновенным американским гражданином; отныне ему придется жить как европейскому монарху, с вооруженной охраной и кордоном из секретарей, отделяющим его от простых смертных, которые одновременно и обожали и боялись его, — но в том и другом случае непременно хотели знать, что он думает о рабочих союзах, о сухом законе, о регулировании прироста населения и о положении в Европе; а также, что он ест за завтраком и какую зубную пасту употребляет.

Все эти новости появились в детройтских газетах, и четырнадцать тысяч рабочих, которые должны были получать объявленный минимум заработной платы, впервые узнали, каким поистине великим человеком был

их хозяин. Когда он вернулся, они прочитали все о его домашней жизни, которая до того времени была скрыта от них. Они прочли о его любви к птичкам и о том, как он оборудовал у себя помещения для двух тысяч пернатых; как он две недели отказывался пользоваться парадной дверью своего дома, потому что две коноплянки свили над ней свое гнездышко. "Какая бы ни была погода, говорил он, — рисовые трупиалы всегда возвращаются в Дирборн второго мая".

Рабочие увидели его портреты — вот он сидит в своей библиотеке, а вот за столом в конторе и по телефону отдает распоряжения относительно создания нового мира. Они увидели, как он занимается зимним спортом катается на коньках, а потом, как он занимается летним спортом раскидывает сено на ферме вместе со своим сыном Эдзелом, которому уже исполнился двадцать один год. Они видели его также сидящим в своей первой коляске без лошади, которую Эбнер Шатт однажды помог вытащить из канавы на Бэгли-стрит. Мистер Форд приобрел эту реликвию и теперь хранил ее в одной из комнат своей конторы и время от времени выкатывал ее, чтобы показать, что она все еще действует, и снимался в ней: он сам за рулем, а миссис Форд рядышком, или вместо нее сидел Томас А.Эдисон, или Джон Бэрроуз, или кто другой из его друзей.

21

В обществе создалось мнение, что Фордовская автомобильная компания собирается платить каждому своему рабочему не меньше пяти долларов в день; того же мнения придерживались и рабочие, и они приуныли, когда обнаружилось, что компания ничего подобного

делать не собиралась. Прежняя заработная плата оставалась без изменений, но каждые две недели рабочие должны были получать премию — при условии, что они прошли "проверку". Слово это было загадкой, и загадка эта была сложна, и некоторые рабочие так никогда и не разгадали ее.

Рабочие делились на три группы. Женатые должны были "жить со своей семьей и заботиться о ней". Холостые старше двадцати двух лет должны были вести "здоровую и скромную" жизнь. Мужчинам моложе двадцати двух лет и всем женщинам "надлежало быть "единственной опорой своих ближайших родственников". Установить все эти данные относительно четырнадцати тысяч рабочих Фордовской компании было задачей нелегкой. Для ее выполнения Генри Форд учредил себе в помощь "Социальный отдел Фордовской автомобильной компании" со штатом в пятьдесят тщательно отобранных молодых джентльменов. Два года спустя он убедил священника епископальной церкви, настоятеля собора св. Павла в Детройте, отказаться от этой почетной должности и взять на себя заботу о нравственности фордовских рабочих.

Генри и его новые сотрудники условились относительно основных принципов. Они искоренят вредный обычай рабочих-иммигрантов сдавать комнаты внаем, что превращало дома рабочих в доходные предприятия и, несомненно, способствовало разврату. Они заставят холостяков, прежде чем обзаводиться своим хозяйством, посещать священника или мирового судью. Они отучат молодых людей от привычки удирать из дома и оставлять без поддержки своих престарелых родственников. Они покончат по крайней мере с беспробудным пьянством и присмотрят за тем, чтобы

жилища рабочих содержались в чистоте и чтобы за детьми и больными был уход. То были возвышенные цели, и рабочего, отвечающего требованиям "Социального отдела", раз в две недели ожидала награда в виде чека на сумму от двадцати пяти до пятидесяти долларов.

В отношении семейства Шатт вопрос разрешился легко и просто. Брачное свидетельство Милли, вставленное в рамку, висело на стене, и чулок, в котором она хранила деньги, приносимые по субботам Эбнером, был набит довольно туго. Правда, нельзя сказать, чтобы в доме у нее все блестело, но это уже была не ее вина, ибо она страдала обмороками, она даже советовалась об этом с врачом. Молодой человек, который пришел ее опрашивать, был очень мил и полон сочувствия и надавал ей столько полезных советов, что она не могла всех упомянуть. Он посоветовал ей истратить немного денег и нанять здоровую женщину, которая приходила бы раз в неделю делать уборку. Он объяснил ей, какие бывают сорта мяса и как можно путем долгого кипячения сделать дешевое мясо хорошим. Он сказал ей, как полезно давать детям свежие овощи в большом количестве и сырые фрукты в небольшом. Он коснулся также вопроса квартирной платы, которая быстро повышалась в Хайленд-Парке и его окрестностях; Милли сказала, что мечтой их жизни было иметь собственный домик, и охотно согласилась употребить на это часть премии. Молодой человек ушел, и факты, собранные им, были занесены в обширную картотеку "Социального отдела", а Эбнеру Шатту сообщили, что он "проверку" прошел. В дополнение к его основной заработной плате — сорок два цента в час — он будет теперь получать часть прибыли в сумме двадцати шести с половиной

центов в час, другими словами — раз в две недели он будет получать добавочный чек на двадцать пять долларов сорок четыре цента.

У Эбнера не укладывалось в мозгу, как это люди могут не чувствовать благодарности за такую божественную милость со стороны мистера Форда. Но испорченность человеческой натуры общеизвестна, и многие рабочие были весьма недовольны вмешательством в их частную жизнь и переименовали "Социальный отдел" в "шпионский". Вместо того чтобы честно исполнять все пункты соглашения, они пускались на дьявольские увертки, чтобы обойти их. Иммигранты превращали своих постояльцев в братьев или зятьев; молодые парни до поры припрятавали своих подружек или выдавали их за сестер-сирот; кое-кто из самых отпетых дошел до того, что стал нанимать себе в родственники стариков, лишь бы пройти проверку. Иногда обман раскрывали, обманщиков увольняли, и подсиживание, сплетни и шпионство расцвели пышным цветом.

22

Единственным недостатком новой системы, по мнению семьи Шатт, был слишком быстрый рост цен. Прежде всего злодеи домовладельцы начали повышать квартирную плату. Шатты платили двенадцать долларов в месяц, а теперь им объявили, что нужно платить двадцать. Разумеется, они подняли вой, но агент сказал, что если не желают — могут убираться.

Эбнер потратил целое воскресенье на разъезды по городу и беседы с другими агентами, что послужило для него уроком элементарной экономики. Жизнь в

Хайленд-Парке начала дорожать с тех пор, как добрый мистер Форд стал ежегодно распределять десять миллионов долларов сверх заработной платы. Почему бы домовладельцам не иметь своей доли в этом благополучии? Домовладельцам так же, как и Эбнеру, пришла в голову мысль, что неплохо бы купить фордовский автомобиль и по воскресеньям возить семью за город. Или поехать летом на мичиганские озера ловить рыбу, или провести зиму во Флориде, — почему бы и нет?

Эбнер и Милли решили пойти на риск и немедленно купить дом; но тут они получили второй урок по экономике — с нововведением в Фордовской автомобильной компании цены на дома почти удвоились. Эх, если б Эбнер купил дом до введения премии! Если бы хоть кто-нибудь его надоумил! Кое-кто из фордовских компаньонов вовремя смекнул и поспешил приобрести земельные участки — и так вздули на них цену, что для семейства Шатт купить дом стало так же трудно, как если бы никакой премии и не было!

Время шло, и жестокие уроки повторялись снова и снова. Милли, всегда чрезвычайно экономная, теперь стала держать семью на голодном пайке и сбилась с ног, отыскивая лавку, где продукты продавались бы по ценам эры, предшествовавшей введению премии. Но таких лавок не оказывалось, торговцы же спешили разъяснить, что они платят теперь повышенную плату за помещение и повышенное жалованье продавцам. Кто станет работать в Хайленд-Парке за прежнее жалованье, когда цены на продукты и квартирная плата возросли? Что-то неладное творится в мире!

Единственный человек, которому премия дала именно то, чего он добивался, был сам Генри Форд. Прежде всего он получил репутацию американского хозяина Номер первый; недурная реклама для фордовского автомобиля, который продавался простым смертным, из коих многие были рабочие, а многие — идеалисты вроде самого Генри. Когда они продавали старый "форд", чтобы купить новый, они делали вид, что содействуют великому филантропическому начинанию. "Помогай ближнему" — гласили плакаты, расклеенные по всему заводу в назидание посетителям, а равно и рабочим.

Кроме того, это означало, что Генри получил отборную рабочую силу Америки. Он мог проверять и выбирать, и когда он нанимал рабочего, ему нетрудно было удержать его. Текучесть рабочей силы была чрезвычайно велика. Чтобы иметь на заводе четырнадцать тысяч рабочих во времена, предшествующие премии, ежегодно приходилось нанимать пятьдесят три тысячи рабочих. Но уже в первый год новой эры понадобилось нанять только 6508 рабочих, и большинство из них было принято на новую работу, так как дело расширялось.

23

Агент по продаже недвижимости завладел Эбнером и Милли, Он торжественно заверил их, что в его руках находится последняя выгодная сделка в Хайленд-Парке. Он говорил это ради их пользы, а не ради своей: если они упустят эту возможность, кто-нибудь ее перехватит, и они будут сожалеть об этом всю жизнь. В доме было шесть комнат — больше, чем они хотели, но они

чувствовали себя богачами и знали, что мальчишки подрастут, а девочка не может же вечно спать в одной комнате с родителями. После долгих и мучительных колебаний они решились.

Они уплатили три тысячи сто пятьдесят долларов за дом, который до введения премии могли купить дешевле на тысячу долларов. Они внесли шестьсот долларов наличными, то есть почти все, что им удалось скопить за десять лет, и согласились выплачивать двадцать долларов в месяц плюс проценты, которые составили в начале платежей дополнительную сумму в тринадцать долларов.

Им предстоял неприятный сюрприз — налоги; агент избегал говорить о них, а у семейства Шатт никогда не было собственности. Проценты будут уменьшаться, но основную сумму задолженности им придется выплачивать в течение одиннадцати лет. Агент доказывал, что ведь все равно они бы платили квартирную плату, а квартирная плата непременно будет подниматься — и в этом, как оказалось, агент не ошибся.

Все дорожало по какой-то непонятной и страшной причине. Европейские государства, во всяком случае, большинство из них, нашли это лето подходящим, чтобы ввязаться в войну. Эбнер узнал о ней из тревожных заголовков вечерней газеты, за несколько дней до того, как они с женой подписали контракт на покупку дома. После ужина, сидя на крыльце, Эбнер прочел Милли вслух газетные сообщения. Каждый день еще какое-нибудь государство бросалось в пропасть; армии выступали в поход, а затем происходили сражения, и заголовки кричали: "Убито двадцать тысяч немцев" или французов, русских, австрийцев, или сербов. Все эти

нации были пустым звуком для Эбнера, и он понятия не имел, за что они сражаются. Он радовался тому, что живет в свободной стране, где люди обладают достаточно здравым смыслом, чтобы не пускаться на такое безумие.

Так реагировали на войну почти все, кого он знал, включая и его хозяина. Мистер Генри Форд не одобрял войны. Он не раз высказывал свое суждение о ней попутно с мнением о высоких пошлинах, золотом стандарте, банкирах, рабочих союзах и положении в Мексике. Эта война была наихудшим из всего, что произошло за последнее время, и началась она потому, что одни хотят обогатиться, захватив богатства других, вместо того чтобы заставить свои мозги поработать на создание собственных богатств. Если люди хотят воевать, это их личное дело; но что касается президента Фордовской автомобильной компании, то он решительно заявляет: его компания не будет работать на войну и ничего не продаст ни одному из ее участников.

Так заявил он и, к изумлению воюющих сторон, держал свое слово. Агенты британского правительства прибыли в Хайленд-Парк, намереваясь закупить автомобили, но им сказали, что для них таковых в продаже не имеется. Они не поверили своим ушам и сказали, что их, очевидно, не поняли, они заплатят наличными; они готовы выдать чек на старинный банкирский дом Дж. П.Моргана и Ко, помещающийся на углу Брод-стрит и Уолл-стрит в Нью-Йорке. Да, мистер Форд слышал об этом концерне, но это ничего не меняет, он не продает автомобилей для военных целей.

Разумеется, нельзя ручаться, что британцы не нашли способа заполучить в свои руки несколько

фордовских автомобилей вопреки упрямству одного промышленника-пацифиста. Трудно предположить, чтобы все фордовские управляющие и агенты по продаже его автомобилей оказались такими же идеалистами, как их хозяин. Утверждение, что деньги не пахнут, — старо, как и мнение, что древние римляне — лучшие коммерсанты своего времени. Не мог же Генри Форд самолично следить за всеми автомобилями, купленными у него, и воспрепятствовать их проникновению в страну, известную под названием Канады, которая отделена от Детройта всего узкой речонкой. В первый год войны Генри продал свыше трехсот тысяч автомобилей, во второй свыше полумиллиона, а в третий — свыше трех четвертей миллиона. Но это увеличение сбыта могло произойти и оттого, что все другие автомобильные промышленники, снабжая воюющие государства, предоставили Генри широкие возможности на внутреннем рынке.

24

Семейство Шатт переехало в новое жилье и думало, что теперь уж на всю жизнь. Их новый дом сильно нуждался в покраске, забор, казалось, вот-вот завалится, а земельный участок, пятьдесят на сто двадцать, сплошь зарос сорняком; но им казалось, что они поселились в роскошной усадьбе, и Эбнер, приходя с работы домой, забывал об усталости и всегда находил силы вскопать несколько футов земли и посадить лук и репу. Милли наняла женщину, которая целых два дня скребла и чистила, и дети заразились всеобщим волнением и непременно хотели помогать взрослым. Мистер Форд был прав, как всегда: хорошо иметь свой собственный домик.

Если взять семейство Шатт, то не было никаких сомнений, что благотворительный замысел распределения части прибылей между рабочими увенчался полным успехом. Эбнер и Милли тратили свои деньги только для таких целей, какие одобрял мистер Форд. Симпатичный агент "социального отдела" пришел к ним и осмотрел их владения, и все семейство с жаром благодарило его и богоподобного человека, который разрешил столько проблем в их жизни и столько доставил им счастья.

Завод работал в две восьмичасовые смены; Эбнер начинал работать в шесть утра и возвращался домой после полудня. У него оставалось сколько угодно времени для возни в огороде и на починку изгороди — чтобы не лазили соседские куры. Осенью он так расхрабрился, что даже покрасил дом; в будущем это окупится, ведь дом-то не чей-нибудь, а их собственный.

У него хватало также времени заниматься детьми и учить их. Джонни исполнилось уже десять лет, он был серьезный и усидчивый мальчик и интересовался всем, что делал и говорил отец. Он провожал своих младших братьев и сестру в школу и, когда приходил домой, помогал матери, полыл сорняки на огороде, стараясь в работе подражать Эбнеру. Джонни был способный мальчик, и никто не сомневался, что он далеко пойдет.

Со вторым сыном, Генри Фордом, было много хлопот. "Заводилу", как прозвали его мальчишки, не увлекали ни подметание крыльца, ни полка сорняков. Он не терпел насилия и даже не позволял старшему брату вести его за руку, когда они переходили улицу. Изгородь, по его мнению, существовала только для того, чтобы перелезть через нее, и он всегда оказывался не на

своей стороне и непременно что-нибудь вытворял со своей "бандой" — то окно разобьет бейсбольным мячом, то еще как-нибудь насолит соседям. Когда выговоры матери не помогали, призывался на помощь Эбнер, чтобы "всыпать ему", но и это не достигало цели, а только заставляло его таиться от родителей и скрывать от них свои проделки.

Дэйзи была милым и кротким ребенком, в восемь лет она уже умела работать по хозяйству и любила это занятие. Она была совершенно счастлива, играя на крыльце с тряпичной куклой и ласково беседуя с ней. Как-то она подобрала бездомного котенка, и с этих пор единственной заботой ее жизни было оберегать его от озорных мальчишек. Эбнер отгородил во дворе угол и завел несколько кур, и весной, когда вывелись цыплята, Дэйзи невозможно было вытащить оттуда.

Наблюдать за раскрытием детской души — увлекательное занятие. Все четверо детей учились легко, но они учились разным вещам. Джонни, это уж сейчас было ясно, станет механиком, как его отец; мечтой его жизни было получить позволение снять велосипедные колеса, прочистить и смазать подшипники и снова все собрать и поставить на место. А Томми, тот будет командовать людьми; несмотря на то, что он был самый младший, он всегда хотел всем указывать, и когда ему не подчинялись мальчики, он командовал девочками. Он был хорошеньким мальчуганом, пылким и восприимчивым, с обостренным чувством справедливости, что должно было доставить ему много неприятностей в жизни.

Время шло, Фордовская автомобильная компания продолжала процветать, а Эбнер Шатт продолжал получать по субботам свою заработную плату и раз в две недели — премию. Он вносил платежи за дом, кормил свою семью и даже немного откладывал, несмотря на то, что цены ползли вверх. В газетах писали, что это все из-за войны; европейские государства засылают в Америку своих агентов, и те закупают все, что попадется на глаза.

И вот в душе Эбнера стала оживать старая мечта. Его дом находился почти в трех милях от места работы, удобного трамвайного сообщения не было, и не очень-то приятно ехать на завод на велосипеде, когда идет дождь или снег, и потом работать в мокрой одежде. Многие рабочие обзавелись подержанными автомобилями и теперь с фасоном ездили на завод, а иногда выручали несколько центов, подвозя других. Семьи этих счастливых по воскресеньям выезжали за город; можно было навестить своих стариков или прокатиться в деревню и закупить овощей, фруктов и яиц по ценам ниже городских. Почему же семейству Шатт не доставить себе этих удовольствий?

В Хайленд-Парке была организована постоянная распродажа подержанных автомобилей, цена которых была почти стандартизована, как все, к чему Генри Форд имел хотя бы косвенное отношение. "Форды" не теряли своей ценности так быстро, как другие автомобили, потому что те, кто ездил на них, не слишком гонялись за модой. Генри заявил, и не раз повторял свое заявление, что бессмысленно менять модель ради удовольствия

менять ее и что фордовская модель Т останется фордовской моделью Т. И как он сказал, так и было. Но американцы все же хотели следовать моде, и фордовские агенты поддерживали их в этом. Поэтому вышло так, что появилась модель Т образца 1913 года, а потом модель Т образца 1914 года, и готовилась модель Т образца 1915 года. Тот, кто мог себе позволить роскошь следовать моде или считал это хорошей рекламой для своих коммерческих дел, спешил продать старую машину и приобрести новую.

На пустыре, где расположились торговцы подержанными автомобилями, Эбнер подыскал модель Т образца 1910 года, которая продавалась за триста двадцать пять долларов. Уж что-что, а фордовские автомобили были Эбнеру знакомы; вероятно, он собственными руками навинчивал гайки на колеса этой машины, и Эбнер осмотрел ее и пришел к убеждению, что, если время от времени чинить ее, он проедет на ней лет десять. За это время он сэкономит изрядную сумму, которая ушла бы на трамвайные билеты, и, кроме того, он не будет пачкать и рвать свои брюки.

Семейство Шатт не решилось на такой шаг, не посоветовавшись предварительно с симпатичным молодым человеком из "социального отдела". Молодой человек пришел, поговорил с Милли и признал, что их намерение весьма разумно; к тому же это любезность по отношению к хозяину — один из его автомобилей по-прежнему будет бегать по дорогам. Итак, Эбнер уплатил задаток в размере пятидесяти долларов и подписал соглашение, в котором обязался ежемесячно вносить по десять долларов и уплачивать два процента, что было вовсе не так мало, как казалось сначала. Если платежи не будут погашены в срок, автомобиль перейдет

в собственность прежнего владельца; но Эбнер Шатт твердо намеревался платить.

И вот Эбнер подкатил в своей королевской карете, и вся семья высыпала смотреть на нее. Это было бесспорно величайшим, событием в жизни Шаттов; их общественное положение в округе необычайно укрепилось. У одного из братьев Милли была своя машина, и Милли каталась в ней раза два; но никто из ее детей даже не садился ни в одно из этих созданий, над которыми трудился их отец и о которых он столько говорил все последние одиннадцать лет. Все четверо уместились на заднем сиденье и в полном восторге, с визгом вскакивали и снова усаживались на место. Эбнеру пришлось еще до ужина прокатить их по всему кварталу.

У них не было гаража, где бы можно было держать машину. Следовательно, надо строить его — еще работа, которую Эбнеру придется выполнить в свободное время с помощью старика отца, за восемнадцатилетнюю службу в ночных сторожах не забывшего, что он плотник. Еще расход, который нужно покрыть из премиальных. Нелегкое дело беречь деньги в этой свободной и расточительной стране!

26

Если бы Эбнер и Милли получше разбирались в экономике, они нисколько не тревожились бы о своих финансах. Пока государства Европы и Азии вели войну, спрос на транспортные средства должен был непрерывно увеличиваться и не предвиделось недостатка в работе для тех, кто содействовал переброске войск и боеприпасов на фронт. Мир будет покупать все машины, какие только сможет выпускать Фордовская

автомобильная компания; если Форд снизит на них цену, он сделает это по собственной глупости, без всякой к тому необходимости.

Генри Форд хорошо понимал положение вещей, и оно сильно тревожило его совесть, потому что он был искренним идеалистом и гордился тем, что создал "чистое" богатство путем производства полезных предметов, никого не грабя и не угнетая. Но теперь у него было такое ощущение, что его деньги запачканы кровью; то обстоятельство, что отдел продажи очищал их, прежде чем передать ему, не могло обмануть Генри. Никому никогда не удавалось обмануть его, и на этом этапе своей жизни и он себя не обманывал.

Он ненавидел войну, как нечто бессмысленное, противное разуму и омерзительное. Он стал уделять все меньше и меньше времени проектированию новых кузниц и прессов и все больше и больше писал, или за него писали, заявления, интервью и статьи, разоблачая войну и требуя ее прекращения. Прочие дельцы, которые считали, что нужно делать деньги, не важно каким способом, а важно — чтоб побольше, находили такую агитацию непатриотичной; тем более что многие из них деятельно старались вовлечь Америку в конфликт и единым махом приумножить свои капиталы. Джемс Казенс, вице-президент Фордовской автомобильной компании, одиннадцать лет назад вложивший в дело тысячу долларов, ушел в отставку, заявив, что "не желает участвовать в затее Генри Форда".

Но были и другие, кому нравилась эта затея, — пацифисты, реформаторы, все те, кто находил, что в мире что-то неладно, и старались найти этому причину и средство исцеления. У таких людей обычно денег мало, у

них нет ни времени подумать о них, ни умения грабить своих ближних. Но они всегда зорко следят за теми, у кого деньги есть и кого можно убедить использовать эти деньги на осуществление их идей.

С тех самых пор, как была провозглашена фордовская система участия рабочих в прибылях, Генри Форд стал магнитом для многих "чудаков" Америки; ежедневно они потоком устремлялись к его конторе и к его дому, а кроме того, почтальон приносил ему полные сумки писем. Генри не принимал посетителей и не читал писем, и секретари его не отвечали на них. Но теперь, когда он объявил себя пацифистом, многим из этих людей удавалось беседовать с ним, и разнесся слух, что Генри Форд попал в опасную компанию и что его используют интриганы и злонамеренные люди. Этим слухам охотно верили милитаристски настроенные лица, которые пытались заставить Америку тратить деньги на вооружение, а также высокопоставленные особы, считавшие идеалы и образ действий правящих классов Англии самыми благородными и прекрасными на земле.

Читая вечернюю газету, Эбнер начал понимать, что люди критикуют и высмеивают его великого и доброго хозяина. Сначала он был поражен, затем пришел в негодование. Другие могут колебаться в своей верности, но Эбнер Шатт — никогда. На его глазах вырастала гигантская промышленность, возникали новые предприятия, о назначении которых он имел лишь смутное представление; но он знал, что так было нужно, потому что мистер Форд и его штаб управляли ими. Мистер Форд создавал полезные и разумные вещи, а те, что ненавидели его и доносили, были мародерами и грабителями. Эбнер ненавидел войну, но на одну войну

он пошел бы с радостью, на войну Генри Форда против Уолл-стрит.

27

До войны в Венгрии жила одна дама по имени Розика Швиммер. Она выступала в защиту женских прав, охраны детей, мира и других благородных идей. Во время войны в Австро-Венгерской монархии не слишком приветливо относились к пацифистским агитаторам, поэтому Розика стала кочевать по нейтральным странам и в конце концов очутилась в Соединенных Штатах, где совместно с Джэн Адамс и другими разработала план организации "непрерывного посредничества".

Розика повидалась с Генри Фордом и снискала его расположение к этому плану. Она снискала также его расположение к Розике. Вот женщина, которая действительно знала, что такое мир и как добиться его. Она развернула перед его глазами ужасающую картину — ежедневно на фронте уничтожается двадцать тысяч молодых людей, а высокопоставленные особы смотрят на это холодным взором профессионалов, ничего не имея против того, чтобы война длилась бесконечно, на том основании, что их блок воюющих государств имеет больше населения и может дольше выдержать убыль "людской силы", чем его враги.

Генри всегда быстро принимал решения. Когда он хотел чего-нибудь, он этого добивался. По совету Розики он посетил президента Вильсона и убедился, что Вашингтон не имеет намерения предпринимать каких-либо шагов, которые могли бы вызвать недовольствие Британской империи. Раз так, Генри сам возьмется за дело. Розика предложила отправить

многочисленную делегацию американских пацифистов в нейтральные страны и выработать там программу "конференции нейтральных государств по непрерывному посредничеству между воюющими странами". Стоило только положить начало такому движению, и оно быстро стало расти.

Генри решил зафрахтовать пароход и пригласить пацифистов Соединенных Штатов сопровождать его в крестовом походе. Это было в ноябре 1915 года, и кто-то предложил лозунг: "К рождеству вытащить всех ребят из окопов". Генри это понравилось, и он принял лозунг. Если бы это был заказ на производство ста тысяч спидометров для фордовских автомобилей, то, рассчитав все необходимые операции, он пришел бы к выводу, что в такой срок этот заказ выполнить нельзя. Но здесь шел вопрос о спасении жизни двадцати тысяч ребят каждодневно, — итого, к рождеству около миллиона жизней, — и Генри торопился. Этот лозунг, говорил он, "не похвальба, а молитва".

Он вверил свое предприятие нескольким надежным лицам из своих подчиненных и зафрахтовал пароход "Оскар II". С помощью Розики и своих новых пацифистских друзей он составил список выдающихся деятелей, включая губернаторов сорока восьми штатов и государственного секретаря Вильяма Дженнингса Брайяна. Мистер Брайян отклонил предложение, а за ним и сорок семь губернаторов, но много других лиц вызвалось занять их места, и по доброте сердца Генри пригласил их. Он был новичком в вопросах перестройки мира и не знал, как много самых разнообразных людей шатается без дела.

Когда стало известно о предстоящем путешествии Генри, это явилось величайшей сенсацией после объявления войны. Самый скороспелый американский миллионер решил вести "корабль мира" с грузом пацифистских агитаторов по бурному Атлантическому океану, бросая вызов подводным лодкам. Тедди Рузвельт, который весьма сочувствовал войне, назвал этот поход "самым позорным явлением в Америке"; адвокат с Уолл-стрит, соперник Тедди в президентских выборах, обозвал теперь Генри Форда "шарлатаном и клоуном". "Безумие Форда", "пикник мира", "увеселительная прогулка", кричали газеты с Уолл-стрит. Генри сказал: "Борьба за прекращение войны слишком важное дело, чтобы обращать внимание на пустую болтовню писак-комедиантов".

28

Германские милитаристы искусно наладили военную машину, но они не проявляли той же проницательности в понимании психологии других наций, их дипломаты наделали грубых ошибок и восстановили против себя большую часть цивилизованного мира. Возможно, они были бы рады пойти на попятный и начать сызнова попозже. Но британские адмиралы, которые были вынуждены созерцать строительство вражеского флота у себя под носом, отнюдь не собирались кончать войну, не уничтожив этого флота. Такова была их цель, и они добивались ее при помощи могущества и престижа своей империи — не только ее пушек и золота, но и красноречия ее писателей, святости ее морального кодекса, благочестия ее церкви и самодовольства ее правящих классов.

Все эти силы имели влияние в Нью-Йорке; и они встречали поддержку американских сил. Уолл-стрит переживал бум, равного которому не знала история. Все, что могло быть использовано в мировой войне, поднималось в цене, и в Америке появилось семнадцать тысяч новых миллионеров. Старинная банкирская фирма Дж. П.Морган и Ко, помещавшаяся все там же, на углу Брод-стрит и Уолл-стрит, ведала миллиардами Антанты, следя за распределением их между жадными "военными бэби". Все банки Уолл-стрит были набиты деньгами, и крупные нью-йоркские газеты и журналы, клиенты этих банков, а иногда непосредственно контролируемые ими, ратовали за продолжение войны и уничтожение германского флота. Даны были распоряжения представить Генри Форда обезьяной, а его "корабль мира" обезьяньей клеткой, и эта работа была исполнена с мастерством, приобретенным длительным упражнением в цинизме и лжи.

Честный человек того времени, понимая непригодность Генри Форда для предпринятой им задачи, мог все же восхищаться проявленным им мужеством и альтруизмом. Честный человек мог верить, что Генри Форд ошибается и что лучше довести войну до конца и свергнуть кайзера. Но историки, оглядываясь на события с высот истекших лет, видя, как использовали дипломаты Антанты свои преимущества, видя, что представляют собой перевозносимые ими идеи правды и справедливости, какой они заключили мир и что из него получилось, — историки, возможно, спросят себя, а не проявил ли Генри Форд со своим "кораблем дураков" больше понимания, чем все правительственные канцелярии Европы и Британской империи?

Эбнер Шатт приходил после полудня домой, снимал башмаки, протягивал ноги к кухонной печке и читал о том, что делается в мире. Когда он прочел, что мистер Форд собирается прекратить войну, он не удивился; напротив, ему это показалось весьма правильным и разумным. Он давно решил, что его хозяин величайший человек в мире, и если теперь коронованные особы и правители Европы признают этот факт, тем лучше для них и для их несчастных народов. Мистер Форд покажет им, как и что нужно делать, и вскоре все рабочие будут получать пять долларов сорок восемь центов в день, как Эбнер.

Помощник мастера по завинчиванию гаек прочел описание проводов "корабля мира"; большой флаг с надписью "Мир во что бы то ни стало"; знаменитости, прибывшие, чтобы сесть на корабль или пожелать счастливого пути отплывающим; толпы людей и оркестры; крики, и песни, и речи. Мистер Форд прибыл в длинном коричневом пальто на меху, со своими друзьями, Брайяном и Эдисоном, провожающими его. Кто-то преподнес Генри охапку роз, и, стоя у перил, он бросал их в толпу, друзьям. На пристани оркестр играл: "Скажи ребятам, пора им возвращаться по домам".

Человек с актерской внешностью, в длинном широком пальто встал в позу на верхней палубе, объявил себя церемониймейстером и пролаял в рупор: "Вот человек, который изобрел для вас свет. Леди и джентльмены, провозгласим тоекратное ура в честь Томаса Альвы Эдисона. Гип, гип, ура! А теперь пусть

оркестр исполнит трогательную песню: "Не в солдаты я готовила сына".

Двое пилигримов-миротворцев решили повенчаться на борту, пригласив в свидетели Брайяна и Форда. На пароход явился человек, проповедующий новую философию религии, и поэт со свитком стихов, посвященных богине мира. Явились вегетарианцы, сторонники сухого закона и председатель лиги некурящих. Явился человек с белкой в клетке для мистера Брайяна. Когда пароход отчалил, кто-то бросился в море и поплыл за ним.

На "корабле мира" ехали люди, которым было что сказать миру. Тут был судья, потративший всю свою жизнь на создание первого детского суда; тут была первая в Соединенных Штатах женщина-сенатор и первый губернатор штата, поддержанный на выборах фермерами и рабочими. Тут была вдова промышленника, который завещал все свое состояние на введение "единого налога", и очаровательная молодая женщина, которая проехала по Пятой авеню на белой лошади во время первой демонстрации американских суфражисток. Тут был и священник-пацифист из Чикаго, чьи необъятные седые усы вызывали невольную усмешку; и тут же был человек, который взобрался однажды в Центральном парке на ящик из-под мыла и призывал безработных свергнуть правительство.

Сам мистер Форд заболел инфлюэнцей и принужден был лежать в своей каюте, что не очень-то приятно среди океана и среди зимы. Газеты сообщали о тайных совещаниях в его каюте и о том, как каждый старался склонить его на свою сторону. Но они умалчивали о том, как репортеры врывались в его каюту, требуя интервью

на том основании, что их-де и так "нагрели" на смерти Дж. П.Моргана-старшего и они не допустят, чтоб их "нагрели" еще и на смерти Генри Форда!

30

На пароходе в качестве гостей Генри находилось пятьдесят четыре корреспондента газет и журналов. Он верил в свободу мнений и в право людей знать о том, что происходит. Корреспондент лондонской "Дэйли мейл" тоже пожелал ехать в качестве гостя, а получив отказ, купил место в каюте второго класса. Когда добрый мистер Форд услышал об этом, он в простоте сердца пригласил сего джентльмена присоединиться к общей компании, не имея ни малейшего понятия, что это за человек и какого сорта газету он представляет.

Владелец лондонской "Дэйли мейл" разбогател так же молниеносно и сказочно, как сам Генри Форд; только вместо того, чтобы заниматься продажей доброкачественных машин, он торговал сенсациями и сплетнями. Он стал архимиллионером и влиятельной фигурой, а так как дело происходило в Англии, то из Альфреда Хармсуорта он превратился в лорда Нортклифа. Его агент, перехитрив сына мичиганского фермера, совершенно бесконтрольно передавал по радиотелеграфу "корабля мира" подробные отчеты о ссорах и драках между пацифистами и всевозможные смехотворные измышления о жизни на борту. Эти выдумки доходили до всех нейтральных стран; они широко распространялись прессой Америки, могущественнейшей из всех государств империи боеприпасов, и всему миру сообщалось, что Генри Форд — "пленник в собственной каюте, привязан к койке

настоятелем Марки и к нему приставлен вооруженный караул".

Президент Вильсон только что обратился к конгрессу с посланием, призывая значительно увеличить силы американской армии и военно-морского флота; и, конечно, это восхитило Уолл-стрит и в равной мере разозлило пацифистов. На заседаниях, происходивших на корабле весь день и почти всю ночь, друзья Розики Швиммер вынесли резолюцию против предложения Вильсона и объявили, что тот, кто не подпишет ее, будет высажен в ближайшем порту.

На пароходе было много американцев, с готовностью бросивших свои дела, чтобы пересечь бурный океан ради организации посредничества, но они вовсе не считали, что Америка должна оставаться слабой перед угрозой подводных лодок, и, во всяком случае, не желали, чтобы политика их отечества диктовалась дамой из Венгрии. Неистовые речи, произносившиеся по этому поводу, послужили благодатным материалом для падких на сенсацию журналистов и облегчили им задачу убедить своих читателей, что в "ковчеге мира" люди живут как кошки с собаками.

Когда корабль пристал в Христианин, Генри заперся в номере отеля, охраняемом секретарями и друзьями. Верный ему настоятель Марки, священник, возглавлявший "социальный отдел", не одобрял этой экспедиции, но присоединился к ней, желая помочь своему хозяину. Теперь он торопил его с возвращением домой, и каблогаммы жены Генри вторили его уговорам. Вскоре было объявлено, что ввиду болезненного состояния Генри уезжает с первым обратным пароходом

и назначает комиссию для руководства экспедицией и управляющего делами для оплаты счетов.

Опечаленные пацифисты продолжали свой путь и созывали митинги и делали все возможное, чтобы найти сочувствие в нейтральных странах. Но их забыли, всеобщее внимание было обращено на возвращающегося "автомобильного магната". Когда он прибыл в Нью-Йорк, он заявил, что стал еще большим пацифистом, чем когда-либо. Он начал печатать в двухстах пятидесяти газетах заметки на целую полосу, полные таких нападок на поставщиков оружия, что Лига пропаганды за усиление военного флота возбудила против него дело по обвинению в клевете.

31

Генри Форд снова был в Хайленд-Парке и руководил выпуском второго миллиона своих автомобилей. Эбнер Шатт, который не покидал Хайленд-Парка, по-прежнему присматривал за вверенной ему частью сборочного конвейера; постороннему глазу работа эта могла показаться несложной, но она доставляла Эбнеру много хлопот. Рабочих не хватало, и они вели себя все более и более независимо. Эбнер, помощник мастера, стоял на хозяйской точке зрения и задавался вопросом, как эти ленивые и беззаботные люди представляют себе возможность дальнейшего существования компании. Уж не думают ли они, что мистер Форд занялся своим делом только ради того, чтобы обеспечить их шелковыми рубашками и носками.

У Эбнера и дома хватало неприятностей. Отцу его было уже за шестьдесят; в "течение двадцати лет он спал днем, а потом уходил на работу и семь ночей в

неделю, с револьвером в кармане и электрическим фонарем в руке, мерил шагами коридоры Десмондовской автомобильной компании. Каждые несколько минут он останавливался, поворачивал ключ и нажимал кнопку, подтверждая тем самым, что он не присаживался, чтобы дать отдых своим старым усталым ногам. Но теперь ноги отказывались служить; старика Тома так скрючил ревматизм, что он слег в постель и только изредка поднимался и, охая, ковылял по комнате.

Том Шатт работал в Десмондовской компании лет двадцать пять, но его уволили, даже не поблагодарив, — всего лишь печатное извещение в конверте с пометкой. Кое-какие сбережения у него нашлись, но у него со старухой женой не было пристанища, и Эбнеру с Милли пришлось взять их к себе. Эбнер был почтительным сыном и не имел ничего против, но что касается Милли и детей, то тут пошли нелады. Мать от долгих лет тяжелого труда и болезней стала сварливой, а бабушка была ласковой и доброй, и теперь дети бежали к ней за всем, что им было нужно, а Милли ревновала. Детей нетрудно сманить, если их портить баловством, говорила она; но как бы там ни было, разделение авторитета в домашней жизни не годится. Второму сыну, Заводиле, было уже одиннадцать лет, и его необузданный характер начал проявляться, что сулило неприятности ему самому и его родителям. Когда Милли, выйдя из себя, стегала его ремнем, а бабушка заступалась и давала ему конфетку, Милли обращалась за помощью к Эбнеру и после сваливала на старуху всю вину за хлопоты, которые мальчик доставлял им.

Отец делал что мог для поддержания мира в семье. Осложнять жизнь излишней тревогой — неразумное занятие для рабочего человека, его существование и так

достаточно шатко и столько неприятностей каждый день, что не стоит занимать их у будущего. Такова женская природа, чтобы ссориться из-за пустяков, решил Эбнер, и такова природа мальчишек побесится, а потом утихомирится и примется за работу. Эбнеру снова повысили заработную плату, он получал теперь уже больше шести с половиной долларов, и это, по его мнению, был достаточный противовес для многих неприятностей. Он отдавал деньги жене, зная, как она крепко держит их; пусть, коли ей охота, брюзжит и бранится. Эбнер, на совесть потрудившись целый день, приходил домой усталым и мог спать в любую грозу.

Цены росли, росли и потребности семейства Шатт. Дети просили много такого, о чем ни Эбнер, ни Милли в дни своего детства и мечтать не смели! Все мальчишки настойчиво выражали желание иметь велосипед; Эбнер посоветовал им самим заработать деньги в свободное от занятий время. Им лучше живется, чем жилось ему, Эбнеру, потому что они могли ходить в школу, а дома их ждал обед. Он говорил им о тяжелых временах. Кто может сказать, когда снова наступят такие времена?

Единственной их роскошью был семейный "автобус". По воскресеньям и праздничным дням Эбнер возил семью за город к одному из своих братьев или к одной из сестер Милли. Годами он мечтал о том, как будет закупать у фермеров по дешевке продукты и в каждую поездку привозить домой полную машину; но, увы, так много людей обзавелось теперь автомобилями, что фермеры поумнели, они настроили палаток вдоль дороги и продавали продукты почти по городским ценам. Но всегда была надежда на удачную покупку.

Высокие трубы продолжали вырастать на заводе Хайленд-Парка и выбрасывать в небо клубы черного дыма. Генри Форд вырабатывал сталь, производил новые машины и возводил для них новые здания. Шестнадцать часов ежедневно он непрерывным потоком выпускал автомобили, по машине каждые двадцать пять секунд. Он приобретал земельные участки, простирая щупальца от одной промышленности к другой, чтобы взять в свои руки сырье и производство автомобильных частей: сталь, железная руда, уголь, стекло, резина, цемент, — для создания одного форда ему требовался целый мир.

Оба, и Генри и Эбнер, продолжали следить за новостями мира и истолковывать их, каждый согласно своему пониманию. Как это ни странно, взгляды их соприкасались, претерпевая одновременно одни и те же изменения. В начале 1916 года они оба были твердо убеждены, что война — это массовый психоз и единственно, что можно пожелать, это, чтобы Соединенные Штаты не ввязывались в нее. Но к началу 1917 года оба они уже щеголяли такими выражениями, как "свобода морей", "честь нации" и даже "война, чтобы покончить с войнами".

Злую шутку сыграла с ними обоими империя боеприпасов и ее банкиры. Прием был очень прост: продавая Антанте товары в большом количестве и снабжая ее большими деньгами, они создали условие, при котором поражение Антанты привело бы к упадку американской промышленности. Ни у кого не осталось бы долларов на покупку автомобиля. Генри пришлось бы

закреть свое предприятие, а Эбнеру и его семье помирать с голоду.

В американских газетах вопрос не ставился так резко; но их тон и содержание изменялись применительно к этому положению. В 1916 году Эбнер и Генри читали об ужасах войны, в 1917 году они читали уже об ужасах подводной войны. Они стали читать про величие французской цивилизации и идеалы гуманизма, в защиту которых всегда выступали британские правящие классы. Поэтому Эбнер Шатт вскоре начал говорить рабочим своего цеха: "Черт подери, гуннов надо приструнить!" А в феврале миролюбец Генри Форд развивал перед репортером "Нью-Йорк таймс" блестящую идею создания "одноместной подводной лодки", которую он образно называл "пилюлей на шесте", — шест прикреплен к носу лодки, а пилюля — это бомба.

Вдохновленная красноречием Вудро Вильсона, Америка ринулась, наконец, спасать мир для демократии. Эбнер Шатт удвоил бдительность, присматривая, как бы немецкие шпионы не нанесли вреда потоку автомобилей, которые теперь свободно поставлялись государствам Антанты, другими словами — обменивались на их обязательства, от которых они впоследствии откажутся. Вечерняя газета предупреждала Эбнера об опасности шпионажа и о том, как кайзеровы агенты замышляют вредить на американских заводах. Это зло называлось "саботажем", и Эбнер был готов отдать свою жизнь, чтобы предупредить его. Но, увы, в цехе по завинчиванию гаек такой возможности не представилось.

Генри тоже делал свое дело. Он по-прежнему выпускал автомобили, но пожертвовал увеличением производства ради изготовления военных грузовиков,

зарядных ящиков, санитарных автомобилей и полмиллиона цилиндров для "моторов свободы", как назывались двигатели самолетов. Он изготавливал стальные шлемы, слуховые аппараты и поставил опытное производство брони как для людей, так и для судов. Он выпустил пять тысяч тракторов, предназначенных к отправке в Англию на случай угрозы голода вследствие подводной блокады. Он купил большой земельный участок на Ривер-Руж, вблизи Детройта, и построил здание длиной в треть мили и добрых два квартала шириной, где начал массовое производство истребителей подводных лодок, названных "лодка-орел", длиной в две сотни футов, сплошь обшитых сталью. Туго приходилось здесь рабочим, а морякам, попавшим в эти мышеловки, рожденные фантазией фермерского сына, — и подавно.

33

В течение двух лет у Эбнера Шатта работы было по уши, и его заработная плата увеличилась до восьми с четвертью долларов в день, цифры, казалось бы, астрономической, но, по существу, не такой большой, потому что квалифицированные плотники и каменщики получали по восемнадцати долларов в день, и цены на все росли так же быстро, как и ставки. При таком положении вещей у семейства Шатт было одно реальное преимущество — платежи за дом оставались неизменными, и никакой домовладелец не мог повысить им квартирную плату, как это делали многие домовладельцы. Всякий раз, как Эбнер заходил в банк, чтобы внести очередной платеж, он ухмылялся про себя, потому что деньги были так дешевы.

Помощник мастера с важностью ездил на работу в своей машине и, когда погода была плохая, подвозил кого-нибудь из товарищей, и они платили ему по пяти центов за рейс. Это не устраивало трамвайные компании, и они провели в муниципальном совете постановление, прекратившее этот промысел, что послужило для Эбнера Шатта и его товарищей поводом заинтересоваться политикой. Другим поводом явилось то, что мистер Форд баллотировался от штата Мичиган в сенат Соединенных Штатов, в связи с чем разгорелась ожесточенная предвыборная кампания, и на время ее на фордовском предприятии в первый и последний раз было разрешено говорить о политике. Противником Форда был морской офицер, и предвыборная кампания, по существу, явилась попыткой Лиги пропаганды за усиление военного флота наказать еретика. Противная сторона собрала пять миллионов долларов и подкупила штат Мичиган; Генри также истратил на предвыборную кампанию пропасть денег, но он потратил еще больше, собирая свидетельские показания о расходах своего противника, и впоследствии имел удовольствие видеть, как тот сел на скамью подсудимых по обвинению в подкупе.

Благодаря усилиям Эбнера и Генри Америка выиграла войну; но что-то еще мешало сделать мир полностью безопасным для демократии. Вскоре возникла новая угроза, появилась неслыханная до сего времени порода людей, называемых большевиками. Много их появилось в Америке, и их боялись даже больше, чем немецких шпионов. В газетах Эбнеру советовали быть начеку, и он был готов пойти на все, но задача затруднялась тем обстоятельством, что большевиков изображали с косматыми черными бородами, а с таким украшением он видел только еврея-коробейника,

который как-то зашел к ним и уговаривал Милли купить у него кружева и чулки из вискозы.

В цехах, разумеется, были недовольные, но они бывали и раньше, и они выглядели как всегда, то есть утомленными от непосильного труда рабочими; трудно было представить, что теперь они находятся на содержании у Москвы. Люди были беспокойны, до предела взвинчены войной, а она закончилась с досадной внезапностью, они не успели даже совершить геройские подвиги, к которым готовились. Эбнер видел, как на перекрестках улиц какие-то люди выступали с речами перед толпами народа, он проезжал мимо в своем форде, никогда не задерживаясь, но время от времени читал в газетах о том, что полиция арестовывала таких людей и при этом происходили беспорядки.

34

Генри Форд, больше чем добросовестно поработав на войну, поехал в Калифорнию отдохнуть. Он снял скромный домик в городке Алтадена, где с женой и сыном Эдзелом, которому исполнилось уже двадцать пять лет, провел спокойную зиму.

По соседству с ними проживал писатель, он навестил их и нашел отца и сына в мастерской, устроенной в гараже, как на Бэгли-стрит в те времена, когда Эдзела еще не было на свете. В гараже они обнаружили старый карбюратор незнакомой для них конструкции; они очутились в положении Агасиза, воссоздающего скелет допотопного человека по обломку кости. Генри и Эдзел были крайне заинтригованы одним отверстием в карбюраторе, назначение которого не могли себе уяснить. Они показали находку писателю и

спросили его мнение, но тот оказался велосипедистом и не имел понятия о карбюраторе.

Писатель этот был идеалист вроде Генри, мечтающий о вечном мире и братстве народов. Он видел насилие в современном мире, ждал еще большего в будущем и искал способа избежать его и убедить людей объединиться ради создания изобилия и безопасности для всех. Он надеялся обратить Генри в свою веру, а поскольку Генри был худощав и длинноног, они часами бродили по холмам Сиерры Мадры, любясь видом снежных вершин и долин, зеленеющих апельсиновыми рощами, и обсуждая, каким способом можно привести в порядок карбюратор мира.

Генри Форду исполнилось уже пятьдесят пять лет; он был стройный, седовласый, с выразительными чертами лица и быстрыми нервными движениями; его длинные тонкие руки никогда не оставались в покое, всегда играли чем-нибудь. Он был добрым, не зазнавался, огромный успех не изменил его. Он не окончил даже начальной школы, и речь его была пересыпана народными выражениями Среднего Запада. Он не умел оперировать теориями и, когда сталкивался с такой необходимостью, прятался за факты, как кролик в свою нору. Тому, что он знал, он научился на опыте, и если ему суждено было еще чему-нибудь научиться, то это могло произойти только таким же путем.

Писатель спросил его, что он думает о системе прибылей, и Генри смутился. "Что это такое?" Этот вопрос в свою очередь поразил писателя. Величайший в Америке мастер по получению прибылей не знал о существовании системы прибылей! Мольеровский Журден, с изумлением узнающий, что он всю жизнь

говорил прозой! Когда Генри выслушал объяснение, он стал настаивать, что прибыль необходима. Кто ж тогда станет работать? Кому это нужно?

В умах людей, не привыкших к отвлеченному мышлению, могут бок о бок существовать всевозможные противоречия. Генри Форд только что настаивал, что никто не может, не будет и не должен работать без прибыли, а спустя несколько минут начал рассказывать о том, как в день разрыва дипломатических сношений с Германией он обедал в доме у морского министра с президентом и миссис Вильсон и заявил им о своем намерении предоставить в распоряжение правительства свое предприятие и запасы сырья и работать без всякой прибыли.

Когда писатель указал ему на его непоследовательность, Генри воскликнул: "Да, но тогда же была война!"

— Но, — сказал писатель, — почему же не служить обществу в мирное время? Почему бы с тем же рвением, с каким убивали людей, не попытаться кормить и одевать их?

Генри охотно допускал, что инженеры и изобретатели делают свою работу из любви к ней. Они не принадлежат к числу стяжателей. То же самое может быть верно в отношении поэтов и им подобных — Генри слишком мало знал их. Лично ему деньги были нужны только затем, чтобы создавать вещи. Если общество обеспечит ему возможность осуществлять большие начинания, он будет доволен. Но когда писатель заговорил о передаче автомобильной промышленности в руки народа и назначении Генри ее руководителем, промышленник явно забеспокоился. Нет, Генри не

желает, чтобы политики вмешивались в его дела. Он тут же стал приводить примеры взяточничества, невежества и кумовства: всего этого не существовало на фордовском предприятии.

Он указал на железные дороги. Они пришли в упадок за время войны, и правительству пришлось взять их в свои руки. Они требовали полной реконструкции. Генри беседовал с министром финансов, который вел это дело, и тот предложил ему представить свой проект и смету. Генри это сделал ценой некоторых издержек и хлопот, но все это оказалось ни к чему. Министр финансов держался за Уолл-стрит, он верил в банки Уолл-стрит и служил им и, следовательно, не мог служить общественным интересам.

— Вот в этом-то и все дело, — согласился писатель. — Именно частный интерес мешает политике и создает взяточничество, подкуп общественных деятелей.

Но такой скачок мысли был недоступен Генри Форду. Взяточничество, а также бездарность и пустая болтовня были, по его мнению, неотделимы от политики. Он утверждал, что на частных началах может наладить работу почтового ведомства лучше, чем это делает правительство. Он считал, что даже пожарная часть Алтадены не должна находиться в общественном владении. Пусть какой-нибудь знающий свое дело предприниматель займется тушением пожаров.

Писатель рассказал о том, как он шаг за шагом выбирался из этих проблем. Еще юношей, читая историю, он заметил, что монархия — чудесная вещь, когда попадается хороший король; неприятности начинаются лишь тогда, когда король попадается неважный и нет возможности сменить его. Поэтому-то королевское

предприятие в конце концов и обанкротилось; а предприятие промышленных королей трещит по всем швам потому, что слишком мало имеется Генри Фордов. Скромность слушателя не позволила ему согласиться с этим аргументом; но немного погодя он косвенно согласился, заявив, что на фордовских заводах нет профсоюзов лишь потому, что рабочие их не желают. Если бы они хотели, они могли бы иметь их.

Одним из самых строгих критиков Генри был Теодор Рузвельт; и Генри очень удивился; когда писатель сказал, что Генри сходится во взглядах с Рузвельтом. "Я с ним беседовал, мистер Форд, и принужден был отказаться от попыток убедить его в существовании экономической силы или социальной системы. Он видит только личности, плохие или хорошие. Он увидел злодеев обладателей огромных состояний, совершающих преступления на Уолл-стрит, и повел против них войну; но это была словесная война, потому что он не знал, что надо делать. Сейчас он сосредоточил свое внимание на зарубежных врагах и хочет помахать дубинкой в Европе [речь идет о Теодоре Рузвельте, президенте США в 1901–1909 гг.]; а это означает, что отныне он пойдет рука об руку с реакционерами. Смотрите, мистер Форд, как бы с вами не случилось того же".

35

В этом солнечном краю, благоухающем апельсиновым цветом, жил еще один американский промышленник, не столь богатый, как Генри Форд, но, пожалуй, не менее известный, ибо его портрет красовался на каждом конвертике с бритвенным лезвием, которые продавались в те дни. Он также мечтал о

братстве и мире. Он разработал детальный план, по которому хозяева Америки без разрушения и потерь могли перейти от частной анархии к общественному порядку. Он предлагал образовать гигантскую "народную корпорацию", которая использовала бы народные деньги на покупку акций всех действующих предприятий и стала бы управлять ими в интересах народа.

Король С.Жиллетт был уже стар, и такая задача была ему не под силу, но он мечтал найти какого-нибудь выдающегося промышленника, который смог бы ее выполнить. Он решил побеседовать с Генри Фордом, и они встретились в доме писателя и целых два часа просидели у камина, обмениваясь мыслями. Их встреча походила на столкновение двух бильярдных шаров; шары столкнулись, резко щелкнули и разлетелись в разные стороны, не изменив ни своей формы, ни цвета и не оставив друг на друге следа.

Генри Форд оставался сверхиндивидуалистом, который с удовольствием передал бы народные школы в частные руки. Он был уверен, что рано или поздно каждый постигнет мудрость его метода — производить самые лучшие товары и продавать их по самой низкой цене, что непременно приведет к изобилию и всеобщей безопасности. Никто не убедит его, что автомобиль, новое изобретение, получившее мировое распространение, является частным случаем в промышленности. То же самое он делает в стальной, цементной, резиновой, стекольной, в многочисленных отраслях производства, и он несомненно может сделать любую продукцию доступной массовому покупателю и платить каждому рабочему шесть-семь долларов в день.

Король С.Жиллетт, толстый, грузный мужчина, в точности соответствовал представлению карикатуриста о плутократе; но в этом тучном теле нежность женщины сочеталась с робостью ребенка. Он не переносил мысли о чужих страданиях и съеживался перед столкновением взглядов и злом мира. Он жил замкнувшись в себе, изучая развитие капитализма от первых его проявлений, через предсмертные судороги настоящего, вплоть до его неизбежного и ужасного крушения. В течение тридцати или сорока лет он записывал бесчисленные и разнообразные случаи непроизводительной затраты сил при капитализме; их было такое множество, что ему пришлось держать секретаршу, которая перепечатывала его заметки и точила ему карандаши, чтобы он мог продолжать свое занятие.

Король бритв потратил больше часа, раскрывая глаза автомобильному королю на безумие системы конкуренции; товары создаются вслепую, каждый промышленник изо всех сил старается скрыть от других промышленников то, что он делает, и ввести в заблуждение покупателя относительно истинной природы своей продукции. На каждый пример человеческих страданий, создаваемых этой системой, у автомобильного короля имелся ответ, который вскоре стал формулой: "Это воспитывает".

— Люди учатся на этом, мистер Жиллетт.

— Да, мистер Форд, но чему они учатся? Недостаточно сказать, что это "воспитывает". Воспитывать — значит учить, а прежде чем учить, надо решить, во что сам веришь.

— Люди сами разберутся, мистер Жиллетт.

— Но почему бы нам с вами не разобраться? Вы говорите, что мы учимся на своих ошибках. А чему, к примеру, научила нас мировая война?

После некоторого колебания Генри Форд решился сказать, что мировая война помогла людям осознать необходимость Лиги наций.

— Политической организации правительств? Но разве вы не понимаете, что поскольку правительства представляют экономические интересы групп, борющихся за сырье и рынки, то они неминуемо будут создавать блоки и проводить политику великих держав, то есть делать как раз то, что вовлекло нас в войну.

Генри не мог этого понять; а если и понимал, то не мог в этом сознаться даже себе. Что станет со всеми его планами — освоить новые земли, овладеть новой техникой, использовать новую водяную энергию, увеличить производство, улучшить качество продукции, — если он признает, что чем полнее он будет осуществлять свои планы при системе прибылей, тем быстрее он вызовет перепроизводство и выбросит миллионы рабочих на улицу?

Кто-то из руководителей журнала "Нью-Соот" завладел умом Генри, и его вера в систему прибылей окрасилась мистикой. Он прочел "Межзвездного скитальца" Джека Лондона и уверовал в идею перевоплощения. "Мы пребываем в предвечном", — объявил он. Жиллетт ничего не имел против, чтобы все жили в предвечном, но к чему припутывать эту туманную идею к проблеме производства и распределения материальных ценностей? В конце бесплодной беседы король бритв сказал автомобильному королю: "На вашем собственном предприятии, мистер Форд, царит порядок,

вы не терпите непроизводительных трат. Но вне его царит хаос и анархия, и вы защищаете этот мир и называете свою защиту "оптимизмом"!

36

Весной Генри вернулся в Детройт. У него было несколько дел, требующих его присутствия, среди них два важных судебных процесса.

В горестные дни 1916 года, когда, казалось, Соединенные Штаты вот-вот начнут войну с Мексикой, Генри Форд объявил своим рабочим, что тот из них, кто вступит в национальную гвардию, будет уволен с работы. "Чикаго трибюн" назвала его за это анархистом; Генри пришел в ярость и предъявил иск за клевету в миллион долларов.

В сущности говоря, Генри не совсем точно представлял себе, что такое анархист; не больше ясности было и в представлении "Чикаго трибюн" и ее читателей. Лучшим примером активного анархиста является Иисус Христос, но скажи кто-нибудь об этом читателям "Чикаго трибюн", они учинили бы над ним самосуд. Для них анархист был опасный и не подчиняющийся законам человек; им не надо было далеко ходить за примером, прекрасным образчиком такого анархиста был сам издатель "Чикаго трибюн", которая называла себя "крупнейшей газетой мира" и изо всех сил старалась быть самой зловредной и ненавистнической газетой Америки.

Суд состоялся в маленьком городке Маунт Клименс, штат Мичиган, и оказался таким же фарсом, как "корабль

мира". Свидетелями были конные стражники и прочие патриоты; толпы репортеров и в их лице весь мир.

Судебный процесс по обвинению в клевете сводится к детальному изучению жизни, моральных и умственных качеств человека, возбудившего иск, и поэтому бедному Генри пришлось пережить несколько тягостных месяцев. Одна из крупнейших сыскных организаций мира три года работала, выискивая каждую ошибку или нелепость, когда-либо совершенную или сказанную им, и вот теперь хитроумнейшие адвокаты, каких только можно было нанять, подвергали его перекрестному допросу и разоблачали его.

Они подобрали книги с длинными словами, намереваясь предложить Генри прочесть эти слова и сделать его посмешищем. Генри избежал этого самым простым приемом — он оставил дома очки. Люди могли подумать, что он не умеет читать, но Генри возразил на это: людям предоставляется полная свобода думать все, что им угодно. На самом деле он умел читать, но медленно, и не знал, как произносить длинные слова.

Он не знал еще многого; например, когда адвокаты спросили его о Бенедикте Арнольде, он ответил, что это писатель. В Америке и Англии покатывались со смеху; миллионы образованных умников получили возможность почувствовать свое превосходство над архимиллионером. Но средний американец, который покупал автомобили Генри и ездил на них, больше интересовался тем, как он поставил производство усовершенствованного стартера, чем запасом его знаний по американской истории и английской литературе. "Я в любую минуту могу найти человека, который мне про все расскажет", — сказал

Генри, и большинство его покупателей нашли этот ответ разумным.

Генри выиграл дело; то есть суд постановил, что он не анархист. Но они решили, что в миллионе долларов он не нуждается, поэтому присудили ему шесть центов. Генри вернулся домой, обогатив свой опыт; он не только узнал разницу между Бенедиктом Арнольдом и Арнольдом Беннетом, но он узнал бесполезность обвинения в клевете, и с тех пор газеты могли наговаривать на него что угодно, — он продолжал выпускать свои автомобили.

37

У Генри на руках было еще одно и более серьезное дело: предъявили иск "Братья Додж", те самые владельцы механической мастерской, которые приобрели акции Фордовской компании, поставив шестьсот пятьдесят моторов для первых фордовских автомобилей. Вскоре братья Додж начали производить собственные автомобили и теперь были хозяевами крупной фирмы. Они все еще владели фордовскими акциями; но какая от них польза, если Генри не платит дивидендов?

По этому вопросу у Генри была особая точка зрения. Он не признавал, что за пользование деньгами надо платить, и сам ни разу не занимал у банкиров. Он не признавал, что люди должны получать деньги, если они не заработали их полезным трудом; поэтому в течение шестнадцати лет он вкладывал всю прибыль компании в новые земли, здания, машины и другие орудия производства автомобилей. Для Генри это было хорошо, но для братьев Додж не так-то хорошо; им были нужны деньги на изготовление доджевских автомобилей, а

Генри использовал эти деньги на производство фордовских автомобилей!

Братья Додж добились судебного предписания, запрещающего Генри тратить деньги на расширение производства, пока он не выплатит дивиденды держателям его акций. Дело рассматривалось в суде, братья Додж его выиграли, и это чуть не разбило сердце Генри. Он пустил слух, что они с Эдзелом собираются основать новую компанию и выпускать новый автомобиль, стоимостью в двести пятьдесят долларов: это так напугало мелких держателей акций, что они распродали свои акции по цене много ниже рыночной. И все же они выручили в тысячу раз больше того, что когда-то вложили в предприятие. Тот самый Джем Казенс, который, будучи клерком угольной фирмы, вложил в Фордовскую компанию свои сбережения, заработал тридцать семь миллионов долларов и использовал их на то, чтобы получить пост сенатора Соединенных Штатов от штата Мичиган — тот самый пост, которого тщетно в свое время добивался Генри Форд. Поскольку Казенс был человеком неглупым и терпимым, из него вышел хороший сенатор, чего, возможно, не случилось бы с Генри.

Газеты давали подробную информацию об этих финансовых сделках, и Эбнер читал все эти сообщения вслух старику Тому. Они вспоминали тот день, когда Том вместе с Эбнером, который был еще мальчишкой, ходили смотреть, как мистер Форд испытывает свою детскую коляску перед мастерской на Бэгли-стрит. Они так гордились этим случаем, что всю жизнь рассказывали о нем всем своим знакомым. Если бы они только знали, какое будущее таилось в этой детской коляске с двигателем; почему они не прицепили свой фургон к

автомобилю Генри Форда! Они подсчитывали, сколько у них лежало в то время денег в сберегательной кассе; если бы они вложили их в акции Фордовской автомобильной компании, сколько бы теперь у них было!

Все, кто знал Генри в те давние времена, занимались такими же подсчетами. Ими занимались миллионы американцев по той лишь причине, что они жили в Детройте, или владели одним из фордов раннего выпуска, или выражали веру в будущее автомобиля. Все это было романтикой Америки, тем, что придавало жизни блеск, скрашивало скуку будничного мира. "Делать деньги" — это такая же лотерея, как и женитьба. Тот факт, что на чью-то долю выпадали крупные выигрыши, заставлял кровь быстрее обращаться в жилах. Миллионы мужчин и женщин читали историю фордовского богатства, доджевского богатства, казенсовского богатства, и это до такой степени взвинчивало их, что они готовы были войти в любую азартную игру. Поэтому продавцам дутых угольных акций, нефтяных акций и всевозможных рецептов быстрого обогащения удавалось из года в год извлекать из карманов американцев миллионы долларов.

Но от автомобильного короля об этом нельзя было услышать ни словечка. Такие разговоры можно было слышать только от короля бритв.

38

Джону Кроку Шатту, старшему сыну Эбнера, исполнилось пятнадцать лет; это был высокий, круглолицый парень, с ясными голубыми глазами, с вздернутым, как у матери, носом и непокорными космами. Он учился в средней школе и особенно

прилежно занимался изучением металлов и механики. И вот на его долю выпала частичка счастья, которая определила всю его дальнейшую судьбу.

За год до вступления Америки в войну Генри Форд открыл заводскую школу с целью помочь подросткам, вынужденным бросить учение, и сделать из них квалифицированных рабочих, в которых он постоянно нуждался. Это была школа, где занимались по методу Генри; ребята учились по книгам, но, кроме того, учились на практической работе в цехах фордовских заводов и получали тридцать пять центов в час, больше, чем они заработали бы, бросив школу и устроившись где-нибудь на производство.

Поступить в эту школу было мечтой жизни Джонни Шатта с того самого дня, как он услышал о ней. Он подал заявление, не забыв упомянуть, что его отец работает в Фордовской автомобильной компании с первого года ее существования. Его опросили, прочли его школьное свидетельство и приняли. Он был вне себя от радости; каждый день, возвращаясь домой, он рассказывал отцу и матери о всех чудесах, которые он видел и делал. Теперь он все узнает о производстве автомобиля, и великое предприятие Генри Форда станет его миром.

Итак, один сын был пристроен; но увы, на долю следующего не выпало такой удачи. Как жаль, что не Джонни назвали Генри Фордом, — это помогло бы ему в его карьере. Генри, второй сынишка, был "трудновоспитуемым ребенком", как выражаются преподаватели; он косил на один глаз, что придавало его лицу мрачное выражение, и, может быть, поэтому он не ладил с людьми. Как бы то ни было, он обманывал учителей и даже своих товарищей, и они не любили его.

Он удирает с уроков, а однажды, когда отец "всыпал" ему, он убежал из дому и не вернулся. Под давлением женской половины семьи Эбнер обратился в полицию, но полиция, по-видимому, не проявила достаточного усердия, во всяком случае, Генри не нашли; он вернулся домой, когда ему заблагорассудилось, и Эбнеру больше не позволили бить его, потому что Генри пригрозил, что исчезнет навсегда.

После этого он пропускал уроки в школе сколько хотел; он стал пропадать по ночам, и вскоре выяснилось, чем он занимается, — он был членом шайки, грабившей товарные вагоны. Полиция изловила его, и он очутился за решеткой; мать плакала навзрыд и не могла обнять его, потому что их разделяла железная сетка. Какой позор для его честных и работающих родителей, которые каждое воскресное утро водили детей в церковь с тех самых пор, как они научились ходить! По какой-то непостижимой для Эбнера и Милли причине церковь дала осечку в отношении одного из их мальчиков.

Эбнер отпросился на полдня с работы и, прихватив с собой пастора, преподобного Оргута, отправился в суд доказывать свою респектабельность. Они переговорили с судьей, и Генри Шатту дали испытательный срок; раз в месяц он должен был являться к судейскому чиновнику и отчитываться в том, что он делает. На время он присмирел и стал ходить в школу, но он уже не чувствовал себя своим ни в семье, ни среди прихожан своей церкви. На нем было клеймо малолетнего преступника; люди косились на него, а он отвечал тем, что издевался над их тупым благочестием; трудный паренек; но, как оказалось, и для таких есть дорога в жизни.

Генри Форд продолжал расширять свое предприятие. Теперь ему никто не мешал, он был хозяином в своем деле. Он, его жена да их сын были директорами Фордовской автомобильной компании, а единственными держателями акций. Они произвели основательную чистку, и тот, кто не разделял взглядов хозяина, вылетел из компании. Война пошла Генри на пользу, она научила его по-новому относиться к людям. Хватит крестовых походов, кораблей мира, хватит идти на поводу у идеалистов и попусту тратить время! Отныне он только предприниматель и крепко будет держать все в руках. Автомобильная промышленность принадлежит ему, он сам создал ее и требует от своих служащих и рабочих, чтобы они в точности исполняли его приказания.

Его манеры стали резче, речь грубее. "Благодарность? — говорил он. — В бизнесе не может быть благодарности. Люди работают ради денег". На этом основании он уволил с своего предприятия многих из самых преданных ему служащих, которые работали на него с самого начала. Иногда он даже не брал на себя труд предупредить их, они являлись утром на работу и находили свое место занятым. Случалось, он впадал в неудержимую ярость, и когда рассердивший его служащий возвращался на свое место, он находил свой стол изрубленным на куски топором. Жаловаться было некому, ибо стол принадлежал ему только на словах: как и все прочее, стол принадлежал Генри, и если Генри пожелал искромсать его или приказал кому другому это сделать, почему бы и нет?

Среди уволенных был и священник епископальной церкви, возглавлявший "социальный отдел". Настоятель Марки был мудрым советником все пять лет своей службы у Генри. Но за последнее время он несколько раз натыкался на несправедливость и попытался вмешаться; Генри сделал вид, будто ничего не знает о том, что было проведено по его личному приказу; он обещал все расследовать, но ничего не сделал; и вот настоятель Марки с прискорбием убедился, что эра идеализма миновала и что джентльмену-христианину больше не место в производственной машине Форда. Когда он покинул свой пост. Генри решил больше не вмешиваться в то, как его рабочие и служащие тратят свои деньги. В свое время его ругали за это, и теперь он сказал: прекрасно, пусть они живут, как хотят. Ему надоело видеть вокруг себя идеалистов и реформаторов, которые напоминали ему об этом этапе его карьеры.

Ему надоели также и обещания, которые он надавал в дни возвышенных увлечений и которые он теперь не собирался выполнять. Он сказал президенту Вильсону, что вернет правительству каждый доллар прибыли, полученной им с военных поставок; он опубликовал это заявление и сделал это с помпой. Он нажил на войне двадцать девять миллионов, и они пришлись ему по вкусу. Он любил также и славу и разрешил одному из своих биографов, другу своей жены, написать, что он вернул деньги правительству. Но министр финансов заявил, что поступление этих сумм нигде не заприходовано.

Война причинила разрушения на сотни миллиардов долларов, и согласно экономическим теориям Генри это богатство нужно было восстановить; следовательно, надо было ожидать большого бума. В первый год после перемирия сбыт фордовских автомобилей почти удвоился, и он почувствовал, что его теории оправдались. Но в середине 1920 года на Уолл-стрит разразилась паника, дела стали плохи, и даже сбыт фордовских автомобилей начал падать. Генри решил, что цены взвинчены спекуляцией, поэтому сбавил цену на свои автомобили с 525 долларов до 440, что было значительно ниже себестоимости: он мог себе это позволить, потому что у него были заготовлены все материалы.

Он выпускал сто тысяч автомобилей в месяц и не снижал выпуска. Но сбыт все сокращался, и в конце концов Генри понял, что ему приходится туго. Скупая акции у Доджа и Казенса, он и Эдзел подписали на семьдесят пять миллионов долларов векселей, — и подходил срок выплаты почти половины этой суммы, кроме того, надо было внести восемнадцать миллионов подоходного налога. Эти факты стали известны, и пошли слухи, что компания пытается получить кредит, но это ей не удается. Американская банковская система, и Генри не раз обращал на это внимание, — имеет ту особенность, что, когда предпринимателю нужны деньги, именно тогда он и не может их получить.

Заметки о Фордовской компании стали появляться в финансовых отделах газет, но эти отделы Эбнер не читал; затем они попали в хронику, где он увидел их.

Группа нью-йоркских банкиров поручила своим представителям выработать план финансирования Генри Форда, причем сущность этого плана сводилась к тому, что банкирам предоставлялось право назначить казначея и распоряжаться фондами. Уолл-стрит чуть было не прибрала к рукам крупнейшего независимого промышленника Соединенных Штатов, который не мог собрать наличными одной десятой стоимости своего имущества.

Эбнера это сообщение ошеломило. Он не мог сомневаться в его достоверности — разве не прочел он его собственными глазами? Он поговорил об этом с товарищами; кто помоложе говорил, ну и наплевать, найдется где-нибудь работа, где бы ни работать — один черт. Рабочие постарше сохранили привязанность к заводу, и они были опечалены, но ничего не могли поделать. Они продолжали изготавливать автомобили, раздумывая о том, закроется ли предприятие и скоро ли.

Генри Форд также прочел газетные сообщения, но он не дал сбить себя с толку и продолжал изготавливать автомобили, хотя все утверждали, что он сошел с ума. У него был свой план, и в свое время мир узнает о нем. У Форда были свои агенты по всей Америке, их было более семи тысяч; это было выгодное дело, и многие из них вложили в него все, что имели. Времена были тяжелые, но процветание непременно вернется, и Тогда они будут рады, что продержались.

В начале декабря Генри открыл свои карты. Во всех тридцати пяти сборочных заводах, которыми владела в различных частях Америки Фордовская автомобильная компания, скопился огромный запас автомобилей, и вот теперь Генри разослал письма своим агентам, сообщая,

что они должны немедленно взять эти автомобили, причем каждый — определенное количество, и заплатить наличными. В ответ — тысячами полетели протестующие телеграммы. Невозможно, заявляли агенты, это равносильно разорению. Но Генри был непреклонен; кто не возьмет своей доли, лишится агентства.

Генри не станет занимать у банкиров — о, нет! Он переложит это неприятное занятие на плечи своих агентов — мелкой сошки, пусть они отдуваются! Пусть они бегают, убеждают и умоляют местных банкиров, занимают у друзей, берут закладные под свои дома; так или иначе, они добудут наличные деньги и пришлют их Генри. Разве не Генри создал автомобиль и дело, которым живут его агенты? На что им фордовское агентство, если больше не будет фордов? Гони деньги и помалкивай!

41

Завалив рынок автомобилями, автомобильный король закрыл свое предприятие; прекрасный рождественский подарок для его рабочих! Для "реорганизации", как им сказали; слово длинное, и многие не совсем понимали, что это значит. Было объявлено, что реорганизация продлится всего несколько недель, но рабочие не знали, можно ли этому верить. Было объявлено, что они получают январскую премию первого января, но они и в этом не были уверены.

Настали тяжелые времена. Эбнер не раз рассказывал о них своим детям, и теперь он мог сказать: "Я же говорил вам". Он сберег немного денег, хотя это далось ему не легко, его ругали жадюгой и тому подобными словами. Теперь ему пришлось взять деньги

из сберегательной кассы, что для Эбнера и его жены было как нож в сердце. Он хотел отремонтировать дом, но испугался расходов, и остыл к этому делу. А вдруг они лишатся дома, который оплачен только наполовину!

Эбнер сидел дома, погруженный в мрачное раздумье, или шел потолковать с соседями, — все они были фордовские рабочие, и все сидели по домам и ждали. Снежная метель обеспечила их на время работой по очистке тротуаров; работа, непохожая на ту, которую они выполняли за конвейером, и им пришлось попынтеть. Эбнер с годами потолстел и считал это признаком здоровья, но он ошибался, — весь жир отложился на животе. Ноги его отяжелели, и вены расширились оттого, что ему пришлось слишком много стоять. Мастеру конвейера никогда не приходится сидеть; а многим рабочим стоять.

Он пытался поделиться своими опасениями с детьми, но из этого ничего не вышло. Они были юны и самоуверенны, не знали жизни. Хорошенькая Дейзи мечтала поступить в коммерческий колледж; она будет барышней, стенографисткой, у нее будет много шелковых чулок. Маленький Том — ему исполнилось одиннадцать лет — собирался править миром; он уже упражнялся в этом в школе, где вместе с товарищами развивал лихорадочную деятельность. Дети всегда куда-нибудь спешили, у них никогда не было времени для работы по дому или для разговоров с родителями.

Период ожидания затянулся на шесть недель. И вдруг, когда Эбнер почти потерял надежду, почтальон принес извещение явиться на работу. И вот он увидел, чем все это время был занят его хозяин: ликвидировал остатки военного производства, переоборудовал

предприятие, учитывая все до мелочей. Ни одного отдела, ни одного служащего, не имеющих непосредственного отношения к изготовлению автомобилей! Вон статистику, вон заботу о рабочих, хватит играть в бирюльки. Шестьдесят процентов телефонной сети было снято. Дамочки в шелковых чулках, работавшие в конторе, перешли на конвейер собирать магнето.

До реорганизации для изготовления одного автомобиля требовалось пятнадцать человеко-дней. Теперь обходились девятью. Генри публично заявил: "Это не означает, что шесть рабочих из пятнадцати потеряли работу. Они лишь перестали быть непроизводительным расходом". Если бы это было так, завод увеличил бы производство автомобилей на шестьдесят шесть процентов; но в действительности завод выпускал столько же, сколько до реорганизации, — четыре тысячи автомобилей в день. Накладные расходы с 146 долларов на каждый автомобиль снизились до 93 долларов, экономия в шестьдесят миллионов в год. В результате тысячи рабочих Детройта и окрестных городов заняли места в очереди за куском хлеба, а Генри продолжал печатать статьи в "Сатэрдэй ивнинг пост", доказывая, что механизация производства не вызывает безработицы.

До реорганизации Эбнер Шатт присматривал за работой пяти рабочих, теперь же один мастер присматривал за работой двадцати рабочих, и Эбнер очутился в числе этих двадцати. Его снова поставили на конвейер. "Мы не нянчимся со своими рабочими", — писал Генри, поэтому никто не извинился перед Эбнером за понижение по службе. "Люди работают ради денег", говорил хозяин, и Эбнер получал в день свой

шестидолларовый минимум и был благодарен, как голодная собака за брошенную кость.

Теперь шасси поступали к нему уже с навинченными гайками; обязанностью Эбнера было вставлять шплинты и разводить их. Следующий рабочий набирал лопаточкой коричневую мазь и заполнял ею выемку; едва успевал он разровнять смазку, шасси уже двигалась к его соседу, который навинчивал колпак. На этой работе ноги у Эбнера отдыхали, но невыносимо ныла спина, а руки, которые постоянно приходилось держать на весу, казалось, готовы были отвалиться. Но он трудился изо всех сил, ему было за сорок — опасный возраст для рабочего любого завода. "Мы требуем, чтобы рабочие делали то, что им сказано", — писал Генри.

42

В Дирборне, где находилось правление Генри Форда, выходила захудалая еженедельная газетка "Индепендент", имевшая семьсот подписчиков. Выручая кого-то из беды, Генри купил ее за тысячу двести долларов; и затем, так как он никогда не бросал денег на ветер, он назначил редактора и сказал ему, как поставить газету на ноги. Генри всегда носился с какими-нибудь идеями; он давал редактору "заметки", которые тот обрабатывал и печатал под заголовком "Страничка Генри Форда". Генри потребовал от своих агентов, чтобы каждый из них обеспечил подписку на определенное количество экземпляров, и таким образом тираж "Дирборн индепендент" увеличился до ста пятидесяти тысяч.

Писатель, с которым Генри встретился во время своего отдыха в Калифорнии, работал тогда над книгой,

обличающей продажность американской печати, и часто их беседы касались этой темы. По-видимому, только эта тема и произвела впечатление на Генри, — ему тоже пришлось кое-что пережить из-за газет; он согласился, что Америка нуждается в печатном органе, который защищал бы интересы народа и имел смелость говорить ему правду.

Генри обещал писателю восполнить этот пробел в американской жизни; он сделает "Дирборн индипендент" народным органом с тиражом в два-три миллиона экземпляров.

Газета оказала поддержку президенту Вильсону в его стремлениях к справедливому миру и созданию Лиги наций. Но постепенно Генри стало ясно, что его надежды не оправдываются. Мир, казалось, находился на грани хаоса. Было очевидно, что действует какая-то злая сила, вставляя палки в колеса хорошим капиталистам, таким, как он, которые хотят производить дешевые автомобили и платить высокие ставки рабочим, чтобы те могли покупать автомобили и ездить в них на работу, — изготавливать еще больше автомобилей. Тут что-то неладно; и Генри Форд стал ревностно искать, в чем причина.

Среди тех, кому удалось прорваться сквозь кордон фордовских секретарей, был один русский, по имени Борис Бразуль, исследователь злых сил, грозивших погубить Европу. Они уже одержали победу на родине Бразуля и захватили власть в Венгрии и того гляди захватят в Германии.

Большевики? Ну, разумеется; но кто стоит за большевиками? Этот вопрос казался Генри вполне уместным; как преуспевающий бизнесмен, он считал, что

за кулисами всякого события широкого масштаба всегда орудуют деньги. Так обстоит дело в политике, так оно было в первую мировую войну и, несомненно, так было с мировой революцией.

У бывшего деятеля черной сотни имелись документы, бережно подобранные, аккуратно отпечатанные и снабженные указателем — берите и пользуйтесь. Он готов доказать любому непредубежденному человеку, что причина всех бед кроется в заговоре евреев, эгоистической и злонамеренной расы, которая замышляет захватить власть над миром.

Подумайте, мистер Форд! Банкиры пытаются захватить ваше предприятие. Кто они? Евреи! Все международные банкиры евреи: Ротшильды, Самюэли и Бэринги, Белмонты, Барухи и Штраусы, Варбург, Куны и Лоебы и Каны и Шифы. Список магнатов военной промышленности, подготовивших первую мировую войну, целиком состоит из прихожан синагоги... Стоит ли удивляться тому, что евреи используют забастовки и революции, стремясь подчинить своей воле целые государства?

Смотрите, мистер Форд! Вот доказательства, которые имели бы силу в любом суде. Подлинники хранятся в надежном месте: точные слова самих заговорщиков. Протоколы сионских мудрецов. Генри прочел их и решил, что одного названия вполне достаточно. Протоколы! Кто может выдумать этакое? Что такое протокол?

Генри Форд начал печатать в своем "Дирборн индипендент" серию статей о "Международном еврействе". Он преподнес изумленной Америке Протоколы сионских мудрецов; он рассказал Америке все о "программе захвата мира евреями", "самой неприкрытой из известных программ подчинения мира". Тайная деятельность еврейского руководства направлена к уничтожению христианской цивилизации. Все зло мира, войны, забастовки, восстания, революции, преступления, пьянство, эпидемии, бедствия — все это дело рук организованных, злонамеренных бесстыдных евреев.

Газета твердила об этом полгода подряд. Она писала: "Все факты, сообщаемые нами, тщательно и всесторонне проверяются". Американскому народу, знавшему Генри Форда как честного и добропорядочного человека, предлагалось принять за истину каждое его слово.

Кое-кто из американских евреев протестовал и даже пытался отвечать на эти статьи. Поэтому Генри, который никогда ничего не делал наполовину, начал собирать факты об американских евреях и их деятельности. Он переправил большую часть своих шпионов из Дирборна в Нью-Йорк. Он опубликовал серию статей о "Деятельности евреев в Соединенных Штатах"; затем вторую серию, о "Влиянии евреев на американскую жизнь", и, наконец, о "Проявлении власти евреев в Соединенных Штатах". Он показал, как евреи, захватив театр и кино, развращают американские нравы; они делают это не потому, что получают доход, а с сознательной целью уничтожить американскую цивилизацию. Пьянство усиливалось, и не

потому, что евреи наживались на вине, а потому, что они хотели сподить Америку. Евреи захватили торговлю одеждой, и поэтому американские девушки носят короткие юбки. Евреи захватили музыку, и поэтому американский народ слушает джаз и танцует до одури. Проституция, повышение квартирной платы, бегство с ферм в перенаселенные города, распространение большевизма и теории эволюции — все это лишь части еврейского заговора против христианского мира.

Генри вел этот крестовый поход около трех лет. После того как статьи появились в газете, они были изданы в виде брошюр, в пяти выпусках, по двести пятьдесят страниц убористой печати, по двадцати пяти центов за экземпляр, — достижение массового производства. Сельская Америка и стопроцентные американцы провинциальных городов и крупных центров подписывались на "Дирборн индепендент" и покупали эти брошюры, изучали и цитировали их, словно священное писание.

Генри как-то сказал, что "история — вздор"; но, разумеется, он не имел в виду исторические документы вроде Протоколов сионских мудрецов. Или предание о Бенедикте Арнольде и его "еврейском помощнике", который был квартирмейстером американской армии и довел несчастного молодого офицера до гибели. Генри успел за это время навести справки о Бенедикте Арнольде и знал разницу между ним и Арнольдом Беннетом. Он также собрал сведения о большевиках и революции в России, и он рассказал ее историю американцам, и это тоже не было вздором:

"Все еврейские банкиры чувствуют себя в России спокойно. Расстреляны только банкиры нееврейского

происхождения и только их имущество конфисковано. Большевизм не уничтожил капитал, он лишь разграбил "христианский" капитал. Именно это и входит в замыслы еврейского социализма, анархизма или большевизма. Все банкиры, изображенные на карикатурах со знаком доллара в петлице, — это банкиры-христиане. Все капиталисты, которых публично клеймят на красных демонстрациях, капиталисты-христиане. Любая большая забастовка — железнодорожников, рабочих сталелитейной или угольной промышленности — направлена на подрыв христианской промышленности. Такова цель красного движения: чужеродного, еврейского и антихристианского".

44

Эбнер Шатт подписался на "Дирборн индепендент", — доллар пятьдесят центов в год, дешевле трех центов за экземпляр; это был первый и единственный печатный орган, на который он подписался, не считая еженедельной баптистской газеты. Он добросовестно прочитывал его от первой строчки до последней, и когда появилось объявление о выходе брошюр, он купил их, — это были первые книги, купленные им в жизни, семейная библия была свадебным подарком от родителей Милли. Сколь многое из того, что творилось в мире и казалось ему загадкой, теперь объяснялось! Он говорил об этом с товарищами и препирался с ними, когда они оспаривали очевидную истину.

Самому Эбнеру никогда не приходилось близко сталкиваться с евреями; но теперь он начал всматриваться в лица торговцев, у которых делал

покупки, учась распознавать еврейский тип. Из "Дирборн индепендент" он узнал еврейские фамилии и теперь, когда видел их на вывеске магазина, проходил мимо. В результате ему приходилось долго рыскать по Хайленд-Парку, прежде чем купить кепку или пару носков.

Он говорил на эту тему с детьми и предостерегал их от общений с этой зловредной расой. Случилось так, что фамилия парня, который руководил шайкой, грабившей товарные вагоны, была Леви, и это, разумеется, объясняло все. Эбнер почувствовал снисхождение к сыну, он поговорил с ним и узнал фамилии людей, которые в их городе жили шулерством, продажей виски и наркотиков. Тут были еврейские фамилии и нееврейские, но Эбнер запомнил только евреев.

Он взял также на заметку школьную учительницу, которая осмелилась сказать его сыну Томми, что нельзя целиком доверять сведениям мистера Форда о евреях. Фамилия этой молодой женщины была О'Туль, но это ничего не говорило, ведь недаром мистер Форд предупреждал Эбнера, что евреи часто меняют свои фамилии. Стоит покопаться, и, вероятно, обнаружится, что ее настоящая фамилия Отулинская, или еще какая-нибудь иностранная.

Эбнер собирал эту информацию не из праздного любопытства. Однажды вечером к нему в дом пришел человек, который нашел фамилию Шатт среди подписчиков на фордовскую газету. Этот человек представлял группу граждан, которые не довольствовались словами, но хотели действовать. Предатели и революционеры организованы; то же должны сделать американцы. Когда-то была создана

организация под названием "Ку-клукс-клан", содействовавшая подавлению восстания негров на Юге, — еще кусок истории, который не был вздором, — и теперь она возрождалась, чтобы громить евреев, католиков, красных и других чужеродных врагов. Она искала таких людей, как Эбнер Шатт, и Эбнер сказал, что он искал как раз такую организацию.

Он внес двадцать долларов, половину своего еженедельного заработка, и его привели в какой-то зал и одели в белый балахон с капюшоном и красным крестом на груди. Он прошел торжественный обряд посвящения и дал ужасающие клятвы, намереваясь в точности исполнять их. Ему сообщили пароли, дали фамилию и адрес его "орла" — начальника — и поручили собирать сведения о предателях, проживающих в Америке.

Когда он обнаруживал предателя, созывалось собрание членов Ку-клукс-клана, они заготавливали плакат с крестами и надписью красными буквами: "Берегись: Ку-клукс-клан идет" и прибивали его к дверям преступника. Время от времени, на страх всем предателям, сотни фигур в белых балахонах собирались ночью в поле, приносили с собой огромный крест, сделанный из воспламеняющегося материала, устанавливали его и сжигали пусть смотрит весь мир. Когда огни затухали, Эбнер уходил, уверенный в том, что протестантско-христианская цивилизация Америки в безопасности.

45

Генри продолжал раскапывать "грязь" то об одном еврее, то о другом и выставлять ее напоказ читателям, разумеется, только после "тщательной и всесторонней

проверки". Наконец он добрался до еврея, которого звали Вильям Фокс — кинопромышленника. Генри собрал обширный материал относительно предпринимательской деятельности Вильяма и морального качества его фильмов, но случилось так, что до Вильяма дошли слухи о произведенном Генри расследовании, и он направил к нему посланца с сообщением, что он тоже произвел расследование. Вильям располагал отделом кинохроники, которая два раза в неделю демонстрировалась во многих тысячах кино. И недавно ему стало известно, что большое количество фордовских автомобилей терпит аварию. Он отдал распоряжение сотням своих операторов, разъезжающих по всей Америке, собирать сведения об авариях фордовских машин и производить съемку обломков, подробно отмечая, сколько было убито, сколько осталось сирот, и так далее. Они приглашали экспертов, и те устанавливали, какой дефект машины вызвал аварию. Каждую неделю Вильям будет получать сотни кадров, отбирать лучшие и включать в очередную хронику.

Сообщение немедленно возымело свое действие. Генри ответил Вильяму, что он решил прекратить нападки на евреев.

Нападки прекратились; и Эбнер Шатт, постоянный подписчик "Дирборн индепендент", не читал больше статей о преступлениях евреев. Это его не беспокоило, потому что у него были фордовские брошюры, все пять выпусков, куда он время от времени мог заглядывать. Куклуксклановцы продолжали сжигать кресты, и им удалось угрозами выжить из района нескольких торговцев-евреев, которые продавали свой товар по слишком низкой цене, и нескольких мужчин,

подозреваемых в том, что они навещают некую женщину, не имея на то законного права.

Еврей, по фамилии Шапиро, предъявил Генри иск на пять миллионов долларов, обвиняя его в клевете. В течение нескольких лет Генри пускал в ход все юридические уловки, чтобы помешать слушанию дела; но, наконец, все усилия оказались тщетными; чтобы уладить дело, автомобильный магнат опубликовал в печати заявление, что до сей поры не имел времени прочесть напечатанное в "Дирборн индипендент". Недавно его друзья сообщили ему, что "обвинения и инсинуации" против евреев не соответствуют действительности; он впервые прочел "Дирборн индипендент" и был "глубоко огорчен, убедившись, что эта газета вместо того, чтобы быть созидательной, стала средством для воскрешения уже разоблаченных измышлений". Неправда, что евреи находятся в заговоре и стремятся господствовать над миром. Уже доказано, что Протоколы сионских мудрецов являются "грубой подделкой", и если бы только Генри знал их "сущность", он, "ни минуты не колеблясь, запретил бы их распространение". И дальше, бия себя в грудь:

"Я считаю своим долгом честного человека загладить эту вину перед евреями, моими ближними и собратями, испросив у них прощения за вред, неумышленно им нанесенный, и, насколько это в моей власти, беру обратно оскорбительные обвинения, брошенные по их адресу, твердо заверяю их в том, что отныне они встретят с моей стороны только проявление искренней доброжелательности".

Очень мило, что и говорить; но, к несчастью, еще до этого заявления Генри опубликовал свою автобиографию

под заглавием "Моя жизнь и деятельность", в которой, ведя повествование от первого лица, он безоговорочно поддерживал антисемитскую кампанию, подытожил и скрепил тягчайшие обвинения. В этой книге еврейское влияние характеризуется как "гнусный ориентализм, тлетворное влияние которого проникло во все формы общественного воздействия". В этой книге Генри призывал лучших из евреев "отказаться от изживших себя идей о сохранении расового превосходства, путем экономической или интеллектуальной разрушительной войны с христианским обществом". Говоря о себе в своей автобиографии, Генри заявил, что в своих антисемитских статьях он разоблачал "ложные идеи, которые подрывают нравственные силы народа". Он призывал американский народ "понять, что мы не претерпеваем естественное вырождение, а подвергаемся преднамеренному разрушению".

Может быть, Генри не знал, о чем он писал в своей автобиографии? Или он стал таким великим, что мог не заботиться о правде?

46

Тому Шатту, самому младшему в семье, исполнилось уже пятнадцать лет, и он собирался поступить в среднюю школу. Он был крепким парнем, — на его счастье, он рос в то время, когда семья ела досыта. Два передних зуба выступали у него так же, как и у отца, но у него были голубые глаза матери и волнистые волосы, которые нравились девушкам. Он начинал мыслить самостоятельно и был полон юного задора. Эбнера брала досада: почему Томми думает не так, как Эбнер? Томми не разделял семейного чувства благодарности к Генри

Форду, напротив, он утверждал, что Генри получил от своих рабочих больше, чем они от него. Он не только не питал уважения к ку-клукс-клану, но называл куклуксклановцев не иначе как бандитами. Эбнер пообещал "всыпать" ему, но Милли, хлебнув горя с Генри, которого пороли в детстве, заступилась за младшего сына; она обхватила его руками и заголосила.

Эбнеру пришлось держать язык за зубами и предоставить детям говорить, что им нравится. Потолковав об этом с приятелями, он решил, что во всем виноваты учителя; среди них завелись "красные", они-то и забивают детям головы "неамериканскими идеями". Надо что-то сделать и навести порядок в школе, говорили стопроцентные христиане-протестанты.

Ку-клукс-клан грозился по-прежнему, что он "идет", и в самом деле задумал совершить самый большой поход со времени своего существования дойти до Белого дома. Куклуксклановцы всей Америки, они же — фордовские покупатели, решили выставить Генри Форда своим кандидатом. Создан был "Дирборнский клуб борьбы за президентство Форда", который устраивал митинги и наводнял газеты пропагандой. Все члены клуба носили на шляпах ленты с надписью "Мы хотим Генри". Одну такую ленту бесплатно преподнесли Эбнеру, и ему даже не пришло в голову спросить, на чьи деньги она куплена. Он велел Милли пришить ленту к своей кепке и гордо носил ее — даже на работу.

Странная это была предвыборная кампания, потому что никто не знал, является ли кандидат демократом или республиканцем; кандидат помалкивал и, вероятно, сам не знал. Генри продолжал выпускать автомобили: полтора миллиона в год, подбираясь к двум миллионам.

Несмотря на то, что он регулярно снижал цену, он получал ежегодно сто миллионов долларов прибыли; он стал одним из самых богатых людей в мире.

Вскоре он выпустил десятиmillionный "форд" и отправился на нем в паломничество по Соединенным Штатам; превосходная реклама, ибо повсюду его встречали шествиями с оркестрами, и гордые владельцы самых древних фордов, к которым Эбнер прилаживал тугие сиденья и фонари от старых колясок, вытаскивали их из глубины сараев и вывозили приветствовать своего великого правнука. Когда этот правнук достиг Голливуда, он объехал все студии, и кинозвезды выходили приветствовать его и фотографировались, сидя за его рулем.

Сотни "клубов борьбы за президентство Форда" были созданы по всей Америке, и пробные баллотировки, проведенные газетами и журналами среди своих подписчиков, показали, что Генри намного обогнал других кандидатов, даже президента Гардинга. Огромные суммы затрачивались на агитацию за кандидатуру Форда, но кто-то ловко утаивал их источник. Генри, разумеется, ничего не терял, потому что не было лучшей рекламы для автомобиля, чем бюллетень всеобщих выборов. Уолл-стрит была так напугана возможностью его избрания, что один банкир даже застраховался на этот случай в четыреста тысяч долларов.

Президент Гардинг, провинциальный политик, окруженный ворами, умер, сраженный горем, и вице-президент занял его место. Этим самым для Генри и Ку-клукс-клана проблема президентских выборов решилась очень просто: у власти стоял теперь свой человек, белый, христианин, протестант, стопроцентный

вермонтский янки, бережливый, сдержанный, сильный государственный деятель, "Осторожный Кальвин". За ним пришли на его маленькую ферму в горах, где он родился, разбудили его до зари, заставили произнести клятву, потащили в Вашингтон и вверили ему государство, которому грозила опасность со стороны взяточников, спекулянтов, евреев, негров, католиков и большевиков.

Генри навестил Кальвина, и у них состоялось сугубо секретное совещание. Результат его не замедлил сказаться, Кальвин поддержал проект Генри откупить у государства гидроэлектрическую станцию Мосл Шоалс по очень низкой цене; взамен Генри снял свою кандидатуру. "Доверься Кулиджу" — под таким девизом автомобильный король и Ку-клукс-клан выступали за его переизбрание.

47

Снова настали счастливые времена. Американская промышленность, следуя фордовской политике массового производства и низких цен, давала возможность каждому иметь свою долю в общем благополучии. Газеты, государственные деятели, экономисты — все сходились на том, что американская изобретательность разрешила извечную проблему нищеты. Кризисов больше не будет. Настала эра "нового капитализма".

Спрос на автомобили Генри казался неистощимым. На его предприятии было занято свыше двухсот тысяч рабочих, он выплачивал в год четверть миллиарда заработной платы. Он поставил пятьдесят три различных производства, начиная — по алфавиту — с производства аэропланов и кончая производством электрической энергии. Он купил разрушенную железную дорогу и

сделал ее рентабельной; он купил каменноугольные копи и утроил добычу. Он совершенствовал новые процессы производства — даже дым, когда-то вылетающий из труб его заводов, шел теперь на изготовление автомобильных деталей.

Семейство Шатт было частицей его обширной империи, и они теперь тоже шли в гору. Пять дней в неделю, зимой и летом, в погоду и непогоду, форд Эбнера катил к заводу Хайленд-Парка; Эбнер уже сменил свою машину на новую, потому что цена на форды упала до 300 долларов, и каждый рабочий, имевший работу, мог приобрести автомобиль в рассрочку. У Джонни была своя собственная новенькая машина, и таким образом Шатты стали "семьей с двумя автомобилями" — признак высокого общественного положения, как говорилось в рекламах.

Джонни, всегда серьезный и трудолюбивый, окончил школу и начал работать сварщиком; работа требовала квалификации и приносила ему восемь долларов семьдесят пять центов в день. Не прошло и года, как его уже сделали помощником мастера и повысили ставку до девяти с половиной долларов. Вот что значит учиться!

Как это ни странно и вопреки всем ожиданиям, второй сын также устроился. У Генри Шатта не было никакого звания, и он не хвастал своей работой, разве только перед посвященными. Но у него водились деньги, "бумажки", "воробушки", "кругляки", как он их называл. Он носил шелковые рубашки и галстуки в тон, блестящие новые ботинки и старательно отутюженные брюки, и вид у него был непринужденный и самоуверенный. Иногда, вернувшись домой, он совал матери деньги и убеждал ее

побаловать себя чем-нибудь; давал деду доллар-другой на табак. Парень он был добрый.

Генри говорил, что он работает на самых важных людей Детройта, на таких, чьи фамилии заносятся в почетные "голубые книги" и чьи портреты появляются на столбцах светской хроники. Сейчас же после окончания войны американский народ решительно высказался за запрещение спиртных напитков, но эти люди позволяли себе пренебрегать неудобным законом. Напротив Детройта, на другом берегу узкой речонки, была свободная страна с хорошим запасом канадского виски, вест-индского рома и французских вин. Переправлять по ночам этот товар через реку было занятием прибыльным, а чтобы успеть до зари завезти его подальше от берега и припрятать в надежном месте, требовались ловкие парни, умеющие обращаться с грузовиком, а в случае чего и с автоматическим ружьем или обрезом.

Это сильно противоречило строгому учению баптистов о полном воздержании, и чем меньше Эбнер знал о делишках своего сына, тем было лучше для него. Работа Генри выполнялась в то время, когда Эбнер спал непробудным сном человека; умаявшегося за конвейером. Единственным членом семьи, знавшим о делах Генри, была его сестра Дэйзи, которая свято хранила его тайны, давала ему мудрые советы и старалась уберечь от беды. Положение было довольно двусмысленное, ибо Дэйзи была девушкой добродетельной и правоверной баптисткой; и все же она знала все тайны детройтского дна и не выдавала их.

Мерзкий мир, глаза бы на него не глядели, что вверху, что внизу — одна дрянь, говорил Генри Шатт. Полиция продажна, политика — продана с торгов, у кого

есть деньги, тот может купить что угодно и кого угодно. И Генри решил своего не упускать. Он хвастал своими успехами, но успехи эти были сомнительного свойства, и сестра больше жалела его, чем верила ему. Может быть, его косоглазие возбудило в нем чувство неполноценности и заставляло его всегда ждать противодействия? Как бы то ни было, Дэйзи любила своего ровного брата, выслушивала его рассказы и прятала их в сердце своем.

Дэйзи проработала некоторое время в магазине стандартных цен, скопила немного денег и теперь училась в коммерческом колледже, обучаясь всему, что необходимо знать секретарше. Для того чтобы постигнуть искусство быть изящной барышней — школы не понадобилось; она сама освоила применение шелковых чулок, губной помады, румян и завивки перманент. Природа наделила ее скоропреходящей прелестью и стремлением пользоваться ею, пока не ушло время. Взоры ее были обращены к высшим сферам, где в светлых и роскошных кабинетах стенографистки заводят знакомства с "белыми воротничками" и высокооплачиваемыми служащими. Американцы Шатты вовсе не собирались оставаться рабочими, они предпочитали свалить тяжелый и потогонный труд на тех, кого они называли "итальяшками" и "мадьяришками".

Томми, младший, учился в средней школе, и он тоже нашел путь, ведущий к вершинам жизни. Он был быстроног и быстроглаз и с успехом играл в футбольной команде за центрального нападающего. Он узнал, что кое-кто из окончивших его школу заинтересован в успехе команды и дает немного денег на покупку свитеров и

оплату дорожных расходов с тем, чтобы сыновья бедных родителей могли избирать спортивную карьеру.

Немного спустя явился "разведчик" из мичиганского университета, где таланты ценились еще выше. Действовать надо было осторожно, потому что ни в коем случае нельзя превращать футбол в профессию; но если Том Шатт желает перейти в Энн Арбор по окончании средней школы, неизвестные друзья позаботятся о том, чтобы у него была работа, которая обеспечит его и не будет отнимать больше трех-четырёх часов в неделю его драгоценного времени. Не раз, придя домой, после того как он восемь часов подряд загонял шплинты, Эбнер выслушивал сумасбродные разговоры сына о его намерении поступить в колледж; когда он узнал о сделанном Тому предложении, он убедился, что Америка действительно — страна возможностей.

48

Генри Форд уже приближался к своей цели — два миллиона автомобилей в год. Доставляя уголь с собственных копей в Западной Виргинии по собственной железной дороге, доставляя руду с собственных рудников в Мичигане на собственных пароходах, он являл миру промышленное чудо. С момента выгрузки руды с парохода на территории завода Ривер-Руж все процессы — превращение ее в сталь, обработка стали и изготовление из нее стотонным прессом автомобильных частей и превращение пяти тысяч частей в автомобиль, который съезжал с конвейера силой собственного двигателя, все эти процессы завершались меньше чем в полтора дня!

Около сорока пяти тысяч различных машин работали теперь, изготавливая фордовские автомобили, в шестидесяти предприятиях, разбросанных по Соединенным Штатам. Собственные пароходы Генри развозили отдельные части по сборочным заводам двадцати восьми зарубежных стран. Фордовская модель Т собиралась в Йокогаме и в Буэнос-Айресе, и ее части были взаимозаменяемы; где бы вы ни ехали на этой машине, — на перевалах Гималаев или в джунглях Чако, — всюду находился человек, умеющий обслужить и починить ее. Генри перестраивал дороги Америки, и в конце концов он перестроил бы дороги мира и выставил бы по сторонам их заправочные станции и ларьки с горячими сосисками американского образца.

Люди стали бы путешествовать, знакомиться и учиться понимать друг друга; они увидели бы все самое лучшее и пожелали его, и, наконец, — они стали бы мыслить разумно. Таков был план Генри, и временами ему казалось, что план осуществляется. Но годы шли, сомнения все сильнее одолевали его; оптимизм покидал его, и он становился мрачным и злым. Слишком многое в мире было не по вкусу Генри.

Он нанял надежного журналиста и опубликовал несколько книг, полных здравых советов и предписаний человечеству. Но этого оказалось недостаточно: то, что он назвал когда-то "гнусным ориентализмом", продолжало распространяться. Девушки продолжали носить короткие юбки, люди продолжали слушать джаз и танцевать под него; мало того, они начали критиковать фордовскую модель Т, говоря, что ей недостает изящества и красоты и что окраска ее страдает однообразием, поскольку все автомобили черные.

Как спасти Америку от всего этого зла? Генри посоветовался с женой, почтенной леди, которая вела дом по-старомодному и занималась благотворительностью согласно правилам епископальной церкви. Он посоветовался с Эдисоном и другими друзьями и решил, что Америку необходимо вернуть к прошлому; американцы должны научиться ценить то, что сделано их предками. Генри было уже за шестьдесят, и когда он оглядывался назад, на свои отроческие годы, ему казалось, что то было время мира и содружества, и его душа рвалась к минувшему.

Он приступил к созданию обширного музея старой Америки. Он скупал по всей стране памятники старины; он купил школу, куда Мэри ходила со своей овечкой, и деревенскую кузницу, воспетую Лонгфелло. Он восстанавливал в духе старины целые деревни, перевез множество зданий в Дирборн и наполнил их сокровищами: почтовыми каретами, крытыми фургонами и двуколками, допотопными паровозами и автомобилями, не забыв и первого форда. Каждую неделю он делал новое приобретение: столетний мост, лесопилка, английский коттедж четырнадцатого столетия, древнее похоронное обряжение, печка на трех ножках, восемнадцать колясок, хижина Карла П.Штейнмеца [Штейнмец Карл Протей (1865–1923) — американский ученый, математик и электрик]. Он скупал стулья Дэнкан Пфейфа [знаменитый столяр], прялки, кувшины и бокалы, подсвечники, керосиновые лампы, фамильные альбомы, кринолины — словом, все старье, хранившееся на чердаках, если оно было настолько старым, что могло называться "древностью". Стаскивай все с чердака, как есть, в пыли, и пиши Генри Форду, а он пришлет эксперта, и тот осмотрит, купит и отправит в Дирборн.

Генри Форд, как никто другой из ныне живущих, выкорчевывал и разрушал старую Америку; но он не стремился к этому, он думал, что люди могут пользоваться машинами и удобствами нового мира, сохраняя идеи старого. Он хотел вернуться к своему детству и побуждал миллионы других хотеть того же. Богатые леди и джентльмены разъезжали в своих дорогих лимузинах по отдаленным горам и дебрям, разыскивая старинные фермерские дома, в которых еще сохранились таганы, кухонные котелки, органы и древние этажерки. Они покупали эти драгоценности, забирали их с собой и водружали в своих по-современному обставленных домах рядом с ультрамодными стойками и самоохлаждающимися приборами для приготовления коктейлей.

Казалось бы, это приятное и безобидное занятие для стареющего великого человека; безопасная игрушка, которой он, впадая в детство, может спокойно забавляться. Но даже тут его преследовали неприятности. Никуда не скроешься от неприятностей.

Какой-то весьма оборотистый делец уговорил Генри купить белый коттедж "отчий дом Стивена К.Фостера", автора "Вниз по Соуони-Ривер" и других американских популярных песен. Когда сделка состоялась и началась рекламная шумиха, явились племянница и племянник композитора и сообщили, что он вовсе не родился в этом коттедже; автомобильный король оказался вовлеченным в настоящую войну. Он был упрямейшим из людей и не хотел допустить, что совершил ошибку; он самолично посетил престарелую дочь композитора, уже совершенно выжившую из ума. Фордовские агенты потратили несколько недель на уговоры, просьбы и обещания, прежде чем они добились от нее письменного показания,

которое явно противоречило заявлению, опубликованному ею, когда она еще была в здравом уме.

Война захватила и придворных автомобильного короля. Каждый старался оттереть другого. Они плели интриги, подделывали интервью, пытались даже пристроить своего инспектора в местную нотариальную контору. Но улик становилось все больше, и Генри, оповестившему по радио, что он приобрел "не копию, а подлинный белый коттедж, в котором родился Стивен К.Фостер", пришлось внести изменение в свой каталог и описать покупку № 35 просто как "Дом Стивена Фостера". Дальше этого он пойти не мог — хотя в действительности ни Фостер, ни кто-либо из членов его семьи никогда не жил в этом доме, и даже пришлось заделать большое слуховое окно, чтобы придать ему сходство с настоящим фостерским домом, который давно уже пошел на слом.

49

Осуществляя свой крестовый поход против новой Америки, Генри объявил войну возмутительным новым танцам, которым представители международного еврейства и большевики научили американский народ на его погибель. Генри любил скромную и веселую кадрили, которую танцевали фермеры, когда он был еще мальчишкой.

В Новой Англии он разыскал специалиста по старинным танцам, насаждавшего это почти забытое искусство, привез его в Дирборн и включил его фамилию в ведомость заработной платы, и немного погодя появились танцклассы по изучению "шотландского

танца", "лансье", "котильона" и тому подобных танцев, в которых участвуют шесть пар.

Генри разыскал также старых скрипачей и устроил состязание между ними. Они играли "Индюка в соломе", "Ирландца у заставы", "Каменистую страну", "Старикашку Зипа", "Пару долларов в кармане"; они учили школьников этим старинным мелодиям. На рождестве 1925 года в главном зале большой новой лаборатории в Дирборне, предназначенном для испытания новых моделей, сдвинули машины, накрыли их холстом, натерли пол, и пятьдесят пар, среди них Генри с женой, протанцевали виргинский танец. Из штата Мэйн привезли дедушку Мелли Дэнхэма, маститого исполнителя старинной плясовой музыки, и вот, пряча беззубый рот в седую бороду, он пиликал "Леди Вашингтон", "Трубку рыбака", "Арканзасского путника", а инженеры, администраторы и друзья Генри "выкамаривали ногами", к удовольствию многочисленных зрителей.

Генри охотно беседовал с репортерами и высказывал свои соображения по этому серьезному вопросу. Старинные танцы способствуют дружеским отношениям, говорил он. "Нельзя танцевать эти танцы, не соприкасаясь по меньшей мере с семью человеческими существами. Вы беретесь за руки, вы чувствуете человеческое прикосновение, добрососедство, почти утраченное вами. Америка, весь мир нуждаются во взаимном понимании, в веселом общении". Генри заявил, что так же, как в свое время он выпустил в свет книгу об управлении автомобилем и уходе за ним, так теперь он выпустит книгу о танцах, всеобъемлющую и авторитетную; старинные танцы будут

стандартизованы, их фигуры будут так же взаимозаменяемы, как и части модели Т.

Эбнер, Милли и их баптистские друзья в молодости танцевали, потому что любили танцевать. Но с тех пор прошло много времени, они состарились и устали, а молодежь предпочитала современные танцы. Но вот Генри сказал им, что танцевать виргинский танец и лансье — это акт патриотизма, и они решили потрянуть стариной. Баптистское "Женское общество" сняло помещение, пригласило старенького скрипача, и Эбнер с Милли, впервые со дня их свадьбы, отправились на вечер с танцами. Как Давид плясал что было мочи перед господом, так теперь протестантская Америка заходила ходуном перед ковчегом ее старинных традиций.

Но Эбнер и Милли пришли на танцы всего один раз, почему-то старинные танцы не оказывали на них своего волшебного действия. Здоровье Милли совсем пошатнулось, что же касается Эбнера, то судьба сыграла с ним скверную шутку. Как раз в то время, когда его великий хозяин повелел ему танцевать, подручные хозяина так его прижали, что по дороге домой он едва сидел за рулем своего форда.

Дела семейства Шатт шли так хорошо, что ее глава стал, пожалуй, слишком самоуверенным. Червь точил его мозг — червь воспоминания о тех давно прошедших днях, когда он лично беседовал с Генри Фордом. Тот летний вечер в 1893 году, когда он вместе с отцом пришел к сараю на Бэгли-стрит; то утро в 1904 году, когда он сам обратился к могущественному хозяину и получил у него работу; беседа с ним в следующем году, когда он говорил о навинчивании гаек и, очень возможно, подал ему мысль о сборочном конвейере! И

столь много суливший 1914 год, когда агент "социального отдела", по непосредственным указаниям Генри Форда, приходил к нему и давал советы его семье. Можно ли упрекать Эбнера за то, что он считал себя заслуживающим несколько большего внимания, чем другие рабочие на конвейере?

Уже двадцать два года Эбнер работал на Генри; и сколько раз за это время читал он в фордовской газете, а также в цитируемых выдержках из статей "Сатэрдэй ивнинг пост", что безупречная и верная служба на заводах Форда никогда не остается без награды! Когда-то он был помощником мастера и доказал, что может справиться с этой работой. Что же удивительного, что он мечтал когда-нибудь снова занять это положение?

Более того, в одном из своих интервью Генри сказал, что он не признает в промышленности чинов и званий. Любой из его рабочих может в любое время обратиться к нему или к любому из начальников. У Эбнера не было теперь возможности пойти к Генри, многие рабочие на конвейере никогда не видели своего могущественного хозяина и не поверили бы своим глазам, если бы он вдруг прошел по цеху. Но Эбнер знал начальника своего сборочного конвейера и как-то после работы подошел к нему и, запинаясь, в нескольких словах изложил ему свое дело.

Увы, Эбнер нарушил одно из строжайших правил военной дисциплины, которой подчиняются современные армии производства. Он навлек на себя ярость помощника мастера, который решил, что Эбнер метит на его место, — а Эбнер даже и не думал об этом, он рассчитывал на место какого-нибудь другого помощника мастера. После этого помощник мастера стал

"подсиживать" его; он не мог придраться к тому, как Эбнер разводил шплинты, но он мог ходить за ним с секундомером и давать ему нагоняй, если Эбнер задерживался на десять секунд сверх положенных трех минут в уборной, или по истечении пятнадцати минут, отведенных на завтрак, наскоро запихивал в рот последний кусок сэндвича.

Это было свыше человеческих сил; и однажды Эбнер не выдержал и надерзил, и ему велели отправиться в контору за расчетом. И вот, после двадцати двух лет безупречной и верной службы, его лишают звания и заработка, и кто же — ничтожество, выскочка, работающий в компании каких-нибудь два-три года, которому за всю его жизнь Генри даже не кивнул ни разу. Когда Эбнер в страхе и возмущении упомянул о том, что лично знает мистера Форда, помощник мастера расхохотался ему в лицо и сказал, чтобы он шел жаловаться прямо в дом Генри на Ривер-Руж!

50

Эбнеру оставалось только обратиться за помощью к сыну, и тот уговорил кого-то из инструментального цеха подыскать старику работу. Свободное место нашлось только у штамповочных станков; и вот Эбнер снова работал стоя, он заправлял стальные пластинки, все одинаковые, — с точностью до одной десятитысячной дюйма, — по размеру и форме, в станки, которые выбивали на них пазы; Эбнер переходил от станка к станку и, когда управлялся с последним, спешил к первому под окрик мастера: "Шевелись, Шатт, не давай станкам простаивать!"

Эбнер много лет не работал стоя, ноги у него ослабли и живот обвис. По ночам у него так ныли икры, что он с трудом засыпал. Он думал, что не выдержит; но надо было держаться, ведь это его заработок, его единственное спасение. Ему было уже сорок восемь лет, и он работал у хозяина, который хвалился своей заботой о старых рабочих; если и были в Америке крупные магнаты, которые хвалились тем же, то Эбнер о них не слышал, и если уж он у Форда заслужит репутацию кисля и брюзги, то из каких денег погасит он платежи по новому автомобилю?

Страшная система, известная под названием потогонной, была приведена в действие. Каждого рабочего заставляли работать до изнеможения, отдавать все свои силы до последней капли. Генри Форд, конечно, отрицал это; он так вкрадчиво, так убедительно писал о цели научного метода работы точно-установить, что может дать каждый рабочий без особого напряжения, и соответственно нагрузить его. Это была ложь, ложь! Рабочие Генри готовы были кричать от ярости, когда читали эти его статьи. Они приступали к работе усталые, а когда кончалась смена, лица у них были серые и они шатались от усталости, от них оставалась одна оболочка, из которой весь сок был выжат до последней капли.

Так было всюду, не только у Форда, а во всей этой потогонной промышленности. Быстрее и быстрее, пока сердца рабочих не закипали злобой. Между всеми автомобильными предприятиями была непрерывная бешеная конкуренция; каждый цех конкурировал с другими цехами и сам с собой, с собственными рекордами в прошлом, с новыми "нормами", установленными инженерами, которые наблюдали за

процессами производства, проектировали новые машины и технические усовершенствования.

Знал ли Генри Форд об условиях труда на своих заводах? Эбнер Шатт, его верный поклонник, был уверен, что не знает. Ведь Эбнер читал в газетах о том, что делает автомобильный король. Он путешествовал по Европе, осматривал свою обширную империю и разъяснял тамошним людям, как надо американизироваться. Он ездил в штат Джорджия, где на пятнадцати тысячах акров производил опыты с золотарником, из которого он рассчитывал получить каучук. Он ездил на свою огромную ферму в Мичигане, где он выращивал соевые бобы, и наблюдал, как лаборанты делают из них рулевые колеса. Он писал книгу о танцах и собирал древности для музея. Он изучал тысячи птиц, для которых оборудовал помещение с кондиционированным воздухом. Он ездил куда угодно и делал что угодно, — только не следил за сборочными конвейерами своего гигантского завода с двумястами тысячами рабов, превращенных в детали машин — возьми, вставь, поверни, опрокинь, — возьми, вставь, поверни, опрокинь, — возьми вставь поверни опрокинь, возьми-вставь-поверни-опрокинь, — если бы рабочий задумался над этим, он сошел бы с ума.

Эбнер Шатт — старая заводская кляча, восемь часов подряд терпеливо переступающая разбитыми ногами в приводе, ни на секунду не осмеливаясь поднять глаза за исключением тех точно отсчитанных пятнадцати минут, когда появляется "птомаиновый фургон" [птомаины — яды, образующиеся в несвежих продуктах] и отпускает пятнадцатипентовые завтраки тем, кто ничего не принес из дому. Эбнер делал свое дело и держал язык за зубами; он помнил прописные истины об усердии и

верной службе и возмущался тем, что ежедневно слышал в цехе — злобные насмешки рабочих над кумиром всей его жизни, произносимые, разумеется, шепотом из-за шпиков и осведомителей "служебного отдела".

Но одного Эбнер не мог делать, даже ради своего доброго босса, — это танцевать старинные кадрили, возвратившись домой с работы.

51

Восемнадцать лет Генри выпускал фордовскую модель Т. Вначале ему пришлось драться за нее со всем миром, теперь война началась снова. Агенты по продаже говорили, что модель устарела; публика требовала новых моделей, новых фасонов, новой окраски, — а Генри в ответ на это ежегодно выпускал два миллиона экземпляров модели Т любого цвета, при условии, что этот цвет — черный. Фордовский "родстер" с поднятым верхом смахивал на старый дамский капор. "Седан" был черным квадратным ящиком. Двухместную машину прозвали "курятником". Все эти машины двигаются и будут двигаться еще добрых двадцать лет, и это-то и нужно американцам, говорил Генри Форд.

Но соперники Генри думали иначе; они думали, что американцы хотят идти в ногу со своими соседями, а то и обогнать их. Они считали, что современный мир требует изящества, шика, фасона, блеска, "перца", "гвоздя", — уже одно разнообразие этих слов указывало на то, какое множество людей раздумывало над этим. Покупатель требует скорости, так почему же не придать автомобилю форму, вызывающую представление о скорости? Что же касается цвета, берите пример с людей: мужчины носят яркие шелковые рубашки и полосатые свитеры и

галстуки и носки под цвет; женщины, не довольствуясь пестротой нарядов, красят губы и ногти на руках и ногах.

На нью-йоркской автомобильной выставке маклеры ударились в поэзию, рекламируя свои изделия. "Мотылек выпорхнул из куколки!" — восклицал один. "Бесшумный полет его стремительного бега", — говорилось в рекламах Рео. Джордан предлагал "блистательное купе цвета золотистой охры". Бьюик похвалялся "спортивным серым родстером, обитым серой змеиной кожей". Додж побил рекорд "новым двухместным автомобилем ярко-кремового цвета с синим верхом и красной отделкой".

Именно это Генри и называл "гнусным ориентализмом"; и он прилагал все усилия, чтобы предохранить от него свое благопристойное предприятие. Он выпустил пятнадцатимиллионный черный "дамский капор" и послал его в триумфальный пробег по Америке. Он выкидывал тех служащих, которые предлагали изменить модель. Год за годом он выкидывал их всякий раз, как они осмеливались противиться его воле.

Но была одна инстанция, еще более могущественная, чем Генри, потребитель автомобилей. Мало-помалу шевроле и плимуты лезли в гору, а форды сползали под гору, и Генри пришлось сократить производство и уволить десятки тысяч рабочих. Упрямейший из знаменитых людей Америки по-прежнему настаивал, что модель его автомобиля никогда, никогда не будет изменена; но весной следующего года он понял, что его карта бита и что пора подумать о новом форде.

Прощай еще одна вежа Америки! На "жестяных Лиззи" ездили по всем дорогам мира, их бегало по

меньшей мере десять миллионов; теперь их число будет постепенно уменьшаться, и придет день, когда они станут такой же редкостью, как ветераны Гражданской войны. Генри рассчитал, что за девятнадцать лет своего существования "жестяные Лиззи" принесли семь миллиардов долларов тем, кто делал и обслуживал их; а пользу, принесенную ими, кто подсчитает?

52

Перед автомобильным королем встала гигантская задача. Большинство из его сорока пяти тысяч станков изготавливали одну какую-нибудь деталь; их приходилось либо переделывать, либо выбрасывать. Для каждой автомобильной части нужно было изготовить новый штамп; а частей было больше пяти тысяч. Предприятие пришлось закрыть, сохранив только завод в Хайленд-Парке, где изготавливались запасные части для старых автомобилей. Генри собирался поставить совершенно новое производство на заводе Ривер-Руж, расширив его площадь на полтора миллиона футов.

Среди сотни тысяч уволенных рабочих трудно было даже заметить скромного специалиста по завинчиванию гаек. Несколько месяцев Эбнер пробавлялся случайной работой, но денег не хватало, и пришлось тронуть сбережения. К счастью, сын его, Джон, не был уволен, он работал по реконструкции станков; ему опять удалось замолвить словечко за старика отца. Эбнера взяли в уборщики на самую низкооплачиваемую должность, и он носился по цехам, подметая мусор за рабочими. И то ладно, он получал шестидолларовый минимум, и его семья снова была в безопасности.

Он видел, какая огромная работа идет вокруг, и слышал о том, что это еще не все. Он видел, как электрические краны хватали огромные машины и опускали на грузовики, а те отвозили их на заводы для реконструкции или в Ривер-Руж для установки. Часть оборудования грузилась на суда — целый тракторный завод перебрасывали в Ирландию. На Ривер-Руж были установлены транспортеры, общей длиной в двадцать семь миль для подачи материалов и доставки готовых частей на главный сборочный конвейер. Были изготовлены новые станки еще невиданной мощности. На старом заводе штамповка рам производилась двухсоттысячефунтовым прессом; пресс, изготовленный для нового завода, был в два с половиной раза больше.

Прошло пять месяцев, прежде чем закончилась вся эта работа; а между тем автомобильный мир ломал голову над величайшей тайной своего века. Каков будет новый форд? Как его назовут, сколько в нем будет лошадиных сил, сколько он будет стоить? Генри и верхушка его служащих знали, но хранили молчание. Эбнер знал только то, что сообщалось в газетах, а там каждую неделю сообщалось что-нибудь другое. Новый автомобиль-де готов и прошел испытания — но скрытый под кузовом старой модели Т, так, чтобы никто ничего не знал. Сам Генри, сидя за рулем, проехался на новой машине, но только за высоким забором. Это сверхмощная машина, и фоторепортеры пытались заснять ее сверхмощными аппаратами.

Тайна сохранялась до последней минуты. Новые автомобили уже были в производстве; образцы, зашитые в холщовые мешки, были отправлены в демонстрационные помещения. Поступило четыреста тысяч предварительных заказов — покупали поросенка в

мешке. Пять дней подряд, после того как новый автомобиль был пущен в продажу, Фордовская автомобильная компания печатала огромные рекламы в пяти тысячах газет по всей Америке. Генри сообщал, что новая модель А имеет стандартную шестереночную передачу и тормоз на каждом колесе; а также, что новый автомобиль "элегантного фасона" и "слегка европеизирован в смысле отделки кузова и его формы". Где ты, старая Америка!

В Нью-Йорке агенты Форда во фраках продемонстрировали новый автомобиль перед фешенебельной публикой, собравшейся в отеле Уолдорф. На следующий день четверть миллиона покупателей штурмовали двери семидесяти шести посреднических контор; уличное движение застопорилось, и, чтобы удовлетворить любопытство публики, пришлось на неделю снять помещение Мэдисон Сквер-Гарден. Публика узнала, что можно приобрести автомобиль любой расцветки при условии, что он будет цвета "выжженной аравийской пустыни со светло-песочной окантовкой", или цвета "вороненой стали с серебристой окантовкой", или цвета "голубых вод Ниагарского водопада с серебристой окантовкой", или цвета "утренней зари" и опять же с серебристой окантовкой.

"Гнусный ориентализм" победил; новая модель имела такой успех, что в первые полгода Генри пришлось выпустить миллион автомобилей.

53

Эбнер Шатт снова был на хорошо знакомой ему работе — завинчивал гайки. Теперь он завинчивал гайки

на модной машине и чувствовал, что его общественное положение окрепло. Правда, давалось это не даром; он работал на Ривер-Руж, и ему ежедневно приходилось проезжать немалый путь: и денег стоит, и не так уж приятно зимой.

Дети его продолжали подниматься по общественной лестнице. Джон Крок Шатт перешел с еженедельных получек на месячный оклад. Он познакомился с дочерью мастера своего отдела и обручился с ней; молодая чета собиралась купить дом в таком фешенебельном районе, что родителям Джона стыдно будет подъезжать к нему в своем стареньком форде.

Дэйзи также была на пути к осуществлению своих заветных желаний. Она получила место в конторе предприятия, которое изготовляло подушки для фордовских автомобилей. Она зарабатывала двадцать три с половиной доллара в неделю, изучила свою работу и, следуя прописной морали, блюла интересы нанимателя, как свои. Каждый вечер она приходила домой с ворохом сплетен о том, что делается в этом небольшом подсобном предприятии; вскоре ее родители уже знали фамилии, внешность, заработки всего штата начальников и служащих, которые вели отчетность и руководили изготовлением подушек.

Не то было с Генри Шаттом. Он тоже преуспевал, но Эбнер и Милли мало что знали об этом. Однако произошло событие, о котором заговорили газеты: Генри попал в перестрелку, и его посадили в тюрьму по обвинению в убийстве. Дэйзи объяснила родителям, что Генри не виноват; он не преступник, а герой, который защищал собственность своего хозяина от шайки бандитов. То обстоятельство, что "собственностью" была

машина, груженная спиртными напитками, едва ли обрадовало благочестивых прихожан преподобного Оргута.

На этот раз Эбнер и его пастор были бессильны помочь ему. Но у Генри были теперь могущественные друзья; они наняли ловкого адвоката, а когда начался судебный процесс, нашлись свидетели, которые показали, что во время перестрелки Генри играл с ними на биллиарде, и его оправдали. На время он исчез из города и пропадал до тех пор, пока не прихлопнули главаря бандитской шайки. Тогда он появился снова, веселый, как всегда, и у старика Тома опять завелись карманные деньги, и Дэйзи знала все тайны контрабандистов, которые правили Детройтом.

Томми продолжал делать карьеру футболиста, отличаясь в школьной команде; он закончил сезон в блеске славы, забив гол через все поле. Такой внезапный успех может вскружить голову, но у Томми, по-видимому, хватало выдержки, да и пример Джона и Дэйзи, преуспевающих на настоящей работе, действовал на него отрезвляюще. Это был красивый парень с темными волосами, нежным цветом лица, усыпанного веснушками. Родители Томми считали его "хорошим мальчиком", не поддающимся соблазнам спортивной жизни; но он не избавился от привычки относиться ко всему критически, привитой ему его "красными" учителями. Замечания, которые он отпускал по адресу феодального властителя Дирборна, казались его почтительным родителям кощунством.

Но настроение Томми разделяли многие и не только в школах. "Красные" издавали свои газеты, на предприятии завелись смутьяны и насмешники, их

становилось все больше и больше. Куклуксклановцы ступали, и даже туповатому Эбнеру стало ясно, что им не удалось сделать всех американцев "патриотами". С Америкой творилось что-то неладное; но, поскольку Генри перестал издавать "Дирборн индипендент", Эбнер не имел больше возможности узнать, в чем тут дело.

54

Царствование Осторожного Кальвина пришло к своему достойному концу, и уже был новый президент, по прозванию "Великий инженер". Все магнаты промышленности, в том числе и Генри Форд, поддерживали его, и Эбнер прочел в газете их мнение о нем и уверовал, что он именно тот самый человек, который должен стоять во главе Америки — страны великого бизнеса. "Новый капитализм" расцветал, как подсолнечник, и деньгами сорили направо и налево. Автомобильный король в одном из своих многочисленных интервью сказал, что в наши дни молодые люди должны богатеть, не сберегая деньги, а расходуя их. "Два автомобиля в каждом гараже и две курицы в каждом горшке", — поддакнул Герберт Гувер.

Семейство Шатт было из тех, к кому Генри и Герберт относились с одобрением. Это была уже "семья с тремя автомобилями", поскольку Заводила приобрел быстроходную машину, в которой он разъезжал с револьвером в кармане, улаживая всевозможные затруднения своего босса. Шатты вот-вот должны были стать "семьей с четырьмя автомобилями", так как Томми считал, что центру нападения как-то не к лицу ездить в школу на велосипеде.

Но в первый год царствования "Великого инженера" на небе вдруг появилось облачко. Небольшое, разумеется, и оно не обеспокоило малосведущего Эбнера; он даже обрадовался ему, наученный своим хозяином остерегаться Уолл-стрит и "международных банкиров" — в большинстве своем евреев. Когда Эбнер прочел в вечерней газете о панике на бирже и о том, как миллиардные ценности в несколько часов превратились в ничто, он сказал: "Так им и надо. Не своим трудом эти молодчики заработали деньги!"

Может быть, так оно и было, но это не меняло того факта, что именно эти молодчики тратили деньги, а теперь тратить стало нечего. Этими молодчиками были не только спекулянты с Уолл-стрит, но и мелкие городские лавочники; даже чистильщики сапог, продавцы содовой и фермеры звонили по телефону в местные филиалы маклерских контор и играли на повышении. Биржевая лихорадка охватила всю Америку, и это было неизбежным следствием тех теорий о вечном и общедоступном благополучии, которые проповедовали газеты. Нажива тут под рукой, и если это такое верное дело, то почему маленьким людям не получить своей доли? Зачем оставлять все Уолл-стрит?

Так рассуждали маленькие люди, и вот теперь они остались на мели. Не на что было купить новый форд, о котором они мечтали, если же автомобиль уже был куплен, нечем было погашать платежи. Это печальное открытие, сделанное миллионами людей от Бэнгора до Сан-Диего, явилось новым экономическим фактором, который далеко не сразу был обнаружен и понят крупными дельцами, их экономистами и редакторами их газет.

Первая паника продолжалась несколько дней; затем она кончилась, и наступило полное тревоги затишье. Президент Гувер пригласил на совещание самых крупных предпринимателей, чтобы обсудить необходимые меры, и эти почтенные лекари собрались и порешили, что Америка должна иметь доверие, и они велели Америке иметь его. Генри Форд участвовал в совещании, и когда оно закончилось, он всем показал пример: сообщил журналистам, что Фордовская автомобильная компания так уверена в будущем Америки, что повышает на своих заводах минимум заработной платы до семи долларов в день.

Широкий жест, которым Генри снова заслужил громкие аплодисменты, уже не раз использованные им для увеличения сбыта своих автомобилей. Нашлось, правда, несколько нытиков, которые заявили, что, с тех пор как шестнадцать лет назад Генри установил пятидолларовый минимум заработной платы, стоимость жизни в районе Детройта почти удвоилась и, следовательно, новая, семидолларовая заработная плата гораздо ниже старой. Кроме того, Генри ни словом не обмолвился, сколько рабочих будет получать новую заработную плату; ничто не мешало ему уволнять рабочих, к чему он немедленно и приступил. До своего заявления Генри выплачивал шестидолларовый минимум двумстам тысячам рабочих; сразу после него он стал выплачивать семидолларовый минимум ста сорока пяти тысячам рабочих. Умножьте и вычтите, и вы увидите сами, как Генри содействовал повышению покупательной способности американских рабочих!

Джон Крок Шатт теперь был специалистом по сварке сопротивлением в огромном инструментальном цехе завода Ривер-Руж. Это был новый и совершенно изумительный способ, который превращал различные автомобильные части в сплошные куски стали. Джон весь был погружен в процесс сварки и в рабочие часы ни о чем другом не думал; в свободное время он любил поговорить о своей работе или почитать в технических журналах о стали. Каждый день изготавливались новые сорта, и чем больше будешь знать, тем выше будет жалованье.

Джон был круглолицый, румяный, всем довольный, он так и сиял от благополучия. Он был женат на элегантной молодой леди, которая окончила среднюю школу, где принадлежала к тайному обществу, что оградило ее от контакта с нежелательными соученицами. Молодые супруги приобрели дом в районе, доступном только избранным, и это избавило их от общения с людьми, которым не по средствам заплатить за свое жилище восемь тысяч долларов. Джон и Аннабел ежемесячно выплачивали семьдесят пять долларов плюс проценты; "вилла" была нарядная, но построена на скорую руку, и в будущем ее владельцев ожидали солидные счета за ремонт. Но они не тревожились, ибо были уверены, что, пока люди ездят в автомобилях, специальность Джона себя оправдывает.

Молодые супруги были воспитаны при системе промышленного феодализма. Джон и Аннабел сочли бы за оскорбление, если бы кто-нибудь сказал им об этом; но в действительности их ум был отштампован для

восприятия нескольких идей с такой же точностью и неумолимостью, как стальные детали, которые миллионами выпускались фордовскими заводами. Существовала особая иерархия, в основу которой был положен доход. Аннабел общалась с женами людей своего ранга, заботливо избегала тех, кто стоял ниже, и открыто и настойчиво искала доступа к тем, кто был рангом выше. Ниже ее были рабы промышленности, полчища наемников; над нею — высокое начальство, а на вершине — хозяева, неисповедимые, богоподобные, о ком постоянно говорили, подбирая крохи сплетен и радуясь им, как сокровищам.

"Фордовская империя" была не метафора, а факт, не издевка, а социологическое определение. Генри значил больше, чем любой феодальный владыка, потому что он обладал не только силой кошелька, но и силой печати и радио; для своих вассалов он был вездесущ, он был владыкой не только их хлеба и масла, но и их мыслей и идеалов. Джона обучили делать сталь для Генри, а также восхищаться им и почитать его. Чем больше Джон это делал, тем больше он преуспевал, а чем больше он преуспевал, тем больше он восхищался своим хозяином и почитал его. С точки зрения Джона и Аннабел, это был высоконравственный круг.

Так же обстояло дело и с остальными членами семейства Шатт, пробивавшими себе путь в мире, который существовал для автомобильных и финансовых королей Детройта и по их милости. Эбнер и Милли были самыми презренными из рабов, на стене у них висели портреты их владыки, вырезанные из воскресных приложений, выполняя то же назначение, что и православные иконы. Они испытывали блаженство от сознания, что их старший сын завоевывает положение на

службе у Генри и что за их Дэйзи ухаживает подающий надежды молодой бухгалтер из конторы Генри. Они надеялись, что юношеское бунтарство Томми пройдет и что он также станет приверженцем Генри; все, что было плохого, они относили за счет его порочных подчиненных, злоупотреблявших доверием великого и доброго господина, который был строг, но справедлив, милостив, но мудр.

Впрочем, верно и то, что служишь ли ты хозяину, или бунтуешь против него, все равно он распоряжается твоей жизнью. Это относилось и к Генри Форду Шатту, который был как бы вне закона, некий Робин Гуд, скрывающийся в Шервудском лесу. Генри, совращенный с пути истинного, глумился над всеми великими мира сего и утверждал, что все они жулики и взяточники почище его. Но даже и так, разве не пускался он в опасный путь для того, чтобы они могли приготовить коктейли для своих попоек? Разве не рисковал он много раз своей жизнью, защищая их собственность? Генри Форд не пил и не угощал вином в своем доме; но большинство его высших служащих делали и то и другое, да и сам Генри нуждался в кое-каких услугах, которые мог оказать Генри Шатт. И ему суждено было порадовать отцовское сердце, встав под знамя автомобильного короля.

56

На бирже снова произошла паника; затем еще и еще — через длинные и короткие промежутки. Деловая жизнь Америки замерла. Затем она стала чахнуть и, наконец, скончалась. Сбыт падал, торговые агенты аннулировали заказы; страх пополз от розничных торговцев к

оптовикам, затем к транспортным конторам и промышленникам, затем к первоисточникам сырья и энергии. Прибыли иссякали, и акции падали. "У рынка провалилось дно", говорили маклеры, увольняли своих служащих, закрывали конторы и шли на пристань Ист-Ривер и бросались в воду или подымались в лифте на крыши зданий, в которых помещались их конторы, и летели через перила вниз головой.

От первого краха и до кульминационного пункта кризиса прошло три с половиной года — почти все царствование "Великого инженера". Кризис отравил жизнь бедняги Герберта, потому что он не видел за собой вины и все же принужден был принимать упреки. Все, что он мог придумать, это заставить конгресс утвердить огромные субсидии его друзьям и благодетелям, крупным банкам и трестам, которые дали денег на предвыборную кампанию. Предполагалось, что эти субсидии просочатся к потребителю и будут содействовать оживлению торговли. Но случилось так, что деньги застряли в банках; банки не могли открывать кредит, если не рассчитывали на прибыль, а как мог предприниматель гарантировать прибыль, когда не было никого, кто бы мог тратить деньги? Это был конец эры процветания.

Американец, текущий счет которого шел на убыль, естественно, первым долгом сэкономил на том, что оставался при старом автомобиле и не покупал нового. Поэтому первый удар пришелся по автомобильной промышленности. В год с небольшим только в одном Детройте 175 тысяч рабочих очутились без работы. Город оказывал помощь сорока тысячам остро

нуждающихся семейств, и дефицит его достиг 46 миллионов долларов.

Естественно, автомобильным промышленникам пришлось сократить излишки, хранимые в банках, а простые люди были вынуждены изымать вклады, чтобы дотянуть до конца недели. И вот как-то Эбнер Шатт, выйдя из ворот завода, купил у знакомого газетчика вечернюю газету и увидел заголовок, сообщавший о затруднениях одного банка, а этот банк был именно тот, в котором он хранил свои сбережения. Дрожа от страха, он кинулся к своему потрепанному "форду", к одной из многих моделей Т, выстроившихся в отведенном для них месте. Он помчался к банку, но, разумеется, часы приема уже кончились, и ему не оставалось ничего другого, как стоять перед закрытой дверью и расспрашивать других вкладчиков, не менее его напуганных и несведущих.

Крах банка! Эбнер всегда уповал на это солидное учреждение с внушительными колоннами и бронзовыми перилами так же, как он уповал на Генри Форда, на правительство Соединенных Штатов и своего бога, которому он вверил свое вечное будущее; эта четверка была нерушима на веки веков, она была выше и вне понимания бедного трудящегося люда. И вдруг он узнал, что банк может лопнуть, и что правительство взяло его под опеку, и что никто не сможет получить свои деньги, по крайней мере в течение некоторого времени. Но в конце концов все уладится, успокаивали газеты; когда затрагивались такие темы, то в заключение всегда говорилось, что Америка крепка, и что в конце концов все уладится, и что требуется только одно "доверие".

На следующее утро Эбнер рассказал мастеру о своей беде и попросил разрешения уйти часа на два,

чтобы получить в банке деньги. Мастер ответил приветливо: "Ладно, Шатт, ступай в банк по своим делам, но раньше возьми расчет, нам, знаешь, нужны рабочие, которые не бросают работу среди дня, а потом я давно замечаю, что ты не управляешься с работой".

И вот Эбнер стоял посреди мастерской, слезы текли по его щекам, он умолял начальника, снова и снова рассказывал ему длинную историю о том, как давно он работает на великого и доброго мистера Генри — вот уже двадцать восемь лет, и, казалось бы, это должно дать кое-какие права. "Как же это, мистер, ведь у меня жена и дети, что же я буду делать?" Но мастер был неумолим. Дело в том, что он получил распоряжение немедленно уволить десяток рабочих, и он все раздумывал, на ком остановить выбор, и вот этот несчастный старикан сам напросился; высунул голову и — хрясь, топор опустился. Мастер в конце концов всего только человек, и не очень-то весело смотреть, как такая старая кляча трусит от станка к станку, уставленных в ряд длиной с полквартила, и не поспекает, и еще нужно покрикивать на него. Когда в цехе надо наводить экономию, неплохо начинать с того, что может сберечь мастеру голосовые связки.

Лет двадцать назад, когда Генри был еще идеалистом, он провел на своем предприятии перепись и, убедившись, что процент старых рабочих меньше процента стариков в населении Америки, отдал управляющим приказ принимать на работу побольше стариков. Но теперь мир изменился. Предприятие Генри выросло в десять раз, и сам Генри стал стариком; он перепоручил свои заботы другим и старался не ведать, что они творят.

И вот Эбнер снова очутился на улице, и в таком настроении, что не имел бы ничего против, чтобы один из мчавшихся по улице автомобилей налетел на него и отправил в мир иной. Он подъехал к закрытому банку и постоял немного перед дверью, обмениваясь скорбными замечаниями с товарищами по несчастью, — это было перед тем, как все банки Детройта закрылись, и пятьдесят тысяч семейств сели на мель вместе с Шаттами. На двери висело объявление, гласившее, что банк закрыт по приказу правительственного инспектора. Хотите знать больше, купите газету — если вам удалось получить из банка достаточно денег.

Эбнер не решался вернуться домой с такими убийственными вестями. Он объехал другие автомобильные заводы и мастерские. Рабочие, уволенные с фордовского завода, где они получали семь долларов в день, нередко устраивались на предприятиях, изготавливавших автомобильные части для Форда, и работали за два-три доллара в день. Это был тоже один из трюков, с помощью которых Генри втирал очки рабочим и читателям его интервью. Все больше и больше отдавал он на откуп изготовление частей и всегда на таких условиях, что предприятие, выполнявшее его заказ, выжимало все соки из рабочих. Никто не мог взвалить на Генри ответственность за заработную плату, выплачиваемую тем, кто изготавливал для его автомобилей подушки, или шины, или счетчики, или стеклоочистители, или другие принадлежности.

Но как раз теперь ни одно из этих предприятий не производило набора; у ворот многих заводов стояли

сторожа, которые даже не допускали в контору: "Нет работы, приятель". Иногда у контор стояли длинные очереди, и Эбнер видел, как много на рынке труда рабочих получше его. Ему уже стукнуло пятьдесят три года, у него были седые волосы, глубокие морщины на лице и расслабленная походка, — словом, он потерпел поражение еще до начала боя.

Он стал одним из тех, кто зимой прочищает дымоходы, а летом подстригает газоны и берется за любую работу. Больше доллара в день на таком деле не заработаешь; то и дело приходили люди и предлагали свои услуги в обмен на обед. Богачи, давая кому-нибудь работу, всегда подчеркивали это, а затем шли играть в бридж или на званый обед, где обсуждались проблемы современности, и они говорили, что большинство безработных отказывается от работы, когда им предлагаешь ее.

Другие члены семейства Шатт пока еще каждую неделю получали заработную плату. Но Дэйзи только что вышла замуж за своего бухгалтера; ну и подарочек преподнесла ей компания по изготовлению подушек! Начальник Дэйзи сообщил ей, что он очень сожалеет, но у них есть распоряжение уволить двести служащих, и все замужние женщины получат расчет.

Итак, Дэйзи пришлось жить на жалование бухгалтера; он был занят два дня в неделю и не был уверен, что сохранит даже эту работу. Ради экономии молодая чета поселилась с родителями Дэйзи, которые, погасили платежи за свой дом. Дэйзи садилась в маленький "курытник", который они с мужем купили, и целый день разъезжала в поисках работы. Когда она окончательно убедилась, что молодой замужней

женщине невозможно устроиться на работу, она решила продать машину, но, по-видимому, эта мысль пришла в голову стольким людям, что рынок был забит автомобилями; тысячи подержанных автомобилей вывозились из Детройта, только чтобы не дать цене упасть до нуля. В конце концов Дэйзи взяла сорок два доллара за автомобиль, который был куплен за двести двадцать пять.

58

Сто тысяч семейств Хайленд-Парка были заняты тем же, чем и семейство Шатт, — раздумывали, как бы достать немного денег. Самые бедные выпрашивали пять центов на сэндвичи; самые богатые пытались занять миллион, чтобы спасти банк или промышленное предприятие. В высших общественных кругах появилась новая мода: если в былые времена спекулянт или финансист хвастал тем, сколько он нажил на той или иной сделке, то теперь он хвастал тем, сколько потерял. Довольно странный повод для похвальбы, но другого не было.

Когда товаров мало, цены поднимаются; а когда денег мало, цены падают на все, кроме как на деньги. Эбнер и Милли проводили грустные дни и ночи, совещаясь, как бы обойти этот экономический закон. Поскольку ни он, ни она ничего не знали о таких законах, они не могли понять, что случилось с ценами на дома, мебель, автомобили. Когда Эбнер и Дэйзи продавали или закладывали что-нибудь, Милли бранила их за то, что они не получили настоящей цены. Всю жизнь она скарденничала, держалась за каждый грош, жаловалась

на молодежь, которая хотела бы все промотать. А теперь выходило так, что копи, не копи, — один черт.

Шаттам не по силам были даже налоги на дом, и они хотели продать его и переехать в меблированные комнаты. Но что можно было получить за дом в Хайленд-Парке? Генри Форд сыграл с этим городом скверную-шутку, когда перенес свой большой завод в Ривер-Руж, за десять — двенадцать миль от Хайленд-Парка; все фордовские рабочие стали продавать свои дома, и цена на недвижимость резко упала. Теперь две трети населения города были без работы, и под дом нельзя было получить даже сотни-другой долларов.

Шатты решили выйти из затруднения, сдавая комнаты внаем. Они потеснились, и началась неудачливая охота за деньгами рабочих, которые сами жили под постоянной угрозой безработицы. Они пускались на любые хитрости, чтобы хоть на несколько дней иметь крышу над головой и кусок во рту; а бедняжку Милли обмануть было нетрудно. Вскоре подвернулся подходящий парень, который имел работу, но он начал приставать к Дэйзи, к честной замужней женщине, посещавшей церковь. Когда она отвергла его, он разобиделся и оплатил ей тем, что надул их долларов на пятнадцать.

Старик Том, который в последнее время уже еле двигался, умер в первую зиму кризиса. С помощью детей Эбнер и Милли устроили его похороны, но когда год спустя старенькая бабушка последовала за ним, семейству Шатт пришлось пойти на унижение и предоставить городу схоронить ее. Тому, кто этого не переживал, трудно понять, как удручающе действует это на бедняка, который всегда сводил концы с концами и

сохранял "респектабельность". Теперь Эбнеру пришлось махнуть рукой на то, что его второй сын контрабандист и бандит, и не препятствовать Милли с благодарностью принимать от Генри деньги. К несчастью, в делах Генри тоже был застой; все клиенты покупают дешевые сорта, говорил он.

Даже футбольная промышленность переживала кризис. Щедрые "старички" колледжа, по примеру прочих, начали приносить извинения, а спортивный комитет препровождал их футболистам. Томми был хорошим игроком, его ни в чем нельзя упрекнуть, говорил комитет, но где найдешь легкую работу, придется ему топить печи и прислуживать за столом. Полгода такой жизни было достаточно, чтобы изменить его отношение к колледжу; Томми решил, что не время играть в футбол, когда мать с отцом не знают, где достать денег на обед. Если приходится заниматься настоящей работой, то он и учиться будет по-настоящему и посмотрит, что можно извлечь из учебы в колледже.

59

Преуспевающие и самодовольные молодые супруги — Джон Крок Шатт с женой — вот уже три года жили в своем двухэтажном доме из желтого кирпича, с кафельными ванными, паровым отоплением и с детской на двоих детей. Они обязались выплачивать за дом семьдесят пять долларов ежемесячно плюс проценты, и это был один из тех "мичиганских земельных договоров", по которым продавец сохраняет за собой право на проданную собственность, пока не будет выплачен последний взнос. И вот как раз, когда Аннабел готовилась к приему гостей, ее муж получил извещение о

том, что Фордовская автомобильная компания больше не нуждается в его квалифицированных услугах.

Безумный страх охватил их. У них почти не было наличных денег. Они не могли рассчитывать на помощь отца Аннабел, который потерпел большие убытки на бирже. Они могли занять немного под страховой полис Джона, но этого было недостаточно. Они должны были ежемесячно вносить около ста шестидесяти долларов в погашение платежей в рассрочку и процентов за дом, мебель и новый форд модели А.

Джон делал отчаянные усилия, пытаясь найти какое-нибудь место. Он уже не искал работы по специальности; он готов был принять любое предложение и при этом условии получил работу в том же цехе завода Ривер-Руж, откуда был уволен. Он выполнял почти ту же работу, только вместо ежемесячных трехсот двадцати пяти долларов он стал получать шестидолларовый минимум, — Генри успел за это время снизить минимум заработной платы, и завод работал только по понедельникам, вторникам и средам. Восемнадцать долларов в неделю!

Молодые супруги не имели, никакой возможности погасить всю свою задолженность. Им пришлось отказаться от дома, за который они выплатили около трех тысяч восьмисот долларов, им пришлось расстаться с мебелью, с новым электрическим холодильником и с новым автомобилем, купленным для Аннабел, — у Джона осталась старая машина, она была нужна ему, чтобы ездить на работу. Им пришлось переехать с небольшим скарбом в одну половину двухквартирного дома в отвратительный рабочий квартал, куда Аннабел не могла пригласить никого из своих друзей. Вместо того чтобы

играть с гостями в бридж, ей пришлось скрести половицы и вытирать носы двум своим ребятишкам. Джон вернулся в обстановку, в которой родился, в рабочую среду.

Есть жестокая поговорка, которая гласит, что, когда нищета входит в дверь, любовь вылетает в окно; и, по-видимому, она была приложима к данному случаю. Аннабел, которая так решительно сражалась, стремясь утвердить общественное положение своего мужа, теперь обратила свою неистощимую энергию на то, чтобы обвинить его во всем. Она слишком плохо разбиралась в делах, чтобы обвинять социальную систему, поэтому она ругала тех, кто был у нее на глазах, и главным образом злобилась на то, что муж давал деньги своим родителям. Она решила позаботиться о том, чтобы милые родственнички не получили больше ни гроша. Пусть их красавец футболист пойдет поработает! Пусть они подоят своего контрабандиста и бандита!

Аннабел знала все про Генри Шатта, потому что он опять попал в тюрьму и в газетах появился его портрет. Он обвинялся в каких-то темных делишках в предвыборной кампании — запугивал избирателей, говорилось в газете. Как это ни странно, он работал в пользу кандидата, которого поддерживал Генри Форд и которому будто бы Фордовская компания оказывала денежную помощь. Что бы это могло значить?

Аннабел этого не знала и знать не хотела, потому что она восстала и на великого властелина Дирборна. Он может одурачить Шаттов, но ее он не проведет. Бесцеремонное увольнение Джона было всего-навсего подлым трюком, чтобы с невинным видом снизить ему жалованье. Этот трюк применялся по всему заводу; Аннабел не раз слыхала об этом, а недавно родной отец

признался ей, что это правда, что ему ведено так поступать. О, конечно, крупных капиталистов, таких, как Генри, ни капельки не интересуют деньги, они работают лишь ради удовольствия снабжать людей хорошими автомобилями. "Меня тошнит от него", — говорила Аннабел, лексикон которой не отличался изысканностью, когда она злилась.

60

У автомобильного короля были свои заботы. Когда-то он мог хвастать тем, что ни у кого в Америке нет таких доходов, как у него, а теперь ему приходилось хвастать тем, что никто не терпит таких убытков. В 1924, 1925 и 1926 годах он получал свыше ста миллионов долларов чистой прибыли в год. На реконструкции завода он потерял шестьдесят миллионов в 1927 году и столько же в следующем. Но в 1929 году новая модель А принесла ему шестьдесят миллионов прибыли. В 1930 году ему удалось путем массового увольнения рабочих и усиления эксплуатации избежать влияния кризиса и снова нажать шестьдесят миллионов. Но в 1931 году ничто не могло предохранить его от нарастающей волны бедствия; Фордовская автомобильная компания потеряла пятьдесят три миллиона долларов, а в следующем году она потеряла семьдесят пять миллионов.

Об этом красноречиво говорила сводка продажи фордовских автомобилей. В последние три года существования старой модели Т Генри продавал около двух миллионов автомобилей в год. Он продал почти два миллиона модели А в 1929 году. Но в следующем году сбыт его автомобилей упал до полутора миллионов. В 1931 году он перестал сообщать о количестве

выпускаемых машин, но было известно, что сбыт его легковых автомобилей сократился почти до полумиллиона.

Генри, разумеется, легче было выдержать нажим, чем кому бы то ни было из промышленников Соединенных Штатов, потому что у него был запас наличности в триста миллионов долларов. Но сколько продлится кризис? Генри честно поддерживал Герберта, когда тот проповедовал "доверие", но в глубине души он знал, что ни он, ни Герберт не имеют ни малейшего представления о завтрашнем дне. Держись за свои денежки!

Особенно восстанавливало Детройт против Генри Форда не то, что он выжимал все соки из рабочих и, не задумываясь, выбрасывал их на улицу, а лицемерие, с которым он это делал. Валяй жми и спасай, если можешь, свою шкуру, но, ради бога, не строй из себя благодетеля! Довольно ханжеской болтовни в газетах! Довольно лживых заявлений о том, что ты делаешь и что намерен сделать!

Генри хотел, чтобы люди верили, что хорошие времена возвращаются, это придавало бы им уверенность и они снова стали бы покупать автомобили. Ну что ж, это уловка торгашей, которой пользуется каждый американский промышленник всякий раз, как выступает с речью. Но честно ли было со стороны Генри объявлять, что ввиду превосходного качества его новых моделей и уверенности в увеличении сбыта он набирает десять, двадцать тысяч новых рабочих? Расписать об этом в газетах, чтобы толпы голодных безработных из очередей за обедом и в ночлежку хлынули в Ривер-Руж! Многие приезжали в зимнюю стужу на товарных платформах, а

когда они добирались до ворот завода, их встречала банда молодцов из фабричной охраны с дубинками в руках и револьверами на боку. Они не пропускали никого, кто не имел табеля, и отгоняли безработных ударами дубинок, а если их собиралось слишком много, поливали ледяной водой из сверхмощных брандспойтов. Станный, надо сказать, результат чрезвычайной популярности, если приходится отгонять от себя людей с помощью завязанных бандитов!

61

Прошло восемнадцать лет с тех пор, как Генри Форд стал центром всеобщего внимания как идеал хозяина, пример и учитель для всех других американских хозяев. За это время он опубликовал четыре книги за своей подписью, несколько десятков журнальных статей и неисчислимое множество интервью. Пришло время спросить, как же осуществились его теории... В ответ на это можно сказать, что Генри Форд стал самым ненавистным человеком в автомобильной промышленности. Заплатит его рабочий пять центов за "Сатэрдэй ивнинг пост", увидит статью об идеальных условиях на фордовском заводе, швырнет газету наземь и вытрет о нее свои грязные башмаки.

Годами Генри говорил миру, что применение машин не вызывает безработицы, и вот, полюбуйте! На заводе Ривер-Руж новые станки устанавливаются, как только их успевают сконструировать. На глазах у двадцати рабочих, изготавливающих определенную деталь, вносят новый станок и обучают одного из рабочих управлять им и выполнять работу всех двадцати. Остальных девятнадцать сразу не увольняют, — по-видимому, это

против правил. Мастер переводит их на другую работу и вскоре так начинает к ним придирааться, что рабочие отлично понимают, к чему это приведет.

К каким только предлогам не прибегают, чтобы отделаться от рабочих! Рядом с Эбнером Шаттом жил старик, проработавший в Фордовской компании семнадцать лет, и его рассчитали за то, что он начал вытирать руки за несколько секунд до конца смены. В конце улицы жил молодой парень, который работал у Форда курьером и был уволен за то, что остановился купить шоколадку. Существовала тысяча мелочных правил, на основании которых шпик всегда мог придраться к рабочему. Рабочий разговаривал с мастером, — это было против правил, — и он вылетал с завода. Двое рабочих перекинулись словом во время работы — вылетали оба. Рабочего увольняли за то, что он забыл прицепить табельный номер на левую сторону груди, за то, что он задержался в уборной, за то, что завтракал сидя на полу, за то, что заговорил с рабочими, пришедшими на смену. Было даже необязательным, чтобы рабочий совершил один из этих проступков; достаточно, если один из экс-боксеров "служебной организации" донес на него. Жаловаться было некому.

Если рабочий остерегался и помнил все правила, его увольняли другим способом; в настоящий момент ты не нужен, но ты можешь оставить у себя свой табельный номер, ты будешь числиться в ведомости заработной платы и тебя известят, когда будет вакансия. Таким образом у Форда фабриковались статистические данные, но это означало, что нигде в другом месте ты не получишь работу, потому что новый хозяин спросит о последнем месте работы и для проверки позвонит на фордовский завод, и, конечно, не захочет взять

рабочего, который числится в фордовской ведомости заработной платы.

С каждым месяцем положение становилось все хуже и хуже. Двадцать пять тысяч рабочих фордовского завода были доведены сверхнапряженной работой до изнеможения. Временами кого-нибудь выносили на носилках — когда рабочие так измучены, несчастные случаи неизбежны. Ни о чем другом Генри не писал так красноречиво, как об охране безопасности; но то и дело его "отдел охраны безопасности" уступал "отделу рационализации", и рабочие говорили, что завод в среднем губит одну жизнь в день. У Форда был собственный госпиталь, поэтому никаких точных сведений получить было нельзя.

62

Генри Форду теперь было уже под семьдесят, он стал богатейшим человеком в мире и совершенным воплощением теории, известной под названием "экономического детерминизма". Поначалу сколько у него было благих идей, сколько в сердце благих желаний, сколько решимости сделать свою жизнь полезной! И вот он стал миллиардером — и деньги держали его, как паутина держит муху. Самый могущественный человек в мире был беспомощен в тисках миллиарда долларов. Никогда не думал он быть таким, каким сделали его деньги. Они были хозяевами не только его поступков, но и его мыслей, так что Генри не знал, во что он превратился; он был слеп не только к тому, что творилось на его предприятиях, но и к тому, что происходило в его душе.

Он восхвалял индустрию, сделал ее своей религией: труд, труд — вот спасение человека, производство — бог. Автомобильный король обладал самой поразительной в мире производственной машиной — и она простаивала девять десятых времени. Он нанял двести тысяч рабочих и внушал им, что они могут положиться на него, — и вот теперь ему приходилось нанимать новые тысячи, чтобы они дубинками и револьверами отгоняли их от него. Он сделал зависимым от себя миллион людей, от куска хлеба, который он им давал, — и теперь он предоставил им гибнуть на чердаках, в подвалах и пустых складах, в шалашах, сделанных из жести и картона, в ямах, вырытых в земле, — где угодно, только бы они не попадались на глаза Генри!

Когда-то он держался просто и был доступен для всех, но его миллиард долларов предписал ему вести жизнь восточного деспота, замкнувшегося от мира, окруженного шпионами и телохранителями. Он, который любил поболтать с рабочими и показывать им, как надо работать, не осмеливался теперь пройти мимо своего конвейера без охраны из шпииков. Он, который был таким разговорчивым, стал теперь сдержанным и угрюмым, Он общался только с теми, кто поддакивал ему, кто соглашался с ним во всем. Он редко встречался с посторонними, потому что все выпрашивали у него денег, и ему это смертельно надоело. Секретари Генри охраняли его одиночество, потому что он много раз ставил себя в глупое положение, и у них никогда не было уверенности, что он не выкинет какой-нибудь глупости.

Он пребывал в своем большом каменном доме или в собственном парке, где были деревья, цветы и его любимицы — птицы. На них можно было положиться, при хорошем обращении они ведут себя как положено, не то

что злобные и неблагодарные люди. Дети, старомодные танцы и скрипачи, играющие джиги, вот что услаждало сердце несчастливого старого короля. Но дети, которых он собирал вокруг себя, должны были быть хорошо упитанны и счастливы; да не осмелится никто упомянуть о десяти тысячах голодающих ребят, которые каждый день становятся в очередь за куском хлеба в городе Детройте! Да не коснется никто наболевшего вопроса, не заговорит о требовании муниципалитета, чтобы Генри взял на себя часть заботы об этих детях, поскольку их родители в большинстве своем безработные, уволенные с фордовского завода. Так как все заводы Генри помещались в окрестностях Детройта, он не платил городу никаких налогов, но город считал, что это несправедливо.

Когда-то в Детройте было добронравное городское управление, которое финансировал Генри и которое выполняло его волю. Но жители города были недовольны, они отозвали фордовского мэра и избрали нового по собственному усмотрению, судью Мэрфи, ирландца-католика, и он был из тех, кого Генри называл демагогами, мечтателями и агитаторами, всеми теми словами, которые выражали ненавистное ему слово "политик". Детройт получил теперь что хотел, и Генри предоставил городу вариться в собственном соку.

Мэр-"демагог" назначил "комитет по безработице", который установил, что город расходует семьсот двадцать тысяч долларов в год на то, чтобы не дать умереть с голоду бывшим фордовским рабочим. Отдел социального обеспечения обвинил Генри в том, что он уволил отцов пяти тысяч семейств и ничего не сделал для оказания им помощи. Великий промышленник и специалист по улучшению рода человеческого потерял

вкус к танцам, а сын его Эдзел, который обычно не обращал внимания на газетные сплетни, поместил в "Нью-Йорк таймс" пространную статью, пытаюсь опровергнуть это обвинение. Кого в конце концов считать фордовскими рабочими? До каких пор Фордовская компания должна нести ответственность за тех, кто когда-то работал на ее предприятиях? Отсюда можно было сделать вывод, что Фордовская компания принимает на себя ответственность за тех, кто работал на нее в недалеком прошлом. Эбнер Шатт, к примеру, был бы очень рад получить такую весть от сына своего хозяина, но по неведомой причине об этом в статье не было сказано ни слова.

63

Вскоре после войны американское правительство постаралось отделаться от флотилии грузовых судов, которые были построены для снабжения армии и в которых мировая торговля не нуждалась. Генри купил сто девяносто девять этих судов, доставил их в Ривер-Руж и методически искромсал, всему найдя место на своем огромном заводе. Он не рассчитывал нажиться, его это забавляло, как других забавляет решение кроссвордов. Страстью Генри было сохранять вещи и изыскивать способы изготовления вещей.

Вместе с судами прибыли их команды; и по мере того, как суда один за другим шли на слом, освобождались люди, которым надо было найти место в фордовской империи, — еще одна проблема, интересующая Генри. Среди них был широко известный матрос-боксер Гарри Беннет; у него был внушительный вид и такие же кулаки, и он обладал качеством, которое

было основой закона и порядка при древней системе феодализма, — когда он поступал на службу, он считал хозяйское дело своим кровным. Генри, живя при системе современного промышленного феодализма, испытывал потребность сродни той, которая побудила турецкого султана обзавестись янычарами, а итальянских князей эпохи Возрождения — кондотьерами; для охраны Генри и его миллиарда долларов требовалась целая армия хорошо вооруженных и обученных людей.

Беннет стал начальником фордовской "служебной организации" — такой титул можно было дать только после того, как миллиард долларов вытравил весь запас юмора в душе его обладателя. В обязанности Беннета входили организация и обучение трех тысяч шестисот частных полицейских, которые охраняли заводские ворота, наблюдали за работой во всех цехах, сообщали о нарушениях тысячи правил и толкались среди рабочих, выслеживая недовольных и смутьянов, профсоюзных деятелей и "красных" агитаторов. Такую работу надо было выполнять не только на территории завода, но и вне ее. Если в город приезжал организатор рабочих, фордовская "служебная организация" должна была знать, где он бывает и с кем встречается. Иными словами, в армии Генри Форда был создан шпионский центр, с разведчиками и контрразведчиками, необходимый во всякой войне. Поскольку лучшим средством защиты является нападение, армия Генри нападала, не стесняясь в средствах; это позволило Фрэнку Мэрфи, бывшему судье, а ныне мэру Детройта, на основании собственного опыта заявить: "У Генри Форда состоят на службе наихудшие из бандитов Детройта".

Контрабандная торговля спиртными напитками была уже не та, что прежде, потому что головка

контрабандистов с таким успехом подкупала правительственных чиновников, что работа Генри Форда Шатта стала мало чем отличаться от обязанностей шофера грузовой машины, и его заработок соответственно сократился. Но случилось так, что брат хозяина Генри Шатта занимал высокий пост в фордовском "секретном отделе", и он попросил Генри разузнать ему всю подноготную о шайке контрабандистов, которая вмешивалась в политическую жизнь Дирборна, где выборы находились под контролем Форда. Информация, доставленная Генри Шаттом, оказалась столь полезной, что в течение некоторого времени он имел двойную службу за двойное вознаграждение; он был чем-то вроде шпика, следящего за шпиками, знал все ходы и выходы детройтского дна, и ему были известны такие факты, которые взорвали бы политический и промышленный режим Детройта, если бы он не держал их за пазухой и не торговал ими с расчетом. У Генри опять завелись деньги, и время от времени он навещал родителей и выручал их.

На протяжении многих лет американскому народу твердили, что милосердный мистер Форд помогает бывшим преступникам загладить свою вину; американский народ, считал, что это достойное и благородное дело. Но методы работы Фордовской автомобильной компании постепенно менялись, и теперь компания нанимала бывших преступников не для того, чтобы они учились жить по-новому, а чтобы продолжали жить по-старому. Американскому народу еще предстояло познакомиться с этим.

У Эдзела Форда было четверо чудесных детей, три мальчика и девочка, и они стали главным утешением в жизни Генри. Они были отделены от всех детей мира, потому что им предстояло унаследовать обширную фордовскую империю, им предстояло продолжить род Форда и его традиции. Их тщательно готовили к этой миссии, чтобы они достойно ее выполнили и оправдали дело всей жизни Генри — апологию системы наследственной монархии в промышленности. "Демократии не касается вопрос о том, кто должен быть хозяином" — так писал Генри в одной из своих книг.

Одним из последствий кризиса было новое ужасающее явление в американской жизни — волна похищений детей. Организованные шайки бандитов уводили детей богатых родителей, требовали за них выкуп, нередко жестоко обращались с ними, а то и убивали, если дело проваливалось. Страх омрачил жизнь автомобильного короля; его преследовала мысль, что такая ужасная судьба может ожидать и его обожаемых внуков.

Экономическая подоплека этих преступлений была достаточно ясна для всякого, кто задумывался над этим. Дети бедняков играли на улице, и им не грозила никакая опасность, во всяком случае, со стороны похитителей детей; в те дни многие бедняки не имели бы ничего против, если бы похитили их малышей, при условии, что дети будут сыты. Но когда про человека известно, что у него в банке лежит двести миллионов наличных денег, есть надежда на богатейший в истории выкуп. Бандиты знали это, и Генри знал, что они знают; и покой его был

нарушен, и любовь и братство умерли в его сердце, а страх и подозрительность возросли. Покой бежит чела, венчанного короной.

Гарри Беннет был тем человеком, у которого Генри искал защиты от этой опасности. Беннет подыщет таких людей, которым можно будет доверить охрану внуков и которые не продадут их ни за какие бандитские доллары; они займут в жизни автомобильного короля положение, какое в Англии занимает королевская гвардия. Начальник "служебной организации" стал командиром домашней охраны; он приходил в любое время, ему Генри никогда не отказывал в личном приеме. Гарри часто приходилось проверять обращавшихся к Форду за интервью, и иногда он решал по собственному усмотрению, кого допустить, а кого нет.

И здесь миллиард долларов вмешивался в жизнь Генри; Беннет был незаменимым человеком для миллиарда долларов; он умел крепко бить и метко стрелять и был быстр в решениях; он не боялся ничего живого, и для него право миллиарда долларов царствовать над миром было так же бесспорно, как то, что сталь тверда, а кровь красна. Итак, он взял на себя заботу о жизни Генри и вместе с тем воспитание его ума и характера.

Значение этой перемены станет очевидным, если вспомнить, что раньше то же место в жизни Генри занимал преподобный Сэмюэл Марки, высоко нравственный джентльмен-христианин, променявший обязанности настоятеля собора св. Павла на руководство "социальным отделом". Этот священник не ужился с миллиардом долларов; доллары создали такую атмосферу на фордовском заводе и в фордовском

доме, что ему стало нечем дышать. Он подал в отставку и написал книгу о Генри, в которой с грустной, но трезвой пронизательностью описал его характер. Настоятель, возможно, не сознавал того, что Генри повторял историю его собственной религии — прогонял Христа и ставил на его место Цезаря.

65

Эбнер Шатт шел по Форт-стрит в Детройте; он едва волочил ноги, перебираясь от завода к заводу в надежде, что где-нибудь набирают рабочих. Ему давно пришлось расстаться со своим фордом; поскольку расстояния надо было преодолевать большие, он почти лишился возможности найти работу, а если бы таковая и нашлась, он, по всей вероятности, не мог бы добираться до нее. Как только ему удавалось наскрести на трамвайный билет, он ехал в город и ходил от конторы к конторе; если у него хватало денег на газету, он читал объявления и хронику, надеясь, что какое-нибудь предприятие возобновило набор рабочих.

Он подошел к пустырю, где собралась толпа, — происходил какой-то митинг. "Собрание фордовских рабочих" — было написано на большом белом плакате; на грузовике стоял человек и что-то говорил. Эбнер все еще считал себя фордовским рабочим и остановился узнать, в чем дело.

Он выслушал речь человека, который говорил, что он многие годы работал у Форда. Эту повесть Эбнер знал наизусть: убийственная скорость конвейера и произвол начальников, бессмысленные мелочные правила внутреннего распорядка, отсутствие уверенности в постоянной работе, материальная необеспеченность и

тяжелые условия жизни. Да, этот парень знал, что говорит, и когда толпа одобрительно кричала, у Эбнера теплей становилось на сердце. Рабочие не могли так говорить на территории завода даже шепотом; но здесь, за его воротами, Америка была еще свободна.

Оратор сказал, что они в знак протеста организуют поход в Дирборн. Они подойдут к воротам завода и скажут Генри о своих обидах. Тут Эбнер понял, в чем дело; он читал в газете, что организуется такой поход и что разрешение от мэра Детройта уже получено. В газете говорилось, что поход организуют коммунисты, пресловутые грозные "красные". Эбнеру следовало бы помнить об этом предостережении, но он был выбит из колеи. Человек на грузовике говорил правду о рабочих, и Эбнеру хотелось послушать еще.

Эбнер выслушал нескольких ораторов, которые говорили не только о положении на заводе, — это было ему знакомо, — но еще многое о политической деятельности Генри Форда и о Томе, что он отказывается помогать бывшим своим рабочим; о надвигающемся банкротстве города Детройта и о том, как банкиры, под страхом закрытия кредита, вынудили городское управление уволить сотни своих служащих; они не позволили городу организовать дополнительные общественные работы и потребовали, чтобы отдел социального обеспечения снял с пособия пятнадцать тысяч-нуждающихся семей. Может быть, отцы некоторых из этих семей присутствуют на митинге; слышались утвердительные возгласы.

Было седьмое марта 1932 года, дул резкий ветер. Люди дрожали от холода, глаза слезились, рваные пальто были застегнуты наглухо, руки засунуты в

карманы. Серый, пасмурный день, на земле снег; люди топтались на месте, чтобы согреть ноги. Жалкие, измученные лица, — и мечта о справедливости, которой не существует в мире, о праве на труд — не только на голод, они пойдут с этой мечтой к великому владыке Дирборна, который когда-то был их другом, но теперь отвратил от них лицо свое.

Оратор зачитал требования рабочих, список был длинный: работа для всех уволенных или выплата пятидесяти процентов заработка впредь до получения работы; упразднение потогонной системы, отмена шпионажа, — да, в самом деле, у Форда было бы куда приятнее работать, если бы этим ораторам удалось добиться своего! "Согласны с этими требованиями?" Слушатели закричали, что согласны.

По улице шла армия других оборванных и голодных людей, собравшихся с нескольких митингов. Они шли по четыре в ряд, распевая старую песню "Сплотим ряды", и несли плакаты, взывавшие к великому хозяину. Несколько полицейских шли впереди и по сторонам шествия; мэр Мэрфи, называвший себя либералом, сказал, что безработные имеют право высказывать свои обиды, собираться на митингах и устраивать демонстрации. Организаторы похода обещали не нарушать общественного порядка, и ораторы предупреждали демонстрантов, что они не должны совершать насильственных действий, чтобы не лишиться народного сочувствия — их единственной надежды.

"Мы безоружны. Мы не бунтовщики, мы рабочие и американские граждане. Мы предъявляем обоснованные требования и отстаиваем свое право протестовать против вопиющей несправедливости. Товарищи рабочие,

присоединяйтесь к нам!" С таким призывом обращались ораторы к толпе, предлагая всем, кто согласен с ними, присоединиться к колонне. Вдали виднелся гигантский завод Ривер-Руж, его стройные серебристые трубы высились, словно огромный орган. Три тысячи из ста пятидесяти тысяч безработных, уволенных Генри, шли туда, чтобы рассказать ему о своих горестях; и Эбнер Шатт был среди них.

66

Они подошли к городской черте Детройта, где кончалась власть мэра Мэрфи. Дальше был Дирборн, где находился завод, город, в котором правил Генри; мэр и все должностные лица были его ставленниками. Начальник полиции был раньше фордовским полицейским и многие годы получал двойное жалованье — одно у Форда, а другое в городском управлении Дирборна. Ему только что доставили новую партию пулеметов.

Шествие остановилось, и дирборнская полиция предложила демонстрантам разойтись. Один из руководителей колонны ответил, что они подойдут к фордовскому заводу и попросят принять делегацию, которая передаст требования рабочих. Он снова заверил, что они не нарушат общественного порядка, и еще раз предупредил об этом всех демонстрантов.

Шествие двинулось, и полицейские начали бросать бомбы со слезоточивыми и рвотными газами. Но шоссе было широкое, рабочие увертывались от бомб, и колонна продолжала двигаться. Полицейские на автомобилях и мотоциклах помчались к заводу, оглашая воздух воем сирен.

Генри перекинул широкие мосты через шоссе для того, чтобы рабочие, идущие на его завод, не задерживали движения. На первом мосту стояли его молодчики из "служебной организации" с газовыми бомбами и пулеметами. С военной точки зрения это была превосходная позиция — при условии, что противник безоружен. Отряд фордовской полиции вперемешку с дирборнской полицией выстроился перед воротами. Репортеры утверждали, что в этом отряде были детройтские полицейские, — по-видимому, мэр Мэрфи не умел управлять своим собственным ведомством.

Требуется немалый запас мужества, чтобы идти прямо под пулеметы, особенно если шагаешь впереди и знаешь, что в тебя метят. Может быть, на это могли отважиться только фанатики-"красные", а может быть, наоборот, у кого хватало мужества, того называли фанатиком-"красным". Как бы то ни было, к заводу они подошли, полиция приказывала им разойтись, а они настаивали, чтобы пропустили их делегацию и разрешили ей вручить список требований.

Эбнер Шатт тоже был здесь, испуганный и недоумевающий. Он столько раз проходил по этому мосту, что мост казался ему родным. Разве его сын не работает здесь, в эту самую минуту? Конечно, Эбнер имеет право просить работы; конечно, знай мистер Форд, что он без работы, он бы сразу его устроил! Но когда Эбнер увидел, что люди на мосту бросают в него бомбы, и услышал, как они разрываются возле него, он попятился; а когда рядом с ним рабочий схватился за живот и рухнул на землю, простреленный пулей, Эбнер повернул и побежал к пустырю, где он когда-то ставил свой автомобиль.

Что произошло потом, он не видел, но прочел об этом в газете. Ворота завода отворились, и на машине выехал Гарри Беннет; он сидел рядом с шофером и кричал толпе, чтобы она дала дорогу. Отчеты расходились относительно того, из какого револьвера он стрелял; во всяком случае, он стрелял, и кто-то бросил камень и угодил ему в голову и его отправили в госпиталь. Люди на мосту немедленно стали поливать толпу из пулемета и не прекращали огня, пока не ранило около пятидесяти рабочих и не убило четверых.

Таков был ответ Генри Форда Эбнеру Шатту и остальным безработным. Или, вернее, таков был ответ миллиарда долларов, который распорядился жизнью Генри. Несколько десятков рабочих с пулевыми ранами лежали по госпиталям в — наручниках, прикованные к койкам цепями; но ни один полицейский и ни один молодчик из "служебной организации" не получил пулевой раны.

Фордовская модель А вернулась к былым временам, когда фордовский автомобиль окрашивался только в один цвет. Как ни называй его — цвет "выжженной Аравийской пустыни", или цвет "утренней зари", или цвет "голубых вод Ниагарского водопада", или цвет "вороненой стали", — все равно это был цвет свежей человеческой крови.

67

Эбнер Шатт ехал в трамвае домой, и у него было достаточно времени, чтобы поразмыслить о происшедшем. В него стреляли; он видел, как убили человека, впервые был свидетелем преднамеренного убийства. Он был потрясен и чем больше думал об этом,

тем более удивлялся на самого себя. Привычка к порядку и повиновению взяла верх, и он сказал: "Не надо было мне туда ходить!" Он подумал о своем великом и добром друге Генри Форде и о том, как он будет опечален этими событиями и участием в них Эбнера. Если бы мистер Форд знал, что к нему идут рабочие, он поговорил бы с ними ласково и дружески, как, бывало, говорил с Эбнером. Почему никто ничего не сказал ему?

Эбнер нашел подтверждение своим мыслям, когда купил вечернюю газету и прочел, что организаторами похода были самые прожженные "красные" агитаторы Детройта и его окрестностей. В газете сообщались их имена, уже знакомые Эбнеру по той же газете. Так вот оно что! Эти хитрецы сумели завлечь в свою ловушку самого верного из стопроцентных американцев, бывшего куклуксклановца! Тайные агенты большевиков, которые хотят свергнуть правительство свободной Америки и превратить всех рабочих в рабов, как в России! Эбнер был совершенно уверен, что в России рабочие являются рабами, он читал об этом в "Дирборн индепендент".

Чем больше Эбнер размышлял над этим, тем большее замешательство он испытывал. Ведь его родной сын Джон мог стоять на мосту, помогая защищать завод от коммунистов! Его сын Генри мог быть в толпе и выслеживать врагов Фордовской автомобильной компании! Эбнер решил, что, когда он будет рассказывать семье о своем приключении, он немного уклонится от истины. Он не участвовал в демонстрации, а просто шел за колонной, посмотреть, что будут делать агитаторы. Очень возможно, что никто его не заметил, так с какой стати пачкать свое имя?

Милли пришла в ужас от его рассказа и взяла с него слово, что он никогда больше не будет делать таких глупостей. Дэйзи сказала, что он не только подвергал свою жизнь опасности, но что из-за него могли уволить Джона и ее мужа, и что они тогда стали бы делать? У нее было достаточно оснований для таких опасений: ведь увольняли даже тех рабочих, которые собирали деньги на похороны участников похода!

Когда несколько дней спустя явился Генри, он сказал, что был в толпе демонстрантов и заметил отца, но не сообщил об этом куда следует. Старик, должно быть, из ума выжил, что впутался в такое дело.

На самом же деле Генри даже и близко не подходил к демонстрации; Дэйзи по телефону сообщила ему рассказ отца, и воображение Генри дополнило все остальное. Поскольку он был в курсе многих тайных дел, он любил порисоваться, показать себя вездесущим, облеченным доверием "больших шишек", знающим всю подноготную обо всех и вся. Пока он похвалялся в кругу таких незначительных людей, как его родные, он мог чувствовать себя спокойно; у него хватало ума не заноситься перед своим хозяином.

68

В этот самый месяц Фордовская автомобильная компания выпустила две новые модели А. Сделала она это с обычной помпой, предсказывая огромный сбыт и новый набор рабочих. Но предсказания не сбылись; вскоре в Детройте один за другим лопнули все банки, и нужда приняла еще большие размеры. В этих банках лежали деньги Генри, и поскольку он был единственным человеком в городе, у которого имелись наличные и

который мог спасти банки, ему пришлось взять их в свои руки. Таким образом к фордовской империи было присоединено новое княжество.

Но от этого не стало легче рабочим Генри; время их работы было урезано до одного-двух дней в неделю, и на этот раз минимум заработной платы был сокращен до четырех долларов в день. Экономические факторы оказались сильнее фордовских теорий; но не думайте, что Генри откажется от своих теорий! Он по-прежнему говорил, что путь к процветанию лежит через высокую заработную плату, — это говорил тот, кто не платил ни гроша трем четвертям своих рабочих.

Всевозрастающая нужда словно горой придавила население Детройта. Семейство Шаттов превратило свой дом в меблированные комнаты, сбилось в двух комнатных, а остальные пытались сдать внаем. Эбнер бродил в поисках работы, пока ноги не отказывались служить; заработки были случайные и пустяковые, еле-еле хватало на обед. Он заложил часы, потом пальто; летом-то было ничего, но настала осень, и ему пришлось попросить денег у сына-бандита, чтобы выкупить пальто.

Милли почти не вставала с постели, и у них больше не было денег на врача. Тот, который приходил в последний раз, прописал ей лекарство, но оно было не по карману, да, видно, и плохо помогало. Дэйзи приходилось вести все хозяйство, и она тоже прихварывала. Она очень боялась иметь ребенка и сделала два аборта; но после второго долго болела, и на третий не решилась, теперь у нее был ребенок, заботилась она о нем мало, и ребенок был слабенький, потому что у нее не хватало молока. Она превратилась в

заезженную клячу домашнего хозяйства и стала такой неряхой, что жильцы почти уж не покушались на ее добродетель.

А какие у нее когда-то были радужные мечты: стать элегантной стенографисткой в конторе крупного предприятия, носить шелковые чулки и, может быть, выйти замуж за хозяина. Вместо этого ей достался бедный служащий, который работал всего день-два в неделю и получал четырехдолларовый минимум; его перевели в расчетный отдел, но ведомости заработной платы сократились почти до одной десятой своей нормы. Звали его Джим Бэггз; он любил ходить на бейсбольные состязания и подзадоривать игроков, а кроме того, увлекался игрой в шары; но теперь у него не было денег на развлечения, и жена перестала интересоваться им.

Так кризис разбивал жизнь бедняков и тех, кого делал бедняками. По Детройту бродили десятки тысяч бездомных, они спали в парках, рыли себе норы в кучах песку, целыми днями просиживали на пристани в надежде выловить рыбу. А в это время газеты печатали требования богачей, чтобы управления городом и штатом "наводили экономию", под этим они подразумевали сокращение расходов на пособие по безработице и лишение помощи многих нуждающихся, — не заикаясь о том, что же этим людям делать. Шатты не могли получить пособия по безработице в Хайленд-Парке, потому что у них был свой дом; но что им было делать с этим домом, — сидеть в нем и замерзнуть до смерти или подохнуть с голоду? Выручить за него нельзя было ни гроша.

Когда этот довод приводили тем, кто распределял пособие, они отвечали, что город накануне банкротства и

денег больше нет; повышение налогов не даст лишних средств, а лишь приведет к тому, что еще больше домохозяев побросают свои дома и обратятся за пособием, а какой от того будет толк. Никто в семействе Шаттов не умел разгадывать таких загадок, а если и был на свете кто-нибудь, кто умел, — как найти этого волшебника?

Приближались новые президентские выборы, может, они помогут обнаружить его. Республиканцы опять выдвинули кандидатуру "Великого инженера"; поступить иначе означало бы признать свою ошибку, а кроме того, они были довольны им, — он предоставил правительственный кредит богачам, от которых процветание разольется по всей Америке, как только оно снова появится на сцене. Демократы выставили кандидатуру губернатора штата Нью-Йорк, и он начал выступать по радио с красноречивыми заявлениями, обещая взять "новый курс"; Шатты продали свой радиоприемник и новости избирательной кампании узнавали по газетам, в которых говорилось, что экономические законы нельзя отменить политическими речами.

Великий и добрый Генри Форд выпустил обращение ко всем рабочим своего завода, советуя им голосовать за президента Гувера. Эбнер все еще считал себя фордовским рабочим, но он не нуждался в совете, он давно привык не поддаваться льстивым увещаниям ораторов демократической партии. Дэйзи и Джим были так озлоблены своими невзгодами, что объявили о своем намерении голосовать за Рузвельта. Они твердо порешили на этом еще до того, как кончилась избирательная кампания, и препирались со стариками. Но Эбнер научился помалкивать и держать свои мысли

про себя, что теперь и делал; он показал себя свободным и независимым американцем, подав голос за Гувера.

69

Дэйзи Бэггз в более счастливые времена увлекалась кино. Теперь у нее на это не было денег, но она нашла другое наркотическое средство. На их улице была кондитерская, где продавали всякие остатки, в том числе и старые журналы; здесь можно было за пять центов купить истрепанный номер и по возврату получить половину денег обратно. Это было доступное счастье для бедных изголодавшихся душ. В свободное время Дэйзи поглощала эти журналы и читала их вслух своей матери.

Там были напечатаны любовные романы, в которых неизменно фигурировали богатые, счастливые и преуспевающие люди, — во всяком случае, они становились таковыми к концу повествования, что было непохоже на настоящую жизнь и объясняло, почему бедные, одинокие и неудачливые люди платили за журналы свои последние гроши. В этих романах бедные девушки, которые усердно изучали стенографию и поступали на работу в контору, действительно выходили замуж за хозяина, а не за какого-то бухгалтера, работающего неполную неделю. Девушки, живущие в меблированных комнатах, выходили замуж за владельцев золотых приисков или за мужчин с золотым сердцем, которые незамедлительно открывали на своем участке нефть. Красивые, но бедные юноши останавливали взбесившихся лошадей и таким образом знакомились с богатыми наследницами и женились на них; или же спасали жизнь какого-нибудь магната, и их приглашали к нему в дом.

Эбнер слушал эти романы, когда сидел дома, давая отдых усталым ногам. Они внушали ему новые мысли о том, как преуспеть в жизни; но, к несчастью, он уже не был молод и красив и, очевидно, навсегда упустил счастливый случай. Тот богач, на ком были сосредоточены его мысли, по-видимому, никогда не ездил верхом и, насколько Эбнеру было известно, его жизни ни разу не угрожала опасность. Мистер Форд был окружен множеством людей, готовых, вероятно, сделать для него все, что потребуется. Эбнер видел его несколько раз, когда тот проходил по заводу или выезжал из ворот на своей машине; но Эбнеру не представлялся случай поговорить с ним. Эбнер разузнал, где живет Генри, проехал мимо дома и увидел, что он охраняется и что туда не так-то легко попасть. Да, прошли те добрые старые времена, когда рабочий мог потолковать с Генри Фордом и попросить его об одолжении.

Как бы то ни было, романтические истории, о которых читала и говорила Дэйзи, поддерживали в представлении Эбнера мысль о мосте между хозяином и рабочим. Эбнер тоже стал предаваться мечтам, придумывать, что бы могло случиться. А что, если он отойдет от конвейера, когда Генри будет проходить мимо, и скажет: "Мистер Форд, я Эбнер Шатт, тот самый, что лет сорок тому назад помогал вытаскивать вашу тележку из канавы". Или подойдет к дому мистера Форда и расскажет об этом охране; или подождет на участке в три тысячи акров, окружающих ферму, — авось великий человек пройдет мимо: не мог же он обнести весь участок забором!

А что, если Эбнер напишет письмо? В газетах писали, что мистер Форд ежедневно получает тысячи

писем, но бывают и секретари с добрым сердцем, и, может, одного из них удастся растрогать печальной повестью, которую расскажет Эбнер. Все просители пишут письма с этой затаенной мыслью; каждый из них — обособленная личность, капля воды, падающая с неба; но вскоре капли обнаруживают, что они слились, образуя реку, их несет в океан!

Как-то придя домой, Эбнер увидел, что Дэйзи нет, а жена спит; ему только этого и надо было — можно было делать, что хочешь, и не отвечать на расспросы. Он стал скрытным, потому что жил среди людей, которые во многом не соглашались с ним, говорили, что он жадюга или мохом порос и вообще все то, что молодежь говорит про стариков. Эбнер Шатт не был умен, но он решил про себя, что пусть лучше его письмо будет таким, как оно есть, нежели будет написано каллиграфическим почерком образованной дочери.

Эбнер читал в газете о благотворительстве миссис Форд и об ее богоугодных делах; он думал, что, может быть, она получает меньше писем, чем ее муж. Он отыскал перо и чернила, вырвал из блокнота листок бумаги и, попыхтев больше чем когда-либо на сборочном конвейере, сочинил письмо, начинавшееся: "Дорогая мисес Форд", — за чем следовало:

"Когда я был мальчишкой, я жил позади Бэгли-стрит и много раз помогал вытаскивать тележку мистера Форда из грязи и раз даже помог повернуть ее. Я работал на заводе с первого года. В те дни я, бывало, говорил с мистером Фордом. Я работал у него почти тридцать лет и всегда хорошо. Вот уже два года как меня уволили, у меня больная жена, а у дочери ребенок, а муж ее работает в конторе один день в неделю. Мой сын

окончил заводскую школу мистера Форда, у него семья, а работает он только два дня в неделю. Мистер Форд знает меня, он сам дал мне работу и не один раз говорил со мной. Мисес Форд, пожалуйста, дайте мне работу, я готов делать что угодно. Фордовскую машину я знаю, я работал на этом деле всю жизнь. Пожалуйста, помогите хорошему человеку, я из прихода преподобного Оргута.

С почтением, Эбнер Шатт".

70

Эбнер перечел это письмо и с беспокойством почувствовал, что с некоторыми словами не все ладно. Но в конце концов он же не просит места школьного учителя. Он думал, что "мисес Форд" разберется, о чем идет речь, и в этом он не ошибся. Он допустил только одну серьезную ошибку: забыл указать свой адрес.

Он вышел на улицу, купил марку и отправил письмо, а затем засел дома и стал ждать. Он никому не сказал ни слова; он всех удивит. Он сидел дома весь следующий день, поджидая прихода посыльного. Он прождал еще день; наконец Милли и Дэйзи стали пилить его: что же, он совсем бросил искать работу? Эбнер снова начал шагать по улицам.

А с письмом случилось вот что: один из секретарей миссис Форд вскрыл его и, согласно ее инструкции, направил на расследование. Оно попало в канцелярию дирекции, к служащему, который ведал этими делами. Тот разыскал имя Эбнера Шатта в картотеке, содержащей несколько миллионов именных карточек бывших рабочих Фордовской автомобильной компании. Отсутствие адреса не имело существенного значения, потому что имя Эбнер Шатт встречается не часто. Записи

подтвердили сведения Эбнера относительно сроков его работы в Фордовской компании; и таким образом, дело было передано "исполнителю".

Молодой человек вышел из фордовской машины модели А перед домом Шаттов и позвонил. Он звонил довольно долго, потому что в доме не было никого, кроме Милли, а она редко вставала с постели. Но, наконец, она кое-как добрела до двери, выглянула в щелку и, разумеется, сильно взволновалась, увидев незнакомого человека и услышав, что он от Фордовской компании. Бормоча извинения, Милли впустила его, охая, села на стул; горько ей было видеть нищету своего жилья, совершенно не приспособленного для приема гостей.

Бывало, к сожалению, что "душещипательные истории", которые почта доставляла доброй миссис Форд, оказывались обманом. Но в данном случае легко было убедиться в болезни Милли, кроме того, обнаружилось, что она ничего не знала о письме мужа. Это весьма облегчило молодому человеку проверку сведений, сообщенных Эбнером. Муж, по-видимому, ушел искать работу, — почетное, хотя и бесполезное занятие. Молодой человек подробно расспросил Милли об их семейных и финансовых делах. Как это ни казалось неправдоподобным, Эбнер, очевидно, знал мистера Форда в начале его карьеры и был взят на работу лично им и им же повышен в должности. Это был случай, заслуживающий внимания.

Какое возбуждение царило в семействе Шаттов после того, как все его члены вернулись домой и услышали новость! Как гордился собой глава семейства! Долгое безделье и беспомощность чуть было совсем не

сломили его; но теперь он так заважничал, что с ним сладу не было. Каждый день он поджидал почтальона и, наконец, получил извещение явиться на завод в Хайленд-Парке, где все еще изготовляли части для старых моделей Т. Эбнеру предложили два дня в неделю вставлять винтики на конвейере по сборке магнето и получать за это восемь долларов; и на трамвай не нужно тратиться. Это показалось манной небесной несчастному семейству, которое жило под угрозой голодной смерти.

Когда у человека работают двадцать пять тысяч рабочих, то он, само собой, не разорится, если их будет двадцать пять тысяч и один; особенно раз он может взамен уволить другого или сотню Других, если ему заблагорассудится. Мужу приятно доставить жене удовольствие, а то, что у жены доброе сердце, неудивительно, ведь женщины так плохо разбираются в экономических законах. Если жена не соглашается отдать приказ, чтобы письма просителей бросали непрочитанными в корзину, то надо найти возможность удовлетворять ее желания. Таким образом Эбнер получил работу и написал трогательное благодарственное письмо, не вызывающее никаких сомнений в искренности его, чувств, — стоило только посмотреть на пляшущие каракули и правописание. Письмо передали мягкосердечной леди, и она носила его в сумочке и показывала своим друзьям, — пусть знают, какое хорошее и доброе учреждение Фордовская автомобильная компания.

Что до Эбнера, он сразу забыл все свои горести и обиды. Он забыл, что над его головой свистели пули — пули, купленные за счет Генри Форда, которыми стреляли его люди. Пусть эта тайна Эбнера останется при нем и умрет вместе с ним, Эбнер снова убедился в

том, в чем в глубине души никогда не сомневался: Генри Форд был одним из величайших и добрейших людей, и если и было что дурное, то только потому, что у него слишком большое дело и он не может найти людей, достойных его целей. Эбнер Шатт снова был своим человеком у Форда, и если какой-нибудь мастер посмеет уволить его, он будет знать, что ему делать!

71

Несмотря на уговоры Генри, американский народ не переизбрал президента Гувера. Американцы решили попытаться счастья на демократе; и почти сразу начался развал финансов и промышленности, какого еще никогда не бывало. Между учеными мужами разгорелся спор, который вряд ли будет разрешен до конца американской истории: был ли развал результатом того, что удалось или не удалось сделать мистеру Гуверу, или причина крылась в страхе американцев перед тем, что намеревался сделать мистер Рузвельт. Прежний президент пригласил вновь избранного, чтобы посоветоваться с ним относительно того, что следует предпринять до передачи полномочий; но мистер Рузвельт отказался принять какую-либо ответственность за то, что будет сделано до конца президентства Гувера. Дебаты стали еще жарче. Кого следовало винить в том, что все банки Америки вынуждены закрыться?

Эбнер был одним из ста миллионов американцев, которые знали только то, что читали в газетах. Для него все это было совершенной загадкой, недоступной пониманию. Что станет с Америкой? Что она, так и вылетит вся в трубу? А что, если Форду опять придется закрыть свое предприятие и Эбнер останется без работы?

Новый президент был бодр и весел, что сильно обнадеживало одних и приводило в ярость других. Новый президент придерживался того взгляда, что если дать денег фермерам и рабочим, то они немедленно пустят их в оборот; это лучше, чем отдавать деньги крупным банкам, которые спрячут их в своих подвалах. Этот новый проект пришелся по нраву всем тем, у кого денег не было, и они искренне, от всего сердца обещали тратить их. План был осуществлен, торговля сразу оживилась и промышленность воспрянула; фермерам было кому продавать свои продукты, а мелкому городскому люду чем наесться досыта.

Так продолжалось несколько лет. Правительство занимало миллиарды долларов и тем или иным способом ссужало ими людей, чтобы они их тратили, что они и делали, и таким образом банки и крупные предприниматели имели удовольствие начинать все сначала. Казалось бы, что это как раз то, чего им хотелось, и что они будут благодарны президенту, которому пришла в голову такая замечательная идея; но по какой-то странной причине, как только они снова почувствовали себя вне опасности, — банки открыты и набиты деньгами, фермеры продают свои продукты по хорошей цене и компании выплачивают самые большие дивиденды за все время своего существования, все они напустились на того, кто их спас, стали обзывать его диктатором, мотом и еще разными словами, которых нельзя напечатать.

Возьмите, к примеру, Генри Форда: в конце 1934 года, по прошествии полутора лет "нового курса", Генри выступил в печати с заявлением, что кризис миновал и что он намечает выпуск миллиона автомобилей, — такой цифры не было с 1930 года. И на этот раз это была

святая истина, а не игра на психологии. У людей были деньги, чтобы сменить старые автомобили, на которых они ездили многие годы, и Генри начал набирать рабочих и повышать минимум заработной платы. Разве не естественно было ожидать, что он внесет некоторые изменения в свою экономическую философию и попытается сотрудничать с новой главой правительства?

Куда там! Президент ввел было так называемую Н.А.В. ["Национальная администрация восстановления" — специальный правительственный орган, созданный президентом Рузвельтом], которой надлежало заставить промышленников отказаться от снижения заработной платы, бессмысленного перепроизводства и всех неразумных затрат, вытекающих из анархии в промышленности; и Генри, упрямейший из индивидуалистов, уперся, как мул посреди дороги, не желая подписывать соглашение, не желая сообщать о своих намерениях, предоставляя правительству бойкотировать его автомобили и бросать в корзину его заявки на подряды.

Что мог Эбнер Шатт понять во всем этом? Разумеется — ровно ничего. Эбнер тоже напоминал мула, но впряженного в привод, мула, который ходит и ходит по кругу, поддерживая работу механизма. В час он делал много кругов и кружил восемь часов в день, пять дней в неделю, и желал только одного на свете — ходить вот так по кругу, пока хватит сил, и каждую пятницу получать чек Фордовской автомобильной компании и кормить и одевать свою семью, платить налоги задом, и нет-нет да положить несколько долларов в банк — на этот раз с гарантией правительства, — чтобы, если на

Америку снова налетит шквал кризиса, Эбнера с больной женой не смело с лица земли.

72

В это время еще один член семейства Шаттов попал в газеты. В Мичиганском университете была группа студентов, которая выражала недовольство по поводу военного обучения, и эти студенты созвали "митинг протеста против войны и фашизма" и для наглядности инсценировали суд и сожгли портрет Вильяма Рэндольфа Херста. Газеты подняли шум, и ректор университета счел нужным заявить, что впредь подобных нарушений спокойствия допущено не будет. Беспорядок, сказал он, был вызван "подрывной деятельностью нескольких профессиональных агитаторов". В газетах упоминались имена некоторых организаторов митинга и среди них имя студента старшего курса Томаса Шатта.

Эбнер не читал больше газет и впервые услышал о митинге, когда к нему явилась делегация из трех сограждан. Это были его старые знакомые, которые когда-то носили на шляпах ленты "клуба борьбы за президентство Форда" и ходили с Эбнером сжигать воспламеняющийся крест. Деятельность ку-клукс-клана замерла, и состарившийся, измотанный Эбнер потерял интерес к политике; но посетители сказали ему, что он пренебрегает своими обязанностями гражданина и что ему следовало спустить шкуру с мальчишки, чтоб оградить его от влияния "красных".

Бедняга Эбнер Шатт был в отчаянии и с жаром заверил посетителей, что для него это полная неожиданность. Пряча в глубине сердца тайну о своем участии в демонстрации "красных", он заявил, что

остался таким же хорошим и верным патриотом, каким был; но как может он уследить за сыном, если не понимает, чему тот учится? "Все такие ученые слова говорит", — сказал Эбнер. И что он может поделаться с таким верзилой, да еще футболистом, который с двумя такими, как его отец, справится?

Посетители сказали, что, если понадобится, они придут и помогут выпороть парня. Они торжественно сообщили Эбнеру, что создана новая организация, еще более мощная, чем ку-клукс-клан, которую поддерживают многие крупные компании и которая позаботится о том, чтобы Детройт не попал в руки "красных". Они не стали распространяться об этой организации, потому что ему нельзя было больше доверять, но делали грозные намеки, и несчастный старик с перепугу нацарапал своему сыну письмо, которое наполнило сердце Тома жалостью, но не изменило его взглядов.

До Эбнера то и дело доходили слухи о новой организации, о "Черном легионе", сильно разраставшемся, особенно за счет белых рабочих из глухих горных селений Южных штатов, которых автомобильные компании вербовали и привозили на осенний сезон десятками тысяч. Эти рабочие были по большей части неграмотны, но исполнены шовинизма и расовой гордости; они ненавидели католиков, евреев, негров и всех, кого можно было назвать "красным". Один из приезжих работал с Эбнером в Хайленд-Парке, они часто ездили вместе домой, и он нет-нет да и заговаривал о "Черном легионе", хотя и поклялся под угрозой смерти не выдавать его тайн. Очень страшное дело эта "черная клятва", которую надо подписывать своею кровью. "Клянусь именем бога и дьявола во всем

повиноваться моим начальникам и положить все силы на истребление анархистов, коммунистов, католиков и их соучастников". Надо быть "христианином-протестантом, стопроцентным белым американским гражданином" и отвечать жизнью за клятвопреступление: "разорвут на части и прах развеют по ветру". Надеваешь черный балахон и начинаешь "качать кнутом, огнем и смертью" инакомыслящих.

"Черный легион" становился большой политической силой; среди его руководителей были судьи, прокуроры, мэры, муниципальные советники, полисмены и члены Американского легиона. Бедняга Эбнер не давал никакой клятвы, но он пребывал в великом страхе из-за своего непокорного сына. И зачем только он позволил парню учиться в колледже, где он набрался опасных мыслей и научился говорить ученые слова!

Атмосфера сгущалась с каждым днем; даже забитый и недалекий Эбнер чувствовал это. В Дирборне, где находился завод Ривер-Руж, подручные Форда создали еще одну организацию под названием "Рыцари Дирборна", в которую вошли несколько сот человек, находящихся у Форда на содержании; в их обязанности входила политическая агитация и выполнение всей "черной работы", какая требовалась. Фордовский завод охватила шпиономания. Если трое рабочих разговаривают между собой — значит, тут пахнет заговором. Молодчики из "служебной организации" вскрывали судки с завтраками рабочих в поисках крамольной литературы. Они даже разламывали на куски сэндвичи!

Том Шатт окончил колледж. Он расхаживал в черной шапочке и такой же мантии и в блеске славы; веселые песни теплыми весенними вечерами, рой хорошеньких девушек в легких очаровательных платьях, папы и мамы, все представительные и нарядные; знаменитый адвокат раздает свидетельства о присуждении степени бакалавра и говорит тысяче юношей и девушек, что Америка нуждается в их идеализме и беззаветной преданности, особенно теперь, когда миру угрожает дух беспорядка и недовольства.

Только один член семейства Шаттов был свидетелем этого великого события в жизни юного Шатта — Дэйзи Бэггз. Она колебалась, следует ли ей появляться среди такой светской публики, но Том пригласил ее, и она попросила соседку присмотреть за ребенком и надела платье подружки-маникюрши. Она воспользовалась семейным фордом, проехала миль тридцать до Энн Арбор и поставила в сторонке свою потрепанную машину.

Роскошь и великолепие, среди которых она очутилась, повергли ее в трепет. Она точно перенеслась в волшебный мир грошовых журналов. Брат ее был так величествен, что она едва узнавала в нем того малыша, которому, бывало, утирала нос. Он познакомил ее с очаровательной соученицей в бледно-голубом шифоновом платье, дочерью промышленника, которая смотрела на Тома с почти собачьей преданностью; тут Дэйзи поняла, что значит университетское образование. Она была так потрясена, что решила совершить самоотверженный поступок, достойный героинь прочитанных ею романов; она незаметно исчезнет, и

Тому не придется краснеть, знакомя бедную и невежественную сестру со своими богатыми и учеными друзьями.

Но Том и слышать не хотел. Он сказал, что едет сегодня домой, и просил ее подождать до вечера и подвезти его. По дороге домой он сделал все от него зависящее, чтобы охладить ее восторг. Колледж — вздор; шапочка и мантия были взяты напрокат за два доллара, а знаменитый адвокат, так растрогавший ее своим идеализмом и красноречием, — наймит электрических и газовых компаний, которым помогает держать в руках республиканскую партию и проводить своих людей в законодательные и судебные органы штата. Если бы он говорил правду, он сказал бы тысяче юношей и девушек, что их поколение лишнее и, если папа не подыщет им местечка, надеяться им не на что.

А что до очаровательной дочери промышленника, то девушка она славная, но Том не собирается жениться на ней, потому что они не сходятся во взглядах и он не хочет жить на чужой счет. Ему нравится другая девушка, толковая такая, в круглых очках и небольшого-роста, слегка сутулая, — это оттого, что она сидела над составлением диаграмм, показывающих отношение прибыли к заработной плате в периоды кризисов на всем протяжении американской истории. Она доказала, что реальная заработная плата всегда падает быстрее, чем прибыль, и никогда не, поднимается до прежнего уровня с такой быстротой, как прибыль. Эти диаграммы проливали свет на невзгоды нескольких поколений семейства Шаттов.

Было около полуночи; впереди поблескивал серп луны, легкий ветерок доносил запахи цветов; на шоссе

было светло, как днем, от фар возвращающихся в Детройт автомобилей, — все было полно очарования, и бедняжка Дэйзи ждала, что из нарядного университетского мирка на нее повеет молодостью и счастьем. И что же, рядом с ней сидел молодой человек, лишенный всяких иллюзий, сохранив их разве только в отношении своих собственных сил и решимости; он входил в жизнь, стиснув зубы, готовый к борьбе.

— Том, ты говоришь, как красный! — воскликнула его сестра.

— В газетах меня, наверное, будут называть красным, — ответил он. — Еще задолго до того, как я поступил в колледж, я убедился, что рабочих обманывают, и за четыре года учебы я добыл цифры и факты, которыми я докажу это.

74

— А что ты собираешься теперь делать, Том? — спросила Дэйзи и услышала в ответ:

— Хочу устроиться к Форду и зарабатывать деньги.

— Рабочим?

— Ну, конечно.

Это был тяжелый удар по романтическим мечтам Дэйзи. Четыре года средней школы и четыре года колледжа — и в конечном счете стать на конвейер!

— Зачем же было учиться, Том, если ты не хочешь пользоваться своим образованием?

— Я им воспользуюсь, — сказал он. — Я буду таким рабочим, который понимает, что с ним происходит, и может разъяснить это другим.

— Ты будешь бунтовщиком?

— Меня так будут называть, сестренка. А тебе это будет неприятно?

— Нам всем может не поздоровиться.

— А сейчас вам больно хорошо?

— В последнее время стало лучше.

Том засмеялся.

— Ну, я могу ведь устроиться и еще где-нибудь, уеду от вас. В Америке места много.

— Да что ты, я не о том! Но маме с папой трудно будет понять. Мы все думали, что ты будешь юристом.

— Видишь ли, сестренка, я узнал, что в Детройте сотня юристов получает пособие по безработице, и решил, что их и без меня довольно. Уж лучше я попытаю счастье у конвейера.

Дэйзи помолчала немного, затем сказала:

— На твоём месте я не стала бы говорить дома о том, что ты думаешь и что собираешься делать. Они ничего не поймут и только огорчатся. Скажи просто, что хочешь устроиться на лето, а пока будешь подыскивать подходящее место.

— Ладно, сестренка, тебе лучше знать.

— И вот ещё что: не говори Генри о себе ни слова.

— Это почему же?

— Я не имею права говорить о его делах, Том.

— Даже его родному брату?

— Захочет, так сам скажет. Я ничего не скажу тебе о нем и ему о тебе.

— Гм! — сказал Том. — Отмена сухого закона, надо думать, прихлопнула коммерцию Генри.

— Думай как знаешь.

— Я слышал, что все эти субъекты теперь обзавелись пивными. Что ж, никто не хочет его пристроить?

— Он привык к вольной жизни. Не думаю, чтобы ему понравилось сидеть за кассой.

— Он предпочитает шпионить, так, что ли?

— Нечестно спрашивать меня об этом, Том.

— Ладно, не буду. Я и так знаю, что завод Форда — шпионское гнездо. А забавно будет, если я наскочу на родного брата. Как знать, он, может, будет шпионить за мной, а я за ним. Что ты скажешь на это, сестренка?

— Мамино здоровье очень плохо, — сказала Дэйзи, — я думаю, она недолго протянет. Доктора никак не поймут, что с нею такое.

75

Семья радовалась, что Том опять дома. Все готовы были благоговеть перед его ученостью, но он не заносился ни перед родными, ни перед их знакомыми. Он остался тем же славным малым, каким был всегда; лучшего жильца трудно было найти, потому что деньги он приносил аккуратно и больше, чем с него причиталось.

Он пошел прямо на фордовский завод и устроился на работу. Вот что значит молодость, здоровье и умение

разговаривать с людьми. К концу июня много студентов стало появляться у заводских ворот в надежде заработать денег на лето и на зимнее учение, и многие хозяева убедились, что энергии у них хоть отбавляй и что они не скупятся на нее. Студенты поколения Тома в конце концов оказались не такими уж "лишними"; годы, проведенные в колледже, не прошли зря, юный бакалавр имел все преимущества перед ветеранами труда, и ему охотно поручали рытье канав и погрузку мешков с цементом в товарные вагоны; а также требующую особых качеств работу в многочисленных новых профессиях, созданных современной промышленностью: заправлять автомобиль и вытирать ветровые стекла, усаживать пассажиров в аэроплан, демонстрировать электрические холодильники, читать лекции о том, как надо пользоваться электрическими приборами, — самые разнообразные виды деятельности, необходимыми атрибутами которых являлись красивая форма, энтузиазм и личное обаяние.

Тома Шатта поставили к станкам, изготовляющим шестерни. До кризиса один рабочий работал на четырех станках. Станки были все те же, но компания заставляла теперь одного рабочего обслуживать двенадцать станков, и тот, кто работал на них до Тома, измотался вконец. В какие-нибудь десять минут Тому показали, что ему надо делать, и это было все, что ему требовалось знать об автомобильной промышленности. Он быстро ходил взад и вперед вдоль станков, останавливался, чтобы вынуть готовую часть и заправить новый кусок стали. Ему это даже нравилось, утверждал Том; работа не мешала думать о том, что его интересовало, и каждую пятницу он будет получать пять долларов шестьдесят пять центов, помноженные на пять. Том охотно

проработал бы так всю жизнь, но что-то подсказывало ему, что этому не бывать.

Он купил в рассрочку легковой автомобиль, форд, разумеется, автомобиль другой марки нельзя было поставить на огромном участке, отведенном для машин фордовских рабочих. Фордовская компания всегда отрицала существование такого негласного правила, но если бы какой-нибудь рабочий осмелился появиться на шевроле, не прошло бы и часа, как мастер начал бы к нему придирааться. Том не хотел ни с кем ссориться; он был старателен и кроток, как агнец; делал, что ему говорили, и изучал правила внутреннего распорядка так же, как прежде на уроках экономики изучал отношение заработной платы к прибыли.

Ему хотелось поближе познакомиться с товарищами по работе; но это было не так просто, как казалось с первого взгляда. Утром рабочие поспешно входили, пробивали табель, сбрасывали пальто и приступали к работе. В перерыв, когда надо было достать завтрак, проглотить его, вытереть руки и встать на место — ровно в пятнадцать минут, разговаривать много не приходилось. После смены рабочие бежали к своим фордам или к трамваю и отправлялись домой, а дом находился где-нибудь в пределах окружности радиусом в пятьдесят миль.

Но Том как-то находил время, и, познакомившись с рабочим, он заговаривал с ним о его жизни и о том, как живут другие рабочие, и доволен ли он, а если недоволен, то чем. Не прошло и нескольких недель, как Том уже успел побеседовать со многими рабочими; и вскоре, без особых стараний с его стороны, они стали

вечерами потихоньку собираться друг у друга и говорить о том, что больше всего их интересовало.

76

Во многих колледжах были группы молодежи, которых волновал рабочий вопрос; их можно было назвать маленькими "мозговыми трестами", и когда они оканчивали колледж, они поддерживали между собой связь. Не все они были согласны между собой; напротив, они много времени тратили попусту, споря о тактике. Но они сходились на том, что называли "первоочередными задачами", и одной из таких задач было устанавливать личную связь с рабочими, узнавать, что они думают, и при случае внушать им новые мысли. Поэтому многие из них, и студенты и студентки, делали то же, что и Том Шатт; поступали на завод, добывали на жизнь и готовились вступить в рабочий союз, если — и как только — он будет создан.

Эти маленькие "мозговые тресты" считали, что массовая безработица в Америке вызвана слабой покупательной способностью американских масс. Слишком большая доля доходов от промышленности поступает к хозяевам, которые тратят их на расширение производства и не повышают оплаты рабочим, что позволило бы тем тратить больше на продукты питания, одежду и удовлетворение других своих нужд. Рабочие получают такую заработную плату, что не могут покупать производимые ими продукты, и поэтому производство сокращается, заработная плата падает еще ниже, и фермерам некому продавать свою кукурузу и пшеницу. Обувные фабрики загружены наполовину, потому что

рабочие автомобильной промышленности донашивают старые башмаки — одни заколдованные круги.

Хуже всего было то, что лекарства, прописанные "новым курсом", не помогали. Правительственная политика займов и расходования средств оживила промышленность, но почти не уменьшила безработицу. Друзья Тома видели это своими глазами на фордовском заводе, где в каждом цехе устанавливали новые станки и повышали скорость работы старых, и таким образом рабочих, которые уменьшались в числе, заставляли увеличивать продукцию. Выпуск продукции поднялся до предкризисного уровня, а число рабочих, занятых в производстве, сократилось на одну треть. Десять миллионов безработных, по-видимому, становилось постоянным фактором в жизни Америки; безработные будут толпиться у заводских ворот и сбивать ставки тех, кто имеет работу.

Большой "мозговой трест" в Вашингтоне попробовал было найти выход — с помощью Н.А.В. установить твердые ставки и твердые цены. Но верховный суд живо прихлопнул эту затею, тем дело и кончилось. Маленькие "мозговые тресты" в Хайленд-Парке, Дирборне и в тысячах других индустриальных центров говорили теперь: "Мы сами должны это сделать". Том Шатт говорил: "Нам нужен союз автомобильной промышленности; массовая организация для настоящего дела, а не кучка бюрократов, которые просиживают брюки и получают жирные оклады".

В Детройте уже было положено начало. В разгар кризиса в городе была создана организация — "Общество механиков". Обществом руководили инструментальщики и красильщики, самые квалифицированные рабочие,

которых мастера побаивались. Они провели несколько кратковременных забастовок, и все они кончились победой. А что еще важнее, они успешно пропагандировали свои взгляды и побуждали всех рабочих к активности.

По всей Америке началось движение за профсоюзы по производственному, а не по профессиональному признаку. Идея эта была не новая, но она оставалась втуне, пока рабочие не осознали ее значения. В момент наибольшего обострения массового обнищания и массовой безработицы рабочие Детройта задались целью организовать единый профсоюз рабочих автомобильной промышленности, независимо от выполняемой ими работы. Генри Форду, владеющему трудом двухсот тысяч рабочих, придется иметь дело с одним объединяющим всех профсоюзом, а не с сотней мелких.

77

Все лето Том Шатт проработал на заводе и отложил немного денег. Подъем в автомобильной промышленности продолжался, и все мужское население семейства Шатт работало полную неделю. Дэйзи вела хозяйство, потому что ее мать была очень слаба — у нее оказался рак желудка, она очень страдала, и всем было очень тяжело. К концу года она отмучилась, и у Шаттов нашлись деньги на приличные похороны.

Эбнер работал пять полных рабочих дней в неделю на конвейере по сборке магнето. Цены росли, но он помнил прошлые горести и радовался, что они миновали. Он гордился сыном, окончившим колледж, хотя и огорчался его радикальными убеждениями. Том никогда не затевал споров с отцом. Пусть его приходит домой и

наслаждается заслуженным покоем: чинит забор, возится с курами, играет с внуком или сидит на крыльце и попыхивает трубкой. Сорок два года он жил на собственный заработок, производя во много раз больше, чем получая; но для него поздно было наверстывать упущенное.

Дела семейства Джона Шатта тоже поправились. Автомобильная промышленность быстро восстанавливалась, и Джон снова перешел в разряд людей, получающих месячный оклад. Супруги Шатт снова приобрели дом в рассрочку, но на этот раз более скромный. Из кризиса они вышли, перепуганные насмерть и с твердым решением никогда больше не попадаться. Когда наступит новая заминка, у Джона будет такая высокая квалификация, а у Аннабел столько влиятельных друзей, что они удержатся на поверхности. Они жаждали успеха в жизни и с таким рвением поклонялись фордовскому предприятию и всем, кто имел к нему отношение, что Том с трудом переносил их.

Они платили ему тем же. Джон и Аннабел считали, что Том заносится перед ними, потому что он окончил колледж и у него образованные друзья. Аннабел фыркала: ее муж не корпел над книжными пустяками, а вот достиг же такого положения, какого нет и никогда не будет у Тома. Она читала в газете про "мозговой трест" и возненавидела молодых снобов, которые забавлялись тем, что переворачивали все хозяйство Америки вверх дном. Она отзывалась о своем девере как о бунтовщике и настойчиво твердила всем своим друзьям, что они с мужем за него не отвечают, не видятся с ним и знать его не хотят.

Аннабел была матрона решительная, острая на язык, детей своих воспитывала круто, с прислугой не церемонилась и с такой же непоколебимостью высказывала свое мнение по социальным и политическим вопросам. Она требовала, чтобы с агитацией среди рабочих было покончено немедленно, пока не поздно, и то, что агитация продолжалась, она принимала как личное оскорбление.

Великая империя, подобная фордовской, именно такое действие оказывает на тех, кто живет в ней и благодаря ей. Она выдвигает свои задачи и своих верноподданных для их осуществления. Ее придворные и слуги могут ссориться между собой как угодно, но они должны признавать основы, на которых покоится величественное здание. Если они живут в коммерческой империи, они должны признавать деньги и символы денег, ее кодексы роскоши и фешенебельности. Сам автомобильный король с высокой горы, где он обитает, изрек закон: "Люди работают ради денег". И Джон и Аннабел подчинялись этому закону.

78

Как это ни странно, почти так же относился и Генри Шатт к своему младшему брату. Теперь Генри тоже достиг респектабельности — не думайте, что, когда он был вне закона, он этого не чувствовал, не думайте, что ему было приятно, когда его родные смотрели на него сверху вниз, стыдясь даже имя его произнести, хотя и были вынуждены брать у него деньги! Ему удалось, наконец, приобщиться к закону и порядку, за ним стояла могущественная фордовская организация, и вдруг является какой-то мальчишка и хочет все испортить —

щенок, набравшийся всяких выдумок у людей, которые за всю свою жизнь палец о палец не ударили и ничего не знают о том, какие среди рабочих бывают злодеи и как опасно призывать их к насилию.

Между обоими братьями с детства существовала вражда. Генри был старше Тома на четыре года, и Том должен бы смотреть на старшего брата снизу вверх: но младший брат с самых ранних лет заметил, что Генри жульничает в играх и лжет, чтобы выгородить себя. Мало-помалу у Тома завелась своя компания. И вот прошло почти двадцать лет, и они опять стояли друг против друга, каждый со своими друзьями, но горе-то было в том, что между обеими компаниями разгоралась война.

Генри пришел поговорить об этом с сестрой. Он сказал, что Том может засыпаться и что Дэйзи надо потолковать с сумасшедшим мальчишкой. Она спросила, почему он сам не поговорит с ним, и он сказал, что этого нельзя.

— Не могу я открывать ему свои карты.

— Мне думается, что Том и так обо всем догадывается, — сказала Дэйзи.

— Одно дело догадываться, а другое дело, если он будет говорить, что я ему сам сказал. Мне нельзя разговаривать с рабочим агитатором.

— А если я скажу, это можно?

— Чертово положение! — вырвалось у Генри. — Что же мне теперь делать, выдавать родного брата?

— Поступай как знаешь. Генри.

— Рано или поздно начальник сам все узнает и скажет мне: "Какого черта! Ты что же, на два фронта работаешь? Для рабочих союзов чего лучше, если у них будут свои люди в фордовской "служебной организации".

— Верно, Генри. Я прекрасно тебя понимаю. Но и ты пойми Тома. Он тоже рискует. Для фордовской "служебной организации" чего лучше, если у нее будут свои люди в рабочих союзах. И надо думать, их там немало.

— Об этом я не буду говорить, — мрачно сказал Генри.

— А я и не спрашиваю, и Том мне ничего не говорил. Я просто объясняю тебе, что он мне скажет. Ему так же неловко перед товарищами по профсоюзу, как тебе перед хозяином.

— Я уже был на этой работе, когда он объявился, — проворчал Генри.

— Так-то оно так, но ведь ты ничего ему не сказал. А он согласен был уехать отсюда, если он семье не по нраву.

— А знаешь, Дэйзи, ведь это выход. Уговори его уехать куда-нибудь. Пусть устроится в "Дженерал моторе". Деньгами я его пока обеспечу. Скажи, что я сотни долларов не пожалею, а если только за этим дело, накинь еще сотню. Прямо бы гора с плеч.

Дэйзи пошла к Тому, но тот рассмеялся и объявил, что Генри опоздал, он уже начал войну и не покинет своих друзей. Что же касается денег, то пусть лучше они достанутся Генри. Том уверен, что он смог бы раздобыть сотню-другую долларов, если только Генри сообщит ему

все о фордовской "служебной организации" и особенно о шпионах среди агитаторов.

Генри побледнел, когда услышал об этом предложении.

— Видишь, в какой я попал переплет? Это самое подумает и хозяин. Как я ему докажу, что я не пошел на такое дело?

— А ты, пожалуй, не прочь бы, Генри?

— Если я пущусь на такие штуки, меня живо прихлопнут. В таких случаях у них разговор короткий.

— Я никому ни слова не скажу, — сказала Дэйзи. — Можешь на этот счет не беспокоиться.

— Да, но это ничего не меняет. Что же мне делать с Томом?

— Я его спрашивала, и он сказал: "Пусть исполняет свои обязанности".

Дэйзи попыталась улыбнуться, но Генри было не до смеха.

— Легко сказать, идти к хозяину и сообщить, что мой родной брат красный?

— Хозяин тебя за это похвалит.

— Терпеть не могу мелодрам, слишком много надо объясняться. — И, помолчав, прибавил: — А кроме того, не хочется мне топить малыша.

— Об этом не тревожься. Увольнение не пугает Тома.

— Говорят тебе, Дэйзи, его жизнь в опасности!

— Он это знает, — спокойно ответила Дэйзи.

— Метит в мученики, так, что ли? Дешевой славы ищет. Полоумные бунтовщики, дьяволы окаянные! — Генри разразился было потоком ругательств, но Дэйзи сказала:

— Не принимай, милый, так близко к сердцу. Помни — ведь ты всего лишь Генри Форд Шатт, а не Генри Форд!

79

В середине зимы, а зима была снежная, началась оттепель, потом за ночь подморозило, и когда Том ехал утром на работу, он врезался в чужую машину, и после оказалось, что у его машины погнулась передняя ось, и ее взяли на буксир и повезли чинить. В результате Том опоздал больше чем на час, и когда он пришел в цех, на его станках уже работал другой рабочий.

Это, конечно, было в порядке вещей; он ждал жестокого нагоняя. Но когда он стал объясняться с мастером, то увидел, что дело обстоит хуже.

— Хватит, Шатт, — сказал мастер. — Натерпелся я от тебя. Ступай и получи расчет.

— Чего же вы от меня натерпелись? — спросил Том.

— Я не хочу с тобой разговаривать. Твое место занято. Катись отсюда.

Том огляделся. Многие рабочие этого цеха знали его, и он раздумывал, не позвать ли их. Так начинались многие забастовки и заканчивались победой рабочих. Но перед ним очутились двое здоровенных детей в штатском. Молодчиков из "служебной организации" всегда можно было узнать по сломанным переносицам и изуродованным ушам. Один из них держал правую руку в

кармане, вероятно, сжимая кастет. Такова была цена человеческой жизни на фордовском заводе, если грозил беспорядок.

— Ну, ладно, — спокойно сказал Том, повернулся и пошел в раздевалку. Верзилы в штатском последовали за ним и присмотрели, чтобы он получил расчет, сдал табельный номер и вышел с завода через ближайшие ворота.

Итак, Том вступил на путь "мученичества"; теперь он — бывший фордовский рабочий, занесенный в черный список, а это значило, что ему уже нельзя будет работать под собственным именем ни в одной крупной компании Детройта. Его спросят о последнем месте работы, позвонят туда по телефону, и вопрос будет исчерпан. Новый хозяин вряд ли станет говорить: "Нам не нужны агитаторы". Нет, ибо теперь в Белом доме сидит агитатор, и в конгрессе их много, и они проводят дурацкие законы, так что предпринимателям приходится крепко защищаться. Он вежливо скажет: "Очень жаль, приятель, но пришел парень, раньше работавший на этом месте, а мы всегда стараемся сохранить своих рабочих".

У Тома было немного денег, отложенных именно на такой случай, и теперь ему ничего не мешало вести жизнь рабочего агитатора. Днем он посещал собрания комитета и встречался с рабочими ночных смен с разных заводов; по вечерам он встречался с рабочими дневной смены или выступал на митингах, которые проводились в неприметных помещениях рабочих районов. Рабочие прибывали окольными дорогами, оставляли свои маленькие машины где-нибудь подальше и пробирались в зал с черного хода или надвинув на глаза кепку и

прикрывая лицо носовым платком. Митинги происходили в полной темноте, и несколько рослых рабочих стояли у выключателей, чтобы никто не мог зажечь свет. Вот как обстояло дело во всех городах автомобильной промышленности, в городах стальной, резиновой и нефтяной промышленности этой страны свободных и отчизны храбрых; всякая попытка собраться и обсудить свои нужды считалась чуть ли не преступлением, и тот, на кого падало подозрение, рисковал не только работой, но и своей жизнью.

80

Бывшая соученица Тома Шатта, которую он описывал своей сестре как "толковая девушка в круглых очках, небольшого роста и слегка сутулая", приехала в Детройт и поступила на работу в городской отдел социального обеспечения. Ее звали Делл Брейс, и она была девушка серьезная, ушедшая с головой в рабочее движение. Ее отец — сенатор штата Айова — был реакционным республиканцем, считавшим свою дочь жертвой предательской студенческой пропаганды. Вот почему Делл хотела работать где угодно, только не в родном штате. Она выбрала Детройт, потому что они с Томом почти решили пожениться.

Как раз когда она получила работу, Том лишился своей, и в нем вдруг заговорило мужское достоинство, и он заявил, что не желает, чтобы его содержала жена; тут глаза Делл наполнились слезами, она обвинила его в "буржуазных предрассудках". Сам-то он верит в свои принципы или нет? Если женщина с мужчиной равноправны, то почему она не может содержать его, так же как он бы ее содержал? Томми, не выносивший

женских слез, уступил, и они тут же уладили дело, отправившись получать брачное свидетельство.

И вот он привел свою молодую жену домой познакомиться со всем семейством; и Дэйзи, благоговевшая перед молодой леди, окончившей колледж, чуть не расплакалась от радости, когда та поцеловала ее и выразила надежду, что они будут друзьями. Дэйзи, заняв место матери, теперь тащила на себе всю тяжесть домашней работы. От былой миловидности не осталось и следа; Дэйзи похудела и осунулась, волосы потускнели, она редко их завивала. Но романтика, навеянная грошовыми журналами, еще жила в ее сердце, а что могло быть романтичнее свободного брака двух юных рабочих агитаторов, только что со студенческой скамьи. Даже то, что оба они были "красные", не казалось особенно тяжким прегрешением; жена Джима Бэггза за годы кризиса нагляделась на нужду рабочих и готова была поверить, что рабочие организаторы совсем не такие, какими их изображают газеты.

Она нашла о чем поговорить с Делл: о своем четырехлетнем малыше, который был слабеньким и не мог подолгу гулять в зимнюю стужу. Делл знала все о витаминах и протеинах и тому подобном и объяснила ей, что нужно давать мальчику и как можно это подешевле достать. Обязанностью Делл как работника отдела социального обеспечения было разъезжать по городу и опрашивать нуждающихся. Она была добрая, не по летам серьезная и болела за них душой, потому что они были лишены самого необходимого. В наши дни нелегко иметь дело с бедняками, и богачи поступают очень разумно,

возлагая эти обязанности на оплачиваемых специалистов с университетским образованием.

Вскоре пришел Эбнер и очень удивился, узнав, что у него новая невестка. Он не знал, что делать, что сказать, и очень смутился, когда она подошла к нему и поцеловала в морщинистую щеку с отпечатками жирных пальцев. У Эбнера не было ни малейшего представления о том, что творилось в душе этой молодой леди, которая так сильно выделялась среди них, хотя и была очень скромно одета. Он не мог понять, что она была склонна идеализировать рабочих, и видела в его мозолистой руке, на которой не хватало одного пальца, символ честного труда, медаль ветерана промышленности. Но Эбнер понял, что она леди добрая и что его сыну посчастливилось. То, что она сочувствовала опасным идеям Тома, не удивляло его. У старика в мозгу были несообщающиеся отделения, он считал "агитаторов" опасными и вредными людьми и в то же время умудрялся разговаривать с двумя такими людьми и во всем соглашаться с ними.

81

Движение за организацию производственных профсоюзов в крупной промышленности быстро распространялось по всей Америке; оно возникало стихийно в тысячах различных пунктов, порождаемое отчаянной нищетой рабочих. Оставалось только наметить программу и тактику: а это уже было сделано крупными профсоюзами горняков и швейников, организованных по предприятиям. Вскоре был создан Комитет производственных профсоюзов, сокращенное название

которого приобрело магическое значение для миллионов тружеников, не знавших даже точно, за что они борются.

Крупные профсоюзы собрали денег, и в каждую отрасль промышленности были посланы организаторы. И Том снова получил работу. То обстоятельство, что платили только по двадцать пять долларов в неделю плюс десять долларов на организационные расходы, не имело в его глазах никакого значения, равно как и то, что более опасную работу трудно было себе представить. В городе Детройте рабочий организатор не подвергался непосредственной опасности, но в некоторых маленьких городах "охота на бунтовщиков" была разрешена, к ним принадлежали и фордовские города, где миллиард долларов Генри заботился о своей сохранности.

Тому было поручено посещать окрестности фордовских заводов и встречаться с рабочими у них на дому и повсюду, где возможно. Он так и делал; но как-то двое мужчин в штатском остановили его, показали ему свои значки и велели следовать за ними. В полицейском участке его допрашивал начальник агентства в присутствии нескольких помощников. Том назвал свою фамилию и адрес и сообщил сведения о себе: окончил Мичиганский университет, бывший фордовский рабочий, занесен в черный список, а в настоящее время организатор союза рабочих автомобильной промышленности Америки.

— Я получаю жалованье, и у меня есть текущий счет в банке, так что вы не можете сказать, что я не имею определенных средств к существованию. Я настаиваю на своем праве позвонить адвокату и предупреждаю, что если вы лишите меня этого права, то, как только я буду

освобожден, я немедленно подниму дело о незаконном аресте и содержании под стражей. Что еще вам нужно?

— Нам нужно знать имена тех, с кем вы работаете.

— Можете посадить меня под замок и избивать до потери сознания, но об этом я не скажу ни слова. Могу я позвонить адвокату?

— погоди, красавчик, ты у нас заговоришь! — сказал начальник.

Они отвели его в подвал и поместили в так называемую "дыру" — в подземную камеру с крохотным глазком в железной двери; в камере было только зловонное помойное ведро и ведро с водой, которое, очевидно, лишь недавно перестало быть помойным. Том остался один, и всякий раз, когда слышались шаги, он думал, что к нему идут с резиновыми дубинками.

Профсоюз всегда имел точные сведения о том, куда направлены его организаторы, и требовал, чтобы они как можно чаще звонили в комитет. Когда кто-нибудь долго не звонил, было ясно, что его забрала полиция. О Томе не было ни слуху ни духу, и начались поиски. Позвонили всем женам, матерям и сестрам сочувствующих союзу рабочих и мобилизовали их. В полицейском участке звонил телефон, и возбужденный женский голос требовал сведений о Томе Шатте. Никакие отговорки не принимались — он задержан полицией, или полиция знает, где он, — и голос требовал его освобождения. Сержант вешал трубку, но сейчас же телефон звонил снова, и другой голос обращался с тем же требованием. Телефон звонил круглые сутки, так что пока Том Шатт находился в заключении, полиция не могла заниматься никакими делами.

Если через несколько часов не поступало никаких сведений о задержанном, начинался нажим на компанию. Это был своего рода "саботаж", который можно было бы назвать "умышленным нанесением вреда", но, разумеется, это было несколько не хуже, чем держать без законных оснований человека в подвале тюрьмы и время от времени избивать его резиновыми дубинками, не оставляющими следов на теле. Кто-нибудь из сочувствующих рабочему союзу отправлялся в аптеку или еще куда-нибудь, где был телефон-автомат, вызывал контору компании и просил соединить с кабинетом директора. Затем происходил такой разговор:

— Это секретарь директора?

— Да.

— Пожалуйста, Тома Шатта.

— Какого Тома Шатта?

— Он организатор союза автомобильных рабочих Америки. Ваша полиция держит его в тюрьме, и мы требуем его освобождения.

— Нам ничего о нем не известно.

— Доложите об этом мистеру Эдзелу Форду и скажите, чтобы он потрудился узнать о нем. Ваш телефон не будет работать, пока Том Шатт не будет освобожден.

После этого под рычаг телефона подсовывалась спичка. Рычаг не мог опуститься; и с этого момента станция отвечала "занято" всем вызывавшим Фордовскую компанию до тех пор, пока телефонная компания не послала монтера исправить повреждение. Тем временем звонивший переходил к другому телефону, и

все начиналось сначала. Вызов стоил всего пять центов, и поскольку звонило несколько человек, вскоре все телефоны Фордовской компании оказывались "занятыми", и высокооплачиваемым служащим, которые пытались вызвать Нью-Йорк или Чикаго, чтобы заключить миллионную сделку, приходилось садиться в машину и ехать куда-нибудь, откуда можно было позвонить по телефону. "Том Шатт? Кто такой Том Шатт?" — спрашивали по всей конторе, и тысячи клерков говорили шепотом: "Это профсоюз! На фордовском заводе хотят организовать профсоюз!"

82

Том Шатт вышел на свободу. Но в тюрьме остался другой узник, остался без всякой надежды на освобождение. Это был автомобильный король — пленник миллиарда долларов; его ноги были скованы, чтобы он не мог шагу ступить самостоятельно, и его ум был скован, чтобы ему не могло прийти ни одной мысли, негодной миллиарду долларов. Миллиард долларов говорил ему, что он предмет смертельной ненависти масс; что полмиллиона людей проклинали его за то, что он обрек их на медленную голодную смерть; что существует заговор, охватывающий всю страну, весь мир, чтобы отнять у него богатство. Фермерский сын, когда-то веселый и разговорчивый, стал угрюмым и мрачным, полюбил одиночество и следил за своей охраной, чтобы та неусыпно следила за его безопасностью.

Генри Форд, который был когда-то самым лучшим из хозяев, стал самым худшим. Конкуренты обогнали его, и он платил теперь самую низкую заработную плату во всей автомобильной промышленности; его рабочие

получали в среднем меньше тысячи долларов в год. Его система эксплуатации была самая жестокая, она вошла в поговорку среди рабочих. Шестнадцать лет назад он во всеуслышание заявил, что его рабочие, если хотят, могут вступать в союзы; теперь он тайком распорядился, чтобы всякий, кто только упомянет об этом, был немедленно уволен, и для этой цели ему пришлось завести такие разновидности шпионов, каких еще не знали Соединенные Штаты Америки.

Мысль Генри сосредоточилась на мрачном историческом прецеденте. История знала одного такого правителя, который владел миллиардом долларов, царя всея Руси. В 1905 году недовольные рабочие пошли к его дворцу с требованием выслушать их, а их расстреляли из пулеметов. Спустя каких-нибудь тринадцать лет и этого царя, и его жену, и его прелестных дочерей расстреляли в подвале. Автомобильный король так же поступил со своими рабочими и при таких же обстоятельствах. Разумеется, он сделал это не собственными руками, как и бедный Ники; в обоих случаях преступление было совершено миллиардом долларов, — но, увы, не миллиард долларов расстреляли в подвале.

"Я — величие, я — сила, я — гордость, пышность и владычество, — говорил капитал Генри Форда, — я — династия, и она будет жить в веках, создавая историю, которая не будет "вздором": эта династия донесет имя Форда и славу Форда до миллиардов еще не рожденных людей. Но на свете есть злодеи, дьяволы в образе человеческом, которые замышляют отнять у меня эту славу. Они хотят, чтобы мир говорил не о Генри и Эдзеле, Генри II и Бенсоне, Джозефине Клей и Вильяме Форде, которые уже выросли и ждут своей доли славы,

но о личностях с такими именами, как Либкнехт и Роза Люксембург, Жорес и Блюм".

Генри отрекся от своего антисемитизма по чисто деловым соображениям; он был по-прежнему убежден, что великий заговор против его миллиарда долларов — это и есть тот самый еврейско-большевистский заговор, разоблаченный им в "Дирборн индепендент". Снова и снова во всех своих выступлениях в печати Генри утверждал, что движение за производственные профсоюзы есть не что иное, как коммунистический заговор, который тайно финансируют банковские круги, стремящиеся разорить Фордовскую автомобильную компанию и передать ее в руки Уолл-стрит. О том, что эти коммунистические лидеры и крупные банкиры были международными евреями, — говорить не приходилось. Человек, который был редактором "Дирборн индепендент" и писал антисемитские статьи, стал теперь доверенным секретарем Генри, главой рекламного отдела, и все сношения Генри с внешним миром проходили через него. Вильям Дж. Камерон ни на йоту не изменил своих взглядов, напротив, он был связан с антисемитскими агентствами во всем мире и поддерживал их связь с Генри.

83

— Что мне делать? — спрашивал автомобильный король, и миллиард долларов, наклонившись к нему, шептал ему на ухо, как Мефистофель Фаусту:

"Послушайте, мистер Форд, и вы увидите, что надо делать. Красные захватили в Италии заводы, но нашелся сильный человек, и теперь промышленники и торговцы чувствуют себя там в полной безопасности. Посмотрите

на Германию! В этой стране красные больше не призывают к захвату автомобильных заводов! Путь к спасению открыт; но действовать надо быстро, пока не поздно. Берите пример с нас; поручите нам обделать это дело!"

Миллиард долларов окружил своего пленника агентами наци и фашистскими шептунами. Они давно принялись за него, когда гитлеровское движение было еще молодо; они получили от него сорок тысяч долларов на перепечатку антисемитских брошюр в немецком переводе, и в анонсах имена Гитлера и Форда стояли рядом. Позже внук бывшего кайзера прибыл к Форду и поступил к нему на работу, и при его посредничестве нацистская партия получила триста тысяч долларов. Генри владел крупными заводами в Германии и радел о предотвращении стачек в этой стране отнюдь не из утопического идеализма.

И вот появился Фриц Кун, гитлеровский агент Номер первый в Америке, главарь милитаризированных отрядов Союза американских немцев. Он перенес свой штаб в Детройт и устроился у Генри в качестве химика. Началась новая антисемитская кампания, и на фордовском заводе так и кишели наци, мрачные, готовые на все люди, обладающие тем свойством Генри, которое создало его богатство, — если они чего-нибудь хотели, они не ждали, а немедленно предпринимали необходимые шаги. Теперь они делали свое дело во всех странах мира; они убили румынского премьера и австрийского канцлера, югославского короля и французского министра; они похитили и умертвили сотни своих политических противников в Центральной Европе и

даже во Франции. Теперь они нашептывали престарелому автомобильному королю:

"Вот что вам нужно, мистер Форд: чисто отечественное, стопроцентно американское движение, объединяющее всех — Ку-клукс-клан, Черный легион, Серебряные рубашки, Крестоносцев-белорубашечников, Американскую лигу свободы, Англосаксонскую федерацию, — все организации, поклявшиеся уничтожить красных и охранять в Америке интересы собственников; выгнать большевика из Белого дома и всех розовых профессоров с государственной службы; посадить всех иностранных агитаторов на каменные корабли со свинцовыми парусами и пустить их в открытое море; выстрелами отвечать на разговоры о коммунизме и на призывы к стачке.

Для этого нужно только одно, мистер Форд, — деньги; деньги на серебряные рубашки и черные капюшоны, деньги на сапоги, чтобы было в чем маршировать, и на флаги, чтобы было чем размахивать; на медные пуговицы, на револьверы, пулеметы, бронированные машины и газовые бомбы; на листовки, на антисемитские газеты, на фашистские клубы и фордовские радиопередачи. Всякий, у кого в наше время есть деньги, может заставить людей верить во что ему угодно; если вы дадите нам достаточно денег, мы создадим политическую партию и выберем одного из наших агентов в президенты Соединенных Штатов. Дайте нам один процент ваших капиталов, мистер Форд, и мы ручаемся за безопасность остальных девяноста девяти процентов в Америке!"

Генри слушал и находил, что это правильно. Ведь Генри каким был, таким и остался — сверхмехаником с умом упрямого фермера.

84

Теплым весенним вечером перед заходом солнца автомобильный король прогуливался по саду своей фермы и любовался своими птицами. Здесь он построил две тысячи птичьих домиков с электрическим отоплением и водопроводом. Сюда он выпустил триста восемьдесят пар английских певчих птиц и потом семьдесят пять пар куниц. Его интересовало, сколько из птиц остается зимовать в этих роскошных жилищах и сколько возвращается каждую весну. Он пересчитывал их, и эти подсчеты интересовали его не меньше, чем ежедневные сводки о продаже и выпуске его машин.

В это самое время Том Шатт поджидал свою жену в одном из тех рабочих кафе, где можно получить кофе с пончиками или даже яичницу с чем-нибудь и есть, поставив поднос на широкую ручку кресла. Том должен был выступать на митинге. Делл, которая при нем не показывала виду, но смертельно боялась за него, никогда не пускала его одного. Сейчас же после работы она встречалась с ним и уже не отходила от него.

— Я всегда могу поднять крик, — говорила она.

В семь часов появился камердинер Генри и напомнил ему, что пора одеваться. Автомобильный король, ворча, направился к дому, он терпеть не мог светских церемоний; за всем этим приходилось следить его жене. Но это был особый случай — званый обед в одном из тех старинных семейств, которые обладали в Детройте положением и состоянием еще в те времена,

когда Генри Форд был фермером-подростком, учившимся разбирать часовой, механизм. Теперь он стал во сто раз богаче их, но он все еще смотрел на них с тайным благоговением и уступил их просьбам показать им веселье старого времени, которое он старался возродить в Америке.

В это самое время Том и Делл доедали свой двадцатипятицентовой ужин, и Делл с нетерпением поджидала двух друзей, обещавших заехать за ними. Машина Тома была двухместной, и его жена всегда старалась, чтобы кто-нибудь сопровождал их на митинг в другой машине. Она избегала говорить об этом, чтобы не волновать своего мужа, но она постоянно вспоминала организатора, который был убит год назад, и того, которого застрелили недавно.

В половине восьмого Генри с женой сели в свой лимузин. К счастью, он купил завод "Линкольн" и таким образом для поездок имел комфортабельный автомобиль собственного производства. Шофер закутал им ноги пледом, они уселись поудобнее и покатали в фешенебельный район Гросс-Пойнт.

— Я насчитал семь коноплянок, — сказал Генри. — Интересно, не потомки ли это той пары, что свила гнездо над нашей дверью? Давно ли это было? Двадцать два года назад, — ох, как время летит! Интересно, сколько лет живут коноплянки? Я закольцую нескольких птенцов в этом году.

В это самое время Том с женой в сопровождении своих друзей приехали на место митинга, поставили машины и заперли их. Зал помещался во втором этаже над фуражной лавкой; прямо перед ней был уличный фонарь, и поэтому здесь почти никого не было. Со двора

в зал вела лестница, и там мужчины и женщины, закрыв лицо носовыми платками, гуськом подымались по ступеням и в темноте пробирались на свободные места. Почти все они были фордовские рабочие; в числе их были и те, которым шестнадцать лет назад Генри заявил, что они могут, если хотят, иметь профсоюзы.

85

Генри Форд гордился тем, что он никогда не опаздывает. Ровно в восемь часов он и его жена вышли из лимузина, остановившегося у ярко освещенного подъезда особняка; не такого роскошного, как особняки автомобильных и финансовых королей Детройта, но имеющего то преимущество, что ему было почти шестьдесят лет. Лакей в черной ливрее помог им раздеться и проводил в гостиную, старинная мебель которой радовала сердце коллекционера. Их приветствовали старики хозяева с сыном и невесткой — сдержанно и любезно. Фермерский сын был польщен.

В это время председатель митинга говорил, что в этом мире все свободы были завоеваны борьбой. Права, которыми пользуются сейчас американцы, принадлежат им потому, что были люди, готовые драться и умирать за них. То же будет и с правами рабочих; промышленный феодализм нельзя победить без борьбы, без героев, готовых жертвовать собой во имя общего дела.

В четверть девятого гостям подали коктейли; одни были приготовлены с бакарди, другие с томатным соком. Генри и его жена предпочли последний. Стол украшали самые разнообразные закуски: паштеты, намазанные на гренки, икра на ромбовидных ломтиках хлеба, анчоусы на черном хлебе, кусочки ветчины и крошечные сосиски

на деревянных палочках, — одним словом, столько всяких изысканных кушаний, что глаза разбегались. Закуска была острая и возбуждала аппетит.

Председатель представил собранию докладчика, бывшего фордовского рабочего, занесенного в черные списки. Председатель хотел добавить, что он к тому же и сын фордовского рабочего, но Том просил не упоминать об этом. Он сказал, что докладчик из рабочей семьи, что его отец и дед перенесли те же невзгоды, которым рабочие Детройта решили теперь положить конец.

В половине девятого шестнадцать гостей разместились в столовой, со стен которой портреты предков, писанные масляными красками, взирали на благородное изящество сервировки. Стол был накрыт тонкой скатертью, напоминающей кружева, сквозь нее просвечивало полированное красное дерево. По скатерти были разбросаны тепличные розы, на них падал мягкий свет от высоких свечей в серебряных подсвечниках. Старинный граненный от руки хрусталь и фамильное серебро с монограммами были расставлены и разложены в надлежащем порядке. Короче говоря, обед был сервирован согласно старинным традициям под наблюдением хозяйки, которая с детских лет знала, как это надо делать, и так вышколила своих слуг, что все происходило бесперебойно, как работа на усовершенствованных станках Генри.

Том Шатт сообщал своей невидимой аудитории элементарные сведения об условиях, в которые поставлен рабочий класс под властью капитала. Они противостоят гигантским капиталистическим объединениям — крупным заводчикам, — сказал Том, стараясь избегать ученых слов, к которым привык в

колледже. Действуя в одиночку, вразброд, рабочие беспомощны. Вследствие массовой безработицы заработная плата будет падать все ниже, пока уровень жизни американских рабочих не сравняется с уровнем жизни китайских кули; они будут выбиваться из сил, как рикши, и к сорока годам изнемогут и состарятся. Есть только один путь спасения от такой участи — объединиться и противопоставить монополии хозяев свое единство.

86

Перед хозяйкой, готовившейся к званому обеду, стояла своего рода проблема. Она знала, что ее именитый гость по происхождению простой американец, как и ее давно умерший дед. Она сомневалась, оценит ли он искусство ее повара, и была уверена, что он не знает, как произносятся французские названия блюд. Поскольку после обеда собирались танцевать старомодные американские танцы, то подавать следовало бы старомодные американские кушанья. Но как угощать такими кушаньями, чтобы это не показалось, как бы сказать... нарочитым? Она спросила своего почтенного дядюшку, что их предки ели вместо салата, и он ответил: "Ботву брюквы и запивали настойкой из брюквы". Но на это она не решилась и успокоила себя мыслью, что сливы авокадо растут во Флориде. Объяснять этого не пришлось, потому что мистер Форд, занимавший почетное место по правую руку хозяйки, кушая салат, рассказывал про своих английских птиц.

Том Шатт разъяснял своей невидимой аудитории, какой степени развития достиг крупный капитал. Автомобильная промышленность обладает такой

производственной мощностью, что способна выпускать вдвое больше автомобилей, чем может купить американский народ. Три крупнейших автомобильных промышленника так свирепо конкурируют между собой, что выжидают с производством новых машин до последней минуты, каждый опасается, как бы его шпионы не проморгали каких-нибудь новых усовершенствований у конкурентов, не позволили бы им обставить его. Таким образом, вся годовая работа проводится в два-три месяца; в это время рабочих нахлестывают, как лошадей на скачках, а затем их выбрасывают с завода, и они стоят в очередях за чашкой похлебки.

На второе подали суп из черепахи, и хозяйка могла предлагать его совершенно спокойно, потому что ее предки были с восточного побережья, и она была твердо уверена, что черепахи спокон веков имеют американское гражданство. Похвалы восхитительному вкусу этого блюда обежали весь стол, коснулись слуха ее знатного гостя и заставили его позабыть предостережения врача относительно званых обедов.

Том Шатт не видел никого из своих слушателей, но он слышал их, и они не замедлили дать ему знать о том, что они думают об его доводах. Могут ли они жить на заработную плату, получаемую в автомобильной промышленности? Могут они покупать промышленные и сельскохозяйственные товары? Они со всей решительностью ответили, что они этого не могут, и Том сказал им, что все их горести можно выразить простыми словами: при "новом курсе" прибыли возросли на пятьдесят процентов, а заработная плата только на десять. Таким образом, та самая причина, которая породила кризис, действует сейчас интенсивней, чем

когда бы то ни было, и скоро приведет их к новой катастрофе, если они не найдут способа повысить заработную плату за счет прибылей.

Следующим блюдом были перепела. Нет никакого сомнения, что у предков американцев они имелись в изобилии; хотя они и не могли подавать их в кастрюлечках из огнеупорного стекла и едва ли умели готовить такой замечательный грибной соус. Эти маленькие теплокровные создания, летающие быстро и далеко, нуждаются в развитых грудных мышцах, которые образуют лакомый кусок к обеду; но лучше не пытаться есть их в таком изысканном обществе, где приходится вытирать пальцы о салфетки, украшенные тонкой ручной вышивкой.

Том говорил о том, как добиться повышения заработной платы. "Политика тонкое искусство, — сказал он, — и на примере председателя суда Соединенных Штатов мы знаем, что судьи толкуют закон, как им хочется. Но рабочие, организованные в единый союз, будут такой силой, какую не сломить никакими юридическими ухищрениями. С такой промышленной империей, как фордовская, обладающей миллиардом долларов, может вступить в борьбу и победить только союз двухсот тысяч фордовских рабочих, выражающий демократическую волю его членов. Вот что им нужно, потому что в этом единственный выход для трудящихся из нищеты и отчаяния".

87

Когда подали мороженое, на долю хозяйки выпал шумный успех: порции представляли собой точную копию нового обтекаемого форда модели Виктори-8,

которая производила фурор по всей Америке и выпуск которой достиг миллиона. К мороженому подали печенье темного цвета, в точности воспроизведившее автомобильные колеса со спицами из тонких сахарных нитей, вставленными в ободок и втулку. Смех и остроты доставляли удовольствие великому промышленнику, который привык ко всяким "фордовским шуткам" и смотрел на них как на рекламу.

— Могут ли рабочие союзы, построенные по старому принципу, справиться с этим делом? — спрашивал Том Шатт. — Могут ли они выполнить эту задачу, если даже у них будут честные лидеры, защищающие интересы неквалифицированных или малоквалифицированных рабочих, занятых в массовом производстве? Они не могут ее выполнить, потому что самая основа их организации ошибочна. Старые союзы были созданы во времена мелких предприятий; держаться за них в наши дни все равно, что выехать на телеге, запряженной одной лошадью, на современную автомобильную магистраль. Представьте себе фордовские заводы с сотней различных профсоюзов, ведущих борьбу каждый за себя, дробящих Ривер-Руж на плотников, слесарей, водопроводчиков, стекольщиков и шоферов! Все эти рабочие теперь имеют одного хозяина, так пусть этот хозяин имеет дело с одним профсоюзом.

Лакеи, бесшумно ступая, точно обутое в бархат, принесли кофе в изящных фарфоровых чашечках, которые когда-то были привезены из Англии и хранились теперь как фамильные драгоценности; их мыли только под наблюдением мажордома отдельно от прочей посуды. Появление этих чашечек вызвало интересную беседу с мистером Фордом, который отлично разбирался в фарфоре, и он сказал, что охотно купил бы этот сервиз

для своего музея, если когда-нибудь леди решится расстаться с ним. Леди быстро сравнила стоимость этой фамильной драгоценности с могуществом фордовских банков и возможностью семейного союза с одним из внуков Форда; затем во внезапном порыве щедрости подарила гостю свое сокровище. Генри в порыве благодарности сообщил об этом своей жене, и так как та сидела на противоположном конце стола, то это тоже было своего рода рекламой, достойным реваншем за мороженое Виктори-8.

— Организуйтесь! — кричал Том Шатт, ударяя кулаком по столу с риском опрокинуть в темноте графин с водой. — Решайтесь требовать и добиваться своей доли продукции! Твердо помните: сегодняшняя Америка имеет возможность производить все в изобилии и всех обеспечить всем — пищей, одеждой, жилищем, здоровьем, образованием, отдыхом. У рабочих нет хороших жилищ, но их можно построить в короткий срок: в Америке нет причин, которые могли бы оправдать нищету тех, кто хочет работать. Требуйте свою долю! Требуйте и еще раз требуйте, пока наше справедливое требование не будет удовлетворено!

Было половина десятого, гости перешли в гостиную и, потягивая ликеры из узеньких рюмок, беседовали о состоянии рынка и о положении финансов. Миссис Форд рассказывала невестке хозяйки о своих английских птицах, жизнь которых эта молодая леди изучала в их природных условиях. Мистеру Форду показали старинный шератоновский стол, украшенный портретом какого-то английского аристократа. Генри любезно предложил прислать одного из своих экспертов, чтобы тот

определил дату изготовления стола и установил, кто изображен на портрете.

Митинг, на котором выступал Том, окончился, и так как дождь усилился, кое-кто побежал к машинам, а другие столпились в дверях. Несколько человек, во время митинга торчавших на улице, стали толкаться среди выходявших рабочих, всматриваться в их лица. Все знали, что это значит, и те, которые не хотели быть узnanными, накидывали на голову пальто и торопливо уходили, невзирая на дождь. Другие не обращали внимания на толчки, не стоило ввязываться в драку с молодчиками компании, которые всегда были вооружены и готовы к столкновению.

88

Гостей пригласили в танцевальный зал в верхнем этаже особняка, оклеенный кремовыми с золотом обоями; на высоких окнах висели тяжелые красные портьеры. По стенам стояли золоченые кресла в стиле Людовика XV; здесь уже сидели гости, приглашенные на танцы. На возвышении расположились музыканты — не джаз-банд, разумеется, а три скрипача, сморщенные, бородатые старички; из всех присутствующих только они одни были не во фраках. Они блаженно улыбались, обнаруживая при этом, что у одного был полный комплект зубов, у другого их сохранилось немного, у третьего же осталось только два — "но, слава богу, они кусают", — говорил он.

Том и Делл бросились под дождем к машинам, их друзья — за ними. Машины тронулись, но не успели они отъехать, как — трах-тах-тах, мотор заглох. Машина Тома "подвела", что бывает, когда приходится экономить и не

меняешь вовремя частей. Они остановились, Том выскочил и стал налаживать мотор с помощью одного из друзей — не слишком приятное занятие под проливным дождем. Но скоро они приедут домой и сбросят промокшую одежду. Молодые люди отпускали шуточки, а Делл с тревогой оглядывалась.

Музыканты ударили в смычки: "Индюк в соломе", веселый старинный мотив джиги, под который в торжественные случаи танцевали миллионы американских пионеров. При мысли об этих предках сердце учащенно билось, в воображении возникала вся ушедшая жизнь, великие дела, унаследованные традиции. Старый скрипач с самой длинной бородой и с полным комплектом зубов выкрикивал фигуры: "Марш! Пара за парой!" Пары построились и пошли вокруг зала, веселые, радостные и гордые сознанием, что они являются самыми важными людьми этой части света; дамы, холеные и упитанные, с белоснежными плечами, одетые в шелка и прозрачные яркие ткани; кавалеры, энергичные, ловкие и сейчас преисполненные галантности, кое-кто из самых молодых в белых костюмах, очень эффектных. Все выступали, улыбаясь друг другу и, проходя мимо эстрады, музыкантам. Очаровательное зрелище — да, эти старинные танцы были прелестным новшеством.

Том заменил сломавшуюся часть, и они уже сворачивали на широкую улицу; машина Тома впереди, за ней машина его друзей. Делл смотрела назад, не идет ли за ними еще машина, но дождь мешал ей. Они говорили о митинге, о настроении слушателей, о еженедельной газете, выпускаемой профсоюзом, которую бесплатно раздавали у входа. Много надо было

сделать и обо многом подумать; урожай обильный, а работников мало.

89

Было половина одиннадцатого, и гости танцевали лансье; шестнадцать пар, почти все присутствующие. Танцевали под мотив "Старикашки Зипа", три скрипача пиликали изо всех сил, а один из них распорядился, как бывало в глухой деревушке в дни его молодости, когда Сбор кукурузы или постройка хижины служили поводом для праздника. "Благодарите дам" — и кавалеры кланялись своим дамам. "Даме слева" — и кавалеры кланялись даме соседней пары. "Веревочку" — кавалер подает левую руку даме слева и кружит ее, потом берет правую руку своей дамы и двигается по кругу, — правая рука, левая рука — навстречу дамам. Многим фигуры этих старинных танцев были незнакомы, и все весело смеялись, поправляя друг друга.

Том и Делл доехали до места, где их друзьям надо было сворачивать. Те предложили проводить их до самого дома, но Том сказал не надо, все в порядке, тут недалеко; Том был в хорошем настроении, уверен в себе, и Делл не хотела расстраивать его вечными страхами. По-видимому, за ними никто не следит. "Ну, покойной ночи, очень удачный митинг, хорошую речь сказал, утром увидимся, до свидания", — кричали они друг другу из своих машин.

Старик скрипач разошелся вовсю, потрянул-старинной; нараспев объявлял фигуры и сыпал прибаутками: "Пара за парой по залу кружи, крепче подружку за талью держи!" — "Налево, направо кружи на носках, посеет петрушку на этих песках!" Все очень

веселились, входили в азарт и громко стучали ногами — недаром Генри говорил, что нельзя танцевать старинные танцы, не общаясь со многими людьми, сердце непременно восплает дружбой и чувством товарищества. Эти танцы — цивилизующая сила.

Том с женой свернули с широкой улицы и, выехав из одного города, приближались к окраине другого. Открытая местность, какие-то склады, железнодорожное полотно, его нужно переезжать осторожно в такую дождливую ночь. Том говорил о собрании комитета и разногласиях по вопросу о тактике; Делл слушала невнимательно, оглядывалась, стараясь разглядеть что-нибудь в залитое дождем заднее окно.

90

Наступила торжественная минута, которой гости ждали весь вечер, самое главное из обещанных удовольствий. Четыре избранные пары должны были танцевать кадрили; четыре пожилые, достойные и почетные пары покажут молодежи, что такое настоящий старинный танец. Кавалером миссис Форд был первый банкир Детройта, дамой Генри — жена банкира. Распорядитель был теперь само достоинство, дурачиться не время. "Две пары направо, две пары налево", — возгласил он; скрипки заиграли "Я девушку покинул". Генри, седой и худощавый, подал руку своей величественной даме и с торжественным видом, хотя и не без улыбки, повел ее. В сущности, это был менуэт, который в старину танцевали императоры и короли, но автомобильный король был американцем и поэтому танцевал его на американский лад.

Когда старик скрипач из мичиганских лесов выкрикнул "Променад!", словно для рифмы подали "лимонад" — приятный напиток, если хочется прохладиться.

За Томом и Деля мчалась машина. Тормоза скрипнули, и она круто повернула, едва не задев колесами машину Тома, так что ему пришлось податься к обочине. "Эй, что за черт?" У Делл так и упало сердце; она знала, что это то отвратительное и страшное, чего она все время с ужасом ждала. Они были беспомощны, безоружны — рабочие организаторы не носят при себе оружия, чтобы в случае ареста их не закатали на год или на два.

"Цепь дам", — крикнул распорядитель, и миссис Форд, в чудесном бледно-голубом шифоновом платье, подала правую руку даме слева, и они подошли к кавалерам визави, подали им левые руки, покружились и вернулись на свои места. Визави миссис Форд был ее возлюбленный супруг, и она улыбнулась ему, взяла его за руку и пожала ее. Лучший из мужчин и мудрейший — разве не он открыл это восхитительное развлечение и не научил ему это очаровательное общество. Такой уж у него был дар: источать добро.

Пятеро мужчин выпрыгнули из машин и кинулись к форду Шаттов. Том выскочил: он не сдастся без боя. Делл обещала кричать и так и сделала; чтобы крик ее был слышнее, она вылезла из машины, но один из молодчиков набросился на нее и сбил с ног. Когда он хотел зажать ей рот, она укусила его за руку; он перевернул ее и уткнул лицом в грязь, и она уже не могла кричать, а только хрипела и вскоре затихла. Том нанес несколько ударов своим противникам, но только

раззадорил их; один из них ударил его ногой в пах, и Том упал, и все четверо навалились на него.

"Променад! — крикнул распорядитель и затем: — Кавалеры, кружите своих дам!" Лицо Генри, обычно бледное, покраснелось от счастья и гордости. Его пышная, но элегантная дама в платье из зеленого шелка улыбалась ему, бриллиантовое сияние на ее корсаже слепило ему глаза, и он знал, что с его помощью создан этот величественный мир и что нет в этом мире никого, кто стоял бы выше его.

Двое молодчиков скрутили Тому руки за спину и надели наручники. Двое других вытащили из-под пальто резиновые дубинки и принялись избивать его не по голове, что оглушило бы его, а покрывая ударами каждый дюйм его тела, так что оно превратилось в сплошной кровоподтек.

"Меняйтесь местами!" — крикнул распорядитель. Две пары двинулись навстречу друг другу; затем кавалеры и дамы, скрестив руки, пошли обратно, обходя встречную пару справа, и затем кавалеры, все еще держа своих дам за руку, покружили их и поставили на место.

Бандиты работали на совесть. Они повернули Тома на бок и колотили его ногами по спине, стараясь отбить ему почки.

"Шассе круазе!" — крикнул распорядитель; старички всегда произносили "шассе" как "шаше". И затем: "В круг!" Танцующие двигались с легкой грацией, зная наизусть каждое движение.

Главный палач бил теперь свою жертву ногой в пах, так чтобы Том не был способен исполнять свои обязанности мужа.

"Кавалеры вокруг дам!" — крикнул распорядитель. Как очаровательно улыбались старые леди, кокетничали, вспоминая свою молодость.

— Хватит, — сказал главарь. Один из молодчиков нагнулся, снял наручники и спрятал их в карман. Они позвали пятого молодчика, который все еще держал Делл, придавив ей спину коленом и предусмотрительно повернув ее голову так, чтобы она не задохнулась.

"Все вперед и назад!" — крикнул распорядитель. Все засеменяли, делая легкие полушажки.

Пятеро молодчиков прыгнули в машину и умчались.

91

Кадриль окончилась, и хозяйка подошла к Генри, поблагодарить его. Гости окружили их. "Очаровательно, мистер Форд... Прелестный вечер... Мы вам так благодарны". Генри сиял; ибо это были люди значительные, их слово имело вес. Его крестовый поход удался. Люди смеялись над ним — много раз они смеялись над ним, но в конце концов им всегда приходилось признавать его правоту.

Делл Шатт беспомощно ползала в грязи; она стонала: "Том! Том!" Шум дождя заглушал ее голос. Она была охвачена таким ужасом, что не чувствовала боли. Они убили его? Или увезли с собой? "Том! Где ты?" Она снова потеряла сознание.

Генри и его жена прощались; он никогда не ложился поздно спать. Те, кто любит танцевать далеко за полночь, останутся; они включают радио и будут танцевать под джаз — победа Генри не была полной, но ему об этом не скажут. Гости подходили попрощаться с

ним и еще раз поблагодарить его. Он был могущественным человеком, и не мешало напомнить ему о себе. Он заключал крупные сделки, делал громадные вклады в банки, управлял судьбами империи. Кроме того, его жена была известна своей общественной деятельностью, и у женщин легче завоевать симпатию. "Очень рад был повидать вас — вы так прекрасно выглядите... Заглядывайте как-нибудь... Не забудьте, в пятницу... Вы восхитительно танцуете, миссис Форд".

Делл очнулась. В голове у нее звенело, зубы стучали, руки и ноги были как лед. Она опять поползла и хотела крикнуть: "Том!" Но голоса ее не было слышно, словно в горло набилась грязь, и она не могла избавиться от нее.

Супруги Форды одевались. "Ночи стоят холодные, — сказал хозяин, провожавший их до двери. — Не могу выразить, какое вы доставили нам удовольствие". Шофер открыл дверцу лимузина и закутал им колени теплыми пледами. Телохранитель, который ездил рядом с шофером, стоял по другую сторону автомобиля. Он делал только одно — был начеку; его револьвер торчал в расстегнутой кобуре, прикрытый для приличия полрой пальто. Позади был второй быстроходный автомобиль, в нем сидели два вооруженных телохранителя, глядя в разные стороны; они тоже делали только одно — были начеку. Последнее время бандиты сильно пошаливали и ни перед чем не останавливались.

Делл наткнулась на тело мужа, который все еще был без сознания. Она стала кричать и плакать, но вскоре поняла, что этим не поможешь. Тело его было холодное, но не такое холодное, как дождь и грязь. Он лежал навзничь, и рот его был открыт; она с трудом

повернула его на бок, опасаясь, что он наглотается воды и задохнется. Она увидела фонари на шоссе, и отчаяние придало ей силы; она поднялась на ноги и поплелась туда.

92

— Не будь таким циником, Генри, — говорила миссис Форд, в то время как их автомобиль мчался к дому.

— А какой смысл обманываться относительно людей? — спросил Генри. Всем им хочется что-нибудь продать.

— Я уверена, что большинство из тех, кого мы сейчас видели, не нуждаются в деньгах.

— И тем не менее все они хотят иметь еще больше денег и были бы рады получить их от меня или от тебя. И первый шаг к этому — знакомство с тобой.

— Такие мысли, дорогой, отравляют человеческие отношения:

— Когда я надевал праздничный костюм и шел в гости, я всегда преследовал какую-нибудь цель; полагаю, они поступают так же.

— Танцы были прелестны.

— Ничего. Но пари держу, что сейчас они танцуют фокстроты.

Шофер и телохранитель, находясь за стеклянной перегородкой, не могли слышать этого разговора. Они не спускали глаз с дороги. Проезжая мимо пустыря, они сквозь дождь увидели женщину, которая шла к дороге. Она пошатывалась и, когда они подъехали ближе, начала

махать рукой и побежала, словно хотела преградить им путь, им пришлось круто завернуть, чтобы объехать ее. Вторая машина, следовавшая по пятам, тоже завернула.

— Что с ней? — спросил шофер.

— Пьяная, наверное, — сказал телохранитель.

Лимузин мчался дальше. Шофер и телохранитель действовали по приказу, они никогда не останавливали машину. Они везли миллиард долларов, а такая сумма денег не может вызывать ни сочувствия, ни любопытства: ей хватает своих забот.

Генри и его жена ничего не заметили. Они отдыхали, откинувшись на спинку сиденья. Годы уж были не те.

— Ты имеешь право чувствовать себя счастливым, дорогой, — говорила жена. — Ты ведь столько сделал добра.

— В самом деле? — сказал автомобильный король. — Иногда я спрашиваю себя: а может ли вообще кто-нибудь делать добро? Если кто-нибудь знает, куда мы идем, то он знает гораздо больше меня.